S.T.A.L.K.E.R.
ЗОВ ПРИПЯТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предварительная версия сборника «Зов Припяти», составленного из рассказов-победителей третьего литературного конкурса по игре «S.T.A.L.K.E.R.». В печатной версии текст будет отредактирован, обложка тоже будет другая, но сами рассказы останутся прежними.

- Сборник рассказов
  -
  - Предисловие
    -
  - Екатерина Боровикова
    -
  - Алексей Соколов
    -
  - Владимир Лебедев, Анатолий Москаленко
    -
  - Данила Демидов
    -
  - Вячеслав Хватов
    -
  - Дмитрий Павлов
    -
  - Сергей Соколюк
    -
  - Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
    -
  - Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
    -
  - Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
    -
  - Сергей Смирнов
    -
  - Валерий Гундоров
    -
  - marsuser
    -
  - Ольга Никонова
    -
  - Алексей Силин
    -
  - Александр Тихонов

- Владислав Семеренко

- Виталий Тримайлов («PANZER»)

- Федор Вениславский

- Евгений Гущин

- Ольга Крамер

- Роман Куликов

Сборник рассказов «ЗОВ ПРИПЯТИ»

Этот файл составлен из рассказов-победителей, присланных на конкурс и находящихся в свободном доступе для скачивания. В печатной версии сборника рассказы будут отредактированы и исправлены. Здесь же все рассказы представлены «как есть», то есть в том виде, в каком были присланы на конкурс.

Собрал все рассказы в один файл 16.09.09 я, Сергей *ion* Калинцев

— администратор группы Печатный S.T.A.L.K.E.R.

— редактор сайта www. litstalker. ru

— член жюри третьего литературного конкурса по игре S.T.A.L.K.E.R.

Предисловие
МИР S.T.A.L.K.E.R.a

Два с половиной года прошло с тех пор, как в свет вышел «S.T.A.L.K.E.R. Shadow of Chernobyl». За это время разошлось около трех миллионов дисков, игра стала, без всяких скидок, культовой. Большинство компьютерных игр, даже проданных хорошим тиражом, забываются в течение нескольких месяцев — их место занимают другие, а потом еще и еще… Очень немногим удается задержаться в памяти людей и в хитах продаж. Выходит продолжение игры, следует новый всплеск интереса, который с той же неотвратимостью быстро сходит на нет. Но «S.T.A.L.K.E.R.» избежал этой судьбы — до сих пор активно действует многочисленные Интернет-сайты, поклонники игры генерируют и переизлучают информацию, вовлекая в свой круг все новых адептов.

В чем же причина? Зона отчуждения не так уж велика — это относительно небольшая территория вокруг атомной электростанции, состоящая из десятка локаций… Однако многим она кажется безграничной. Происходит это не из-за величины мира «S.T.A.L.K.E.R.», но из-за его глубины. В него можно погружаться, как в океан, находя все новые тайны, раскрывая секреты и нюансы взаимоотношений многочисленных обитателей Зоны, противостояния и взаимодействия действующих в ней сил. «S.T.A.L.K.E.R.» стал полноценным виртуальным универсумом наряду с мирами, к примеру, Толкиена, «Warhammera» или «Dungeons & Dragons». Казалось бы, в нем нет меланхоличной красоты толкиеновского Средиземья, глобальности и вселенского размаха иных сеттингов — зато есть реализм. Человеку, наделенному маломальским воображением, легко поверить в существование Зоны, представить себя в этой параллельной реальности, которая в чем-то является отражением нашей, а в чем-то так отличается от нее.

Не менее знаменитой в русскоязычном пространстве стала и серия романов, описывающих игровой мир.

В разное время многие известные фантасты приложили к ней руку — это и Виктор Ночкин, и Алексей Калугин с Романом Глушковым, Александр Зорич, Андрей Ливадный, Дмитрий Янковский, Вячеслав Шалыгин, Сергей Вольнов… Но чуть ли не большей популярностью, чем романы профессиональных авторов, пользуются сборники рассказов, написанных любителями игры. Сборник, который вы держите в руках — третий. Первый, «Тени

Чернобыля», был опубликован почти одновременно с игрой, второй, «Чистое небо», сопровождал выход одноименного аддона. Позже был объявлен очередной литературный конкурс, в котором участвовало около семисот работ. Были отобраны лучшие, результат — юбилейный, третий сборник, перед вами.

Говорят, компьютерные игры интерактивны, а книги — нет, ведь во время чтения человек лишь получает информацию и не способен вмешаться в предложенный автором сюжет, повлиять на поступки героев. «S.T.A.L.K.E.R.» интерактивен не только в игровом, но и в книжном своем воплощении, он не просто развлекает, он стимулирует воображение, поднимая читателя на творческое усилие — свидетельством тому эта книга.

Мир «S.T.A.L.K.E.R.a» перерос свои изначальные игровые рамки, теперь это еще и литературный мир, явление культуры. Культуры массовой в лучшем смысле этого слова, культуры интерактивной, к которой может приобщиться любой, став не только игроком и читателем, но и автором — творцом, внесшим в нее нечто свое, новое.

Екатерина Боровикова
ПОДРУГА

— Димочка, солнышко, дай ещё три коробочки патронов, ну, серебьких таких, с чёрной полоской. Кончились почти, а мне до Кордона добираться.

Мозгоед подавился пивом. Не столько из-за звонкого девчачьего голоса, сколько из-за самой фразы. Прокашлявшись и автоматически отметив тишину, установившуюся в Баре (женщина здесь встречается так же часто, как и кровосос в библиотеке), вытянул шею, чтобы лучше разглядеть такое чудо.

Маленькая, в явно перешитом по росту комбинезоне, крепенькая девчонка. На спине рюкзак болтается и винторез. И коса длинная рыжая. Бармен ласково улыбнулся (в Зоне бывает всякое, но такого никто никогда не видел) и ушёл в подсобку. Девчонка взяла поднос с тушёным мясом и красным вином, осторожно прошла между посетителями и уселась за дальний столик. Развернувшись лицом к выходу, она достала вилку из рюкзака и принялась за ужин. Абсолютно игнорируя взгляды, направленные на неё. Мозгоед не спеша осмотрелся.

Незнакомый сталкер поглядывал на мамзель с ненавистью. Все понятно — новичок, слегка сдвинутый на правилах Зоны. Не возвращаться назад той же дорогой, из Зоны нельзя выйти, Исполнитель Желаний существует. И до кучи «женщинам не место в Зоне». На большой земле такие товарищи любят повторять «женщина на дороге — обезьяна с гранатой». Ничего, через пару месяцев, если выживет, поймёт. Здесь, внутри Периметра, не может быть никаких правил, а тем более законов.

За стойкой вполоборота сидел Добряк, долговец. Он смотрел на сталкершу оценивающе. Как и остальные. Неудивительно, большинство мужиков в зале не видели женщину ой, как долго. И неважно, что девчонка не тянет на Мисс Вселенную. На «Мисс Зоны» вполне. Других кандидаток всё равно практически нет.

Конечно, женщины иногда появлялись. Две категории. Романтично настроенные дурёхи, мечтающие о настоящих, брутальных мужчинах, приключениях и всеобщем восхищении. Обычно дальше Кордона они не забирались, и хватало их на пару месяцев. Сидорович, торговец в предбаннике Зоны даже домик для таких «экстремалок» отремонтировал. Закупившись на последние деньги всем необходимым для выживания у старого жука, дамочки выпархивали на «большую дорогу». Отходя от

деревни максимум на километр, они либо попадали в первую «найденную» аномалию, либо в зубы к слепым псам. Те, кому везло, с плачем возвращались к «дяде Сидоровичу» зализывать раны. Тот гладил по голове, сетовал, что денег на проход назад нет, и предлагал заработать у него на билет домой. Забывая предупредить, что из Зоны нет выхода. Девочки сгорали быстро. Не всякий мужчина выдержит постоянное ощущение опасности, а если вспомнить отсутствие нормальной еды, воды и одежды? И косметики? Зато на Кордоне получился замечательный публичный дом с периодически сменяющимся составом. Правда, работал он нечасто. Надежда умирает последней, домой хотели все. И уходили. В гости к ангелам или чертям.

Ну и вторая категория. Феминистки, или маньячки, или мужебабы — непонятно, как их назвать можно. Они приходят в Зону, дабы доказать мужчинам, что женщина лучше. Стреляет лучше, в оружии лучше разбирается, хабара больше приносит, мутантов отстреливает активнее. Бандюки по сравнению с такими «лапочками» — ангелочки с крылышками. Самый жестокий человек — женщина, которая старается занять место мужчины в этой жизни. Ну, например — сталкер пустит врагу пулю в лоб, а «маньячка» отрежет ему уши, прострелит коленные чашечки и отдаст на съедение сноркам. Чтобы знали, помнили и боялись. А может, и не для этого — обычных женщин понять невозможно, а уж если дама с левой резьбой, то и контроллёр не разберётся, что у неё в голове происходит.

Но и такие агрессивные, холодные, часто достаточно опытные девушки в Зоне долго не живут. Здесь только Она решает, кому жить, кому умирать, а кому превратится в зомби. Женщин почему-то не жалует.

Пока Мозгоед размышлял, в Баре закончилась пауза. Как обычно, Толик всё пропустил. Не зря прозвали Мозгоедом. Способность отключится от окружающей реальности для того, чтобы помечтать или пофилософствовать не раз угрожала его жизни. Как он по Зоне до сих пор ходит, многие не могли понять. Прекратив размышлять о судьбе абстрактных сталкерш, он сосредоточил внимание на конкретной. Рядом с ее столиком пошатывался сильно нетрезвый новичок. Толик навострил уши. Какое-никакое, а развлечение. Пока сталкер собирался с мыслями, девчонка ждала, глядя снизу вверх с едва заметной насмешкой. Даже вилку отложила.

— Чё, Сидорович уже своих шлюх курьерами посылает, совсем дела плохи? — Сталкер, наконец, сформулировал вопрос.

— Во-первых, не стоит так неуважительно отзываться о

девушках, которые хоть немного тепла в этот мир приносят. А во-вторых, я не работаю в борделе. — Ровным голосом ответила рыжая барышня.

— Типа, сталкер? — Новичок заржал, как лошадь.

— Молодой человек, мне очень неудобно голову запрокидывать, вы такой высокий! Может, присядете и представитесь? Меня Лида зовут. — Ясно было, что имя названо для всей честной компании — за происходящим следил не только Толик. Хоть остальные и делали вид, что незнакомка интересует не больше, чем тарелки с едой.

— Артём. — Представился новичок после паузы и плюхнулся на стул.

— По поводу последнего вопроса. Да, можно сказать, что я сталкер. Вернее, сталкерша, если быть точной.

Слегка смущённый вежливым обращением, Артём всё же решил не сдаваться.

— Не верю я в сталкеров, которые в оружии не разбираются. «Серенькая коробочка с чёрной полоской»! — Новичок опять заржал. Рыжая (Толик уже про себя называл её только так) спокойно дожидалась окончания приступа смеха, потягивая вино из бокала. — Может, все же к Сидоровичу на постой? Пользы больше принесёшь, да и живой подольше останешься! — Пьяный смех уже начал слегка раздражать. Хотя компании наёмников шутка пришлась по нраву — они одобрительно зашумели.

— Артём, а вы думаете, если я буду знать названия всех винтовок, патронов к ним, их характеристик, то стану точнее стрелять? Какой ствол лучше, а какой хуже, можно определить опытным путём. Я женщина, а не оружейник. Зато очень подробно могу рассказать о негативном влиянии на организм человека радиации, местной пищи и не смертельных на первый взгляд аномалий. Более достойная внимания информация, вам не кажется?

— Да что ему может казаться, он ещё ни одного артефакта не притащил. Как приехал от Кордона с долговцами на грузовике, так и не выходит. Всё выброса дожидается, а уж после он покажет высший класс! — Бармен как всегда двигался бесшумно. Никто и не заметил его появление.

Новичок покраснел и вскочил. В этот момент он был сильно похож на нахохлившегося петуха — еще чуть-чуть, и возмущённо закукарекает.

— Сиди уж, Артёмка. — Бармен хлопнул его по плечу. Вроде и не сильно, но сталкер с тихим оханьем забыл о воинственном настроении. И как-то сразу стал незаметным.

— Рыжая, (надо же, угадал!) ты здесь пересидишь выброс,

или к Воронину забежишь поздороваться?

— Да нет, у меня смутное ощущение, что не успею. Пойду в подсобку, может, порядок наведу. Если не дашь полы вымыть, рискну и побегу ночевать к долговцам. У них устав, они чистоту уважают.

Бармен добродушно, с удовольствием рассмеялся. Лида бросила взгляд на Мозгоеда и неожиданно подмигнула. Одним движением подхватила свои вещички и упорхнула в комнату за барной стойкой. Толику неожиданно стало легко на душе. Рыжая не была похожа на встречавшихся здесь женщин. Ни на мужебаб, ни на глупышек с Кордона. Жизнерадостная, простая девушка — отпечатка Зоны нет ни в глазах, ни в характере. Словно только вчера ещё дома, на большой земле, пироги пекла.

Едва Лида скрылась за дверью, посетители устроили Бармену допрос с пристрастием: кто, откуда, куда, зачем? Ответить тот не успел — Выброс решил попробовать стены на прочность. «В самом деле, до базы Долга не успела бы добежать». — Мозгоед отметил для себя еще одну странность. Нет, многие, конечно, чувствовали приближение Выброса. С точностью до дня. Доктор без помощи приборов определял с погрешностью плюс-минус час. А тут счет шел на минуты… Опять отвлекся — Бармен уже рассказывал, что знал.

«…Да, по Зоне ходит давно. Правда, появляется недель на пять-шесть, потом месяца три ни слуху, ни духу. Не знаю, может на болоте живет, не спрашивал…

… Да, хабар всегда приносит отличный, не только артефакты, но и части тел монстряков редких, и раритеты типа газет восемьдесят шестого. Патронов покупает мало — непонятно, как по Зоне перемещается, не стреляя практически. Хотя, может, где схрон с боеприпасами есть…

…Нет, не сплю я с ней, идите лесом! Помогла как-то сильно, поэтому люблю и уважаю. После Выброса шла огромная волна мутантов. А сразу за ней бандиты попёрли. Туго нам тогда пришлось. Лидка наравне со всеми отстреливалась, а потом стала на своем горбу раненых в Бар стаскивать. Без разбору. Как санитарка в Великую Отечественную, пули свистят, а она тащит! И как сил только хватило! Потом несколько дней перевязки делала, поддерживала, как могла, пока Доктор не появился — говорит, передали мне, что здесь произошло, пришел помочь. Рыжая в глаза ему посмотрела, кивнула и минут через двадцать ушла по-английски. Воронин долго потом разыскивал её по Зоне — отблагодарить хотел за помощь. Но Лидок только через полгода объявилась…»

Больше ничего интересного Бармен не знал. Постепенно за столами темы для разговора сменились. Кто-то вообще захрапел, уперевшись щекой в столешницу. А у Мозгоеда из головы не шла эта история. Подозрительной казалась периодичность появления и исчезновения сталкерши. В Зоне ты либо есть, либо нет. Конечно, можно ПДА отключить, но Толика терзали смутные сомнения — очень уж хотелось думать, что появился человек, который ходит туда-сюда сквозь Периметр. Да и чистенькая слишком мамзель для здешней жизни — волосы блестят, глаза горят, да и на коже Зона должна была отпечаток оставить. Ни бледности, ни землистого оттенка, ни въевшейся в поры грязи. А значит, и у него есть шанс вернуться. Осталось выяснить, сколько длится её нынешнее появление. Если около месяца, значит, собирается за периметр.

Лида закрыла дверь и облегчённо вздохнула. Опять голос прорезался не совсем вовремя. Говорила бы шёпотом, никто б её в табачном дыму не заметил. Очень уж Лида не любила подобные ситуации, когда нужно кому-то что-то объяснять, ставить на место зарвавшихся «доставал». Да так, чтобы не вызвать в ответ еще большую агрессию. Все-таки у мужчин здесь с психикой не очень — могут и пулю в голову за невинную фразу отправить, и по кругу пустить, если настроение есть. И непонятно, что страшнее. А если показать, что боишься, или наоборот, совсем не боишься, может быть ещё хуже. Правда, напрямую с таким Лида не сталкивалась, но со страшилками о коварстве мужчин «обесчестят, ограбят, убьют», вбитыми мамой с самого детства, так просто не справиться. И даже личная статистика не помогала. На двадцать нормальных, доброжелательных, в чем-то даже снисходительных мужчин обычно встречался один такой «Артём». Да неважно. Выброс все равно нужно было где-то переждать. Пару часов отдыха, и на Кордон. А потом домой, наконец-то! Раньше, чем планировалось, на целую неделю! Олежек давно соскучился, да и надоела Зона хуже горькой редьки.

Выброс был не очень мощный. Аномалии остались на своих местах, только на Свалке одну кучу мусора как корова языком слизала, а вместо неё образовалась огромная, метров на триста, электра. Артефакты Лида искать в ней не собиралась, хотя на парочку, судя по всему, можно было рассчитывать — норму свою в нынешнюю ходку выполнила сполна, а рисковать жизнью лишний раз не было желания. К тому же хотелось добраться до блокпоста к обеду — ночью её способ прохождения сквозь патрули не работал.

Не получилось. Возле кладбища старой техники трое наёмников, что сидели в баре и явно симпатизировали козлу, который к ней цеплялся, решили помочь девушке и избавить от необходимости таскать в рюкзаке тяжести. Самой большой тяжестью, естественно, были деньги. Лида шла налегке, продав всю добычу Бармену. Следили, значит. Пришлось загнать страх глубоко в подсознание. Стреляла Лида и в самом деле неплохо. Если руки не тряслись.

Спрятавшись за ржавым автобусом, девушка успела кокнуть одного. С одной пули. Плечо заныло. Отдача это вам не хухры-мухры, знаете ли, особенно для слабой женщины. Оставшиеся в живых стали с земли крыть матом её, её способность стрелять, и заодно всех баб вселенной за врождённый идиотизм. Лида не слушала призывы отдать рюкзак и обещания оставить её в живых — осечка выпустила страх из подсознания, куда он был благополучно запрятан, и дрожащие руки не давали сменить обойму. Внезапно раздалось два тихих хлопка, и причитания смолкли.

Молодой парень, который сидел в Баре за соседним столиком, появился, как рыцарь на белом коне. Только пешком, без шлема и вместо копья автомат наперевес. Лида облегченно вздохнула. А тот приближался, сияя, как тульский самовар и не глядя под ноги. Вот и вляпался. В самый краешек аномалии, но ему хватило.

— Я, конечно, все понимаю. Но чтобы не заметить электру, нужен особый талант. Ладно бы, воронка, её не видно практически! — Лида возмущалась уже минут десять, не забывая обрабатывать ожоги и электрометки теперь уже не спасителя, а пострадавшего. Толик блаженно улыбался. Рыжая периодически косилась на его радостную физиономию и переживала — а не нарвалась ли на сумасшедшего? Таких чудиков в Зоне тоже бродит немало. Даже обезболивающее не делает лицо человека таким глупо-счастливым.

— У тебя что, детектор нерабочий? Отвечай, не то противошоковое вколю, хватит молчать! — Лида продолжала пытать Мозгоеда.

— Детектор работает, я просто задумался. — О чем, Толик, естественно не собирался рассказывать. Он шел за девчонкой от самого Бара, раздумывал, как присоединится к ней и узнать про выход, а тут такая удача! Спас бедную девушку от бандитов, как герой боевика, а значит, заслужил доверие и совместный поход до Сидоровича. Ну и расслабился на радостях. Зона такого не прощает.

— Нет слов, одни мысли, и те разбегаются. И часто ты так «тормозишь»? — Лида, услышав ответ, даже перестала делать перевязку. Толик не ответил, только засопел.

— Тебе сколько лет, сталкер? Двадцать хоть исполнилось?

— Двадцать два. Служил, был рейд. Все погибли, я один остался. Так и брожу уже три года. Домой хочу.

Лида промолчала и занялась ранами Толика. Тот замер. Она не стала возмущаться глупым мечтам, не сказала, что выхода нет. А значит, его догадка была верной. Просто девушка не хочет делиться своим секретом. Ну да ничего, сама же говорила — нужно отлежаться пару часов, а ночью в Зоне опасно. Куковать им в депо долго, до рассвета, успеет выяснить всё необходимое. Главное, чтобы ни монстры, ни бандиты не забежали на огонёк. Да и сталкеров тоже особо видеть не хотелось — могут помешать.

Сглазил. Часов в девять вечера к ним присоединились четверо. Матерый Шерхан (Мозгоед его неплохо знал), и трое новичков. Шерхан провожал их до базы свободовцев, а по совместительству являлся эдаким экскурсоводом. Потрепать языком он всегда любил, а тут новые уши. Баек, легенд и анекдотов Шерхан знал огромное количество. Новички внимали, затаив дыхание. Толик и Лида слушали тоже. А куда денешься, если вокруг ночь и монстры бродят?

«… Выхода нет. Вокруг Зоны плотное кольцо военных, омоновцев, экологов, биологов, ещё чёрт знает кого. Года три назад было просто — взял кусачки, разрезал проволоку, и ты свободен. Или дождался, пока патруль мимо пройдет — и вперед. А сейчас американосы взялись всерьез, денег отвалили немеряно. Всю территорию окружили бетонным забором. Хотя забором назвать данное сооружение язык не поворачивается. Почти китайская стена — три метра толщиной и четыре метра в высоту. И под землю уходит метра на два, подкоп не сделаешь. Без швов по всей длине. Через каждые семнадцать километров — блокпост. И не как раньше — несколько вояк со слабым обмундированием. Денег вбухано о-го-го! Срочников нет. Зато есть спецназ. Военный врач, два медбрата, двое-трое ученых разной специализации. Оборудование и оружие по последнему слову техники. Причем попасть в Зону довольно легко — кому дать взятку, найти можно. И проведут, и платочком белым вслед помашут. А назад — хрен выпустят. Даже за очень большие деньги. Да и не подпустят к заграждениям — сразу стреляют. Зачем пускают? Это же бизнес, салага. Сталкер долго не живет, состав сборщиков артефактов обновлять нужно. У торговцев есть связь с большой землей, но и они отсюда не выберутся никогда…

… А мужик ему и говорит — ну ладно кровососы, ну зомби еще, куда ни шло. Но нас-то, контролёров, чего боятся?…

…Увидеть её можно только издалека. Красивая, молодая девушка в белом платье. Длинные светлые волосы, а в них цветок розохвата вплетён. Одна не ходит, обычно в окружении слепых псов. Где прошла — новая аномалия появляется. Увидеть её можно нечасто и только перед выбросом. Кто, откуда — никто не знает. Может, редкий вид контроллёра. Или привидение — в Зоне чего только нет…

…Меченый добрался до Исполнителя. Результат увидели все — Зона исчезла. Три дня и три ночи творилось незнамо что, а потом появились военные, учёные, повалил прочий люд — аномалии исчезли, монстры куда-то подевались, но артефакты никуда не делись! Меченый ходил счастливый, рассказывал всем подряд про О-сознание какое-то, но его особо не слушали — не до того было. А потом его втихую прирезали. Видно, кто-то расстроился, что его не спросив, „осчастливили“. Не все мечтали избавиться от Зоны. Несколько недель на бывшей территории отчуждения шла настоящая война. Паника — это слишком мягкое слово для описания тех дней. Крови пролилось больше, чем за шесть лет существования Зоны. Ну и случилось то, что случилось. Вернулась она. В один миг. Выброс был жестокий. Хорошо хоть, территорию ту же накрыло. Власти отошли от очередного шока довольно быстро — привыкли уже к сюрпризам данного клочка планеты. И построили этот клятый забор. Зато с тех пор выжигателей нет, проход в Припять и к ЧАЭС свободный, только там радиация до сих пор зашкаливает, ни один костюм не справляется, даже увешанный артефактами. Поэтому особо никто туда не рвется. Но зомби по-прежнему откуда-то берутся, видно, не только в выжигателях тогда дело было…

… Музыкальная пауза. Девушка, передайте гитару, спою оду вашим прекрасным глазам…»

Толик проснулся первым. Шерхан и лопоухий новичок, дежурившие под утро, тихо переговаривались у потухшего костра. Лиды не было.

— Где она? Мозгоед вскочил, не обращая внимания на боль.

— Подружка твоя? Ушла перед самым рассветом, просила передать тебе привет. — Шерхан смотрел с интересом на метания Мозгоеда. А ты чего бесишься? По Зоне без бабы пройти не сможешь? Или стащила у тебя чего?

— Нет, просто договаривались вместе до Кордона топать. Не люблю, когда планы меняются на ходу.

«Бросила меня одного, раненого! Человека, который ей жизнь

спас! А с виду серьезная, я слюни, как идиот, распустил — домашняя, жизнерадостная, тьфу! Где её теперь искать? Или эта падла просекла, что мне от неё надо, и решила свалить по-тихому? Вот не везёт, так не везёт». — Толик ещё долго переживал, возмущался, но в силу природного добродушия и фатализма, который вырабатывается у всех жителей Зоны рано или поздно, смирился. Сталкеры помогли добраться до заставы Долга, а уж до Бара Мозгоед добрел сам.

Лида сидела на холме и курила. Расположившиеся вокруг слепые псы совершенно не обращали на девушку внимания. Только изредка одна из них принюхивалась, и недовольно рыкнув, отворачивалась. Собеседница расположилась рядом, совершенно не заботясь о чистоте белого платья.

— Неужели тебе так сложно было отпустить этого парня? — Лида затушила окурок о землю.

— Как ты не понимаешь. Он не хочет вернуться. Никто из них не хочет. Вынести блокпост, собравшись командой хотя бы в десять человек, реально — были прецеденты. Они любят эту землю, постоянное чувство опасности, близкое дыхание смерти каждую минуту. Три года назад я решила сделать им подарок. Зона исчезла. И что из этого вышло? Я думала, взорвусь от того потока мольбы, который на меня обрушился. Люди хотели все вернуть. Они мечтают о доме, но больше по привычке. Так надо по законам жанра — хотеть отсюда вырваться. Ненавидеть всё, что нападает, стреляет, убивает, загрызает, зомбирует, отравляет радиацией. Так ненавидят и презирают стерву, и при этом тратят последние деньги, бросают семью, детей, создают себе проблемы на работе, разрушают сами себя и своих близких, только бы быть с ней рядом. Существовать без неё невозможно, а с ней невыносимо. Это очень серьезный наркотик — попробовав хоть один раз, вся остальная жизнь будет казаться пресной. Даже если эта стерва к тебе не слишком благосклонна.

— Ну а Толик? Почему бросить его заставила? Если ты ассоциируешь себя с роковой женщиной — познакомься со своими почитателями, пусть знают, кто их так «одарил».

— Ты что, подруга? — Блондинка от возмущения даже стала немного прозрачной. — Может, мне устроить пресс-конференцию? «Дорогие сталкеры, позвольте представиться — Зона. Все ваши истинно мужские версии о заговоре властей, о жестоких опытах инопланетян, о физико-химической причине появления данной территории ничем не обоснованы. Шерше ля фам, как говорят французы». Да в течение недели здесь не останется ни одного человека! В Зоне женщинам не место,

слышала когда-нибудь? И тут оказывается, что Зона появилась благодаря смерти одной-единственной дамочки. Не поверят, а когда поверят, не простят. Я не могу отобрать у тех, кто мне дорог, любимую игрушку. Пускай ловят злодеев, которые все это устроили. Пускай монолитовцы молятся своему идолу, а не мне. Я не тщеславна. Достаточно того, что я вижу в душах сталкеров восхищение. Пусть даже они не догадываются, кем восхищаются.

— Я бы не назвала твоё нынешнее состояние смертью. Ты живая. Ты дышишь, любишь, ненавидишь. Даже ходишь по земле иногда. Каждое дерево здесь, каждая аномалия — ты. В тебе столько эмоций, что в одном человеке даже не поместятся!

— Не знаю, Лида. Иногда мне кажется, что я умерла. А иногда — лучше бы я и не жила никогда. — Девушка в белом платье до дрожи становилась реальной, когда в глазах появлялась тоска.

Две женщины замолчали. Только псы периодически нарушали тишину фырканьем.

— Кстати, почему женщины здесь долго не задерживаются? А я мало того, что жива, так ещё и домой могу вернуться в любой момент, и беседы с тобой веду как равная? — неожиданно спросила Лида.

— Насчёт равности ты переборщила, подруга. — Блондинка фыркнула.

— Ответь лучше на вопрос.

— Не люблю конкуренток. Это моя территория. А вот ты мне явно не соперница. Твоя жизнь там, за забором. Пришла и ушла. Была — и нет тебя! Да и скучно мне здесь. «Поклонники» не догадываются о моем существовании, а если узнают, будут пытаться уничтожить. В курсе только Доктор. Я же не могу с ним потрещать, как с подружкой? Ну и забор этот мерзкий полностью меня от окружающего мира огородил — а ты новости сообщаешь, просьбы мелкие выполняешь. Поэтому и выпускаю. Кстати, принеси мне в следующий раз кроликов — хочется чего-то пушистого, доброго — надоели монстры.

— Ну да, конечно, ты в последний раз черенок розы попросила — мол, цветы прекрасны и радуют глаз. И что? Двух месяцев не прошло, как розочки под воздействием аномалий и радиации научились стрелять отравленными шипами в людей и животных с расстояния почти в десять метров! Хотя цветы, и в самом деле, красивые. Жалко, ядовитые. — Лида с плохо скрываемым восхищением посмотрела на бутон розохвата в волосах собеседницы. Он был размером с большой грейпфрут, лимонного цвета. А по краям лепестков ярко-бирюзовая полоска.

— У розы изначальная суть агрессивная. Шипы просто

немного усовершенствовались. У нормальных цветов они тоже колоть любят. А кролики милые, травку жуют и оплодотворением занимаются. Думаю, благодаря их плодовитости выживут и среди огромного количества хищников.

— Ага, и усовершенствуется суть вместе с внешним видом. Будут кролики размером с телёнка прыгать по Зоне, жевать травку и оплодотворять друг друга, монстров и сталкеров. Лучше не рисковать. — Пробурчала Лида.

— Не выпущу отсюда, пока не пообещаешь.

— Я в последний раз, предупреждала ведь! Как их, по почте прислать? Перестань угрожать, это в первый раз я тебя испугалась до икоты. Чего-чего, а подлости в тебе не заметила. Жестокость и глупость да, это есть.

— Не зарывайся, подруга. Ты просто пообещай. Вдруг вернешься? Хотя вряд ли… — Последнюю фразу Душа Зоны прошептала еле слышно. — Ладно, держи артефакт. Не забывай, у тебя ровно три часа двадцать минут.

— Лида встала и отряхнула налипшие листья с пятой точки.

— Ну, прощай, подруга. Спасибо за всё. Если б не ты, никогда не смогла бы собрать денег на операцию Олегу. И остался бы мой муж на всю жизнь парализованным. А сейчас он практически здоров, пять лет неподвижности забыты, как страшный сон, и последняя ходка принесла мне достаточно денег, чтобы он смог начать свое дело. Теперь мы заживем! — Лида не сдержала эмоции и чмокнула в теплую, упругую щеку блондинку. По ощущениям обычная живая женщина. Та подняла на Лиду глаза, в которых плескалась неожиданная боль, и тихо попросила:

— Побудь ещё немного. У меня впереди столько лет одиночества.

Лида мыслями была уже там, дома, в маленькой квартирке, обнимала любимого, самого главного человека на земле. Но сердце защемило от жалости к этому страшному и жестокому, но в то же время такому несчастному созданию. Она снова села на землю.

— Кто знает, может, у Олега ничего не получится с бизнесом? И тогда мы вместе с ним придём к тебе в гости, за хабаром. А может, тебе просто не стоит так категорично относиться к девушкам, которые приходят сюда? Возможно, с кем-то тебе будет так же интересно, как и со мной.

— Так, всё. Иди. Разнюнилась я, это ты на меня так негативно действуешь. Очеловечиваешь одним своим присутствием.

— Женщине нужна другая женщина, хотя бы для споров и держания себя в тонусе. Так что не обманывайся — ты всё ещё человек, хоть и трудно в это поверить. — Лида улыбнулась, но

девушка в белом платье растворилась в воздухе, как всегда, не попрощавшись. Слепые псы поднялись и убежали по собачьим делам. Только одна задержалась, ткнулась слепой мордой в руку Рыжей и рванула догонять своих собратьев.

Лида не спеша двинулась к блокпосту. Мысленно прощалась с Зоной, не только как с непредсказуемой девицей, но и как с территорией, можно сказать, с целой страной.

И с монстрами, которые чаще всего не трогали её. Не из-за защиты Хозяйки, нет. Та вообще предпочитала не вмешиваться в приключения сталкерши. Просто в Лиде не было агрессии. Однажды поговорив с Доктором, она поняла, как нужно здесь себя вести. В конце концов, для любого снорка вкуснее и приятнее добыча в виде кабана или плоти. Они не стреляют, и мяса в них больше. С особо обнаглевшими и тупыми особями она разбиралась без жалости. А потом старалась унять дрожащие коленки.

И с аномалиями, которые для Лиды были практически безопасны. Почему-то в Зоне пресловутая женская интуиция работала очень активно. Чаще всего Лида начинала обходить подозрительные места ещё до того, как опомнившийся детектор начинал пищать.

И с Доктором, который любит Зону. Он прекрасно знает о её настоящем облике, и жалеет, как непутёвую дочку. Благодаря ему Рыжая и познакомилась с девушкой в белом платье.

И с жителями этой удивительной страны. Где ещё можно встретить настолько прозрачных людей? Подлость или благородство, доброта или злоба, наивность или цинизм, жестокость или мягкость — в цивилизованном обществе, там, за бетонным забором, истинные черты характера скрываются маской. Входя в Зону, ты снимаешь маску в первые же часы.

Лида осторожно шла, не забывая контролировать окружающую обстановку. Две недели дома — и приглушатся рефлексы, исчезнет желание в толпе хвататься за пистолет, через пару месяцев перестанут мучить кошмары. У женщин лабильная психика, они прекрасно справляются со сменой обстановки. Только немного было жаль Зону — ещё долго придётся тосковать по их пикировкам, чисто женскому трепу, глупому и на первый взгляд бессмысленному хохоту. Как бы блондинка не хорохорилась. Лет через сто, возможно, от человека в Зоне ничего не останется. Но пока слишком свежа память. Лида надеялась, что её странная и страшная подруга не устроит от тоски кровавую баню.

Метров через пятьсот её заметят и начнут стрелять.

Следовало подготовиться к переходу. Лида полностью разделась, стараясь не думать о радиации, сняла все резинки с волос. Артефакт и нож бросила рядом с собой. Остальные вещи аккуратно сложила в рюкзак. Деньги туго свернула и упаковала в заранее припасённый презерватив. У женщин свои секреты, как можно в теле спрятать что-то небольшое. Неприятно, конечно, но Лида делала ради мужа вещи и похуже. Самый яркий пример — Зона. Налетел ветер, и девушка поёжилась. По коже поползли мурашки — на этом кусочке суши никогда не было жарко. Артефакт, похожий на тёмно-коричневую баранку, взяла в левую руку, нож в правую и, закусив губу, царапнула кожу на запястье. Проступило несколько капель крови, которые Лида размазала по «баранке». В тот же момент Рыжая исчезла. Нож словно сам по себе висел в воздухе, затем он решил запрыгнуть в рюкзак, а рюкзак в свою очередь стал судорожно запихиваться под нагромождение камней. Следующие три часа с копейками Лиду не могли увидеть люди, определить детекторы движения и тепловизоры, не могли унюхать собаки.

Вообще, артефакт был замечательный, хоть и одноразовый. Где его можно найти, Лида не имела ни малейшего представления. Обычно Зона одаривала её «баранкой» на выходе. Только один раз Лида захотела удовлетворить своё любопытство, и девушка в белом платье, хихикая, объяснила, что это подарок кровососа. Поскольку «баранка» не была похожа ни на одну часть тела монстра, Лида решила не уточнять. В неё закрались смутные подозрения, которые вызывала форма артефакта. Лучше не знать, что тебе придется нести в руках больше трёх часов.

Теперь девушка торопилась. Ещё не хватало стать видимой в окружении военных. Возможно, заметив в паре метров от себя голую женщину с окаменевшими экскрементами в руке, люди оцепенеют. Но всё же, больше шансов оказаться изрешеченной пулями. Здесь быстро вырабатывается рефлекс расстреливать всё непонятное.

Всякий раз, возвращаясь таким способом домой, Лида боялась жутко. Поэтому сквозь блокпост проносилась со скоростью ветра. И неслась дальше, до уже обычного леса, где был ещё один схрон — с гражданской одеждой, влажными салфетками, дамской сумочкой и косметикой. Из леса выходила совсем другая личность, в которой никто и никогда не разглядит сталкершу. С глуповатой улыбкой на лице и светящимися глазами. Как хорошо, когда вокруг тебя нормальные, обычные люди!

В ближайшей деревне Лида зашла к абсолютно

нелюбопытной бабусе, у которой всегда оставляла машину, и направилась домой. К мужу, ради которого она столько раз рисковала жизнью. А как иначе? Пять лет он был беспомощным, ей приходилось содержать семью, поддерживать в нём волю к жизни. Теперь у них есть деньги, и она сможет, наконец, заняться тем, что получалось лучше всего — хранить очаг, дарить тепло. А мамонта домой будет приносить Олег.

Лида сидела в машине и размазывала слёзы по щекам. На шестом этаже в кровати лежало два трупа. Если бы она никогда не бывала в Зоне! Если бы застукала голубков спустя месяц после возвращения! Она бы поступила, как нормальный человек — оттаскала бы соперницу за волосы и вышвырнула из квартиры, а мужу устроила бы смачный скандал с битьём посуды. Но случилось то, что случилось. Вместо выдранных волос свёрнутая шея, а из посуды в первую очередь подвернулся нож, который сейчас торчал из груди мёртвого, но всё ещё любимого предателя.

Нет, каково, а? Двух месяцев не прошло после операции, от жены никаких известий, возможно, она вообще мертва, а он привел девицу и уложил её в семейную постель! Постепенно рыдания становились всё тише, а в душе поднималась злость, которая в свою очередь, помогла начать здраво мыслить.

Здесь, на большой земле, Лиду больше ничего не держало. В тюрьму не хотелось. Было только одно место, где Лиду могут ждать. Зона обрадуется. Хотя, может быть, если поймёт, что Лида собирается остаться навсегда, переведёт её в категорию соперниц и уничтожит. Но такой расклад вполне устраивал Лиду — жить больше не хотелось. Незачем.

За проход пришлось отдать почти все деньги, которые были заработаны в прошлый раз. За пронос кроликов потребовали заплатить, как за проход людей. Так что обычная сумма увеличилась в три раза.

У камней, под которыми был тайник, нарезала круги стая слепых псов. Лида притормозила, не столько из-за себя, сколько из-за ушастых. Но потом на одном из валунов заметила девушку в белом платье и двинулась дальше.

Зона молча смотрела на Лиду. Слова были не нужны. Едва Рыжая появилась на территории, девушка в белом платье «считала» её мысли. Лида, не поздоровавшись, поставила переноску на землю и открыла дверцу. Два белых, пушистых кролика осторожно принюхивались, и выходить не торопились. Стая рванула к столь необычному деликатесу, но была остановлена одним движением руки блондинки. Зона легко

соскочила со своего «трона», подошла к клетке, вытащила первого кролика и поцеловала в мордочку. Затем тоже проделала и со вторым. После чего пушистики были отпущены на свободу.

— После моего поцелуя ребяткам и их потомкам обеспечено безопасное существование в течение года. Этого хватит, чтобы адаптироваться здесь и расплодиться в достаточном количестве. Спасибо большое, хотя я знаю, что ты вернулась не для того, чтобы выполнить обещание.

Лида не выдержала. Она упала на землю и разревелась, как маленькая. Сбивчиво, сквозь слёзы она рассказывала. Хоть и понимала, что Зона и так всё знает. Просто нужно было выговориться тому, кто поймёт и не осудит. Зона гладила Лиду по спине и слушала. Она помнила, как тяжело остаться наедине с болью. Она знала, как страшно не иметь рядом души, которая сумеет пожалеть и посочувствовать. Вскоре истерика начала стихать, Лида перевернулась на спину и смотрела на проплывающие по небу облака.

— Ты позволишь мне остаться?

— Зачем? Будешь бродить, собирать артефакты, выполнять опасные задания, чтобы хоть что-то заработать. Зачерствеешь и превратишься в жестокую, хладнокровную убийцу. Начнешь выводить радиацию не красным вином, которое на самом деле помогает, а водкой, чтобы поскорее спиться. Или может, пойдешь работать шлюхой к старику-торговцу? Ты мне слишком дорога. Я не могу загубить твою душу.

— Ты меня прогонишь?

— Я не могу тебя выгнать. Ты пришла ко мне за помощью. На этом свете больше никого нет, к кому бы я так привязалась.

Лида села.

— Я не пойму. Что ты мне предлагаешь?

— Будь со мной. Стань мной, подруга. Мы очень похожи — наша преданность оказалась втоптана в грязь. Вместе мы сможем приглушить обиду и ненависть. Я готова даже поделить «поклонников» — девушка в белом платье попыталась улыбнуться. Сейчас она как никогда была похожа на настоящего человека.

— Я не понимаю, как такое возможно. Объясни.

Зона помолчала. Потом взяла руки Лиды в свои, наклонилась (если бы кто-нибудь данную сцену наблюдал со стороны, мог бы решить, что девушки вот-вот начнут целоваться) и прошептала:

— Лучше я покажу.

Тёмные подвалы, бронированные двери, люди в белых халатах и респираторах, молчаливая охрана с оружием…

Лаборатории с огромным количеством оборудования… Подземные железные дороги, ведущие неизвестно куда… Бесчеловечные опыты над животными и людьми…

Молоденькой Мариночке поначалу было жутковато и непонятно одновременно. Уже позже она стала ненавидеть своё место работы. Но человек, ради которого она бросила всё и засела на заражённой территории, не имея права послать даже маленькой весточки знакомым и друзьям, был для неё Богом. Когда преподаватель генетики предложил место лаборантки в очень секретном и интересном проекте, работа над которым засчитывалась и как окончание университета, и как дипломная работа с последующими радужными перспективами, девушка не раздумывая, согласилась. К тому же седой, но подтянутый и ещё не старый профессор нравился ей как мужчина. Да что там, она была влюблена в него по уши! Родители умерли, а друзья… что друзья? Погрустят и забудут.

Однако поначалу их связывали только рабочие отношения. У Марины был допуск низкого уровня, и она долго оставалась в неведении по поводу истинных исследований секретного НИИ. Но обрывки разговоров в столовой, страшные крики по ночам, её собственные лабораторные исследования живых тканей непонятно каких организмов (явно не человека и не животного) постепенно начинали складываться в стройную картину. Марина начала поддаваться панике. И мудрый профессор вовремя затащил её в постель. Теперь Марина принадлежала ему навечно. Да, она не любила свою работу, да, она жалела зверушек и людей (чаще всего привозили зэков, которых никто не будет искать) — но всё это было вторично. Любимый человек рядом, смотрит ласково, держит за руку — что ещё нужно? Даже если любимый является жестоким человеком. К тому же девушка верила, что все исследования ведутся для блага человечества. Женщина верит всему, пока на ней розовые очки любви. Полного ужаса, творимого здесь, Марина даже не могла себе представить.

Монстры всевозможных видов. Неудачные и очень неудачные попытки переделать генотип человека. Но это не всё.

Маринкин профессор занимался совершенно другим. В лабораторию со всей территории советского союза свозились женщины. Старые, молодые, совсем маленькие девочки. Зэчки, жертвы инопланетных похищений, уехавшие работать за границу, просто пропавшие без вести. В нашей стране всегда было неважно с поиском исчезнувших людей.

Учёный искал ведьм. Он придерживался теории, что во времена инквизиции сожгли огромное количество людей с необычными способностями. И если бы не это грубое

уничтожение части человеческого генома, уже в двадцатом веке в коммуналках соседки не просто бы ругались, а швыряли друг в друга огненные шары и двигали мебель одним взглядом.

Опыты были разнообразные и жестокие. Профессор решил, что в каждой женщине есть скрытые возможности — женская интуиция есть остаточные проявления способности к «магии». Хотя сам учёный не любил этого слова из сказок. И заставить эти способности активизироваться может стрессовое состояние. Причем нечеловечески тяжёлое.

Пытки физические и моральные. Голод, холод, банальные избиения. Обращение, как со скотом. Без скидок на возраст — лучше всего результаты проявлялись как раз у девочек до десяти лет. И профессор получил то, что хотел — информацию.

Спустя определённое время мучений, у кого-то раньше, у кого-то позже, появлялась какая-нибудь необычность. Возможность левитировать, становится невидимой, проходить сквозь стены, взглядом поджигать предметы. Да мало ли какие тайны скрывает человеческий мозг? Только воспользоваться новыми способностями подопытные не успевали — во-первых, они были достаточно измотаны и запуганы, а во-вторых, очень быстро оказывались в лаборатории на столе. Учёный выпускал кровь и методично её исследовал. И нашёл вещество, очень похожее по строению на женский гормон эстроген. Отличия были минимальны. Но эффект оказался поразительным. Гормоноподобное вещество появлялось как защитная реакция, и уже больше не исчезало из кровяного русла.

Вскоре профессор смог выделить концентрированный препарат. Нужен был ещё один подопытный, для чистоты эксперимента не измученный. Тогда и упали розовые очки, разбившись вдребезги.

Марина была идеальной кандидатурой. Профессор никогда её не любил, просто использовал, как очень удобный и безропотный, многофункциональный, с эротической добавочной функцией калькулятор. А в нужный момент решил принести в жертву науке.

Она даже и не знала, что ей вводят. Просто сообщили, что в НИИ эпидемия гриппа, и всем предписано сделать прививки.

Боль. Жуткая боль. Суставы выкручивает, глаза слезятся, в легкие залили жидкий огонь. Сердце стучит настолько быстро, что толчки крови уже не разделить на слух. Мышцы стонут от сильнейшего напряжения. Не выдержав мук, девушка впала в забытье.

Её начали приводить в себя. Началась паника — многолетний

эксперимент под угрозой. Но Марина была жива. Она перерождалась. Тело было словно сковано, но сознание медленно возвращалось. Правда, оно было уже совсем не таким, как раньше.

Её душа видела мысли всех, кто присутствовал в комнате, и мысли охранника за дверью. Собак в соседней лаборатории и уборщика Петровича. Всё дальше и дальше, всё больше живых существ не только под землёй, но и далеко на поверхности были прочитаны за мгновение. Она слышала, как радуется солнцу трава, она видела, как поёт любовную песню соловей своей избраннице. Она понимала, что шепчет камень лучу солнца. А главное, она увидела душу того, кого так сильно любила. И поразилась темноте и холоду. Узнала, что её любовь была безответной, бессмысленной, презираемой. И не захотела жить. Она потянулась к ближайшему источнику энергии — атомной электростанции.

… Позже это назовут Выбросом. Много лет прошло, но Марина ничего не забыла. Иногда воспоминания вызывают боль, и она снова крушит всё вокруг тем же способом, что и в первый раз. Это приносит краткое мгновение иллюзии смерти и временное облегчение.

Девушка исчезла. Появилось нечто, чему нет описания. Какое-то время Марина привыкала жить в новом состоянии, определяла свои границы, анализировала произошедшее. А потом обратила внимание на окружающее пространство. И увидела сталкеров. Читая каждого из них, она видела разные мысли, души. И почти в каждой сквозила любовь и ненависть вперемешку. К ней. Они называли её Зона. И тогда девушка в белом платье поняла, что жить стоит, если хоть кто-то тебе рад. Даже не признаваясь в этом самому себе.

Уже позже на её территории обосновались господа из О-сознания. Некоторое время Марина развлекалась, считывая их уверенность в собственной исключительности и глядя на попытки понять её природу. Позже они установили «выжигатели мозгов», создали легенду об Исполнителе желаний и окружили себя фанатиками из Монолита. Зоне эта игра переставала нравиться — никто не имеет права творить что угодно в гостях. Тут подвернулся сталкер, который в отличие от всех искренне хотел уничтожить Зону. Любовью и восхищением тут и не пахло. Зона направила его по нужному пути. О-сознание было уничтожено, а Марина «свернулась» и скрылась на ЧАЭС. Решила посмотреть, как отнесутся люди к её исчезновению. Просто промелькнула мысль, что уже не нужна, раз появился такой человек, как Меченый, а навязываться она не любила никогда.

Мысль была неудачной. Таких, как Меченый больше не нашлось. Она решила вернуться. Тогда и отгородили Зону стеной от окружающего мира.

А потом появилась Лида. Марину заинтересовало полное равнодушие к Зоне и всепоглощающая любовь к кому-то, кто остался по ту сторону бетона. Это здорово напомнило её саму до «прививки». И ей очень захотелось подружиться с рыжей девушкой.

Лида скулила. На плач уже не оставалось сил. Она словно прожила кусочек чужой жизни. Она видела, слышала, чувствовала. Её собственное горе показалось таким никчемным, таким глупым. Сочувствие, нежность и желание разделить эту непосильную ношу заняло все мысли. Марина обняла подругу, а затем исчезла. Просто растворилась в девушке.

…Боль. Жуткая боль. Суставы выкручивает, глаза слезятся, в легкие залили жидкий огонь. Сердце стучит настолько быстро, что толчки крови уже не разделить на слух. Мышцы стонут от сильнейшего напряжения…

ВЫБРОС.

— Я даже не ожидала, что наше пространство станет больше в два раза. И мерзкий забор превратится в груду обломков.

— Это место только наше. Мы вдвоём хозяйки над живым и мёртвым.

— Не думаю. Пока в мире остаются мужчины, не умеющие ценить преданность, и женщины, способные любить, Зона будет расти. Через какое-то время у нас обязательно появится ещё одна подруга.

Иногда перед Выбросом можно вдалеке увидеть призраков. Две босые девушки медленно бредут по земле. Блондинка в белом платье и рыжая в комбинезоне сталкера. У первой в волосах цветок розохвата, у второй на руках кролик-хамелеон. Рядом бредут слепые псы. Никто не знает, кто это и куда направляются. Зона умеет хранить тайны.

Конец

Алексей Соколов
ПО ТУ СТОРОНУ

Гроза разгулялась не на шутку, дождь тоже, как из ведра. Обычный вечер обычного дня в Зоне. Пастух подкинул несколько влажных корявых веток в мягко горящий костер. Погода мало беспокоила, ему повезло — нашел этот полуразвалившийся сарай. Видимо, старый дровяник. В чудом уцелевшее стекло маленького окошка колотил ливень. Хоть крыша не протекает — можно нормально обосноваться здесь, вот только не хочется. Грозу пересидеть, а потом в бар дернуть. Хватит, наелся Зоной. По самое горлышко наелся. Сбыть хабар и к чертовой матери отсюда…

А ведь как все начиналось. Романтика, вольная сталкерская жизнь! ЗОНА! Сказки для идиотов. Вся романтика в том, чтобы живым вернуться, загнать хабар и напиться в доску. Вольная сталкерская жизнь тоже оказалась далеко не сахаром — пот, грязь, радиация, усталость и кровь. Причем, крови порой даже больше, чем всего остального. Друзья есть — всегда помогут, поделятся, а поговорить не с кем. Устало отмахиваются: «Опять ты со своей философией!..» Про прошлую «дозоновую» жизнь разговаривать не принято. Все, ты в Зоне. Это твое прошлое, настоящее и будущее.

Пастух вздохнул, отложил почищенный Калашников, натянул поплотнее капюшон и задумчиво пошевелил угольки.

Паршивый день сегодня. В группу Шатуна он не попал — тот ушел с двумя новичками, что б пообтерлись, а с незнакомыми ходить не хочется. Пришлось идти в одиночку. И в итоге день насмарку — от Периметра отошел километров на пять, артефактов почти не нашел, а патроны все истратил — псевдоплоти сегодня в ударе, так и прут.

Верно ему в баре сказали два месяца назад, когда он только-только пришел: «Неее, парень. Тебе Зона ничего хорошего не даст — ни денег, ни счастья». Верно сказали. Это место для тех, кому терять нечего. Для тех, кто в жизни разочаровался. А ему, Пастуху, еще и тридцати нет. Останься он в родном селе, уж может и женился бы, хозяйством обзавелся, детишек опять-таки. Нет, потянуло на романтику. Настоящим мужиком себя почувствовать! На тебе романтику! Жри ее горстями! Да только руки от кровавой грязи вытри…

— Эй! Есть тут кто?! — Сквозь шум ветра и дождя прозвучал

уверенный мужской голос. — Сталкеры, есть кто внутри? Пустите непогоду-то переждать? Не стреляйте, сынки! Один я.

Пастух напрягся: кого там кровосос принес. Голос незнакомый, лишь бы не мародер.

— Заходи, дядя! Только медленно и руки на виду держи!

Покосившаяся дверь со скрипом отворилась и в сарай медленно вошел щуплый субъект в синем дождевике и с суковатой палкой в руке. За плечом вошедшего болтался не туго набитый рюкзак из мешковины:

— Добрый человек, пусти прохожего обогреться? — Из под капюшона на сталкера глянули веселые старческие глаза. — Бреду-бреду, смотрю — в оконце никак огонек играет? Думаю, пустят погреться? Идти еще далековато. А по такой погоде и того дальше. Не против соседства, парень?

— Заходи, дед, только не шали, я нервный. — Пастух ничего не имел против пришедшего, но своими словами прибавил себе уверенности. — Располагайся, места хватит.

— Вот, благодарствую! Промок весь, чай пообсохну к утру. А то ревматизм ежели на пути прихватит — куда ж дальше идти. Благодарствую! А ты что же, один здесь?

— А ты с какой целью интересуешься, старче? Интерес какой имеешь или так, разговор завести?

— Антирес, конечно. Да не про твои бирюльки, сынок. Любопытно просто — а коли дичина захочет поужинать? Чем ты от нее отбиваться будешь? Котелком чтоль? Автоматик-то безпатронный — отсюда видать. Вона, рожок пустой отстегнут. Были б патроны — зарядил бы. — Дед опустился на чурбак, положив рюкзак на колени, а палку отставил в сторону.

— Так и ты, дед, не особо для зверей-то опасен. Что-то кроме этого дрына и не видать у тебя ничего. А под плащом берданку не спрячешь. Да и обрез бы уж давно оттопыривался. — Пастух подозрительно окинул старика взглядом. — А ты вообще, как здесь оказался, дед? Что-то староват ты для Зоны. Без оружия ходишь, как по Крещатику…

— Да кому ж я нужен-то? Старый, костлявый, кости прогнили уже. Несъедобный я. — Дед, поморщившись, потер поясницу. — Живу я здесь, парень. Вот и хожу без оружия. Кто ж по дому с карабином ходит?

Пастух опешил. Сумасшедший дед! Вот принесла нелегкая на ночь глядя собеседничка. Ишь ты — живет он здесь. Маразматик старый.

— Хорош шутить, дед, не с сопляком разговариваешь. Как звать-то тебя?

— Да не шуткую я, сынок, взаправду говорю. Живу я здеся. Ну

то есть в Чорнобильском районе. А звать меня Митрий Фомич. Председатель свиноводческого совхоза «Заря пролетариата». Слыхал про такой? Это километров 10 к северу отсюда.

— Не, не слыхал. Я так далеко не ходил. — Пастух озадаченно почесал макушку. — Брешешь ты, Фомич. Какой колхоз? Уж 25 лет тут ничего нету. Зона только.

— Кому Зона, кому Родина. Слыхал я про энту аварию на станции. Лектричество из ей шло. А потом бахнуло что-то и лектричество кончилось. Тогда весь совхоз растащили, люди уехали. Одни мы со Степанидой, жинкой моей, остались, да еще сын Минька. Куда нам ехать? Родились тута, выросли, работали. Некуда нам ехать. Вот и работничали втроем. А третий месяц, как Степанида померла, вдвоем остались с Минькой. Только он тоже не ахти какой работник стал. Болеет, кожа у его язвится. Вот, за мазью иду. Авось и полегчает.

— Ну ты даешь, Фомич! И чего, никак на тебя Зона не повлияла? Ты, вроде, не хворый никакой, раз хозяйство практически один ведешь. Во, дела! — Сталкер шумно выдохнул. — В баре расскажу, так не поверят! Действующая свиноферма в Зоне! И что же — даже свиньи есть?

— А то! — Дед горделиво приосанился. — Пятьдесят рыл. Упитанные, здоровые, что твои кадки! Хоть сейчас на всесоюзную выставку! Поросятся справно, хряки племенные.

А то, что здоров я — эт верно. Да разве за таким хозяйством один углядишь? Крыша в хате протекает немного, заборец надо бы обновить — совсем ветхой стал. Печка чадит полегку. Помогают мне иногда…

— Кто ж помогает-то? Тут из поселенцев только вы с Минькой и остались.

— Как кто? Сталкеры заходют иногда. Подсобят чего и дальше идут. Ну не за так, конечно. Харчуются они у меня, а после, как уходить соберутся, я им гостинцев каких надам. Так и живем — не тужим.

— И что, часто заходят? — Пастуха уже заинтересовал этот дед. Может и сумасшедший, но рассказывает складно. Будто и нет вокруг никакой Зоны с ее аномалиями, монстрами и остальным дерьмом. Интересно Пастуху послушать про сельскую жизнь, все-таки знакома она. Мирная…

— Редко заходют, но метко. Когда сами забредут, когда позову кого. Вот прошлый раз у меня паренек один две недели работничал. Добрый паренек, мастеровой. Мы с ним в хлеву крышу перекрыли, ясли поставили новые. Да еще и дров нарубил. Санькой звали. Улыбчивый такой. Хороший паренек… Только позавчера ушел. Домой, сказал, направился. Ты, ежели встретишь

его, скажи, поклон Фомич передавал! Погостевать звал.

— П-передам. — Пастух пытался скрыть волнение. Этого улыбчивого Саньку сталкеры звали Скоморохом — смешливый молодой парень, шуток его не было конца. Пастух прекрасно его знал, все-таки одногодки и почти земляки.

Последний раз, примерно месяц назад, Скоморох уходил в Зону с Топтуном, опытным сталкером. Шли они в сторону Рыжего леса, да, видать, не дошли. Топтун вернулся один, без хабара и сказал, что Скоморох отстал от него в лесу, когда они нарвались на собачью стаю. Топтуну поверили, так как никаких причин врать у него не было. Выпили, конечно, за Скоморошью добрую память. И забыли. А вчера ранним утром Скоморох ввалился в бар с полным мешком артефактов. Загнал их бармену-скупщику не торгуясь и ушел. Ни с кем не разговаривал, ничего не рассказал. Даже не поел. Самое главное то, что продал он абсолютно ВСЕ. И амуницию, и детектор аномалий, и винтовку. Только складной нож оставил. Вот оно как! Значит домой Скоморох пошел. Молодец! Пастух даже позавидовал ему. Вот он, оказывается, где был — на ферме работал. Дела!..

— За мазью, говоришь, идешь, Фомич? А куда? За Кордон чтоль?

Дед благодушно рассмеялся, показывая ровные белые зубы:

— Зачем за кордон? К соседу я иду. Километров пять топать.

— Сосед тоже? Председатель? — Почему-то сталкеру показалось, что дед сейчас ответит утвердительно и начнет рассказывать про еще один совхоз. Какой-нибудь овечий или птичий. Но Пастух ошибался.

— Не-е-ет. — Снова рассмеялся дед. — Никакой он не председатель. Просто человек хороший, Федосом Николаичем звать. Хутор у него свой, на окраине желтого леса. Он мне Саньку-то и посоветовал. Подобрал он его порватого зверьем на опушке. Ну подлечил хорошенько, народными способами, знахарь он. И мне привел, на откорм, так сказать. А Санька еще и рукастым оказался. Как на ноги встал, так сразу: «Чего, Фомич, подсобить по хозяйству?». Вот и сгодился. К Федосу я иду, ага. Что-то мы заговорились с тобой, парень, а как величать тебя и не знаю.

— Пастух. — По привычке произнес сталкер, потом осекся. — Паша.

— А чего ж пастухом-то прозвали?

— Деревенский я. До Зоны пастухом работал, потом подался вот. На вольные хлеба… — Пастуха никто не расспрашивал про личную жизнь и поэтому он немного смутился. — Думал, что денег подзаработаю. А оказалось, что плохо тут. Не мое это. Я к

другой свободе привык. А не к этой… Отстань, дед…

— Да я и не пристаю, не губься. Понимаю… Я ж поэтому и в город не поехал, после аварии энтой. Сам всю жизнь на земле, не могу в городе долго жить. Давай ужинать чтоли? Заговорились мы.

— Извиняй, Фомич. Нечего. Полбуханки хлеба осталось на утро, а больше нету. Не рассчитал немного перед выходом. — Пастуху было даже немного стыдно перед дедом: вроде гость, а угостить нечем.

— Давай, режь хлебушек. У меня сальца запасено — Федосу гостинец. Ну да ничего, чай не обеднеет. Лучок вот тоже… соль… ах, перчику забыл прихватить, ну да кабы знал…

Пастух нарезал хлеб, подал старику. Тот достал из-за голенища своих резиновых сапог кривой нож, обтер его о штанину и начал нарезать сало.

— Чичас поужинаем, Пафнутий, и на боковую. Ни свет, ни заря вставать, чтоб к восходу до Федоса дойти. А еще обратно. Как там Минька… Ты кушай, Паша, не красней. Баш на баш: ты — хлеб, я — сало. Все по-честному, не совестись.

Пастух ел молча. Он уже давно забыл про свою подозрительность. Бедный дед. Четверть века здесь живет, на руинах прошлого. И руки не сложил. Хозяйничает, председательствует в разрушенном совхозе. Побольше б в Зоне таких председателей, может и подобрела бы она.

Фомич стряхнул с бороды крошки:

— Ложись, Паша, спать. Я покараулю, потом тебя разбужу. Бессонница у меня, часа через три спать захочу — сменишь. Давай, я пока по нужде схожу.

Пастух проснулся, когда солнце уже показалось за горизонтом. Дождь кончился, только вязкая грязь напоминала о ночной буре, а на небе не было ни облачка. Благодать! Пастух довольно потянулся. И вдруг вспомнил — а где дед Фомич? Он, вроде как караулить оставался, разбудить обещал. Сталкер обвел взглядом сарай. Может ему вчера, от усталости, почудился этот странный дед? Или Зона наваждение напустила? Говорят, такое случается. Да вроде нет. Вон и лучок на чурбачке, заменявшем вчера стол, лежит. И пара ломтей черного хлеба с аккуратными ломтиками сала. Не почудилось, значит. А где дед?

Сталкер вскочил — где автомат!? Где контейнер с артефактами?! Вот они. Лежат, прикрытые какой-то дерюгой. Все нормально, не воришкой дед оказался. Пожалел, видимо его, не стал будить. Досидел до утра и пошел своей дорогой, к Федосу Николаевичу. Добрый путь тебе, Фомич. Пастух мысленно

поблагодарил странного деда и, с удивлением вспоминая вчерашний разговор, начал собирать вещи. До бара еще топать и топать, а молодой организм уже начал требовать калорий.

Сборы заняли не больше минуты — пристегнуть к автомату пустой магазин, закинуть за плечо контейнер и готово. Сунул в карман остатки вчерашнего ужина — перекусить по дороге, окинул прощальным взглядом свое убежище и вышел на улицу.

Примерно километр Пастух прошагал в задумчивости. Ничто не мешало его спокойствию — места эти сталкерами хожены-перехожены, аномалий минимум, да и то самых примитивных, монстры крупнее тушканчиков здесь редкость. Лепота. Артефактов тоже не сыскать — окраина Зоны. Впереди раздались громкие голоса, Пастух прислушался. И сразу уловил знакомый бас Шатуна — он с группой возвращался из рейда. Вот и хорошо. Идти будут нескучно, да и на новичков интересно глянуть. Сталкер припустил рысью и вскоре увидал группу, остановившуюся рядом с невысоким кустарником. Они что-то шумно обсуждали, размахивая руками и матерясь. Кричать издалека в Зоне не принято, поэтому он подошел поближе…

Небритый здоровяк Шатун и двое молодых, чуть за тридцать, сталкеров стояли, сгрудившись, возле какого-то большого тюка. Завидев Пастуха, Шатун сделал приглашающий жест, и двинулся ему навстречу. Молодые остались на месте — согласно неписаному правилу, старший группы не обязан представлять им своего знакомого. Поэтому они дружно делали вид, что Пастух им безразличен и продолжали рассматривать непонятный продолговатый предмет.

— Здорово, бродяга! — Подошедший Шатун хлопнул Пастуха по плечу. — Как сходил? Ты не обижайся, надо же и смену себе готовить. Я думал с тобой послезавтра пойти, а ты вишь, один прогулялся. Есть добыча?

— Два «выверта» и одна «медуза», шелуха. А у тебя как? — Пастух был рад встрече, но на откровения со сталкерами, даже такими, как Шатун, его никогда не тянуло. Тем более, что это именно ЕГО добыча. Добытая в одиночку. А значит — неприкосновенная для всех, кроме него.

— Тоже мусор. Далеко не пошли, мальцы еще в нашем деле. Первая ходка, сам понимаешь. Зато смотри, что мы на обратном пути зацепили! — Шатун самодовольно ухмыльнулся, увлекая Пастуха за собой. — Это не каждому опытному сталкеру удается. Пойдем, покажу! Представляешь, идем, никого не трогаем! И тут из-за куста контролер вываливается! Здоровый, как лось! Он и

хрюкнуть не успел, как парни в него по магазину разрядили! Быстрые оказались. Мне только добить осталось.

Они вместе приблизились к двум новичкам. Те поприветствовали Пастуха и представились: Челнок и Цифра. Он назвал себя и взглянул на лежащее тело, закутанное в синюю непромокаемую ткань…

— С-суки-и!.. — Будто молния пронеслась перед глазами Паши-Пастуха. — СУКИ!!!!!

Резко сорвав с плеча автомат он развернулся к оторопевшим сталкерам:

— Какая тварь! Кто! Убью, ублюдки!!!!!!

Он замахнулся пустым автоматом на стоящего рядом Челнока. И тут же нарвался на мощный удар в челюсть. Упав навзничь, он по-детски заморгал глазами. Над ним навис Шатун:

— Ты чего, паря?! Башкой где-то треснулся, или под Выжигатель попал? Чего кидаешься, идиот?!

— Уйди, сволочь. — Пастуха трясло. — Уйди! Слышишь?! И вы уходите, мрази! Что он вам сделал? Он просто шел! Сволочи! Вам бы только стрелять, да по грязи лазать! А он… он…

Из его глаз текли слезы, рука судорожно искала нож.

— Уходим, парни. Что-то с ним не то. Очухается — сам к бару выйдет. Не обращайте внимания. У некоторых это бывает. Уходим. — Шатун резко развернул свою группу и быстрым шагом стал удаляться от кустарника и сидящего под ним Пастуха. Тот смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Потом осторожно перевернул тело.

На него глянула уродливая морда одного из самых страшных порождений Зоны — контролера. Черные глаза даже после смерти их хозяина пронизывали насквозь. Но это был он. Это был его дождевик, его клюка и его старый потрепанный мешочек. И сало. В обмен на мазь…

…По грязному болотистому полю шел человек. Не сталкер. Без оружия, с одной лишь суковатой палкой в руках и худым мешком за плечами. До бывшего свиноводческого совхоза, где теперь обитала псевдоплоть, оставалась еще пара километров. Сталкеры не заглядывали туда. Артефактов нет, а нарваться на взбешенного кабана — шанс очень большой. Но человек шел именно туда. Там умирал молодой контролер. Сын того контролера, который оказался человечнее многих людей. Сын Митрия Фомича. И человек нес ему лекарство.

Владимир Лебедев, Анатолий Москаленко
ИСХОД

Бабочка села человеку на ухо и принялась потирать мохнатые лапки. От невесомых прикосновений по телу побежали мурашки. Ежик волос встрепенулся и потянулся навстречу легкому колыханию воздуха. Между тем красавица, раскручивая хоботок, пробовала мельчайшие капельки пота с ворсинок на ушной раковине. Однако «нектар» не отвечал требованиям ее изысканного вкуса. Не теряя надежды найти пищу, бабочка неспешно перебирала лапками, раз за разом пробуя хоботком влажную поверхность. В конце концов, мужчина не выдержал щекотки и резким движением смахнул крылатый цветок. Бабочка поняла, что ошиблась. Что серая громада никакой не цветок экзотической формы, и даже не дерево, в листьях которого ей еще предстоит отложить потомство. Удивленная, она выполнила пируэт над любопытным объектом, а затем поднялась ввысь и исчезла…

Человек проследил за ее полетом. Он уже пожалел, что смахнул вот так — не глядя, такую красоту. У него появилось ощущение, словно последняя живая частичка его души, в виде бабочки полетела навстречу с солнцем…

…Он шел по цветущей поляне, всматриваясь в стену леса, что приближалась с каждым шагом. Запах луговых цветов был таким сладким, что ему хотелось вдохнуть этот вкус настолько глубоко, насколько это возможно. К запаху цветов примешивался терпкий аромат хвои. Сорванец-ветер принес его с собой, улепетывая от могучих елей, что охраняли луг от бестолковых, а порой и опасных, игр воздушного бродяги.

Ноздри странника с благоговейным трепетом ловили вкус дыхания живого мира, чтобы пролить его живительным бальзамом на монолит огрубевшей души…

Каждый его шаг был шагом наслаждения. Наслаждения жизнью. Рой мошкары вьюном вился вокруг путника, но его это ни капли не беспокоило. Человек с удовольствием следил за перепахиванием бабочек, перелетом стрекоз, прислушивался к стрекоту кузнечиков. Перед ним раскрылось целое царство жизни, со своей суетой, проблемами и взаимоотношениями. Может быть, почти как у людей. Кто знает…

Короткое басовитое жужжание и ощутимый толчок в шею. В

воротник рубашки вцепился жук-носорог. Мужчина аккуратно отцепил залетного гостя и, устроив летуна на ладони, принялся поглаживать пальцем твердый панцирь насекомого. Почему-то вдруг его поразила фантазия Всевышнего, что сотворила столь уникальное создание. Раньше он тоже задумывался над этим… но как-то иначе… и это было давно… в другой жизни…

Жук, не обращая внимания на помеху в виде громадного предмета, что раз за разом касался его панциря, принялся исследовать новое место дислокации. Деловито перебирая лапками, добрался до пропасти. Дальше ползти было некуда. Это нисколько не удручило его. Расправив спрятанные под панцирем крылья, он тяжело поднялся и пробарражировал к новой цели.

Не отрывая глаз от жужжащей точки, странник со вздохом осознал, как сильно он соскучился по таким мелочам жизни. Он улыбнулся. Но лишь на секунду, пока его воображение не почерпнуло со дна колодца, называющегося памятью, схожий образ: жужжащая точка, только не уменьшающаяся, а растущая. Превращающаяся в тучу. В тучу мелкого мерзкого гнуса, проникающего в любую щель, лишь бы добраться до кожи и впиться в нее. Темный копошащийся слой. И кровь. Теплая, вкусная и питательная. Только она интересовала неисчислимые мириады тварей. От их укусов кожа жертвы покроется безобразными волдырями, затем — заражение крови и мучительная смерть…

Было ли это на самом деле? Или это эхо ночных кошмаров? Сон, что приснился на сеновале, в духоте прошлогоднего сена, под беспрестанное гудение комаров?

Человек не знал, откуда в голове родились столь жуткие воспоминания о насекомых. И воспоминания ли? Ведь сейчас, шагая по цветочной поляне, в чудесном лесу, он не помнил ни своего имени, ни жизни, что прожил, прежде чем очутился здесь!

Но пока это не важно. Пока он просто идет, и наслаждается жизнью.

Шаг за шагом, странник пересек поляну. Толстые, пышущие силой, деревья окружили его. Странно… под ногами ни единой колючки или сухой ветки… Ковер из мягкой травы ласкал босые ноги. Каждая пора огрубевшей кожи вдруг раскрылась, чтобы впитать свежесть и энергию зелени. Тело наливалось мощью, словно он, человек без имени, стал мифическим Атлантом, и мать-Земля делилась с ним своей силой. Удивительная легкость… и никакой тяжести бронекостюма…

Чего?

Воспоминание ушло. Исчезло. Как камешек, брошенный в глубокий колодец.

Тишина.

Ветер, растеряв силы в игре с верхушками деревьев, ласковым котенком проник под просторную рубаху. В простой домотканой одежде, странник мог вполне сойти за «своего», в этой тайном для чужаков — сталкеров, мире.

От пьянящего лесного аромата закружилась голова. Он уже и забыл что это такое, — чистый воздух. Он подумал, как же это здорово, просто дышать и не думать ни о чем. Однако глубокий вдох всколыхнул черный осадок памяти, лежащий на самом дне души. Поднявшаяся взвесь создала грязную кляксу на кристально чистой глади воспоминаний…

…Больше года он не вдыхал по-настоящему чистый воздух. Временами невозможно было вздохнуть из-за трупного запаха. Запаха, что чувствовался кожей. Что въедался в нее и одежду. Очень часто, вместо чистого воздуха в легкие проникала пыль и гарь. Иногда пыль несла на себе радиоактивные частицы… Тогда воздух светился в темноте… Поэтому львиную долю прожитого года пришлось дышать через вставки с активированным углем…

С новым вздохом он забыл об этом…

Путник не спешил. Он брел, иногда останавливаясь, чтобы попробовать на ощупь шероховатую поверхность лесных великанов. Каждое прикосновение служило доказательством, что на свете нет места прекраснее. Лишь с каждым приливом воспоминаний, в его сознании пробуждалось чувство утраты. Чувство сродни мухе, которая кружится в комнате и время от времени дает о себе знать, жужжа под ухом.

Он чего-то не сделал. Или не завершил.

«В конце концов, могу я просто отдохнуть?»

«Конечно. Я имею право. Я заслужил».

Вновь нахлынули воспоминания, мутной волной заливая прибрежный песок сознания. Мгновение, и волна вновь уходит в море памяти, оставляя на песке высыхающую под лучами рассудка пену давних событий…

…Более года он находился в напряжении, не позволяя себе расслабиться. Лишь на четыре-пять часов в сутки, во время дежурства напарника, он мог позволить себе провалиться в рваный, неглубокий сон без сновидений. Если сновидения и были, то только кошмары.

За последнее время он очень устал. Не столько физически, сколько морально. А напарника больше нет. Нет совсем. Ни здесь, на прекрасной поляне, ни где-либо еще…

… Он увидел их на ветке. Продолговатые красные плоды. Сорвав один, странник попробовал его на вкус. Сочная сладкая мякоть, как у спелой груши. Вкус фрукта напомнил ему о детстве.

О тех временах, когда главная забота заключалась в поиске приключений. Никаких мыслей о заработке, долгах, риске… серости жизни. Свежие фрукты, это не сухой паёк. А в последнее время он питался лишь консервами. В крайнем случае — жаркое из кабана… из мяса мутанта.

И снова им овладело странное ощущение. Безмятежность, навеянная прогулкой, рассеивалась под гнетом предчувствия. Отмахнувшись неприятных мыслей, человек сорвал несколько плодов. Он не знал, куда и зачем идет, но почему-то был уверен, что идти нужно. Иначе все теряет смысл. Где-то там, дальше, его ждет мечта.

Многообразие птичьих голосов звучало на удивление слаженно и красиво, превращая глас природы в произведение искусства. Высматривая в кронах деревьев птах, человек старался уловить каждый писк, каждый перелив, каждую трель. Пение успокаивало океан противоречивых чувств, бурлящих в оттаивающей душе. Ведь там, где он провел последние полтора года, у птиц не было шанса… кроме ворон. Любимым лакомством которых была падаль.

Гнездо… Еще одно… Он наблюдал за жизнью пернатых и радовался. Раньше птахи никогда его не интересовали. Вороны, воробьи, голуби — вот все его познания. Крыши домов, парки, сады… Эта мелочь водилась в городе с избытком. В детстве он терпеть не мог ни тех, ни других. Но сейчас все по-другому.

Вновь появилось ощущение потери. Зародившееся величиной с пылинку чувство, начало разрастаться как несущийся с вершины горы снежный ком. Что-то ускользнуло от его внимания. Какой-то очень важный в его жизни момент. Но это «что-то» скрывалось в центре того самого кома, и не было никакой возможности вытащить это на свет.

Что-то должно произойти.

«Ну и черт с ним!» Путник сделал глубокий вдох, и зашагал дальше. Противогазы, респираторы, тканевые маски. Где-то там, в страшном и забытом сне… Здесь жизнь, здесь явь. Здесь — рай…

Лес поредел, и странник снова мог видеть голубое небо. Безоблачное, бездонное небо. Не хватало только яркого солнца. Человек подумал о том, что будь солнце, он бы определил время, а также направление пути.

Хотя, зачем? Разве это важно? Лес кончается, а за ним что-то не менее прекрасное. Вот что важно.

Опушка приближалась. Между деревьями уже различалось отливающее золотом пшеничное поле. Странник обернулся. Опасности нет. Но это зудящее ощущение… этот осадок на дне, этот снежный ком… Пожар беспокойства стремительно

разрастался, сжигая остатки покоя и умиротворения.

Опасность! Она здесь, рядом! Приближается!

Аромат хвои. Дуновение ветерка. Щебетание птиц. Трава. Деревья. Ветви. Зеленые листья. Синее небо и… солнце! Вот оно!

Опасности — нет.

Душа кричала об обратном. Нужно бежать. Нужно скрыться от надвигающейся катастрофы.

Освежающий ветер раздул рубаху, охлаждая разгоряченное тело. Странник тяжело вздохнул и продолжил путь. Он достиг золотистого моря. Труд рук человеческих волновался на ветру, и волны, цвета солнца, неспешно катились вдаль. Стебли пшеницы — мягкие и податливые… пахнут хлебом… домом бабушки… Почва — мягкая, но не рыхлая. Человек снова подумал о том, что как хорошо идти в обычной одежде, налегке. В одной рубашке и штанах. Никаких массивных комбинезонов. Никаких рюкзаков с консервами, патронами и прочими вещами, без которых невозможно существование в экстремальных условиях…

Вспышки воспоминаний становились все чаще. И с каждым новым откровением шаг ускорялся. Идиллия закончилась. Ощущение неотвратимой беды грызло душу странника, разрушая самообладание. Подгоняемый нарастающим беспокойством, он стал активнее прокладывать себе путь сквозь море ароматного хлеба. Потом побежал. Колосья, прежде нежные и мягкие, хлестали и кололи босые ноги. Лучи солнца уже не согревали, а жгли. Слух уловил еле различимый гул. Инстинкты самосохранения зашептали беглецу, что за ним кто-то наблюдает.

Не в силах более выносить неизвестности странник, резко остановившись, обернулся. Едва заметное облако возвышалось над лесом. Даже не облако… а какой-то сгусток… дрожание теплого воздуха? Рой насекомых? Или…

Память услужливо подсунула определение.

Аномалия?..

Что?

Аномалия!

И вот он уже мчится по полю, сломя голову. Мчится, вкладывая в бегство все силы.

Убежать как можно дальше! Бежать, без остановок и не оборачиваясь!

В какой-то момент беглец споткнулся и повалился, сминая пшеницу. Загребая землю, сделал рывок и снова вскочил на ноги. Не оглядываясь, снова побежал, стремясь как можно быстрее достичь края золотистого моря. На берегу его ждет спасение.

Ему удалось. Кончики пальцев лизнула вода. Хлеб остался шелестеть за спиной.

Вот она, — мечта… Его награда… Убежище. Осталось чуть-чуть, и он в раю…

Речка с искристыми струями течения на перекатах, деревянные мостки. Небольшой луг, плавно переходящий в сад. Благоухание цветов чувствовалось даже здесь, на этом берегу, а ветки кустов и деревьев прямо ломились от ягод и плодов. Может быть, где-то там живет та бабочка, которую он прогнал когда-то…

Странник сделал первый шаг к мечте. Несколько шагов и он на другом берегу. Приблизившись к воде, он почувствовал, что ноги начинают неметь. Он испугался. Попытался идти дальше, но не смог. Еле слышимый гул, к которому он успел привыкнуть, вдруг резко усилился. Голова, против воли, сама повернулась назад.

Страшное облако уже оставило лес позади и, набирая скорость, двигалось к нему. Сделав отчаянную попытку заставить ноги подчиниться, человек рванулся вперед и упал. Погрузившись с головой в прохладную воду, он на миг забыл о страхах и угрозах, отдавшись ощущению свежести и тишины. Поток приял его в свои объятия, подарив телу ощущение невесомости. Под водой гул не был слышен, и солнце из раскаленного шара превратилось размытое желтое пятно. Глоток воды, что он успел сделать перед погружением, растекался по телу живительной энергией. Вот где блаженство!..

Память вскипела под огнем чувств. Блаженство испарилось, обнажив дно с осклизлыми корягами. Та вода, которую он пил в последнее время, была из ржавых канистр. С привкусом металла и запахом тухлятины. А иногда и такой не было. Тогда приходилось довольствоваться водой из луж, обильно приправленной пантоцидом. Или, как вариант, «очищенной» куском радиоактивной субстанции аномального происхождения.

Странник с трудом встал на колени. Течение развернуло его, и теперь он смотрел не на райский сад, а на лес. Теперь он видел, что его преследовало не облако, а рой мелких… насекомых ли? Гудение аномальных «существ» проникало прямо в глубины мозга, разъедая его изнутри, наполняя гноящимися язвочками, каждая из которых рождала болезненные образы и воспоминания…

Воспоминания о жизни, которую человек забыл. И не хотел вспоминать…

Игра с ребятами в заброшенной церкви. Провалившийся свод. Боль, кровь, сломанная нога…

Тело отца, с синюшными пятнами, в деревянном гробу…

Сколовшиеся друзья…

Подельники в череде краж и разбойных нападений…

Жертвы…

Притон секс-рабынь. Девушка отказавшаяся продавать свое тело. Избита в кровь, изнасилована и задушена. Они закопали ее в поле. Как нескольких других, таких же строптивых…

Преследование. Смена адресов, городов, имени…

Одиночество…

…Страх расплаты.

Все, чего он хотел сейчас — это остаться здесь, в этом прекрасном месте…

Все, что он мог сделать — это прохрипеть ругательства в адрес жутких «насекомых».

«Рой» укрыл человека, становясь плотнее, сжимаясь вокруг него.

Стоя на коленях в воде, странник успел повернуть голову и бросить последний взгляд на мечту, прежде чем серая копошащаяся масса залепила глаза. Не смотря на оглушающий гул, он слышал свое дыхание. Сначала шум, потом свист, потом хрип…

Это конец.

Он летел в пропасть, у которой не было дна…

Удар…

Боль катком прокатилась по мне… Сминая кости… Разрывая внутренности…

Адская пытка!..

Боже!..

Чуть-чуть отпустило. Только чуть-чуть… Чтобы я мог осознать, как боль плавит мой мозг… высоковольтной дугой через пробитую изоляцию выдержки…

…Нельзя кричать! Только не крик! Никаких громких звуков!.. Никаких…

Удар сердца. Как больно!

Я сдался. Попытался набрать воздуха, чтобы заорать во всю глотку, выпуская боль наружу, чтобы выплеснуть ее из себя под это фиолетовое небо…

…Нет. Не получилось… Дикое желание зайтись в крике, утонуло в неудержимом кашле, что с каждым спазмом наполнял тело новой болью… Земля скрипела на зубах, а опавшие листья воняли во рту, перебивая вкус крови…

Надо держаться! Надо держаться… Надо…

Рот очистился от мусора… Глоток воздуха. Чистый. Холодный. Отрезвляющий… Выдох, вдох… через пекущие огнем ноздри…

Запах. Тяжелый, дурманящий… успокаивающий.

Отпустило. Сердце сбавило обороты. Я снова мог

контролировать себя. Боль провалилась куда-то вниз…

Где он? Источник?

Рукой нашарил веки. Корка. Чуть дыша, начал тереть глаза. Получилось! Боль осталась внизу, а не кинулась на меня озверевшим шакалом!

Кусочки запекшейся крови на перчатке. Высокая трава. Зеленая… Неестественно зеленая… Только трава, и ничего больше…

Нет. Неправда. Еще алое небо… И уходящая громада плоти. Я увидел ее, когда повернул голову. Хотел выяснить, куда ранен… что доставляет мне невыносимые муки… а увидел её. Тушу. Большую, толстую, на бройлерных ножках. По бокам рудиментарные крылышки… Нет! Это не крылышки… Это не ощипанный бройлер!.. Это… Смерть!

Страх скрутил меня так, что я забыл о боли. Обжигающий внутренности жар, вышел наружу огромными каплями пота, оставив внутри леденящий холод. Холод неотвратимости последнего мига. Глаза закрылись, и сердце сделало последний удар…

Потом еще один. И еще. Снова. Один за другим.

Вернулся слух. Я услышал, как «Оно», урча и пыхтя, идет своей дорогой. Рискуя свалиться без сознания, я все-таки приподнял голову. Удостовериться, что остался жив. Холка урода плыла по зеленому морю, удаляясь от меня. Чудовище ушло.

Я…

Укол… Одинокий, острый укол боли в общей массе страдания… Сердце ёкнуло, и в отчаянии заколотилось о грудную клетку. Адреналин раскаленным металлом потек по сосудам, сжигая нервную систему, снижая до минимума порог чувствительности, глуша боль.

…опустил глаза.

Вот он — источник.

Кровавая дыра в бедре, и неестественный излом голени.

Почему он ушел? Он даже не заметил меня! Наступил мне на ногу и ушел! Я, сладкая и вкусная жратва, осталась нетронутой?

А что если… Нет.

Уголек догадки жег душу, но я не мог позволить разгореться ему. Это неправда. Это просто глупая догадка, не имеющая под собой никаких оснований… Монстр просто шел. Просто шел, по своим делам… Куда? Мне плевать… Я… Моя нога…

Помимо воли из горла вырвался всхлип. Глаза защипало. Черное отчаяние наполнило чашу рассудка и начало вытекать наружу со слезами в сопровождении стонов.

Я один… Один. Один!.. Я ранен и один! Нет… никого нет…

Неловкое движение… Боль!

Паника ушла. Пальцы вцепились в корневища растительности. Руки осторожно распрямились. Корпус принял вертикальное положение.

Я здесь. В Зоне.

Покойник.

Мутные глаза. Нет, не глаза, — мутная слюда вместо глаз. Желтый воск, вместо кожи… Рыжие от никотина усы. Синие створки губ, с желтыми зубами внутри. Черная дыра и черная «дорога», скрывающаяся под краем капюшона…

Шелест травы. Кто-то приближается ко мне. А мне нечем его встретить. Я уже знаю, что мне нечем встретить гостей. У меня нет оружия! Уже — нет…

Собаки. Они выскочили прямо на меня. Пара. Злые и голодные. Несутся, обгоняя друг друга, чтобы причинить мне жестокую боль, а затем избавить от нее.

Все! Конец… Последний удар. Шелест травы, запах псины и падали. Легкие толчки от соприкосновения лап об землю…

Я жив!

Теперь я точно знаю, что это значит. Можно не обманывать себя, теша иллюзиями. Тучи сгущаются. Давление воздуха ощущается кожей. Голова идет кругом. Кровь стучит в висках. Сознание меркнет. Боль… Но, только один момент имеет значение.

СКОЛЬКО У МЕНЯ ВРЕМЕНИ?

У НАС было достаточно времени, пока…

…Выстрел, ударив по барабанным перепонкам, расколол тишину. Голова Печкина дергается, колени подгибаются, а потом тело заваливается назад. Напарник оседает на ковер из густой травы. В неверном свете отгорающего дня труп превратился в серый камень, лежащий посреди поля.

— Порядок. — Искаженный противогазом голос, моментально заставил меня забыть о напарнике. — Все как в аптеке.

Свет фонаря ударил мне в лицо.

— А с этим что делать? — В голосе второго убийцы, не смотря на респиратор, я отчетливо услышал, скрип виселицы. Почувствовал, как узел веревки затягивается под моим левым ухом.

Я быстро поднял руки. Ремень автомата надавил на шею.

— Не стреляйте! — Голос дрогнул. Уж я то знаю, когда блефуют, а когда могут завалить, и не спросить, как звали. Нужен диалог. Как можно быстрей. Других шансов просто нет. Страх перед смертью сковал мысли, позволив языку болтаться самому

по себе. — Не убивайте меня! Мужики, давай договоримся! Зачем меня убивать? Мы не враги! Я вас не знаю, вы меня тоже! Зачем брать грех на душу! Разойдемся по-хорошему, отдам все бабки, весь хабар, жизнь оставьте только!

— Заткнись.

«Респиратор» сказал свое слово. «Противогаз» думал.

— Мужики, я вас не видел, свет слепит! Трепать языком не буду!.. — Я заткнулся.

Попал ты Каин… Люди серьезные… Не отмажешься.

— Оружие на землю. — «Противогаз» ткнул меня в грудь стволом.

Кто они?

Значит, «Противогаз» — главный. Я не мог разглядеть их, так как свет бил мне в глаза. Да я и не очень то хотел их рассматривать… если только украдкой… чтобы запомнить.

— Бабки, хабар, без подставы, в любое время! — снова заикнулся я, бросая на землю автомат, не переставая думать о близости смерти и о личностях нападавших.

Они молчали. Светили мне в шары фонарями и не говорили ни слова. Я вытащил два контейнера с артефактами. Бросил к их ногам. За хабар я рассчитывал сорвать с Арчи неплохой куш. А получил прямой прикладом в голову.

— Не делай так больше! — отчеканил «Противогаз».

От удара в голове вспыхнули звезды. Я с трудом удержался, чтобы не полить гада грязным матом.

— Как скажешь, брат! — Водонепроницаемый пакет с деньгами упал рядом с автоматом.

Это наемники. Слишком дисциплинированны для сталкера или мародера… Да и в Долге со Свободой таких нет. Те еще разгильдяи… Плохо дело…

Я поднял руки. Захлопал глазами, выражая полнейшую покорность и повиновение. Даже в мыслях я не помышлял противостоять им. Однако с ножом и пистолетом расставаться не торопился. Это было выше моих сил.

— Дальше. — Один луч сместился на уровень пояса.

Хрен ты их разведешь… Профессионалы.

Вслед за автоматом последовал «Макаров», охотничий нож… А может наемники, это несостоявшиеся военсталы? …КПК, запасные магазины и, наконец, рюкзак.

— Мужики, у меня все! Я пойду?

— Нет. — Металл в голосе «Противогаза» оборвал последнюю надежду. Вороненое дуло автомата заглянуло мне в душу.

Нет-нет-нет…

— Нет! — Отчаяние выплеснулось наружу, как блевотина из

переполненного алкоголем желудка. От невыносимой жажды жизни тело затрясло как в лихорадке. — Н-н-н-н-еее…

— Ты че зазаикался? А… — Сдержанный смех разнесся по полю, возвращаясь ко мне отголоском надежды. — Заика что ли?

Свет прыгал вокруг меня, в такт моему мандражу. Липкая паутина страха отпустила меня, и я, наконец, понял, что обозначает жест.

— Нет-нет, мужики, я не заика! Напрягся малость, с кем не бывает. Я сейчас! Сейчас разгружу Печкина и пойду. Без проблем! Никаких проблем, мужики! — Пока язык трепал без умолку, руки быстро обшаривали компаньона. Бывшего компаньона… — Вот его оружие, вот сумка… Все люди как люди с рюкзаками ходят, а он, придурок, думал что рюкзак для позвоночника вреден, поэтому сумку таскал… За что и получил погоняло «Печкин»! Как говорится, кто стучится в дом ко мне, с толстой сумкой на ремне!.. Вот деньги, КПК, документы какие-то…

Мои руки подвели меня. Когда я потянул из кобуры Печкина пистолет, рука дрогнула.

Тихий щелчок…

Удар. Еще один. И еще. Хрустнули зубы. Рот наполнился соленым. Утлое суденышко сознания завертелось на краю водопада, каким-то чудом не сброшенное в пучину забвения…

Засучив ногами, я затих. Прикинулся, что потерял сознание. Может прокатит…

Тишина… Очевидно, ждут, когда приду в себя или общаются жестами. Толчок автоматом. Лежать!!! Лежать, безвольно расслабив тело! Пинок ноги. Хорошо, что не сильно… Проверка…

— Ну что там?

— Все точно. Приметы, наводка, — все совпадает. Это он.

— Что доброго?

— КПК разряжены. Поэтому и взяли тепленькими. К детектору примотана «Батарейка», еле-еле пашет. Артефы… Сейчас прочитаю бирки…

Я лежу. Стараюсь дышать через раз… Уходите уже! Бросьте нас! На базе осмотрите!

КПК… подвели нас они с Печкиным… Высосала аномалия все соки из электроники…

— … «Ночная Звезда», «Душа»… Да они неплохой хабар несут! Даже «Компас» где-то нарыли! Халява, сэр!

Судя по всему это был «Респиратор»… По именам не кличут друг друга… Профессионалы долбанные…

Засмеялись. Довольны… Это хорошо. Под хорошее настроение, глядишь, и убивать не станут…

— Неплохая прибавка к проценту от гонорара! А хреновина?

Смех оборвался. «Противогаз» наступил мне на руку. Точно он, я не сомневался. Вот же сволочь! А я лежу, упершись носом в землю, приоткрыв рот, чтобы хоть как-то ухватить глоток воздуха.

— Хреновина здесь. — Рука освободилась от тяжести. Шелест чего-то, поскрипывание. — Да. Не прав был Клиент что отказал Заказчику. Ой, не прав!

— Уходим. Барахло сбросим в схроне. Тут рядом. Все равно до Выброса на базу вернуться не успеем.

Уходят! Лишь бы обо мне не вспомнили! Тогда есть шанс…

— А с ним что делать? — Шаг в мою сторону. Толчок.

Все. Притворяться больше нет смысла. Иначе сейчас тут же и кончат. Имитируя приход сознания, я с шумом втянул в себя воздух. Вместе с комками земли, листьями и прочей грязью. Шапка-душегубка сбилась еще во время избиения. Закашлялся. Застонал. Подгреб под себя колени, попытался встать. Не переставая стонать, завалился на бок. Начал помогать руками, всем своим видом показывая, как мне дерьмово. Да, дерьмово. Самое верное слово. Дерьмово потому, что сейчас меня будут убивать…

Рука вцепилась в мое горло и рванула вверх. Свет фонарика ударил в лицо.

— Что же нам с тобой делать? — повторил вопрос «Противогаз» — В заказ ты не входил, лишний грех на душу брать не хочется…

— Я вас не видел. — Я отвернул голову в сторону. И от света, и чтобы не смотреть на убийцу… — Я вас не видел, не знаю, Печкин влетел в аномалию, как сам выбрался, не помню, где потерял снарягу — тоже.

«Респиратор» передернул затвор. Лязг железа прозвучал красноречивей любых слов. «Противогаз» хмыкнул.

— Складно чешешь. Убедительно. — Он засмеялся. — Хрен с тобой… Хабар добрый, купил ты жизнь свою.

— Благодарю. — Больше ни слова, чтобы не передумал.

— Ну-ну… — Его палец крючком зацепил край душегубки и потянул материю вверх. — Дай посмотрю на твою рожу, чтобы найти… если что…

Я ничего не мог сделать… Окуляры противогаза приблизились вплотную, и я увидел прячущиеся за ними глаза.

Знание пришло сразу. Я знаю этого человека! Знал ДО Зоны. А лучше бы не знал вообще…

Я тупо таращился на противогаз и соображал что делать. Вот сейчас мне точно не уйти. Хэвтик оттолкнул меня. Я споткнулся за Печкина и завалился назад.

— Толян, сколько лет, сколько зим. — Отпятившись назад, я

с трудом поднялся. Все тело болело. Но я встал. Я не мог себе позволить, зассать перед бывшим корешом… итак ударил в грязь лицом.

— Койновский…

Хэвтик махнул рукой напарнику: «забирай барахло, я догоню». Мы с ним подождали, пока «Респиратор» уйдет. Искали слова для предстоящего разговора. Печкин остывал около моих ног. В луче света трава отливала золотом. Ночной ветер колыхал ее, и поле выглядело совсем как волнующееся море. Разговор… Он не будет долгим. Но он все равно будет. И не в мою пользу… Вот она — жизнь. Земля круглая, одно место скользкое…

— Ну что, Серый. — Хэвтик снял противогаз. — Не думал я, что встречу тебя. Слушок был, что ты получил нехилый срок и гниешь на нарах. И мне не придется тебя мочить за подставу. За долг. За кидалово. Ан вон как оно на самом деле…

Все правильно. Расплата настигла меня. Здесь, в Зоне.

Я покачал головой. Говорить что-то, бесполезно.

— Толян…

— Ты значит, вот где осел. В сталкеры записался, — продолжил он. — Одинаково мыслим кореш. Мне тоже пришлось податься в Зону, чтобы рассчитаться за ТВОИ долги. Только я прописался фартовей.

— Толян…

— А что Толян? — На его лице расплылась хищная улыбка. — Сыграем в игру, а? Койновский? Я не хлопну тебя, уж больно просто. Тем более, хабар ты мне неплохой подогнал. Все прибавка к пенсии…

Выстрел.

Шлепок.

— Аааааа!!!

— Заткнись. — Удар приклада. — Я ухожу. Скоро Выброс. Удачи, добраться до бара.

Еще удар приклада по лицу. Удар в живот…

Удар…

…Легкий толчок. Я открыл глаза. По ногам пробежала крыса. Величиной с домашнюю кошку. Несколько штук проскочили рядом со мной и исчезли в траве. Проследив за ними взглядом, я понял, куда нужно идти, чтобы… Не надо. Можно накликать. Но в первую очередь…

Надо осмотреть ногу. Надо посмотреть, что оставили мне шакалы. Надо найти ориентир. Надо что-то делать…

Прежде всего — раны.

Превозмогая боль, дотянулся до Печкина. Он лежал в метре, лицом ко мне. Я рванул его комбинезон и тут же зашипел, резкое

движение пришлось не по нутру искалеченной ноге. Начал обыск. Через несколько минут подытожил поиски: забрали все. У Хэвтика не было в планах дать мне хоть один шанс. Сволочь он. Даже фляги с водой забрал.

Я облизнул распухшие губы. Высокая трава, сочная, зеленая. Такую траву любят кролики. В Австралии они расплодились так, что чуть не уничтожили всю зелень. Некому их там было жрать. А в Зоне кроликов нет. И местная живность питается исключительно мясом… Хищники… Кто же заказал Печкина? Хищник? Он может… Даром что ли бар на Янтаре держит… Под носом у военных… Связи, мать его…

Да хрен с ними, печкиными и хищниками… Вот трава — это да. Это проблема. Сквозь нее надо продираться. Только надо определиться куда.

Балансируя на здоровой ноге, поднялся над травой. Зеленое поле, несколько колков кустарника, рыжие ветки упавшей сосны. Рядом лес. У горизонта, через поле, заводские постройки…

Постройки! Дикая Территория! Бар «100 рентген»!

Колено выдавило в мягком дерне ямку. Нога заныла от напряжения. Ее товарка тут же отозвалась резкой болью. Нога! Нужно обработать раны! Страх перед мучениями загнал мысли о баре в самый дальний угол рассудка.

Серега, Серега…

Какой еще Серега? Койнов? Нет в Зоне Сереги Койнова. Нет Серого Койновского. Есть Каин. Окаянный… но не раскаивающийся.

Прыгая как на трех конечностях и подвывая от боли, словно побитая собака, я добрался до подмеченной сосны. Сел, навалившись спиной на ствол. Шершавая, пахнущая смолой кора. Теплая. Но главное не это. Главное то, что из веток вполне можно сделать шину и костыли. Двигаться будет легче. Будет шанс, добраться до заводской территории. И пусть Хэвтик идет со своей местью в задницу. А там уж найду какую-нибудь яму, чтобы переждать Выброс. Или, или… Долг например. А что? Долг — неплохая крыша. В обиду своих не дает… Зубы скрипнули в ответ на пронзившую ногу боль.

…Хорошая мысля, приходит опосля…

Я попытался отломить подходящую ветку. С трудом, но получилось. Мысли в голове превратились с какую-то кашу. Но чаще других возникала только одна — пока, наконец, не вытеснила все остальные:

«Я хочу пить».

Пока сломал еще одну, повторил эту мысль раз сто. А может все двести… Лишь потом, когда, наконец, выломал третью, я

понял свою ошибку и, вместо слов: «Хочу пить», — грязно выругался во весь голос.

Потеря крови… Причина слабости, жажды и тугодумия.

Нужно было взять одежду Печкина. Чтобы использовать ее в качестве перевязочного материала и для фиксации шины!

А я стормозил! Теперь, после резких движений, кровотечение возобновилось. Я вытянул перед собой главный корень моих страданий. То, что болели ребра и голова — сущий пустяк, не стоящий внимания. Хотя, может быть, поэтому я не сообразил сразу, что одежда Печкина может мне пригодиться. А здесь… по правому бедру черные разводы. Мне вдруг захотелось разорвать ногу руками, чтобы заглушить тупую и выматывающую боль, острой, но кратковременной. Вместо этого я пальцем потрогал толстый слой запекшейся крови. Сковырнул его. Под ним оказалось небольшое отверстие. Материя комбинезона, штанина, плоть… Зачарованный я смотрел, как дыра тихонько наполняется кровью. Жидкость чуть-чуть задержалась в фиолетовых берегах поврежденной кожи, а потом тоненькой струйкой устремилась к земле. Почувствовав горячую дорожку, я очнулся. Плюнул. Все равно пулю не вытащить. Вцепился пальцами в штанину комбинезона и начал собирать ее в складки. Каждый рывок — прилив дурноты, каждое усилие — всплеск слабости. Обнажать до конца голень не было нужды. Вытянув балахон комбеза до колена, увидел выступ. Там, где по определению должна быть ровная поверхность голени. Брючина не давала осмотреть перелом, но я и так знал, что там и как. Порванные мышцы, багровая кожа, огромная гематома. Сломанная кость.

Я знаю, как выглядят переломы. До Зоны я ломал разные части тела… у других людей. Но вот как оказывать первую помощь при переломах, представлял смутно. В одном был точно уверен — надо наложить шину. Видел по ящику. А вот надо ли вправлять кость… Не хочется. Лучше просто зафиксировать. Если косить под хирурга, можно сделать что-нибудь не то. Завопить от боли… или в обморок брякнуться.

Лучше не надо.

Лучше зафиксировать, сделать костыль и добраться до бара. А там, Арчи что-нибудь придумает. Есть у него для таких случаев комнатенка.

Идея мне понравилась. Только времени мало.

Злость оттого, что придется обратно прыгать до Печкина, клокотала во мне как магма в жерле проснувшегося вулкана. Ветка-костыль упростила задачу, но все равно, с каждым «подскоком» я поносил бывшего напарника самыми последними словами. Словно он виноват в том, что я не удосужился снять с

него одежду. Хотя… он же виноват во всем! Если бы не заказ на него, я бы никогда не встретил наемников! Не встретил бы Толяна! И жил бы тут, в Зоне, припеваючи!.. Печкин, с-сука! Даже мутант сломал мне ногу потому, что она лежала на его трупе.

Жажда. Жажда. Жажда. Она проснулась и набирала силы. Сначала робко, но с каждой минутой все громче, начала заявлять о себе.

Слава богу, ни одной аномалии поблизости. Вот он, Печкин. Сволочь. Запашок, какие-то шорохи… От живого не было никакого проку, так хоть от мертвого какая-никакая помощь.

Я упал рядом с трупом. Нога превратилась в черную дыру, что засасывала в себя все мои силы. Глаза щипало от холодного пота. С трудом разглядев сквозь плывущие круги Печкина, я принялся за работу.

От сапог толка нет. Комбинезон — толка нет. Ремень… Удача! Солдатская бляха с заточенным краем! Какая-никакая приспособа вместо ножа. «Комок», тельняшка — пойдут на бинты и крепеж.

Используя бляху, нарезал ленты. Откромсал кусок прорезиненной материи от комбеза. Через полчаса работы при моих способностях паралитика и, — огнестрел забинтован. Теперь перелом. Я задумался. В памяти всплывали какие-то фрагменты, связанные с переломами. Шина. Нужно зафиксировать ногу по всей длине… на голени и бедре… Это конечно здорово, но на бедре у меня рана. И как я тогда пойду, если нога потеряет подвижность? Хрен знает. Я посмотрел на сапоги. Кирзовые, добротные, с регулируемым ремешком голенищем. В армии мы такие называли «танкачами». А что если… Взял две ветки, обломал их по нужной длине и осторожно затолкал за голенище. Затянул ремень на сапоге. Посмотрел на результат. Подумал еще…

…Готово. От колена до лодыжки нога туго перемотана, на манер обмотки товарища Сухова. Для лучшего натяжения повязки сделал две скрутки. Можно идти. Еще бы воды, и жизнь бы начала налаживаться… Хоть глоточек…

Неожиданный шорох прозвучал как гром среди ясного неба. Я замер, только сейчас сообразив, что увлеченный собой, я совершенно забыл о Зоне. Она ведь никуда не делась. А я тупо стоял столбом посреди поля, и даже не пытался прятаться. Снова упасть на землю, в объятья Печкина, было выше моих сил.

Да и не было в этом большого смысла.

Звук приближался. Удалось сообразить, что зверь не очень большой, раз его не видно над травой. Но для меня, немощного и безоружного, он не стал менее опасен, чем тот же псевдогигант,

что сломал мне ногу. Порыв ветра всколыхнул зелень. Трава заволновалась, зашелестела. Откуда ждать тварь?

«Что ж», — пришла в голову мысль, — «этим серым утром, (а утро ли сейчас вообще?), сталкер Каин разделит участь Печкина».

Вот он. Источник шума. Большой грязно-рыжий кот. Ростом с молодого добермана. Я стоял не шелохнувшись, смотря, как он приближается ко мне. Если вдруг ему захочется поорать, то кровотечения из ушей не избежать…

Чернобыльская скотина приблизилась. Вскочила на труп Печкина и привстала на задних лапах. Огляделась, принюхалась. Я наблюдал за котом краем глаза. Играть с ним в гляделки не испытывал никакого желания.

Огромный прыжок… Кот скрылся с глаз. Я посмотрел на небо. Нагромождения облаков. Завихрения. Белые барашки. Как на море после шторма. Но шторм еще впереди.

Я с наслаждением выпил бы какое-нибудь облако. Это ведь вода. Но они высоко…

Пришло время проверить мой костыль.

* * *

Изнемогая от жажды, чуть ли не ежесекундно вырубаясь от кровопотери и боли, я полз. Меня колотил озноб. Лихорадка. Сколько раз терял сознание, уже не считал.

Все пошло не так.

Костыля хватило ненадолго. Печкин снова подвел меня. У него на одежде не было ни одной пуговицы. Чтобы я мог использовать их для бросков. Хорошо хоть в высокой траве некоторые аномалии видимы. Но кто ж знает, сколько их невидимых, неосязаемых, неощущаемых!!!

Мне пришлось снова вернуться к Печкину. Как только я понял, что каждый раз за землей или травой не нагнешься. Да и легкая она. Для броска. А если набрать кучу и тащить — тяжелая.

Видит бог, Печкин, я не хотел этого делать. Но у меня нет выбора.

Я снял с трупа сапоги и штаны. Печкину все равно, а я хочу жить! Штаны разорвал пополам. С помощью костыля кое-как оторвал от сапог каблуки. Завязал их в штанины. По каблуку в каждую штанину. Проклял себя за то, использовал рукава кителя на перевязку. Вот он мой детектор аномалий. Двухразовый. Плюс еще ремень. Плюс еще мои каблуки. Перчатки легкие. Если только… С отвращением отбросил эту мысль. Я не буду откусывать у Печкина пальцы. Может насыпать в них земли?

Тяжесть. Лишняя тяжесть. А у меня каждый грамм на счету. Избавился бы от комбинезона, но без защиты тоже нельзя… Или… как?

Это было часа два назад.

О баре, или подвале на Дикой Территории я уже не помышлял. Не выйдет. Не рассчитал сил и спекся. Как гусь в духовке.

Одна надежда на схрон наемников.

Как там сказал Хэвтик?

«…Уходим. Барахло сбросим в схроне. Тут рядом…»

Я повторял эти слова с каждым толчком тела вперед.

Это моя молитва. Помогает сосредоточиться и дает силы.

Схрон. Вот его то мне и надо найти. Если наемники там… буду просить… умолять… продавать душу, чтобы пристрелили или спасли. Все лучше, чем стать зомби. Хотя, после смерти будет уже по барабану. Можно и зомби. Умирать вот никак не хочется. Хочется жить! Коптить небо Зоны! А не шарахаться по ней с утробным завыванием…

Лежу на левом боку. Правая рука швыряет штанину с каблуком. (Вторую схарчил Трамплин). Пауза. Левый локоть выставляется вперед, левая нога толкает тело. Рука оказывается под телом. Приподнимаю корпус, снова опираюсь на локоть. Исходное положение. Оглядываюсь. Молитва. Боль. Жажда…

И так без конца.

Отчаяние давно поселилось в моей душе, а предвестники Выброса только добавляли смятения. Но именно отчаяние придавало мне силы. А еще найденный окурок. И пустая банка из-под энергетика, с парой капель жидкости внутри.

Я на верном пути. Даже страх у меня в помощниках.

Страх потерять жизнь гнал вперед, уподобляя паршивому мутанту, что несется под воздействием Гона. Отличие было в том, что мутанты бежали на юг, от атомной станции к Кордону, а я полз на север, навстречу Монолиту.

Один лишь раз я сорвался. Сорвался и забился в истерике.

Это было тогда, когда я пытался утолить жажду.

…Наступил день. Где-то там, позади, лежит Печкин. Солнца нет, но рассеянного света хватет, чтобы определять границы аномалий. Я не знаю, как шли наемники, но точно знаю, что по направлению к Дикой Территории. Иногда я видел их след. Особенно мне везло около аномалий. Когда я находил гайку, я радовался как ребенок. Даже изнуряющая боль не мешала мне этого делать. Найденные гайки означали, что я на верном пути! Я собирал их, и берег как зеницу ока, используя только в крайних случаях. Одну гайку, на четырнадцать, кажется, засунул в рот и

сосал, чтобы хоть как-то бороться с терзающей меня жаждой.

Все изменилось в тот момент, когда опустился туман. Белый, густой. Сухой какой-то. Больше похожий на дым. Видимость резко упала до нуля. Я простоял, наверное, минут пять, хлопая глазами от растерянности.

Куда теперь? Как искать след? Что делать с аномалиями?

Вытер с лица пот. Посмотрел на небо. Там в вышине, туман отсвечивал багровой зарницей.

Как искать след? Как не сбиться с направления? Как определить где север, а где юг?

Надо было вырывать траву в местах обнаружения гаек. Чтобы сейчас не ходить кругами… Осел!

Высокая трава цеплялась за ноги. Слом ветки-костыля давил мне на подмышку. Я приспособил на нее перчатку с землей, чтобы сделать своеобразный амортизатор. Все опора.

Прошел метров семь. Не задумываясь о направлении, следах, аномалиях. Совсем как Ёжик в тумане, из детского мультика. Бросок штанины-детектора, ковыляние, сдерживая стон. Псевдоотдых. Бросок, ковыляние.

Вечность страдания.

По небу пронеслись тени. Я задрал голову и увидел ворон. Вот кому хорошо. С высоты видно все, да и лететь не в пример легче, чем ползти по земле. Но что действительно важно, теперь я знал, в каком направлении мне двигаться! Стая летит на юг, значит, мне нужно идти навстречу! Не отрывая взгляда от птиц, я подкорректировал маршрут. Неожиданно одна из ворон, выбилась из стаи и начала описывать круги над какой-то точкой, постепенно снижаясь.

Что там?

Может быть… вода?

Раны требовали ухода. Львиная доля жизненной энергии уходила на контроль состояния ноги. Несколько раз в тумане я видел Печкина.

Бред. Печкин коченеет где-то там, в поле. У меня лихорадка… галлюцинации. Нервное истощение.

В реальность я вернулся лишь тогда, когда очутился около предмета интереса птицы. Опустошенный до дна, упал рядом с ним. Презрительно каркнув, ворона подпрыгнула и взлетела, унося в клюве кусочек мяса…

Печкин?

С завистью я проследил за ее полетом. За той легкостью, с которой она махала крыльями. Закрыл глаза. Нужно отдохнуть.

Это был не Печкин.

Это была туша кабана. Но не простая туша. Это был след.

След моих палачей и будущих спасителей.

Кабан был мертв. Нормальных таких размеров кабанчик. Множество пулевых отверстий по всему телу. Воронье уже успело потрудиться над внешним видом покойного. Вокруг нескольких ран выдраны куски шкуры и плоти. Ну а кто не любит свининки? Настоящий деликатес. Шашлыки… Да еще под пиво… Душу бы продал за бутылку холодного пива!!! Или просто воды…

Туман сухой. Нет в нем воды. Сволочь.

А в кабане есть кровь… И я хочу пить. Очень хочу. Умираю от жажды. Умираю от боли и потери крови…

Кровь и мясо. Я могу хоть чуть-чуть восстановить силы! Надо только оторвать кусок!

Я ощупал тушу. Жесткая щетина. Густой запах. Мясо по любому радиоактивное… Убили животину недавно. Еще теплая. Скорее всего, на заре…

Кровь. Это почти то же, что и вода. Надо разрезать артерию, чтобы добраться до крови. Разрезать нечем. Если только сколоть с костыля щепу. Или разорвать зубами.

У человека артерию удобней всего резать на горле. Там она толстая и близко к поверхности. Я осмотрел шею кабана. В страшном предчувствии сердце заколотилось быстро-быстро.

Нет…

У кабана толстый, просто огромный слой сала!!!

Чтобы добраться до крови и мяса, я должен содрать несколько сантиметров жира!

Как!? Как сделать это?

Спокойно.

У меня есть бляха. Совсем забыл о ней. Но сколько у меня времени? Самолечение скушало уйму моего времени… А если я сейчас не попью, то не продержусь и часа…

Я внимательно осмотрел тушу. С чего начать… Чуть ли не год в Зоне, а все еще не удосужился изучить поближе местную живность… Нужно резать поближе к сердцу. Это значит, под левой лопаткой…

Закусив губу, принялся за работу. Предвкушение пиршества открыло во мне внутренние резервы. Я пилил и кромсал. Кромсал и пилил, срезая плоть слой за слоем… О том, что кабан радиоактивен, я старался не думать, как и о том, что никогда не пробовал сырого мяса и крови. Наплевать! Все когда-то бывает в первый раз! Бог даст, еще поживем!

Вот оно! Наконец!

Я держу в руках, в липких от крови пальцах, — его. Кусок моей энергии. Мой шанс на спасение. Толян, кореш мой дорогой, скоро мы снова встретимся. Поговорим. Все обсудим. Сейчас я

съем этот кусок, и пойду к тебе в гости…

Пора.

Мясо. Осмотрел его. На вид вроде ничего, мясо как мясо. Нежное и мягкое. Из такого же не один раз готовил шашлыки. Понюхал. Ничем не пахнет… Или нос уже не работает? Ну и ладно, без запаха оно даже и лучше. Лизнул. Ничего не понял. Вроде привкус крови. Резким движением запустил в кусок зубы. Бешено заработал челюстями. Разгрызть, раздробить и пропустить в пищевод. Это обычный шашлык, только плохо прожаренный!

Какое же оно противное!

Я боролся с собой, заставляя челюсти жевать кабанину. Не могу. Попытался проглотить не дожевав, но рвотный спазм не дал мне этого сделать. Борясь с дурнотой, начал жевать еще яростней. Дышал через раз. Сосредоточился на хрусте, чтобы отвлечься от приторного вкуса. Усилие…

Момент истины…

Есть!

Мерзкая масса провалилась в живот. А в руке еще один кусочек. Зажмурившись, оправил его в рот. Вязкое… прилипает к зубам, раздражает язык… Воды… Хочу воды!

Желудок не справился. Отверг таким трудом добытую пищу. Блевотина покатилась по пищеводу и вырвалась наружу, захватив с собой не дожеванную порцию.

От рвотного рефлекса судороги сотрясали тело. Раненая нога перемалывалась в мясорубке боли. Каждый спазм сжимал способность восприятия до булавочной головки, в которой было место только страданию.

Наконец все закончилось. Для трапезы, но не для меня. Кровавые комки на земле ужасно воняли. Не лучшие ощущения были во рту. Желудок горел. Легкие горели. Сердце трепыхалось так, словно на него подали пару тысяч вольт. Слабость. А еще эта жажда.

Кровь — не вариант. Абсолютно.

Один плюс — ногу я не чувствую. На ее месте просто тупая боль. Хотя, какое там, — боль везде. Все же на всякий случай потрогал ногу. И не смог удержать крика. Дернувшись, попал рукой в собственную харкотину.

Это стало последней каплей.

Повалившись в траву, я зарыдал во весь голос.

* * *

Туман исчез.

Преодолев истерику, я попытался встать.

Не могу.

Может, позже?

Нет времени. Придется ползти.

Я пополз.

* * *

Трава уже поднялась. Ни замятий, ни сломов. Только засохшие брызги крови указали направление. Кабан бежал на юг, а мне надо на север.

Бросок штанины-детектора, переползание, сдерживая стон. Секунда забытья. Бросок, переползание.

Вечность страдания.

Снова гости. Вижу лишь голову собаки. Слепая. Бежит, выдувая из носа кровавые пузыри. Как же ее угораздило, лишиться своего компаса?

Бог ее знает. Бежит прямо на меня. Еще пара метров, и встретимся…

Башка пропала. Короткий визг. Хруст. Треск. Хлюпанье. Мельком увидел вздыбившееся тело.

Комариная плешь. Бог отвел от меня напасть.

Только Зона не во власти Бога. Выброс ждать не будет. Если Каин не напряжется, то держать ему ответ перед Зоной, а лишь потом, перед Богом.

Я свернул в сторону, чтобы обогнуть аномалию. Глянул в небо. Облака были такими гигантскими, что по сравнению с ними я ощущал себя микробом. Но самое главное — они двигались куда и я, — к северу! К Монолиту. К Исполнителю Желаний. Который может исполнить любое желание. Не хуже Господа нашего. Самое сокровенное… например, немного воды, или чтобы утихла боль в ноге… нет, — просто воды.

Почему я все чаще думаю о Боге? О грехах и расплате…

В другой раз.

Аномалия осталась за спиной. А времени почти не осталось… Вся надежда на чудо.

Наемники где-то здесь. Рядом.

Возлюби ближнего своего…

Толян, я прощаю тебе простреленную ногу. Не буду мстить. (Как там в заповедях? Не убий?) Дам денег. А взамен — всего одна маленькая просьба. Мелочь.

…Переждать в схроне Выброс. И еще воды. Капельку.

«…Уходим. Барахло сбросим в схроне. Тут рядом…»

Вот оно — Откровение. В Зоне, Библии сталкера…

Левая рука вместо травы сгребла воздух и чуть не опустилась в темно-зеленую густую жижу. Вовремя успел одернуть. Опустил рядом. В голове немного прояснилось. Что за бред я тут собирал… чуть Холодец не прохлопал. Не долго думая, взял вправо. Потому что Плешь обходил слева. Потому что до этого еще пару-тройку штук, Трамплин, и еще какие-то, — слева. Потому что кидать штанину нет сил. Потому что останавливаться нельзя. Потому что на счету каждая секунда.

Вершины деревьев бороздят черное небо. Чуть не уперся лбом в одно. Неужели снова выпал из реала… слава Богу не аномалия. Это удача! Я могу ухватиться за ствол и, наконец, взглянуть на Зону с высоты нормального человека, а не уровня пресмыкающего. Сориентироваться.

Серое поле. Ослепительно белое небо. Черный лес. Движущиеся точки. Дикая Территория ближе не стала. Обман зрения, или я все это время ползал кругами? Уже неважно — схрон где-то рядом. Я чувствую…

…Ползу вперед. Как безмозглый поломанный автомат. Чувствительность почти пропала. Руки и ноги немеют. Во рту пустыня. Распухший язык еле ворочает гайку, слюна уже не выделяется. Жесткие стебли бьют по лицу. Где-то недалеко истошно визжат крысы.

Все стихло. Зона затихла.

Рот наполнился влагой. Удивленный и радостный я сглотнул. Соленое.

Не понял.

Из носа капнуло. Еще раз, и еще. Я оторвал голову от земли, чтобы посмотреть. На серой траве появлялись серые крапинки жидкости. Кровь? Я сплюнул. Плевок вышел совершенно беззвучным. Бурая клякса. Кровь. Почему серая? Почему ничего не слышу?

Нет, не оглох. В ушах появился звон. Это не бред. Звон то нарастает, то утихает, льется волнами, вызывает легкое головокружение. Все в порядке. Можно ползти дальше.

И я пополз.

Паника. Она змеей проскользнула в мою душу. Выброс грядет. Апокалипсис Зоны. Мутанты чуют его. Чую его и я. Исход тварей завершился. Где схрон…

Где схрон!!! Где! Где! Где!!!

— Уходим. Барахло сбросим в схроне. Тут рядом.

Да вот же он! Я даже слышу голос Толяна! Всего пара метров, а я чуть не прохлопал свое счастье! Они уходят! Хаха! Схрон

будет пуст и я спасусь!

Кровь заклокотала в жилах. Тело стало легким, как пушинка. Правда, звон уже перерос в гудение. Вперед!

Бросил взгляд на небо. Черно-белое… Облака озверели и мечутся, словно одичавшие кони.

Я тоже озверел и мчусь к спасению. Вместо паники — эйфория успеха. Трава. Трава. Трава ложится от ветра. Значит, он усилился. Но здесь, на уровне земли, я его не чувствую. Метр. Еще метр. Еще один…

Трава постоянно то белеет то чернеет. Наверное, в небе полыхает гигантский костер. Черные тени наползают друг на друга, сжигаются под воздействием очередной вспышки…

Что это?

Шар. Небольшой шар, серого цвета. Но цвет сочнее, чем у травы! Странно… откуда здесь шар? Наверное Толян потерял…

Я стер пот со лба. Шара не было. Да что такое!.. Померещилось, наверное. Шара нет. А вот…

Я повернулся на живот. Протянул вперед руки. Вцепился в пучки травы. Подтянулся. Вот он.

Крытый дерном люк.

Зона взбесилась, но мне уже все равно.

Вот он — финал. Исход сталкера Каина из Зоны.

Я тянулся к схрону. Еще секунда, еще миллиметр… и мои пальцы прикоснутся к люку…

…

Порыв ветра, как вздох женщины…

Безопасность. Прохладная вода. Боли и… аномалии?… нет.

Странник открыл глаза. Его желания исполнились. Серебристая река омывает ноги. Небольшой луг, плавно переходящий в сад. Ветки ломятся от ягод и плодов. Благоухание цветов.

Он заметил, что среди деревьев кто-то стоит. И, кажется, у него на боку сумка…

В сумке наверняка плоды. Просто надо подойти ближе и выяснить.

Человек на берегу приветственно махнул рукой.

По лицу путника пробежала тень. Решение принято.

Он шел и думал, что знает этого человека. Встречал его, в одном страшном месте…

Только где?

КОНЕЦ

Данила Демидов
ВОТ ТАКАЯ СКАЗКА!

Жил-был сталкер Колобок. Был он невысоким крепышом, с совершенно лысой головой (хватанул радиации по неопытности), с носом картошкой и невероятно оттопыренными ушами. Как только его не называли, пока ходил в новичках. И метр с кепкой (это классика) и метр с ушами, слоник, чебурашка, карапуз. Он отчаянно дрался за каждое обидное прозвище.

Как-то, в очередной драке возле бара, детина, в два раза его выше, не выдержав профессиональных ударов по корпусу, начал лепетать в свое оправдание: «Да он катается вокруг, как колобок. Хрен поймаешь». После чего и приклеилась намертво кличка — Колобок. Пришлось смириться. Не драться же со всем миром.

Жил сталкер Колобок хорошо. Настолько, насколько возможна бродяжья жизнь в Зоне. Сперва, походил полгода отмычкой. Выжил. А после того, как врукопашную схватился с кровососом и покромсал его ножом в лоскуты, зауважали по-настоящему. И никто никогда не узнает, что зазевался он легкомысленно, когда входил в подъезд дома в Мертвом городе, а воткнувшись монстру в подмышку носом, от страха начисто забыл про винтовку, и эта схватка стоила ему сухих штанов и пары миллионов нервных клеток. Теперь он, поднабрав опыта и отхватив кусочек сталкерской славы, на правах напарника, так сказать, сотрудничал с Кондором. Знатным, опытным сталкером. Кондор исходил почти всю Зону поперек и совал свой огромный горбатый нос в такие гиблые места, о которых иные не слышали и до самой смерти. Крутой мужик, но сложный, себе на уме.

В их компании был еще третий. Узбек. Какого лешего делает узбек в Зоне и каким сквозняком занесло его в «незалежную», никто не знал. Заявился он на границу Зоны в дрянном камуфляже и с тюбетейкой на бритой макушке. Его странное восточное имя никто не мог запомнить, звали, поначалу, просто «Эй, ты, в тюбетейке». Затем сократили до Тюбика.

Тюбик оказался мировым парнем. Веселым и надежным. Особенно в контрасте со смурным Кондором. Они славно сдружились вдвоем и теперь тяготы походов переносить стало намного легче. Хотя, как подозревал Колобок, их с Тюбиком дружба изрядно раздражает старшего напарника, он никогда не смеялся над их хохмами и, если не было надобности общаться, узбека просто игнорировал.

В Зоне наступила осень. Вся честная сталкерская братия

вздохнула с облегчением. Наконец! Наконец-то можно перестать потеть в своей броне, как ломовые лошади. Даже льющие почти беспрерывно дожди еще не успели осточертеть. Самое время активизироваться, что незамедлительно и исполнила данная компания.

Кондор выбрал на этот раз пункт, за веткой железной дороги, в местности, прозванной Джапа. С этим, неуместным здесь названием, была связана одна давнишняя занятная история.

Как-то раз, американцы, присутствующие здесь на правах наблюдателей, решили подшабашить. С их базы, на огромной вертушке была завезена в Зону группа японских толи ученых, толи, просто, туристов в составе двенадцати человек. Эт какие же деньги надо было отвалить, чтобы военные, американские военные, согласились на такую аферу! Ну и, наивные в своем идиотизме, крутолобые янки, выдали японцам по автомату и приставили для охраны только одного проводника из местных ходоков, в прошлом лингвиста.

Высадили эту толпу в наименее опасном и практически чистом от аномалий квадрате. Через пять часов их должны были забрать. Но туристам хватило и этих нескольких часов, чтобы натворить ерунды. Пока проводник отлучился на разведку безопасного пути для этого шалмана, приказав им не двигаться с места ни на шаг, они учудили вот что. Сталкер, когда приспичит по нужде, что делает? Он обкидывается гайками со всех сторон — вот тебе и сортир. А этим жертвам культурного общества надо было создать Условия. Хотя бы кусты. Стеснялись они. И решили парами посетить ближайший «санузел». Ушла первая пара — пропала. Через десять минут пошла их искать вторая пара. Пропала. Затем третья и так, пока на пятачке, где приказано было ждать, не остались два, уже изрядно паникующих японца. Когда они тоже намылились в кусты на поиски товарищей, подошел проводник. Естественно, с вопросом «Где все?». Выслушав ответ, он долго матерился на всех известных ему языках и от нехватки матюгов шипел, как кипящий чайник, и собрался уже сам лезть в кусты, как пропащие поперли оттуда всей дружной толпой. В кустах сидел контролер. Увидев толпу зомби вместо доверенных ему туристов, проводник сделал ноги по-быстрому, бросив оставшихся двоих до кучи. С тех пор и бродили по этой местности стадом узкоглазые зомби с крутыми камерами на шеях. А квадрат тот стали называть Японией. Для удобства произношения сокращенной до Джапа.

Через некоторое время она заполнилась аномалиями и перестала быть безопасной. Японских зомби всех отстреляли, а название прижилось, родив массу шуток на этот счет. Теперь,

вместо «иди в баню», говорили «иди к японцам», фразы, типа «японский летчик» и «японский городовой», приобрели совсем иной смысл, а местность эту называли иногда, по ассоциации, другим, очень подходящим русским словом.

Вот в Джапу и направил их стопы Кондор. По его данным, там, после очередного выброса, набралось такое разнообразие аномалий, что можно артефакты собирать, как грибы после дождя.

При наличие опыта и удачи, конечно.

На что они и надеялись.

До места добрались с обычными приключениями: пара патрулей, стайка вездесущих собак да небольшой ассортимент аномалий, ничего особенного.

Залегли на небольшой насыпи и в бинокли осмотрели заброшенную территорию. До полуразрушенных складов и гаражей, которые являлись целью их похода, было метров триста. Тишина накрывала эти метры мутным облаком тумана. Лишь сухие листья кустов, растущих вдоль насыпи, шуршали на слабеньком ветру, который лениво гонял их облетевших собратьев по растрескавшемуся бетону дороги.

— Ну что, рванем? — полным энтузиазма голосом Колобок обратился к Кондору. — Вроде тихо все.

Старший напарник все еще не отрывал глаз от бинокля, водя им по сторонам.

— Вот это и интересно. Смотри и учись, салага, потом спасибо скажешь, — Кондор передал Колобку свой бинокль, более мощный и навороченный, чем у него — Глянь влево. Видишь куст, метрах в ста?

— Вижу, куст как куст, кривой и облезлый, в Зоне все кусты такие.

— А почему он кривой, ветра нет, место, где он растет — ровное? А?

Колобок присмотрелся внимательнее, действительно, куст накренен в сторону, как будто его тянут туда за ветви. В той стороне, куда кренило чахлую растительность, бетон как бы продавлен и основательно раскрошен.

— Вижу теперь, там гравиконцентрат. Значит, той стороной не пойдем.

— Смотри вправо. На грузовик.

Неприятно, конечно, когда тебя, взрослого мужика, тычут носом, но Кондор имеет право, тут не поспоришь. «Учиться, учиться и еще раз учиться!» — такой, еле читаемый от старости лозунг Колобок видел внутри одного здания в Мертвом городе, наверное, это была школа. Он послушно перевел взгляд на

грузовик.

— Оба-на! И как я не заметил?! — грузовик, похожий на какое-то древнее чудовище, изящно стоял только на одной задней паре колес. Кабина просто висела над землей, не имея никакой опоры. На месте второй пары колес воздух колыхался, как в жару над раскаленной крышей.

— Ну, туда мы тоже не пойдем, тогда прямо, — Колобок вернул старшому бинокль.

— А прямо никогда не ходи, как раз здесь тебя все пакости и поджидают. Это такой закон морфологии. Давай гайки кидать.

Тюбик, решивший тоже как-то поучаствовать в компании, достал из кармана разгрузочного жилета горсть гаек и болтов и, размахнувшись, веером посеял за насыпь. Хорошо кинул, далеко. Гаечки стайками разлетелись в стороны. Те, что летели вправо, вели себя согласно общепринятым законам физики, попадали на землю и остались лежать, послушные обычному земному притяжению. Улетевшие влево, примерно на середине пути утроили скорость полета и с глухим чмоком дружно всосались в бетон где-то за кривыми кустами. Не хилая грави-ловушка. К такой подойдешь ближе, чем можно, утянет за считанные секунды, хоть упирайся, хоть цепляйся за что-нибудь.

Колобок один раз наблюдал подобную картину. Зазевавшийся новичок с круглыми от ужаса глазами, безуспешно хватался пальцами за жухлую траву, но неумолимо быстро катился к страшной смерти в крепкие объятья. И долго стоял потом в ушах звонкий хруст костей. Пацан не успел даже вскрикнуть. А они стояли и смотрели, в тупом бездействии, потому что ничего уже не успеешь, никак не поможешь. Так что ход влево категорически отпадает. Впрочем, вместе с направлением «прямо», так как летящие по прямой гайки вообще исчезли, блеснув на прощанье оранжевыми искрами.

Прямо по курсу располагалась аномалия «стенка». Это невидимая такая штука, в несколько метров шириной, с одной стороны в нее гайка влетает, а с другой осыпается пеплом. Вместо гаек частенько оказывались невнимательные собратья сталкеры. «Стенки» последнее время попадались такие мощные, что добивали вверх даже до вертолетов.

— Двигаем вправо, — скомандовал Кондор и, пропустив вперед Тюбика, начал спускаться с насыпи, Колобок — замыкающим.

Бродяги осторожно, след в след, прошли эти триста метров за Тюбиком, который продолжал проверять дорогу нехитрым сталкерским способом, а Кондор осматривался и указывал Колобку на признаки наличия ценных «побочных эффектов

образования аномалий», как по-научному назывались артефакты.

Через пару часов такого продвижения, добрались до гаражей. В некоторых из них стояли проржавевшие насквозь автомобили каких-то древних марок, таких уже и не помнит никто. Уродливые на редкость.

Прочесав гаражи, собрали полный контейнер. Можно топать теперь обратно. В предвкушении навара и распива по этому поводу полулитра в баре. Хотя радоваться еще рано.

Сначала надо дойти до периметра, не попавшись ни мародерам, ни фанатикам по зачистке Зоны, ни военным, а это задачка посложнее отстрела мутантов и обнаружения ловушек.

На сваленных рядом с гаражами полуистлевших шинах решили сделать привал. Сели отдохнуть и перекусить. Ноги у Колобка ныли от усталости, а натруженные плечи настоятельно требовали освобождения от тяжелого рюкзака. Кондор был, как обычно, мрачен, а худющий Тюбик — бодр и весел. Через несколько минут сосредоточенного чавканья, старшой нарушил молчание:

— Тут еще подвал есть, — внимательно разглядывая содержимое банки и тщательно пережевывая разогретый паек, произнес Кондор — может проверим? Раз уж дошли сюда.

— Да ну его, в подвал лезть, вдруг там зомбяки прячутся.

— Вряд ли, Тюбик, жмуриков давно здесь не осталось. Один ходок видел, как зомби снимает что-то камерой. За этими кадрами целую охоту устроили, ну и перебили всех япошек, — Колобок облизал ложку и сунул ее в карман. — Здесь теперь никто не обитает. Люди сюда забредают нечасто, зверью питаться нечем. Поэтому никакую тварь мы здесь не встретили.

В принципе, Колобок был согласен с предложением старшого, раз уж приперлись, зачем оставлять то, что можно забрать. Конечно, хочется выбраться из неприятной местности быстрее, но бросать хабар — не резон. К тому же время у них еще осталось, успеют и в подвал слазить и к сумеркам дойти до базы военных, где планировали остановиться на ночлег и сбагрить собранное. У Кондора там свои люди имелись. Так и решили.

Кондор остается охранять тылы и снарягу, а он с Тюбиком спускается в подвал гаража.

Лестница, ведущая вниз, в темный провал подземелья, сохранилась намного лучше, чем разрушенные стены и крыша гаражей. Тюбик шел впереди, светя мощным фонарем и кидая гайки, Колобок, пригнувшись, с винтовкой наперевес, следом.

Когда они, не встретив на пути никаких препон, спустились в подвал, и Кондор не мог слышать их разговор, Тюбик заговорил шепотом:

— Слышь, Колоб, тебе наш старшой не кажется мрачнее обычного?

— Да нет, вроде всегда такой. А что?

— Я слышал, он в карты проигрался по-черному. Деньги ему позарез нужны. Много…

— Так мы и хабара собрали не хило, — они уже осмотрели небольшое помещение, ничего не найдя ни опасного, ни интересного и теперь двигались к выходу.

— Вот и я про это, зачем ему на троих делить?

— Стой, дай подумать…

Подумать он не успел. В подтверждение подозрений Тюбика, их разговор оборвал звук, такой знакомый каждому сталкеру металлический звук скачущих по бетону гранат.

— Колоб, ложись!

Рвануло, дай боже.

Мощный фонарь, который был у Тюбика в руках, конечно, разбился и они оказались в полной темноте.

Когда в ушах перестало звенеть, Колобок смог подняться на ноги и стряхнуть с головы каменное крошево. Выплюнув хрустнувшую на зубах пыль, он включил маленький карманный фонарик и увидел, что выход из подвала наглухо завален крупными обломками перекрытия.

— Ё-мое! Где ж ты был со своими догадками раньше, а? Тюбик, где ты, ты живой?

— Братан, у меня проблемы… — еле слышно похрипел напарник.

Колобок рванул на голос, подсвечивая себе фонариком. Мечущийся тонкий лучик осветил огромный кусок кирпичной кладки, бывшей когда-то стеной лестницы, придавивший поясницу товарища. Тюбик лежал лицом вниз и беспорядочно шарил руками, будто искал что-то в пыли на полу.

Сердце аж зашлось от страха за друга, такую глыбу одному не поднять, даже не сдвинуть. И ноги напарника уже не спасти. Да что уж ноги… все, конец им пришел. Они здесь замурованы, без еды, практически без воды и никто не знает, что они пошли именно сюда. ПДА не работают, слишком много арматуры и труб в подвале.

Да уж, полная Джапа. Он проживет не намного дольше товарища.

Колобок сел рядом с напарником, прислонившись спиной к завалу.

— Что, Колоб, нам кирдык? — тихо спросил Тюбик.

— Ага.

— Мне хорошо, я уже ног не чувствую.

— Чего ж хорошего?

— Мне недолго осталось.

— А… Тебе всегда везло. Почему-то.

— Это потому что ты легкомысленный, всегда ломишься куда-то вперед, не подумав.

— А ты молчаливый чересчур. Не мог раньше сказать про Кондора, не полезли бы в подвал, ничего б не случилось.

— Скажешь тут, я этого джина носатого боюсь до дрожи. Он смотрел на меня всегда, как удав на кролика.

— Ну и не зря боялся. Как он, падла, продумал то все… — Колобок хлопнул себя по коленям. — И мы хороши, братцы кролики. Ухи развесили.

— Мда…

Они помолчали немного, вслушиваясь в шорох все еще осыпающегося завала.

— Тюбик, тебе больно? — спохватился Колобок.

— Больно. Не очень.

— А чего молчишь, у меня хоть аптечка при себе осталась. Сейчас уколю тебя.

— Ну давай, уколи.

Свет фонаря упал на лицо друга, покрытое мелкими капельками испарины, блеснувшими в луче. «Как же, не больно ему…» — думал Колобок — «…геройствует тут».

У Тюбика был один недостаток, а может и достоинство — патологическая скромность. Спокойный и рассудительный узбек никогда не возмущался, не просил ничего, зря не вступал в разговор и всячески старался никого не беспокоить, но за друга готов был порвать мутантов зубами и отдать почку. За это его уважали одни и терпеть не могли другие, несправедливо принимая скромное молчание за злобную скрытность. Колобок любил этого бродягу, как родного, да всегда втихаря радовался тому, что их свела судьба. Такого друга у него никогда не было и теперь никогда не будет, эт точно.

После того, как он сделал укол обезболивающего в холодную руку напарника, фонарь пришлось выключить, батарейки скоро сядут, надо экономить заряд. Темнота и тишина вокруг давили почти физически, наваливаясь тяжелой толщей.

— Колоб, расскажи что-нибудь, а то я счас завою, — укол, видать, подействовал, так как голос у Тюбика немного оживился.

— А что тебе рассказать? Хочешь сказку?

— Угу, про Колобка, — они тихонько похихикали над получившимся каламбуром. — Давай, как ты попал в Зону. А потом я про себя.

Значит, напоследок, о самом сокровенном. Обычно сталкеры

берут за правило, ни слова о жизни вне Зоны. По крайней мере, ни слова правды. Но сейчас не тот случай, можно и пооткровенничать.

— Ладно. Ну, значит, дело было так…

И Колобок долго, подробно, рассказывал напарнику свою «историю любви». Как-то, уже несколько лет назад, поехал он в гости к школьному другу, на море. Отдохнуть, повидаться, предаться холостяцким летним утехам. И встретил там «свою» женщину. То, что это его женщина, он понял сразу, с первого взгляда на высвеченную солнцем рыжинку в длинных каштановых волосах и точеную, женственную фигурку. А когда она блеснула на него ясной задорной зеленью глаз из-под темного бархата ресниц, то он пропал навсегда. Набравшись невиданной смелости, пригласил красавицу на свидание. И, о чудо, она, смеясь, не отказала. Потом уже он увидел кольцо на безымянном пальце, оценил аромат дорогих духов и заметил, что приехала она на крутом кабриолете, небрежно припарковав его у кафе. Она была немного старше и отдыхать умела. Для отдыха ей нужны были море, солнце и восторженный поклонник. Он дополнил комплект. Ей было с ним весело.

Две недели пролетели, как один миг.

Она уезжала, он был в трансе.

За время, проведенное с ней, Колобок, а тогда совсем молодой, коренастый блондин по имени Артем, выяснил, что муж у нее дивно богат, хоть и нелюбим, и не променяет она свою обеспеченную жизнь ни на какой рай в шалаше. И он задал ей вопрос, круто изменивший его жизнь навсегда. Он спросил ее, а будь он богат, она стала бы его женщиной? На что она ответила «Да, конечно, ты мне нравишься».

Зона была самым быстрым, относительно честным способом разбогатеть.

Он бросил все, дом, пожилых родителей, работу и с головой ухнул в осуществление своей мечты.

Попав в Зону, он, конечно, переоценил свои приоритеты. Зона затянула его, как и многих таких же искателей, заманила адреналином и чисто мужской романтикой. Но Колобок совсем не жалел об этом и уже не рвался воплотить заветную мечту в реальность. Хотя, иногда, вспоминал с тоской яркие солнечные искры в глубине зеленых глаз.

— Ну, вот и вся история. Развлек?

Тюбик молчал. Колобок потряс товарища за плечо.

— Что-то мне хреново, друг, — совсем тихо прошептал напарник.

Колобок подсел еще ближе и сжал обмякшую ледяную кисть

руки.

— Колоб, давай помолимся. Ты своему богу, я своему.

— Тюбик, не надо так, мне страшно.

— Вот и молись, может, хоть ты выберешься, а я попрошу за тебя тоже.

Напарник тихо бормотал что-то на своем родном языке.

И Колобок начал вспоминать, как бабушка читала над ним «Отче наш», когда он, маленький болезненный мальчик, лежал с воспалением легких и сгорал от высокой температуры. И его губы теперь сами шептали слова, никогда им не произносимые, выкапывая из недр памяти заветные строчки. И волосы на руках вставали дыбом от страха за друга, от страха остаться одному в темноте и от страха близкой, как никогда, смерти.

Он не заметил, как просидел в таком ступоре несколько часов, раз за разом повторяя молитву. Очнулся Колобок от того, что дико замерз, сидя на бетонном полу, затекшая спина ныла и больно впивалась в бок торчащая из обломков арматура. Тюбик затих. Пульса не было.

Он немного поплакал над другом и стал вслух вспоминать их совместные ходки. Весело им было вместе. И грустить приходилось только по погибшим немногочисленным товарищам. Потом долго обсуждал с молчащим Тюбиком, кто будет по ним поднимать стакан не чокаясь. А затем развил целую дискуссию, нарочито громко разговаривая с напарником, стараясь заглушить невозможную тишину в их личном саркофаге.

— Знаешь, Тюбик, ведь в Зоне у каждого своя религия, своя вера во что-нибудь, свой храм внутри где-то. Конечно, у некоторых этого храма и вовсе нет, не нужен он им. А у меня есть, наверное. Мы с тобой были совсем неплохие люди. Зла никому не делали, даже не желали. Ну, есть у меня грешок, я родителей бросил одних, каюсь. Старенькие они у меня уже. Скучаю по ним, жуть как. Вот, если выберусь, точно, обещаю, брошу все и вернусь к ним.

Э-эх, как хочется выбраться. Мне ж только двадцать семь лет. Вся жизнь впереди.

Была.

Ты за меня попросил, я знаю, за себя не успел, а за меня попросил. Натура у тебя такая. Ну почему добрых людей так мало, а? Был бы Кондор добрым человеком, не угробил бы нас. Из-за карточного долга, двоих. И как он спать будет после этого. А давай ему в кошмарах станем сниться. Всю жизнь. Во прикол будет…

Колобок ненадолго замолчал, обдумывая поступок Кондора. И как он прозевал такое предательство с его стороны. Ведь

подставлял их Кондор всю дорогу, гранаты не дал, себе оставил. Сейчас все ранее не замеченные нестыковки в поведении старшого всплывали в памяти, выстраиваясь в совершенно логичную цепочку. Кондор слишком хорошо знал расположение аномалий вокруг гаражей, знал, где находится подвал. И в глаза не смотрел. Вероятно, он планировал заранее, что избавится от них в случае удачного сбора хабара.

— Сволочь он, Тюбик. Вот выберусь назло ему отсюда, найду гада. Отомщу за тебя, друг.

Молиться, говоришь… Только и остается молиться. Просить спасенья. Больше ж не на кого надеяться. Я буду просить у всех сразу. Так, с кого начать…

Он прочитал еще несколько раз «Отче наш» и так как больше молитв не знал никаких, начал сочинять сам.

— Если бы я был древним египтянином, к кому бы я обращался? Правильно, Тюбик, к Ра. А еще у них был Анубис, Гор, Сет, Изида. Больше не помню. И почему я плохо в школе учился? Помню, еще Тор был, но, кажется, главным у скандинавов. А у славян — Ярило, солнце. Очень хочется снова увидеть. Дальше. На востоке: Будда, Кришна, Конфуций, хотя, он, кажется, и не бог, а просто прислоненный к ним святой дядька. У греков и римлян — целая плеяда. Зевс — главный бог, или Хронос… — и он продолжал перечислять всех, кого смог вспомнить, не забывая повторять им свою низменную просьбу. Он истово просил найти ну хоть какую-нибудь причину оставить его в живых. Ему как никогда, яростно хотелось жить.

Колобка лихорадило от возбуждения и усталости, он давно потерял счет часам. Измученный всем пережитым, с сорванным до шепота голосом, решил сделать перерыв и поспать. Из валяющихся обломков ящиков бедолага соорудил себе настил, заполз на него и уснул, провалился в мутную дрему.

Разбудила его мелкая настырная дрожь пола, которая заставляла дробно стучать друг о друга обломки досок, на которых он лежал. Воздух вибрировал, отдаваясь во всем теле и слышно было, как снаружи нарастает гул, проникая сквозь толстые стены.

— Вот только выброса нам и не хватало для полного счастья, — посетовал Колобок, обращаясь к потолку.

Гул нарастал, медленно приближаясь к апогею. Колобок свернулся калачом на досках, зажав голову, грозящую взорваться, руками. Так близко от центра Зоны он первый раз переживает выброс. Ощущеньице — ничего себе. Перед глазами плясали разноцветные круги, а уши заложило до боли в скулах. Бушевало несколько часов. Окончание выброса ознаменовалось диким

грохотом где-то совсем рядом и приливом свежего воздуха в подземелье, где были замурованы сталкеры. Наступила тишина.

Когда он решился открыть глаза, то увидел заваленный бетонными и кирпичными обломками вход и напарника под самым большим из них. А должен был увидеть кромешную темноту. Что-то изменилось в подвале. Стало почти светло, а воздух заметно посвежел.

Колобок осторожно поднялся на ноги и осмотрелся. В дальнем от него углу подвала в потолке зияла довольно большая дыра, а на полу лежали мелкие обломки того, что когда-то было толстым перекрытием. Очень мелкие обломки, почти пыль.

Дабы подтвердить возникшие у него подозрения, Колобок достал из кармана такую родную теплую гаечку и бросил в сторону дыры. Гайка резво ускакала прямо к центру и зарылась в пыль. Точно, так он и подумал. После выброса, образовалась новая грави-ловушка, пока не очень сильная. Хорошо, что не переместилась обнаруженная еще Кондором мощная гравитационная аномалия, а то был бы уже не Колобок, а тонкий блин. Да, без разницы. Выйти все равно нельзя. Хотя, можно дождаться следующего выброса, и вдруг ловушка переместиться еще куда-нибудь… нет, с такой дырой в потолке следующий выброс не пережить, размышлял сталкер.

Колобок решил сходить и осмотреть аномалию, просто, чтобы как-то развлечься.

Он загреб с пола горсть бетонных осколков и обкидал ловушку со всех сторон. Только потом подошел на безопасное расстояние. Снаружи был день, свет проникал через почти полностью разрушенную крышу гаража и хорошо освещал рваные края отверстия. С одного края вниз головой свешивался полуистлевший труп, на который они с Тюбиком натыкались, когда осматривали гаражи. Труп крепко был придавлен ржавым остовом грузовика, поэтому гравиконцентрат не смог затянуть его в дыру. А на трупе — разгрузочный жилет, в котором могло остаться чего-нибудь полезное, съестное например, сухие пайки могли храниться годами.

Есть Колобку хотелось страшно, а так как он не желал умирать и не собирался смиряться со своей участью погребенного заживо, поесть хотелось вдвойне. Чтобы сохранить силы. Для чего-нибудь.

Только как стащить жилет и не отдать его грави-ловушке? Вот задача. Колобок посмотрел вокруг, стараясь не попадать взглядом на тело напарника. Из обломков торчали различной длины арматурины. Он стал качаться на каждой из них и нашел более-менее поддающуюся. Выламывать металлический прут

пришлось несколько часов. Но Колобок никуда не спешил. И его усилия, наконец, увенчались успехом. Арматура, с загнутым крюком на конце, должна была достать до мертвеца.

Следующие пару часов он осторожно прыгал вокруг жилета, пока не стащил его ниже. Затем рывком выдернул ценный «артефакт» из поля грави-ловушки. В жилете нашел много всякой бесполезной ерунды, а из еды оказалась одна только шоколадка, правда в вакуумной упаковке и вполне съедобная.

Колобок съел ее, не отходя, от дыры на свободу. Такую близкую и такую недосягаемую.

Он решил еще раз хоть краем глаза глянуть на уже вечереющее небо и, задрав голову, увидел кое-что более важное, чем кусок покрытого бурыми тучами небосвода Зоны. У трупа висела гроздь гранат на поясе. Под жилетом ее не было видно. Вот это клад! Колобок не мог поверить своим глазам. Гранаты! В самом деле!

Осталось стащить их, таким же макаром, как и жилет. Только вот длины арматурины не хватит достать до пояса.

Колобок лихорадочно соображал. Потом притащил оставшийся целым ящик к самой границе бетонных осколков, не затянутых в ловушку. Влез на него и попытался дотянуться.

Почти, почти, вот, уже зацепил, тянет… В это момент хлипкий ящик под ногами Колобка с треском развалился и он со всего маху упал на бетонный пол, основательно приложившись к нему затылком.

Очнулся он уже под утро, когда рассветное солнце только только собиралось вступить в свои права на освещение этого куска Земли. Голова дико трещала от боли, на затылке выросла огромная шишка, но крови не было, можно жить дальше. Сотрясение мозга — это мелочи в сравнении с остальными неприятностями Колобка.

Чего он лежит то? На холодном полу. Отбитые мозги отказывались быстро соображать. А, вспомнил… О, гранаты! И рукой нащупал кусок арматуры на полу.

Приподняв грозящую отвалиться голову, он увидел на крюке край пояса, а на нем заветные гранаты. Получилось! Хвала небесам!

Колобок подполз и засунул пару гранат между, как показалось, менее крупными кусками завала, дернул чеку и быстро отбежал, зажав уши в самый дальний угол, противоположный ловушке. Взрыв сотряс стены и барабанные перепонки Колобка.

В завале образовалась щель, вполне достаточная, чтобы в нее пролез один незадачливый сталкер. Что он и сделал,

попрощавшись с другом, и пообещав вернуться и похоронить его, как положено. Выбравшись из подвала, свежеспасенный вздохнул полной грудью и, потрясая винтовкой, воздел руки к небу.

Утреннее солнце, первым, пробившимся сквозь тучи малиновым лучом, заглянуло Колобку в глаза.

— Эй, кто там за главного, спасибо! — кричал он солнцу.

ЭПИЛОГ

Уходил Колобок от места своего «погребения», где провел три бесконечно долгих дня, по следам Кондора. Он шел и представлял, какое у того будет лицо, когда они встретятся. Речь готовил, очень хотел посмотреть в глаза этому ублюдку. Но его ждало некоторое разочарование. Где-то на середине пути к базе, куда двигался старшой, Колобок наткнулся на кучу объеденных собратьями собачьих тушек и один, почти начисто обглоданный труп человека в окружении горок стреляных гильз. По валяющимся недалеко знакомым рюкзакам, нетрудно было догадаться, кого здесь настигла кара небесная. Сытая стая грелась на солнышке в нескольких сотнях метров. Колобок их не заинтересовал.

— Ха, а втроем мы бы отстрелялись, — сообщил он останкам Кондора и, подхватив на плечо свой рюкзак и связку контейнеров, потопал дальше, насвистывая и подбрасывая в руке гаечку.

С базы за периметр его доставили армейским джипом со всеми удобствами, с такими деньгами можно было и вертолет вызвать. Колобок никогда и не представлял себе, какие суммы можно выручить за собранный хабар, ему всегда доставались жалкие проценты. Если бы их ходка окончилась без трагедии и они поделили бы все поровну, ему с Тюбиком вырученных денег вполне хватило б на вольготную жизнь в течение нескольких месяцев.

В госпитале, лучшем военном госпитале, где Колобок лечил застуженные почки, сотрясение мозга, контузию и остатки нервного потрясения, он встретил своего одноклассника, к которому когда-то ездил отдыхать на море. Он теперь был дипломированный хирург. Тот ему рассказал, что с родителями Колобка все в порядке, здоровы. И, хотя слышать они не желают про своего сына, бросившего их стареть одних, все стены дома увешаны фотографиями, которые он присылал с периметра.

А еще, старый знакомый рассказал Колобку о той, о которой он старался забыть все эти несколько лет, из-за которой кинулся в Зону сломя голову и пережил столько всего. Живет она сейчас

одна, воспитывает сынишку. Богатый муж ее бросил, когда увидел у новорожденного сына дико оттопыренные уши, которых ни у кого в их семьях отродясь не было. А сынишка умница, веселый и смышленый, мать в нем души не чает, зовут его Артем.

И спустя несколько лет, рядом с отстроенным заново родительским домом, где живет бывший сталкер Артем Борисович с зеленоглазой красавицей женой и обожаемым сынишкой, вырос небольшой белостенный храм.

Всем богам сразу.

Вячеслав Хватов
ИЗГОЙ

Я достал из одного из многочисленных накладных карманов английскую булавку и кое-как скрепил разодранный рукав. И вроде бы цепляться при выходе из автобуса было не за что, но гармошка дверей распорола дешевую ткань куртки, отхватив при этом приличный кусок.

Ладно. Вечером залатаю прореху, а сейчас и так сойдет. Надо догонять группу, а то проводник, на которого скинулись все двенадцать новичков, уже бодро вышагивает на дальнем конце конечной остановки, остальные вновь прибывшие семенят за ним, словно стайка желторотых птенцов за мамашей, а я стою тут раскрывши хлебало.

К вечеру, истоптав тропинки, известные лишь одному нашему «Сусанину», мы вошли в деревню новичков. При этом никакого периметра, в привычном его понимании, группа не пересекла. Где-то в густых зарослях леса пару раз наткнулись на остатки забора из колючей проволоки, да и только.

В местный бар со смешным названием «Выпивоха» отправились только четверо. Остальные разбрелись по развалюхам, которые домами назвать язык не поворачивался.

Наш квартет разместился за свободным столиком в самом темном и сыром углу забегаловки. На моей родной Луганщине в таком месте не стал, наверное, сидеть и самый последний бомж. Склизкая столешница похоже не знала тряпки со дня своего изготовления, а пахло чем-то средним между плесенью и блевотиной.

Есть мне сразу расхотелось, и поэтому я решил, хряпнуть двести грамм, чтобы заглушить боль в стертых до крови ногах, и отправиться на боковую в местные апартаменты.

А вот тут-то меня ждало еще одно разочарование. В том самом кармане, где должна была покоиться толстая пачка Советских купюр, на которые я обменял все свои сбережения в гривнах, моя рука нащупала лишь несколько Советских же монет. Их хватило только на кружку самого дешевого местного пива «Лиманское».

Потягивая это пойло бес цвета и запаха я и почувствовал, что неопрятно одетый мужик, что сидел за столиком напротив, бесцеремонно разглядывает меня с ног до головы. Поймав мой взгляд, он тут же вскочил и вихляющей походкой направился в нашу сторону.

— Шуруп, — протянуло руку почему-то именно мне дитя местных болот и пустошей.

— Алексей, — я сжал его липкую вялую ладонь и тут же вытер свою о собственные штаны, которые после скитаний по лесному болоту возле периметра были все равно чище.

— Чего такой угрюмый, Алексей, а? — Шуруп оскалился, продемонстрировав перспективную для стоматолога челюсть и дыхнув при этом в лицо таким смрадом, что все прочие запахи, перебившие мне до этого аппетит, теперь показались бы просто изысканным букетом от кутюр.

— Да так… — отодвинувшись подальше так, чтобы это было не заметно, я отвернулся в сторону, давая понять, что разговор окончен. В мои планы не входило изливать душу перед первым встречным бродягой.

— А вот давай и дерябнем с тобой за знакомство и для поднятия настроения, А, угрюмый? — не унимался Шуруп.

— Наливай, — я сделал вид, что не понял недвусмысленного намека. И дело вовсе не в том, что угостить этого шныря не позволяло мое финансовое состояние, (на последние двадцать копеек заказать можно было разве что пару щепоток соли из солонки) — просто категорически не хотелось сидеть за одним столом с каким-то облезлым чмо.

— Так это… — Шуруп, видя, что его не понимают, на секунду растерялся, — ты угощаешь, Угрюмый, или как?

— Или как.

Передо мной встал выбор: дать этому Шурупу в торец или молча допить «Лиманское» и пойти баиньки.

Я выбрал нечто среднее и, толкнув в сторону шныря казенную железную кружку с остатками пива, поднялся из-за стола. Все равно вечер был безнадежно испорчен, и предпоследняя сигарета, призванная перебить во рту кислый привкус от «Лиманского», покинула мятую пачку, а я, под неодобрительный гомон соседей-сталкеров, собирался покинуть это негостеприимное заведение.

— Нехорошо начинаешь, паря, — бросил мне вслед сидевший в обнимку с СВД не молодой добытчик артефактов. — У нас не принято, чтобы новички отказывали в выпивке Шурупу. Традиция такая, да и примета.

Я не стал слушать, что он там еще бормочет, и под раздающееся со всех сторон «не жилец», «плохо кончит», «первая „воронка“ — его» и прочую чушь, вышел на улицу.

Свободное место удалось обнаружить только в третьей по ходу от бара избе, и я уселся в углу, привалившись спиной к неровной стене, и принялся смотреть, как долговязый парень в

поношенной армейской горке шурует палкой в металлической бочке, вороша там остывающие угли. Дылда кинул на дышащее жаром месиво охапку заготовленного ранее хвороста и, пристроив сверху несколько поленьев, положил на горловину импровизированного очага самодельную решетку. Предназначена она была, скорее всего, для жарки мяса, но сейчас сталкер, представившийся как Горох, водрузил на решетку котелок с остатками супа из тушенки.

Я сглотнул слюну и покосился на грязный матрац, расстеленный возле старого телевизора «Рубин», служившего тумбочкой.

— Две пятеры или одна семера, и лежак до утра твой. Я все равно сегодня в ночную, — Горох хлебнул свое варево через край и крякнул от удовольствия.

Вот так! Мало того, что супчиком не угостил, так еще и за постой плату требует. А ведь я своими собственными глазами во втором доме видел, как матрац, на котором дрых до этого встающий на дежурство сталкер, тут же, без разговоров, занимал другой. Вот и подумалось, что лежанки тут общественные. Наверное так оно и есть, но, судя по всему, с новичков все стараются содрать деньгу за любой чих.

Починив куртку, я проводил взглядом отчалившего по делам Гороха, который перед этим аккуратно скатал матрац и убрал его в сундук, не забыв при этом закрыть на замок пузатое хранилище скарба.

Мне оставалось только подкинуть в бочку халявных дровишек и улечься поближе к огню. Запихал под голову свой тощий рюкзак той стороной, где находился теплый свитер, а укрылся куцей старенькой курткой.

Не сомневаюсь, через пару минут в комнате стоял богатырский храп, быть может, слышимый и на улице возле костра. По поводу него мне еще там, на большой земле говорил мой напарник по дежурству, Витек:

— Загремишь ты, Леха в Зоне со своим этим ночным генератором низких частот под фанфары. Его же за версту слыхать.

Проснулся я от того, что кто-то укусил в спину. Больно так. И тут же еще раз, и сразу третий.

Вскочил как ошпаренный. Запах паленой шерсти не предвещал ничего хорошего. И точно!

Несколько угольков, мать их, проделали три совсем не аккуратные дырки в многострадальной куртке, а заодно и в водолазке, и едва не добрались до моей шкуры в районе лопаток.

Тудыть твою, растудыть! Ну, водолазку, допустим, можно заменить на свитер, убрав ее в рюкзак до лучших времен. А с курткой-то что делать? Ведь даже заплаток не из чего сварганить.

Ничего не остается, как посидеть оставшуюся часть ночи возле костра, послушать, что другие говорят, да самому подумать, перетряхивая в рюкзаке скудные пожитки, что делать дальше?

Самая главная моя проблема ведь не в куртке, а в том, на какие шиши теперь купить хотя бы самый завалящий обрез. Без оружия в Зону нельзя, сразу сожрут. Если не эти чудовища, о которых на большой земля ходят легенды, то чудовища двуногие. Этих-то я и сам навидался вдоволь. А ведь в Зоне, где до ближайшего отделения милиции трое суток на оленях, «пацаны» чувствуют себя как рыба в маринаде.

— Давай тащи свою задницу ближе. Чего там у кустов жмешься, — крупногабаритный бородач махнул мне рукой и продолжил выскабливать ложкой банку из-под килек в томате. — Не боись, Угрюмый, никто тебя на бухло раскручивать не будет.

У костра засмеялись.

Надо же, — пронеслось в голове, — как тут быстро слухи и сплетни распространяются. Вот и Угрюмым с легкой руки Шурупа окрестили.

— Ты не стесняйся, малой. Если надо чего, спрашивай. Никто тебя тут не съест. — Бородач выбросил пустую банку. — Только взаймы не проси. После вчерашнего, думаю, тебе и сам Сидорович ничего одолжить не рискнет.

— Это местный барыга что ли?

— Можно и так сказать. — Бородач вытер рукавом рот и закурил папиросу, услужливо протянутую ему смуглым парнем, кутавшимся в длинный плащ. — Только кому барыга, а кому и отец родной. Многих здесь с того света вытащил. Не своими руками конечно, но так сказать… — сталкер замолчал, не в силах закончить и чересчур длинную для него фразу.

Я понимающе закивал и удостоился благодарного взгляда бородача.

— Короче Банщик, — представился он, руки, впрочем, не протянув. — А это Масло, Герма, Тип-топ и Шишка.

Некоторые из сидящих вокруг костра сталкеров просто кивнули, кто-то подмигнул, а кто-то улыбнулся.

— А ты, значит, у нас Угрюмый. — Баньщик сложил руки на груди.

Ну Угрюмый, так Угрюмый. — Подумалось мне. — И на том тебе, Шуруп, спасибо. Мог ведь и Жлобом за глаза прозвать. Вот только интересно, каким образом остальные тут свои прозвища

получили?

Этот самый вопрос, но уже вслух я и задал Баньщику.

— Да просто все, — здоровяк рассмеялся. — Многие по фамилии, как Шишкин и Маслов, а кто по делам своим. Вот Герма у нас насобачился гермодвери в заброшенных бункерах вскрывать. Да так ловко, что никто и близко повторить не может. Мастер! А вот Тип-топ, как ты уже, наверное, дотомкал, кликуху за свою присказку получил.

— Не сцы, Угрюмый. Все будет тип-топ, — словно на бис, раздалось с той стороны костра.

— Шуруп же вкручивается в человека, клещами не оттащишь, — продолжал Баньщик. — Ну, это ты уже и на себе почувствовал. Вот такие дела.

Чего только не наслушаешься, коротая время до рассвета возле костра в компании опытных и не очень сталкеров. Конечно, о том, что со временем некоторые бродяги Зоны организовали что-то вроде кланов с пафосными названиями «Долг» и «Свобода», а так же непонятный «Монолит» слухи по всем городам и весям бывшего Союза бродили давно. Но Баньщик и его друзья рассказали мне много интересного. Например, о том, что «Свободу» основал один из бывших боссов «Долга», поссорившийся со своим компаньоном и напарником по первым ходкам в Зону. В чем уж там у них заключался конфликт одному Богу известно, но теперь-то понятно, почему эти анархисты сидят на бывших военных складах. А вот то, что этими балбесами так же как и долдонами из «Долга» руководит бывший вояка, показалось странным. Но странностей здесь и без того навалом. Начнем с того, что сама Зона — странное место.

За разговорами я и не заметил, как из-за бугра, что терялся в тумане по левую руку от меня, выкатилось заспанное, подернутое дымкой солнце. Как будто кто-то сорвал с него теплое одеяло тумана, напомнив, что уже утро и пора на работу. Светило здесь тоже, кстати, было странное. По крайней мере, сегодня. У оранжевого диска, как у того блюдца, наличествовала ярко красная каемка, а центр был ослепительно белым.

— Берлога Сидоровича вон там, — кивнул мне Тип-топ. Я подцепил лежащий рядом рюкзак и отправился на переговоры с местным авторитетом, которые не обещали быть легкими.

Торговец напомнил мне нашего Сан Саныча — главбуха из фирмы, в доблестных рядах ЧОПа которой мне довелось проработать последние три года, и поэтому благоговейного

трепета, как большинство новичков, перед ним я не испытывал. Бодаться с прикордонным олигархом пришлось битых полчаса. Он — мужик-то деловой, но и я в финансовых вопросах не одного слепого пса съел. В итоге торговец не выдержал и пошел на уступки.

— Шибко ты борзый, — Сидорович, которого я постоянно называл Сидорычем, оторвал, наконец, свои клешни с закатанными до локтей рукавами рубахи от стола и, не вставая со стула-вертушки, потянулся к кодовому замку сейфа. Поколдовав над капризным механизмом, он достал из металлических недр обыкновенный белый конверт, из которого тут же с ловкостью фокусника извлек фотографию мужика с большими залысинами, впалыми щеками и бесцветными рыбьими глазами, смотрящими куда-то мимо тебя.

— Но может быть эта вредная черта твоего характера тебе и поможет. Хотя Зона таких как ты, Угрюмый, и обламывает быстро, но в данном случае далеко в нее свою задницу не потащишь. Старая лесопилка в трех километрах от заброшенного блокпоста. Вот где Химик прячется. Если тебе удастся приволочь его сюда живым, ставка удваивается, ну а на нет и суда нет.

Хе. — усмехнулся я про себя. — Удваивается! Даже тогда не покрыть мой долг, который записал в свой гроссбух торговец после того, как втюхал новичку поюзанный обрез, коробку патронов к нему, пару буханок черствого серого хлеба и пяток банок тушенки хрен знает какого года выпуска. Ах, ну да! Инструктаж по обращению с аномалиями дорогого стоит. Только сдается мне я и без этого обошелся бы. Да ты не сИдорович, а СидорОвич какой-то. Плачет по тебе топор, старик-процентщик.

Ну возмущаться и сокрушаться можно еще долго, все равно вслух торговцу я этого не скажу, и вот, вздыхая и матерясь, ваш покорный слуга направил свои стопы в сторону того места, где когда-то визжала циркулярная пила и другие агрегаты по производству опилок.

Не знаю, может быть кровь моя отлегла от мозгов и направилась в сторону желудка, ведущего неравный бой с целой банкой тушенки, или местная погода так действует, да только взобравшись на пригорок возле дороги, по которой уже много лет никто не ездил, и, увидев четырех сталкеров, след в след неспешно идущих по своим делам, я отчего-то решил, что топают они вглубь Зоны через тот самый заброшенный КПП. По карте вроде так выходило.

Недолго думая, пристроился сзади и поплелся вслед за ними. Тем более в одном узнал давешнего Масло. Ни он, ни его

спутники против этого не возражали и вопросов лишних не задавали. Тут так и принято, если сам ничего о своих планах не рассказываешь, никто и не спрашивает.

Вся дорога заняла часа три. Сначала, когда шли перелеском и пробирались сквозь высокую сухую траву бывшего колхозного поля радовался, что все так удачно сложилось и усом не вел. Тем более, что и нет у меня усов-то. Потом началось болото.

Первые нехорошие мысли появились после того, как пятерка моих попутчиков бодро раскурочила проход в двух рядах ограждения из ржавой колючей проволоки. Еще километра через три показались вполне себе целенькие домишки. Ни тебе проваленных крыш, ни выбитых стекол. И машины снуют туда-сюда. А какие в Зоне спрашивается машины? Там и на бэтре-то не проедешь. Либо воронка, либо другая гравитационная аномалия вмиг превратит твое средство передвижения в кусок железа с консервированным мясом внутри. А тут пара грузовиков под разгрузкой, автобус… Мда!

Все прояснилось, когда зашли в поселок и бросили свои кости в местном кабаке. Оказывается, умудрился я выйти за периметр Зоны, и теперь нахожусь даже не в ее предбаннике, а в самом что ни на есть цивильном населенном пункте — бывшем райцентре Кабановке. Вот так вот!

Ну, делать нечего, перекушу сейчас выданными Сидоровичем консервами и обратно. Дорогу вроде бы запомнил. Правда, ботинки ноги натерли, но не ночевать же здесь. Тем более, что и здесь за постой наверняка платить придется, да и до темноты еще далеко. Как раз успею дойти до деревни новичков, переночую там, а уж завтра с новыми силами…

За этой мыслью и застал меня ощутимый толчок в пол забегаловки. На грязных полках тревожно звякнула посуда, мигнула засиженная мухами лампочка и на пару секунд воцарилась такая неестественная для питейных заведений тишина. Затем еще раз качнуло, и еще, и по столикам пронеслось:

— Выброс!

И тут заговорили сразу все. До ближайшего выброса оставалось еще два с половиной дня. Получается, этот внеплановый, а это значит, что многим застигнутым врасплох сталкерам не довелось пережить сегодняшний день. Уж я-то точно сейчас напоминал бы вынутый из микроволновки гамбургер. Судя по карте, до заброшенной лесопилки от Сидоровича ходу часов шесть-семь, и никаких деревенек или городков, в подвалах домов которых можно было бы укрыться от аномальной стихии, по дороге нет.

Выпив вместе с какой-то компашкой за упокой души всех тех, кто был в пути, я закинул за плечи рюкзак и отправился в обратную дорогу. И на этот раз ни зверюг, ни военных на моем пути тоже не возникло. Флегматичного Гороха в том самом доме уже и след простыл, а вместо него на знакомом прожженном матраце дрых круглолицый небритый здоровячок. Ни огня, ни даже теплых углей в бочке не было, поэтому, хлебнув водицы из своей видавшей виды фляги, я устроился в углу лечить свои истертые в кровь ноги.

Хоть и пришлось сегодня по собственной дурости отмахать по Зоне десяток-другой километров, сна не было ни в одном глазу. Поэтому вечер обещал быть длинным, и кроме как у костра — этого практически языческого толковища, скоротать его было негде. В кабак хода нет по причине полной финансовой несостоятельности, а лежать и несколько часов пялиться в покрытый трещинами потолок мне не улыбалось.

У огня кроме сменившегося часового и еще какого-то забулдыги никого не было. Я покосился на в конец опустившегося сталкера и в деталях себе так представил себя на его месте. Есть у меня такая черта — накручивать себя попусту. Хотя на самом деле не все уж так и плохо: первый заказ есть, оружие какое-никакое опять же и опыт — «сын ошибок трудных» помаленьку набираем. Вот только есть опасения застрять тут, как этот тип невменяемой наружности. Вон вторые сутки пошли, как по прикордонью мотыляюсь. Не застрять бы.

Леший, так величали часового, к разговору не был расположен, а оборванец и вовсе дремал, уткнувшись носом в грязный ватник. В результате я так и просидел несколько часов, пытаясь загипнотизировать огонь, пока не сменился еще один часовой с северной окраины деревни. Сундук оказался куда как более разговорчив. Он долго травил бородатые анекдоты, пока предметы у меня перед глазами потеряли четкость своих очертаний, окрасившись при этом в нежно розовые тона. Однако что-то в сон клонит. Надо этим воспользоваться и вернуться в «свой» дом. Утро вечера утреннее.

— Ну, показывай, что принес, Стал… — начал с порога свое обычное Сидорович, но осекся. Не сказать, чтобы он сильно удивился моему появлению, но брови поползли наверх, и торговец пробубнил:

— Не ожидал, не ожидал тебя увидеть.

Вот и пойми, то ли не ожидал совсем, уже записав в покойники, то ли не ожидал так рано.

— Я это… мне бы нарисовать, как до лесопилки дойти.

Сидорович ничего не ответил, а, оттопырив губу, достал из ящика листок, с отпечатанным текстом на одной стороне, и принялся чертить огрызком простого карандаша.

Получив желаемые каракули, я, не мешкая, смылся из логова торговца, пока тот не содрал с новичка за самодельную схему десяток-другой «деревянных».

К слову для меня до сиих пор остается загадкой, откуда в Зоне столько советских купюр, да еще в таком хорошем состоянии. Рисует их тут кто-то что ли?

Лесопилка была не просто заброшена, а ЗАБРОШЕНА! Я и не заметил ее сразу. Несколько поросших травой холмиков и куча металлолома, увитого плющом. Да и ту обнаружил, только споткнувшись о станину развалившейся пилорамы.

Химик, привлеченный моим шумным вторжением свои владения, стоял возле входа в свою нору и, вытирая левую руку о прожженный в нескольких местах зеленый резиновый фартук, пристально наблюдал за мной.

Возникла неловкая пауза, и я, не придумав ничего более умного, брякнул:

— Здрасте.

— А я думаю, что за псевдоплоть ломится через заросли? — вместо ответного приветствия проскрипел Химик. — Случайно забрел или по делу?

Голос его был таким же отвратным, как и внешность. В натуре Химик казался лет на двадцать старше, чем на фотографии. По краям заметно увеличившейся лысины на его голове торчали воистину мефистофелевские рожки из скрученных засаленных волос, каждую щеку «украшали» по две глубоких морщины, левая пара которых была перечеркнута корявым синюшным шрамом. Наверное, след от неудачного опыта. Поджатые тонкие бледные губы придавали его физиономии презрительно-заносчивое выражение, левое ухо торчало в сторону сильнее правого, а на кадыке, выступающем из тонкой цыплячей шеи, красовалась огроменная красная бородавка с тремя волосками посередине. Воистину фотограф был мастером. Ему удалось не только скрыть нескрываемое, но и кое-что приукрасить.

— Я от Матвея, — выпалил ровно то, что велел мне Сидорович и на всякий случай, впрочем, запоздало уже, нащупал обрез под курткой.

— А-а-а. Ну заходи тогда, — Химик оскаблился, явив миру

свои черные зубы. Только теперь я заметил, что правую руку он все это время держал на расстегнутой кобуре.

Этот самый Матвей, скорее всего, был для Химика авторитетом, потому что повелитель реагентов и реактивов сразу расслабился, повернулся ко мне спиной и, даже не пригнувшись, вошел в низенький дверной проем своей землянки-лаборатории.

Более удобного момента могло и не быть, и я, недолго думая, схватил его левой рукой за шиворот, а правой потянулся к кобуре.

Не знаю, в чем была моя ошибка: может напрасно мысленно уже прикидывал чего бы еще выцыганить у Сидоровича за живой товар, может, недооценил этого хлипкого мужичонку, только Химик вентилятором выкрутился из моего захвата и моментально исчез из поля зрения. В следующий момент я уже сложился пополам от удара ботинком в пах, а затем прямо в лоб прилетело что-то тупое и тяжелое.

Тот, кого больно и с последствиями били по голове, знает, что последующее «пробуждение» чем-то похоже на «хмурое утро» после хорошей пьянки. Тот же звон между ушей, те же мухи в глазах, и во рту, словно кошки насрали. Резких движений делать не рекомендуется, иначе проснуться церковные колокола и примутся лупить своими молотками изнутри вашей черепушки.

Я и не дергался. Покосился на руки и ноги. Целы ли? Пощупал ребра. Нормуль. А вот на лбу корка спекшейся крови. Значит, ни по одной детали организма, кроме, моей никчемной головы, не били. Уже хорошо. Ну, тот удар ниже пояса не в счет. К тому же струмент, в отличие от башки, не болит.

Огляделся. Вокруг на столах и многочисленных полочках стоят колбы, реторты и еще какие-то незнакомые сосуды, наполненные жидкостями всех цветов радуги. Значит, здесь и выполнял Химик всякие частные заказы. А почему у него прикрышки из парочки амбалов не было? Всем был полезен и не ждал ничего плохого? Тогда кому помешал, и кто втянул в это дело Сидоровича, месте с ним и меня?

Ага, думать начал! А раньше этого сделать было нельзя?

Осторожненько встал и шагнул к выходу. Умыться бы. Вот и умывальник. Сунуть руку? А если польется какая-нибудь зеленая гадость? А воспользуюсь-ка вот этими перчатками. Нет, прозрачная водичка, и не пахнет вроде.

Уф! Сразу полегчало. И «малинового перезвона» в голове не случилось. Все-таки хорошо, что рассечение. Слышал где-то, если с рассечением, то и без сотрясения мозга такие манипуляции с черепом обходятся.

Вот пить из-под крана я не стал. Нащупал флягу на поясе. Ее, в отличие от обреза и патронов, Химик у меня не изъял. И где мне теперь его искать? На кордон, не выполнив заказ и профукав авансированные обрез и патроны, я не вернусь. Это понятно. Не понятно что делать дальше. Осмотреть тут все как следует что ли? Вдруг зацепка какая появится.

После полутора часов копания в ящиках с кулечками и пузырьками, пересмотрев ворох бумаг с непонятными загогулинами и табличками, уже было совсем впал в отчаяние, когда обратил внимание на куртку с эмблемой «Долга» на рукаве. Даже странно, что она так далеко от базы долговцев делает. Ведь просто так по Зоне в своей форменной одежке ни один сталкер ни из одного клана не шастает. На своих базах в карауле или большой толпой в рейдах — это да. Но какой такой рейд «Долга» может быть возле самого кордона? Странно все это.

Куртка хоть и не зацепка, но возможно и ниточка. Что ж, попробую потянуть. Авось и приведет она меня к Химику. Отправляюсь на «Росток».

Легко сказать, а вот сделать…

Переть по Зоне через незнакомые территории, когда из всего оружия лишь дуля в кармане…

Его невозможно было не заметить. Тело сталкера лежало на камнях в неестественной для живого человека позе. Похоже его тащили, но видимо кто-то или что-то спугнуло собравшегося сытно пообедать. А труп-то явно не первой свежести. Интересно, какая из местных тварей не гнушается падалью? Я даже этого не знаю, а поперся искать приключений на свою задницу.

Посмотрим, может быть у бедолаги хоть какой-нибудь ржавый нож завалялся. Совсем без оружия у меня нет шансов против тех, кто любит свежатинку.

Оба-на! Кобура на ремне, а в ней пистолет. Кажется этот украинский. Как его там… «Форт». И совсем не тронутый временем.

Так. Что тут у нас еще? Две запасные обоймы, аптечка с просроченными лекарствами и, о чудо, деньги! Советские рублики. Совсем немного, но на пожрать хватит.

Это уже совсем другое дело. Только непонятно, лежит упокойник вроде у самой тропы, лежит давно, а никто его болезного до сих пор не обшманал.

Подумав немного, стащил с покойника и берцы. Ему они уже без надобности, а со своими ботами я рискую остаться совсем без ног. А вот изодранный рюкзак с бурыми потеками брать не стал. Побрезговал. Поэтому весь доставшийся в наследство скарб

рассовал по карманам и отправился в сторону бывшего завода «Росток», прокидывая подозрительные места на тропе болтами и гайками из своего заметно увеличившегося запаса.

И хоть на этот раз Сидоровича с его топографическими талантами под рукой не было, потертая карта, купленная по дешевке еще там, на большой земле, была способна задать хотя бы правильное направление. Я бы с ней и вчера за периметр не умотал, если бы не положился на свою интуицию, которой нет.

Наверное мне просто везло в это утро, но ни одна злобная тварь не явила свое личико, все попавшиеся по дороге аномалии я засекал еще издалека и болты в них швырял только чтобы подурачиться. Лес с двумя аленькими болотцами прошел легко и быстро. Где-то по левую руку осталась легендарная Свалка, с ее полезными, но жутко фонящими кучами мусора. Все хорошо, вот только жрать хочется зверски. Со вчерашнего дня ведь во рту конь не валялся.

Хоть и говорят, что лес прокормит, но только не этот. Всякие грибки и ягодки у меня доверия не вызывали, несмотря на правильность своих форм и крупные габариты, а дичь тут, как известно сама охотиться на человека, а не наоборот. Одним словом, злой, голодный и усталый вышел на опушку, и вот тут-то мое везение кончилось. То есть совсем.

Не успел сделать и трех шагов по краю оврага, перепрыгнув до этого вонючий ручей на его дне, как слева сзади раздалось таинственное «пук-пук-пук».

По началу и не понял, что это было. Врубился только, когда после повторного «пук-пук-пук» посыпались ветки у меня над головой.

По мне же стреляют, м-мать вашу.

Мутная водица зловонного ручья с радостью приняла мое впалое пузо, а чуть поодаль и еще что-то совсем неинтересное, округлое и ребристое.

Б-бах. По перепонкам ударил воздух, а по заднице комья земли.

Этак они меня совсем с дерьмом смешают, и не узнаю почем у этого Химика нынче синтетический героин. Рванули.

Да что такое! Вот и лес этот со злодеями заодно. За штаны своими сучьями хватает, больно бьет корягами по лодыжкам и норовит залепить глаза жухлой листвой. А еще в рот-компот паутины насовал. Не отплюешься.

Хотя нет, поторопился я на мать-природу наезжать. Преследователям моим тоже не сладко приходиться. Вон кому-то пнем подножку подставила. Горемыка кубарем на дно оврага скатился, да прямо в трамплин. Словно из катапульты обратно

полетел, только уже частями.

Батюшки! А я там совсем рядом задницей вихлял, изображая водолаза-пластуна.

Да и тут не санаторно-курортная зона. Чуть правее ловушка в тысячу вольт меж двух столбиков сверкает, а прямо по курсу мелкие листочки хоровод водят. Не иначе «карусель». Слева же за мертвыми черными стволами зеленоватый туман висит над болотом с чрезмерным содержанием ведьмина студня в воде или недостаточным содержанием воды в ведьмином студне. Хрен его знает.

А вот чего этот овощ не знает, так это того, как я между двух «зеркал» проскочил. Вон колышутся позади меня, потревоженные духом моих не стиранных три дня носков. Это с торца, да во время колебания «зеркала» их хорошо видно. В фас и анфас эту гадость не разглядеть. Кто «зеркалом» назвал, наверное, первый раз тоже сбоку увидел, поскольку всех наткнувшиеся на эту аномалию с другой стороны больше не видел никто. Р-раз, и исчез человек.

Во я попал-то! Не правильно все это. Одно хорошо, преследователи отстали.

Как там: было у отца три сына. Один на лево пошел и не вернулся, другой направо пошел, чего-то там нехорошее нашел. Стало быть, мне прямо идти. Ведь слева сплошная ведьмина топь, а справа электра. Ее конечно обойти не вопрос, заметил ведь уже. Но эти дамочки поодиночке не гуляют, а данная особь еще и самая активная, трещит без конца, как настоящая леди на базаре. А если молчаливая попадется? Есть такие: тише воды, ниже (что самое опасное) травы, а сама как жахнет. Значит придется с каруселью в русскую рулетку играть. Назад-то я через зеркала не пойду. Щекотки очень боюсь и нервы у меня слабые. Дернусь и поминай, как звали. К тому же там, скорее всего, на привал устроились те, кто в меня стрелял. Небось чаи гоняют и ждут чем дело кончиться. Какая из аномалий их грязное дело доделает. Ноя на них зла не держу. Тоже поди наемники как и я. Меня по душу Химика послали, а их по мою. Хотя конечно я почему-то наперед знал, что не убью этого Менделеева местного разлива. А надо было. Сейчас бы сидел в баре, дегустировал пятизвездочный клопомор и радовался жизни.

Ну что родная потанцуем?

— Угу-угу, — запузырила всеми цветами радуги карусель, принимая в подарок уже вторую гайку.

Ух ты моя толстушка. Эка тебя разнесло. Одним боком валежник подталкивает, отчего та самая электра и трещит-волнуется, а другим боком в студне купается.

Вот оно — поле аномалий. Много слышал, а теперь воочию довелось увидеть. Но вся беда в том, что солюшена (прохождения по нашему) на форуме никто не выложил. Да и где тот форум? У господа Бога в домашней сетке разве что. А это значит, канае… думать придется самому. А я и придумал. Не даром сидя на ЧОПовском посту не в одну сотню кроссвордов селедку разного калибра заворачивал. Практика — великая вещь!

Вон ту хиленькую сосенку сейчас прямо в ведьмин студень завалим, и пока она будет падать, поверху пробежим.

Сказано — сделано! Всего-то десяток кровавых мозолей и сломанный трофейный нож.

Однако когда бежал по стволу этой сосенки угораздило меня представить, что там за этой каруселью твориться. Воображение вмиг нарисовало мощный трамплин, в бесконечном движении сношающий парочку электр (или электер? Или электров?), стайку любопытных воронок вокруг и одну уснувшую от скуки жарку позади всего этого. И так захорошело мне от этой мысли, что я едва не попробовал мыском зеленоватую гладь студня. Ну знаете, как обычно пробуют пальцами ноги воду в ванной. Не горячая ли?

Бог миловал, удержал я равновесие и походкой пьяного канатоходца добрался-таки до суши. А там меня не ожидало ничего страшного. Только лесной кровосос.

Он стоял покачиваясь в окружении редких уже аномалий. Ни его ли это рык я принял за урчание в своем пустом животе еще стоя там за каруселью? Зашел кровосос сюда по нужде или меня унюхал, история об этом умалчивает. Она вообще может на этом закончиться. Моя история.

Кровопивец встрепенулся и как показалось рыгнул. Может сыт? Черта с два. Вон в мою сторону потянулись мерзкие пульсирующие щупальца. Был бы у него язык, облизнулся бы. Рад наверное. Еще бы! Я бы тоже до соплей обрадовался, возникни сейчас передо мной курочка гриль в лаваше. Ну или хотя бы банка консервированной ветчины. Только не американской. Ненавижу соевое мясо. Кстати чтобы такого мне сделать, чтобы я показался ему невкусным? Обосраться? Вряд ли. С дерьмом съест и не поморщится. А потом и нечем. Вторые сутки нежрамши.

Если вы думаете, что кровосос стоял и ждал, пока я переберу в голове все возможные варианты спасения, то глубоко ошибаетесь. Все эти мысли пронеслись в течении двух секунд, а на третью любитель пососать чужую кровушку растворился в воздухе. Это они перед атакой так делают.

Глаза, где глаза. Если и стрелять теперь, то только по ним.

Схватился за кобуру, понимая, что одной обоймы на супостата не хватит, а вставить вторую мне никто не даст. Не

успею.

Но я и достать-то свой «Форт» не успел. Не Ист Клинтвуд. К тому же неожиданно для себя обнаружил, что в правой руке держу шипящий и истекающий студнем обломок сосны. Хоть что-то.

— А-а-а, — почти без замаха швырнул в уже материализовавшуюся мерзкую харю отравленную деревяшку, но та цепанула обрубком за карусель и улетела в верх и вправо. Мы с моим другом-кровососом зачарованно смотрели за первым в мире полетом обрубка сосны, загаженного ведьмиым студнем. (Пусть только кто-нибудь мне попробует сказать, что видел нечто подобное). Этот дьявольский посох замкнул там наверху что-то с чем-то, и гигантская молния, срикошетив от толстого кривого ствола когда-то ясеня, ударила прямо в темечко… Нет не меня. Спасибо, но меня сегодня уже били по голове. Ударила она зазевавшегося кровососа. Шишкоголовый рухнул наземь, как подкошенный, а я остался стоять с открытым ртом. Так я стоял не помню сколько времени. При этом мысли роились в голове самые разные. Причем в диапазоне от лаконичных и вполне уместных типа «едрит твою за ногу» до экзотических. Ну например вопрос «Интересно, как там сыграло киевское Динамо с Ювентусом».

Наконец я вышел из ступора и обломком ножа откромсал кровососу его щупальца. Кто-то говорил мне, что за них ученые дают приличные деньги. Естественно кто и когда, я сейчас не вспомню.

Меж редких аномалий я плелся, будто меня все-таки опять крепко приложили по голове. Но когда подошел к опушке, все же собрался. Сначала раздвинув ветки минут десять наблюдал за окрестностями, потом пригнулся и зигзагами побежал в поле. Не охота мне в затылок 8х39 словить.

Поле казалось бесконечным, но вот после часа ходьбы на горизонте показались серые кубы заводских корпусов, подернутых привычной дымкой тумана. Эта пелена в Зоне не рассеивалась даже в яркий солнечный день. Такая вот атмосферная аномалия. Привыкаешь не сразу, но по рассказам ветеранов на большой земле этого не хватает. Один кекс говорил, что в Киеве у него на второй день даже глаза болеть начинают от четкости горизонта.

Часовой на посту манерами не блистал, но и придираться ко мне не стал. Этого, если честно, я опасался. Разное о долговцах говорят.

Сразу в местный бар я не пошел. Народ в таких местах лишнего старается не говорить, опасаясь чужих проплаченных ушей, а вот у костерка можно что-то интересное услышать. Туда и

направил свои стопы.

На доставшиеся мне в наследство деньги купил бутылку водки, буханку хлеба и пол батона колбасы, системы «собачья радость». Пузырек мы тут же раздавили с моим новым знакомым — Валькой Хрипом. Веселый оказался парень. А главное, язык без костей. Как раз то, что мне надо. Про Химика, правда, ничего особого я не узнал. Появлялся он тут всего пару раз. Ни с кем особо не общался. Да и местное начальство смотрело на него косо. Всем ведь известно, что Химик для анархистов из Свободы наркоту у себя в берлоге клепает.

Очень удивился Хрип, что я о Химике спрашиваю. Ну и посоветовал особо к долговцам с этим вопросом не приставать. Мол, в миг в немилость попасть можно с такими-то знакомцами.

— А ты чего же со мной вот так запросто?

— Я из первой волны. Ветеран етить твою в коромысло. — Хрип как-то сразу потух. Будто наступил я ему на мозоль душевную своим вопросом. Видно не нравятся ему новые времена и порядки в клане. — А у нас раньше все попроще было. Сейчас народу в клане полным-полно. Начальство гайки и заворачивает. Эх, были времена… — Хрип надолго замолчал, а я обратил внимание на парня в замызганном камуфляже, сидящего в стороне от остальных и увлеченно рассматривающего что-то у себя на животе.

Не тот ли это оборванец с кордона? Да нет. Что ему тут делать Да и попасть тот забулдыга сюда никак не мог. Чтобы дойти за такой срок от Кордона до «Ростка» нужно снаряжение, оружие… А это просто еще один опустившийся сталкер, застрявший до конца дней своих в Зоне.

А что же это там все-таки, у этого отверженного и униженного в грязных ладонях сверкает? КПК? Зачем?

Слышал, что по перву многие таскали с собой подобные агрегаты. Джи-пи-рэ-эс навигация, связь и все такое. Только Зона — это ведь «черная дыра». Ни рации тут не берут, ни спутники внутри нее, ни черта не видят, да и мобильная связь не действует. Вояки вон вертолеты по этой же причине не используют. Мало того. Все приборы начинают сходить с ума метрах в трехстах вглубь от колючки, так и втыкаются винтокрылые машины в землю аки гвозди в крышку гроба. Толи воронки «бьют» на километры вверх, то ли у пилотов крыша едет. В любом случае даже все маршруты авиалайнеров теперь проложены далеко в обход Зоны.

Однако этот чудик в изодранной камуфле что-то увлеченно рассматривает на маленьком мерцающем экранчике.

— Что пишут? — спросил я, едва удержавшись, чтобы не

зевнуть.

В ответ лишь «хи-хи».

— Это наш местный дурачок «Маманя», — пояснил мне Хрип. — Бармен ему очередную серию мультиков залил, вот и смотрит.

— Ну заясь, ну заясь. Хи-хи-хи, — Маманя подмигнул мне и вновь уставился в КПК.

И действительно дурачок. Как же сразу не углядел-то? Вон подбородок весь в слюнях, глазки бегают и дурацкая ухмылка с лица не сходит. Проехали.

Хрип тем временем распрощался, а я решил метнуть свои кости в сторону бара. Деньги еще оставались, и мне захотелось горяченького.

Поем, переночую здесь, а завтра отправлюсь на бывшие военные склады к свободовцам. Или как они сами пафосно называют свою базу, Милитари.

Краковские колбаски, приправленные зеленым горошком, сами таяли во рту. На ура шел и салатик из огурчиков и помидорчиков. Но насладится отличным ужином мне не дали. В бар, в окружении нескольких бойцов Долга, стремглав ворвался ни кто иной, как мой давешний знакомый Хрип. Тяжело дыша, как загнанная лошадь, и издавая при этом утробный рык почище кровососа, он направился прямо ко мне вместе со всей честной кампанией. Можно сказать, лица на нем не было. Вернее было, но красное как помидор на сельхоз выставке.

— У своих брать, крыса, — с этими словами Хрип прыгнул к моему столу.

Ну «у своих» — это он загнул. Не был долговцам своим никогда. А вообще, собственно, в чем дело?

Но спросить этого я не успел. Хрип с богатыркого замаха попытался свернуть мне челюсть. Я конечно понимаю, подставь левую щеку и все такое, только делать этого не стал. Уклонился как умел, и Хрип, проехавшись по остаткам моей трапезы, исчез под соседним столом.

— Сука, — это уже его дружки выкручивают мне руки.

Карательная система тут поставлена хорошо, ничего не скажешь. Не успел я вякнуть, что я не я и лошадь не моя, как оказался без шмоток и оружия в местной каталажке. А там уж по доброте душевной местный надзиратель и палач в одном лице объяснил, что меня на завтра ждет. А ни ждало ничего хорошего. Шлепнут одним словом и все. Они бы меня и сегодня шлепнули, но артефакт, который эти сатрапы вытрясли из моего кармана, и

который я якобы спер у Хрипа предназначался для Воронина. Он обладал какими-то там целебными свойствами. То ли почки в порядок приводил, то ли печень, и вот теперь во мне заподозрили свободовского шпиона, чьим заданием было изничтожить их горячо любимого командира. Поэтому-то дисциплинированные бойцы долга и решили отложить расправу до утра, когда вернется сам Воронин.

Между прочим артефакт этот я не брал. Может быть Хрип сам подарил его мне по пьяни и не помнит. И я не помню. Что за гадость мы пили?

Но положение дел это не меняет. А положение, прямо скажем, безвыходное. Двадцати пяти лет, как у графа Монте-Кристо у меня нет, значит нужно срочно что-то придумать.

Сразу вспомнился старый анекдот о русском летчике в афганском плену и его знаменитая фраза «ведь учили же, учили».

Чувство юмора не потерял — это хорошо, но делать-то что?

Бросили меня эти чертовы опричники в бывшую щитовую. Окон нет, дверь железная, крепкая, в полу есть небольшой дренажный колодец, но он забутован. Приоткрыв крышку, под слоем мусора я нащупал бетон.

Между тем, становится душновато. Помещение не то, чтобы очень просторное.

Думай башка, думай, картуз куплю. Посадили бы в кладовку чтоли, как сначала хотели. Там хоть окошко есть, гляди к утру удалось бы решетку расшатать потихоньку. Но нет. Один из повязавших меня, тот, который толстый, все переживал, что я чего-нибудь сожру из их многочисленных запасов. Вот и сунули в бывшую щитовую.

Вот интересно, когда по утру придут за мной, я как овца на убой пойду, или сопротивляться буду? Подтачивает поганая мыслишка, как и всех нас в подобных ситуациях. «А может все обойдется? Может объясню все суровому, но справедливому начальнику?»

Ну нет уж. Я еще повоюю. Войдут скажем двое, а третий снаружи останется. Первому по кумполу, второго ногой в пах. Потом подбираю автомат и беру третьего в заложники. Нет, слишком по киношному для правды. Да и бить по крепкой черепушке бывших военных у меня нечем. Разве что поискать.

Только нет тут ничего для этого дела подходящего. Люк от колодца неподъемный, провода в разоренных щитах разве что на повеситься сгодятся… Стоп! А это что такое? Кусок бронированного кабеля? В свинцовой оплетке должен быть тяжелым. Нужно только отодрать. Щас мы его…

Сноп искр, звонкий хлопок, не довольные голоса снаружи и я, придурок, сижу задницей на бетонном полу с огрызком кабеля в руках. Похоже какую-то перемычку выдрал.

От едкого дыма начинают слезиться глаза, а за пеленой что-то начинает гореть. За дверью звякают ключами. Мат-перемат и звук шагов, а я на четвереньках пробираюсь в сторону дверного проема, еле сдерживая кашель. Вошедшему же это не удается.

Свобода!

Улица встретила колючей темнотой, которую пару минут назад организовал я. Где-то справа за кустами мелькают налобники, вдалеке завыл механический ревун. Проползти на карачках до угла и затаиться. Все бы ничего, но вот зачихал и завелся резервный дизель-генератор, и мощный луч прожектора зашарил по бетонным стенам в ржавых узорах потеков.

— У северной стены пролом, он наверняка туда побежал, — пробасил кто-то догадливый почти над ухом.

Знать бы где эта ваша северная стена, почесал бы ровно в противоположную сторону, а пока глаз зацепился за пожарную лестницу, выхваченную из темноты все тем же лучом прожектора.

Возникла дикая мысль — уйти крышами. Метнулся к железяке, и вот я уже с высоты взираю на бестолковую людскую суету.

Кто-то проскакал внизу, и мне пришлось прикинуться пожарным шлангом и замереть как раз напротив окна, из которого лился тусклый свет.

Караулка. А на столе рядом с окном стоит картонная коробка с моим что ни на есть барахлом. Сверху и артефакт тот злосчастный лежит. Недолго думая, наклонился и схватил упаковку от телевизора «Рубин» за край. А через минуту уже на верху рассовываю свое имущество по карманом и прислушиваюсь — не лезет ли кто вслед за мной.

По крышам, как драный мартовский кот, я скакал минут пятнадцать, пока не заметил ржавый металлический штырь громоотвода, уходящий в низ, в темноту. По нему и спустился почти до самой земли. Не обошлось и без неприятностей. Приземлился пятой точкой опоры во что-то колючее. Теперь пару дней смогу либо стоять, либо лежать. А, фигня война. Я уже метрах в ста от «Ростка». Вот она, настоящая свобода. Здесь, а не на Милитари. Хотя именно туда и попрусь по холодку. Благо карта моя со мной, как и пистолет.

Самое главное по пути на Военные склады, было не свернуть в Деревню кровососов. Мне этого «дитя природы» хватило с лихвой в том поле аномалий. Пусть лучше диких курей со

шлангами от противогаза вместо шеи по своей деревне отлавливают кровососущие, а не покушаются на жизнь таких безсеребряников, как я.

Но смех смехом, а как отличить просто заброшенную деревеньку от места кровососьих оргий? Заброшка и заброшка. Нет, если бы я кантовался в Зоне годик-другой, точно бы знал как.

Вот эта, например. Вон и домик с почти целой крышей. Можно поспать, не опасаясь кислотного дождя. А поспать мне ой как надо. В застенках у «Долга» глаз не сомкнул, и иду уже битый километр, два, три, десять.

Уютный чердак с почти сухим сеном, узким окошком и еще более узким люком показался вполне безопасным местом, и не долго думая, так прямо и завалился самую пышную охапку силоса. Даже последней банке тушенки харакири не сделал. Сил не было.

— А-а-а!
— Тра-та-та.
— У-у-у!
— Бух. Бух.
— Х-хр.

В тех звуках, что разбудили меня, ничего необычного для Зоны не было. Даже привык к ним как-то. Но вот последнее «Хр-хр» узнал. И от того, что хрюкало где-то совсем рядом, аж мороз побежал по коже. Опять Сосун-вашен-кровь пожаловал по мою душу.

Относишься к ситуации с юмором? Это хорошо, — пытаясь подавить зевок, сказал я сам себе вслух. Я всегда шучу в стремных ситуациях сам с собой. А поскольку никто кроме меня этого не слышит, то и где смеяться, соответственно, никто не спрашивает. К доктору тоже послать некому. А я бы сходил чесслово. Надо бы вылечиться от хронического невезения. Без году неделя в Зоне, а уже столько всего.

Я, к слову, и на большой земле этим страдал по жизни. Петрович — так отчеству, меня чаще всего звали друзья и знакомые, именем нарицательным. На ком, исправно работавший до этого выключатель, коротит? На Петровиче! Кто застревает раз от разу в лифте? Петрович! С кем не решаются ехать коллеги даже в маршрутке, не говоря уж о собственных тачках? Правильно, с Петровичем! И правильно кстати делали. Шесть ДТП за последние полгода. Всего лишь пару месяцев прожившая со мной подруга попрятала все колюще-режущие подальше, и

даже чай делала исключительно сама. Но и она не выдержала после того, как в новогоднюю ночь на сервировочном столике от горячих подсвечников лопнула стеклянная столешница, и оливье, кровь, шампанское и осколки — все перемешалось на усыпанном конфетти ковре.

Думал, в Зоне все изменится. Все будет по-другому. Еще и из-за этого я здесь. И на тебе. Упырь с щупальцами уже лезет на чердак проламывая своей башкой гнилые доски.

Хотел выпрыгнуть в пролом в дальнем углу чердака, так на тебе — внизу нарезает круги еще парочка полупрозрачных кровососов. Только глазки сверкают, и опять все тоже самое «хр-хр». В общем и здесь я могу смело читать лекции по теме «что такое „не везет“, и как с этим бороться».

Уже совсем было отчаялся, и даже прикидывал, какой салатик добавить в меню моих поминок, как крики и выстрелы на околице стали совсем уж неприлично громкими, и все мои гости подорвались в ту сторону. Кто-то беспросветно глупый (глупее чем я) упрямо ломился в центр деревни, пытаясь выселить ее законных жителей.

Ладно моя непроходимая… э-э… беспечность привела меня в самое логово шишкоголовых, но эти-то куда прутся?

Впрочем, долго рассуждать я не стал, и сделал ноги в направление Милитари.

Там меня, как оказалось, уже ждали. Ну не совсем меня, но встретили горячо. Если кто не знает, очередью из крупнокалиберного пулемета можно разобрать человека на части так, что потом ни один даже самый талантливый в мире хирург не соберет. Хоть бы он и был еще по совместительству и чемпионом мира по скоростному сбору «кубика Рубика». Теперь можете представить, что я чувствовал, когда сыны анархии между двумя стаканами портвейна садили в мою сторону из «Корда». То ли сопли мои приняли за щупальца кровососа, то ли хрипел я похоже, но ветки над головой летели в разные стороны минут пять. А что? Патронов у Свободы тьма. Недаром на бывших военных складах сидят.

Потом они, конечно извинялись, дружески шмоная меня по карманам на предмет всего полезного. Извинялись ровно до того момента, когда сталкер по кличке Шлеп не заграбастал мой пистолет. Он некоторое время вертел оружие в рукаха потом почти без размаха шарахнул им по моей протянутой руке.

— Это Банданы пушка. — объяснил недоумевающим товарищам Шлеп. — Не иначе как этот хмырь Бандану уделал. А мы-то на Долг грешили.

Тут уже все уставились на меня, и это мне чертовски не понравилось. Что за бандана такая, и причем тут мой пистолет, я не понял. Зато понял, йчас будут бить. И это в лучшем случае. Скорее сего, дело дойдет до смертоубийства. Ясен пень, здесь уж точно никакого суда с присяжными не будет. А если и будет, оставаться на нем не собираюсь. Развлекайтесь без Угрюмого.

Как раз солнышко закатилось за макушки деревьев, и я не мешкая отправился за ним, прыгнув прямо в высокое пламя костра.

То ли игра света и тьмы сыграла свою роль, то ли дрожь в пьяных руках и пляска четей в пьяных глазах Свободовцев, но ни один их выстрел не достиг цели.

Я ломился сквозь лес подобно обезумевшей корове, которая, проснувшись поутру, обнаружила у себя вместо вымени вентилятор. Это могло закончиться очень печально, но не закончилось. Все аномалии в тот поздний вечер будто попрятались, а зверье ушло оставлять следы на неведомых дорожках где-то в других местах. Благо Зона не песочница.

Вот тут-то я почти уже был готов пересмотреть свое отношение к проблеме везение-невезение, но именно за этими мыслями меня застала дальняя зарница. Что-то сверкнуло в той стороне, где находилась мрачная громада ЧАЭС.

Итить твою, выброс! С этой беготней я как-то совершенно упустил из виду, что пора бы ему уже и быть.

Нужно искать укрытие. Вот сейчас-то и проверим, остался я и в Зоне все тем же «Петровичем» или жизнь готова дать мне еще один шанс.

Дыхалку уже сбивала вибрация нашпигованного электричеством воздуха, и в глазах забегали темные мухи, а я все бежал и бежал. Сам процесс напоминал спортивное ориентирование, где за определенное время нужно добраться до контрольной точки. Только вот ориентиров-то у меня как раз нет. Можно было бы положиться на интуицию, но когда я сделал это в последний раз, два дня сидел в непросветной глухомани возле разбитой попутки, потом часа три меня по сельской местности гнали местные поселковые Аль-капоне, затем я едва не утонул в вонючих стоках, по недоразумению называемых речкой Серебрянкой, и когда уже вышел к родным местам, сломал ногу. А ведь всего-то на всего моя долбанная интуиция подсказала, что на попутке будет быстрей и комфортней, чем на забитой людьми электричке.

Вот и сейчас я мчался сломя голову куда ноги несут. Ага, желудок уже просится наружу, а это верный признак того, что с

минуты на минуту придавит по взрослому. Это со слов бывалых, а уж им-то верю.

Кажется небо поменялось местами с землей. Кранты. Но ведь и правда, башка моя сейчас ниже задницы. Как так получилось? Наверное, на какое-то время отключился, все еще по инерции перебирая ногами. И сейчас продолжаю ими дергать. Застрял? Да, похоже. Причем застрял в очень интересном положении — вверх тормашками. И не видно ни черта.

Ну хоть жив, и то слава Богу.

Я не стал ждать, когда кровь проследует к моей голове от более важных частей тела, и попытался нащупать в темноте, за что бы можно было уцепиться. Наконец это удалось, вот уже лечу вниз.

Приземлился во что-то мягкое и склизкое. А вот летел ли я вообще? Во мраке этого не определишь. Хотя если посмотреть на светлый круг горловины колодца наверху, в котором и телепался некоторое время — таки да. Летел. А шею не свернул только благодаря тому, что десантировался прямо на… Фу-у-у! Разложившийся труп. Везет же мне!

Везет? Эта звучит действительно как-то двусмысленно. Одной стороны: сижу черт знает где, рожа вся разодрана, правый бок дико болит, хочется жрать и оружия нет. С другой стороны: упал и не убился, выброс пережил… В любом случае чувствую себя лучше, чем мой сосед, обнимающийся с ржавым автоматом, покоящемся на том, что осталось от живота бедняги. Так уж устроен человек, кому-то рядом хуже чем ему, это греет душу.

Интересно, от чего он умер? Надеюсь, не от радиации? — я поднес чудом уцелевший налобник к останкам.

Кажется его… Высосали! Час от часу не легче! С лесными и болотным кровососами я уже виделся. Теперь свидание с подземным? Не каждый живой сталкер может похвастаться такой коллекцией. Ох не каждый! Утешает одно, скушали моего нового знакомого очень давно. Может, здесь уже и не обитает никто?

Не знаю, наверное оно так и было, потому что за те полчаса, что пробирался по заброшенному коллектору, встретил лишь пару дохлых крыс.

В конце концов тоннель вышел наружу на территории заброшенного завода, но вздохнуть с облегчением я не успел. Не дали.

— Пацаны, гляди кто к нам колеса катит, — раздалось сверху. Прямо надо мной сидел небритый тип в изодранной куртке. Правая рука его лежала на коротком автомате не местного производства, а в левую братан сплевывал шелуху от семечек. Культурный!

— Топай сюда, фраер, не боись. Мы не страшные. — это из ворот бывшего гаража вышел еще один.

Постепенно вокруг меня начали собираться любопытствующие пацаны. В принципе настроены они были мирно. Может по обкурке, а может видели, что взять с фраера ушастого нечего. И правда, видок у меня не презентабельный.

Все испортил самый глазастый из них.

— Гля, пацаны, это же мент, бляха муха! — пробулькал он. — Берцы-то ментовские.

— Затухни, Шкворень. Такие берцы и с прижмурившегося вояки снять можно. У этого лошары даже волыны нет.

— Да мент в натуре. Ты на его рожу позырь.

— Ша! Кончай базар! — крепкий лысый усач, этакий погрузневший Розенбаум, в дорогих шмотках и с непростым оружием властным жестом угомонил сявок. — Оставьте человека в покое.

— Ну е мое, — снова зашумели пацаны.

— Будет жить, сказал. — Пахан пригладил усы. — Недолго. Боров вам обещал разобраться с гребаными гномиками из этой дыры? — «Розенбаум» кивнул в сторону тоннеля. — Боров за базар отвечает. Сопля, тащи веревку, на живца гномье ловить будем.

Кисея тумана, наконец, оставила в покое видавшие виды елки и медленно растворялась, так и не достигнув покрытого рыжей травой бугра. Было необычайно тихо. Двое пацанов, залив свой вчерашний энтузиазм паленой водкой, так и не дождавшись «гребаных гномиков», (это они так бюреров называют) мирно посапывали в кустах, а я отдыхал от безуспешных попыток освободить руки. Крепко они меня связали черти! Кажется и сам вздремнул немного, поэтому не сразу услышал осторожные шаги, а когда солнце заслонила башка в капюшоне, подумал: — Здрасте, гномики.

— Только не ори, — Тип-топ быстро перерезал веревки, взвалил мое онемевшее тело себе на плечи и потащился в кусты.

— Ух, ног не чувствую.

— Разотри посильнее, и все будет тип-топ. А вообще тебе отсюда дергать побыстрее надо на Милитари. — сказал мой спаситель.

— Не. Там на меня охота объявлена.

— Тогда в обход на «Росток».

— А там небось уже заочно приговорили. Лучше пойду через болота к Кордону.

— Не хочу тебя расстраивать, парень, но на Кордоне тебе

точно делать нечего. Вчера утром кто-то грохнул Шурупа. Многие думают на тебя — помнят вашу стычку в баре. Ну а главное, Сидорович награду за твою голову объявил. Чего думаешь, я сюда приперся? Типа тебя ищу за компанию с остальными. Только лично против тебя ничего не имею и слухам не верю, поэтому сейчас передохну и дальше пойду типа тебя искать.

— А мне что делать?

Тип-топ надолго задумался.

— Если пойти на восток отсюда, — наконец произнес он, — будет сплошная стена из аномалий. Говорят, за ней целые поля артефактов. Точно никто не знает, подтвердить некому. Оттуда даже ветераны не возвращались. В общем, смотри сам. — Тип-топ поднялся. Встал и я. Того и гляди братки проснутся, устроят шухер и начнут прочесывать округу.

Шел в сторону этой стены из аномалий и думал:

Докатился! «Ищут пожарные, ищет милиция…» И Долг и Свобода и бандюки, и вот теперь еще и сталкеры-одиночки — все хотят моей смерти, и получается, единственным выходом стала непроходимая стена. Форменный изгой я.

А стена вон она кстати. Ничего особенного. Просто скопление еле заметных воронок, трамплинов и жарок. Парных кочек с притаившимися электрами тоже навалом. То тут, то там булькают лужи с Ведьминым студнем и свисают с ветвей Ржавые волосы. Что же это такое Зона защищает ото всех с таким рвением? Лично я не хотел бы знать ответ. А придется узнать. Вон кто-то уже целится в меня из зарослей. Пришли по следам неудачника.

Первые же пули круто изменили траекторию своего полета над моей головой. Еще бы! К тому времени моя тушка уже проскользнула меж двух воронок, перепрыгнула зеленоватую парящую канаву и увернулась от ржавой пряди.

Не достанут ироды. Но радоваться рано. Сосредоточившись на решении маленьких, но животрепещущих проблем, я совершенно потерял ориентацию. Выстрелы прекратились, и они в этом деле теперь мне не подмога. Солнышко? Возможно. Но разве до конца можно быть уверенным, что Светило висит там, где это кажется через призму воронки?

Долго сказка сказывается, а я плутал по местной полосе препятствий почти до заката. Даже понравилось. Нашел среди лохмотьев одежды рюкзаки с галетами и запасом воды, подобрал исправный автомат, пополнил мешочек с болтами и гайками, даже обзавелся флягой с коньяком. Стало весело. Поспал немного возле трамплина и опять прыг скок и ползком.

К вечеру просто не поверил глазам своим. Передо мной

открылась долина, где среди травки сверка покачивалось множество артефактов, большинства названий которых и знать не знал. Неужели прошел?!

Прошел! — некто, затаившийся на возвышенности напротив стены аномалий, удивленно посмотрел на своего спутника, оторвавшись от мощного бинокля.

— Я же говорил! — ответил ему напарник. — Теперь Борисычу придеться раскошелиться.

— Да, попал Семенов на бабки. — Хмыкнул первый. — А если этот еще и вернется, Борисыч разорится.

Набив артефактами найденный рюкзак наполовину, я осознал, что больше этого добра отсюда не вынести. Опечалившись сиим фактом, поплелся было уже обратно, как мое внимание привлекло нечто.

Недалеко от изувеченной гравитацией березы пульсировало непонятное темное пятно. Оно как бы поглощало в себе солнечные лучи. По центру всего этого безобразия над землей плавала черная хреновина, похожая на морскую звезду.

Что-то я такое слышал про «Черную звезду». И вроде бы ничего плохого не говорили. Дорогая, судя по всему, штука. Не проходите товарищ мимо. Я и не прошел. Схватил хреновину и совсем было уж в рюкзак запихнул. Да только эта зараза вцепилась в ладонь.

Я и руками пытался ее отодрать и ножом отшкрябать, а звезда все больше врастала в мою руку. Вот уже отростки до локтя добрались и постепенно растворились в мягких тканях моего многострадального организма. Через пару минут на коже и следов не осталось.

Я затрясся весь и рванул куда глаза глядят. Не заметил, как вписался в стену аномалий. Зато она меня заметила. И тут такое началось!

Ближайшая воронка подтянула меня к себе, но тут же была бита соседним трамплином, подбросившим неудачливого сталкера в небеса. Следующая аномалия передала меня дальше по этапу.

По началу едва не обделался, зажмурил глаза, и некоторое время не открывал их. Открыв же, слегка удивился остаткам расползающейся на мне одежды и посмотрел в низ. С высоты птичьего полета деревья казались игрушечными, а высокая трава, наклеенной на столешницу танью.

Швыряние из стороны в сторону и вверх меня любимого продолжалось довольно долго. Дух захватило, как при езде на

«американских горках». Потом надоело. Успокоился, присмотрелся да и покинул этот навязчивый «парк аттракционов», оттолкнувшись от подвернувшегося дерева.

В попавшейся по дороге луже Ведьминого студня растворился уцелевший ботинок, и в сторону Милитари я пошел не только голышом, но и босиком. И самое главное, целым и невредимым!

Где-то недалеко от первого блокпоста силы всеже покинули меня. Стресс, недоедание и недосыпание сделали свое черное дело. В себя пришел от яркого искусственного света, проникающего даже сквозь плотно сжатые веки.

Приплыли! Я стянут ремнями и лежу на операционном столе, а рядом коршуном кружит Чикатилло от медицины с большой ножовкой в руке.

Слова не успел сказать, как этот гад вжик мне по ноге. Так мне это не понравилось, что лягнул его, удивительно легко освободившись от пут. В сторону отлетел и парень с ножовкой, и еще один тип, которого и не заметил сразу. Оказывается, он пытался ковыряться скальпелем в моем животе. Впрочем, с тем же успехом, что и тип с пилой.

Дольше находиться в этом кошмарном месте я был не намерен и вышел вон. Вышел прямо через окно, попутно вынеся раму и часть кирпичной стены.

Ого!

Всю дорогу к периметру Зоны меня терзали отрывочные видения, на привале возле костра сформировавшиеся в четкие воспоминания.

Вспомнил себя сидящего в кресле напротив умного дядечки, пытающегося объяснить мне олуху, что к чему.

— С самого начала я считал эту затею идиотской, но господа бизнесмены так ею прониклись, что тступать не хотели ни в какую.

— Значит, говорите, поспорили на то, что неудачник из неудачников проникнет на поля артефактов и вернется обратно?

— Да. И весьма на крупную сумму. И чтобы эксперимент был идеальным, были созданы все необходимые условия.

— То есть?

— Нашли вас — того самого непутевого «Петровича», о котором ходили легенды в Луганске. Натравили первым делом на Химика, в услугах которого заинтересованы были слишком многие. Подбросили милицейские берцы и пистолет погибшего Свободовца Банданы. Имитировали смерть Шурупа. Выкрали артефакт у долговца Хрипа и подбросили его вам…

— Но как?

— Помните якобы дурачка Маманю? Он шел за вами с самого

Кордона.

— Ясно. Не показалось, значит.

— Дальше…

— Погодите… А стрелял в меня кто?

— Одна из сторон слегка нарушила условия договора…

— Ничего себе, слегка…

— Другая не лучше. Помните Тип-топа? Его намеренно вывели на вас, а уж он уже по доброте своей душевной и помог.

— Ну, хорошо. А вам-то какая радость со всего этого, профессор?

— Интересно было на все это посмотреть с точки зрения теории вероятности, знаете ли. Для себя назвал это — проект «Изгой». А потом, я просто был уверен, что вы не пройдете мимо «черной звезды». Она мне очень нужна. Ну ладно. Выпьем за ваше чудесное избавление…

Интересно, что эта скотина, профессор Скрипчевский намешал в мартини, что я вырубился, очнулся лишь на операционном столе и почти потерял память?

Голышом ходить не совсем прилично даже в Зоне, и вышел я оттуда в одежде не от Армани, а от Сергеева Павла Валериевича. По крайней мере так гласили документы, найденные на трупе. Вышел и окунулся в своем нынешнем виде в обычную жизнь. Устроился опять в ЧОП, где и работаю до сих пор. А что? Пули отлетают как орехи, электрошокером я брею волосы под мышками, и нож меня не берет. Конечно, мог бы устроиться, например, в цирк, грести бабло лопатой, но такая известность мне не нужна. Опасна. Я ведь всех свидетелей моего феномена покрошил в окрошку. И тех двух бизнесменов и профессора…

Оставалось только пойти шаровой бабой на стройку (стены крушить уже умею) или сапером что ли. Вернулся в ЧОП, о чем не жалею. Нормально живу. В лифтах по-прежнему часто застреваю. Ну так теперь и выхожу из них через закрытые двери. Не хрен дешевку китайскую в домах ставить.

Дмитрий Павлов
ЧЕРТ И МЛАДЕНЕЦ

У Костика Семёнова, командира разведвзвода была подпольная кличка: «Чёрт». В глаза его конечно так никто не называл. Но если дневальный подавал сигнал: «Шухер! Чёрт в казарме», всем было понятно о ком речь. Костика в Воронежской бригаде внутренних войск знала каждая собака. От природы но был огромен будто лось, упрям словно осёл и зол как сто чертей. Костя обладал массивным подбородком и скошенным как у питекантропа черепом, всегда обритым согласно уставу (длинна волос 5 мм от поверхности скальпа). Из под мощных надбровных дуг сверкали глубоко посаженные глаза злого гения. А кулаки у Костика были такого размера, что зажав в них по буханке, он мог спросить: «Что у меня в руках»?

Бойцы слушались командира с полуслова. Если и находился смельчак, способный возразить, реакция старлея была мгновенной и потрясающей до глубины души. Костик резко оборачивался к непокорному, нависал над ним грудой мышц и, дыша в лицо, резко бросал:

— Чё такое?!

Вдавливая ошалевшего солдата взглядом в землю, Костик участливо спрашивал:

— Чи не так?

После такого вопроса даже у самого отмороженного неуставщика становилось «всё так». Когда Костик заступал на дежурство, бойцы приносили ему в кабинет телевизор и старлей смотрел его всю ночь, даже носа в казарму не высовывая. И верите ли, за все его дежурства в части не было ни одного инцидента. Ни пьянки, ни драк. Потому что солдаты знали: Чёрт на дежурстве. Нельзя беспокоить чертей попусту. Что же касается коллег-офицеров, то с ними все спорные вопросы Костик решал просто до ужаса.

— Щас как стукну тебя! — говорил он оппоненту. — Станешь фиолетовым.

Не скажу, что старлея любили в бригаде за такие повадки, но вынужденно уважали. Знали Костика и за пределами бригады. Слава о его похождениях дошла даже до родной Обояни. Как-то во время очередного отпуска Костю остановили трое и без предисловий предложили выворачивать карманы. Костик с такой постановкой вопроса не согласился и доморощенных гопников отлупил. Утирая кровавые сопли гопники с безопасного

расстояния пригрозили офицеру, что де, натравят на него некоего Чёрта, а уж он Семёнову покажет, где раки зимуют.

— Всякое повидал, — рассказывал потом Костик об этом эпизоде, — Но в первый раз меня мною же пугали!

В обязанности разведотдела бригады вменялось освещение обстановки на территории, прилегающей к периметру зоны отчуждения. Разведчики уходили в Зону на несколько дней, выбросы пережидали в подвалах брошенных зданий, с местным зверьём и проникающими через периметр «дикими» сталкерами старались не связываться, проповедуя главный принцип разведки: Скрытность. Обходя поля аномальной активности, бойцы иногда на десятки километров углублялись в зону отчуждения, куда кроме них мог добраться только хорошо экипированные сталкеры. Поэтому понятие «прилегающие территории» для Семёнова было весьма и многократно растяжимым. Он раз за разом выводил своих бойцов обратно к периметру, подтверждая неофициальное, но почётное звание военного сталкера.

В один из таких рейдов Костик крепко испортил отношения со своим ротным, недавно переведённым в бригаду из одной маленькой, но гордой республики. Разведчики зачищали покинутое село, что стояло в километре от периметра. От домов в нём остались по большей части одни стены, поросшие диким виноградом. За стенами был хаос из обломков провалившихся крыш. Во дворах и палисадниках разросся бурьян выше человеческого роста, обожжённые яблони сгибались под весом страшноватого вида плодов. Разбившись на тройки, разведчики двигались от северной окраины села. Стараясь не шуметь, они осматривали руины.

— Эй вы! — окликнул ротный бойцов с автоматическим гранатомётом. — Дуйте вон на тот холм.

Боец, тот, что нёс на загривке сам АГС, достал из кармана пару гаек с привязанными к ним обрезками бинта. Из всех детекторов аномалий гайка — самый надёжный. Второй солдат со станком за спиной встал сзади, готовый идти след в след. Ротный посмотрел на эти приготовления, ничего не понял и зашипел:

— Так, я сказал: бегом!

Бойцы глянули на Костика, на лицах у них появилось выражение как перед расстрелом.

— Товарищ капитан, — сказал Семёнов как можно тише. — Здесь нельзя «бегом».

Ротный обернулся и уже раскрыл рот, собираясь оборвать старлея, но в этот момент из-за деревьев раздались хлопки автоматных выстрелов, приглушённых ПБСами. В ответ резко затрещал «калашников» уже безо всякого глушителя. Разведчики

наткнулись на охрану контроллера. Мгновение спустя все почувствовали удар. Мир окрасился в фиолетовые тона, улица качнулась, словно при землетрясении, контуры руин расплылись. Это контроллер обнаружил присутствие врагов. Он ещё не нападал, просто предупреждал: «Я знаю, что вы здесь. Не трогайте меня, и я вас не трону». Но разведчики зашли слишком далеко.

Рейд закончился плохо. Бойцам пришлось уносить ноги из проклятых руин. Спустя полчаса после того как разведчики выскочили за околицу, «грады» превратили село в лунный пейзаж. А Костик получил себе в командиры непримиримого врага и обрёл неоценимый опыт общения с контроллером.

Жизнь в бригаде шла своим чередом. Патрули, наряды, выходы в Зону. К последним старлей относился как к неизбежному злу, поскольку патологической храбростью не страдал, всю свою дозу адреналина с лихвой выбирал на рыбалке со спиннингом. На Припяти, у которой стояла бригада, рыбалка была хорошей. Эпизод с неудачным рейдом стал забываться.

В субботу по частям периметра объявили усиление. Это значило: никаких увольнений в город, всем находиться в бригаде и ждать, пока режим усиления не снимут. Костик парень холостой, ему в городе всё равно делать нечего. Но и видеть одни и те же рожи не было больше сил. Костик достал пиво и пошёл в гости к начальнику медицинской службы бригады. Врач подписал контракт после окончания гражданского мединститута. Он был человеком сугубо штатским и Семёнов взял над ним что-то вроде шефства, чтобы переход от весёлой гражданской жизни к суровой военщине не показался слишком резким.

Стояло солнечное августовское утро, день обещал быть тёплым. Из распахнутого окна медпункта открывался вид на ангары и ограду из колючей проволоки, обозначавшую границу части. У колючки бойцы с триммерами в руках сражались с бурьяном. Кому не достался триммер, собирали скошенную траву в стожки. Труд этот носил оттенок сизифова, потому что малые дозы аномальной активности, ощущавшиеся вблизи периметра, вызывали бурную вегетацию у растений и любой сорняк за неделю вымахивал выше человеческого роста. Визг триммеров и ругань солдат привела Костика в благодушное настроение, ибо нет ничего приятнее, чем наблюдать, как работают другие.

— Есть в этом что-то романтическое, — заметил Костик, — пить пиво из горла.

Врач кивнул, соглашаясь. Он чувствовал себя не очень уютно, ибо, что ни говори, наливаться пивом на службе — занятие предосудительное. Над частью появился самолёт. Он летел настолько низко, что была различима маркировка на борту и ряд

иллюминаторов. Самолёт беззвучно скользнул над казармой и скрылся за тёмной стеной леса.

— Красиво летит, — сказал врач, указывая бутылкой в ту сторону, где только что скрылся самолёт.

В этот миг собутыльников поразила одна и та же мысль. Но Костик, у которого соображалка работала быстрее, выразил её первым:

— Он что, с выключенными моторами летел?

И приятели погрузились в созерцательное размышление на тему лайнера, планировавшего в сторону зоны отчуждения. Произошедшее никак не вязалось с их повседневным опытом, определённо свидетельствовавшим, что там, за периметром может быть всё что угодно, хоть черти с рогами, хоть танки с крылышками, но зато, здесь, в пределах нормального мира всё объяснимо и имеет чёткую причинно-следственную связь. По случаю старлей выдал историю про то как вертолёт, на котором он с разведгруппой летел вдоль Припяти, попал в непонятное облако и у него отказали оба двигателя. Вертолёт довольно жёстко сел на авторотации, разведчики вместе с пилотами неделю искали выход из лабиринта аномалий. Врач в ответ рассказал, как в Курске вертолёт санавиации ни в какие аномалии не попадал, но от старости прогнил настолько, что в момент посадки на больничном дворе у него отвалился хвост.

— …представляешь, винты ещё крутятся, и в этот момент хвостовая балка падает на землю! — красочно описывал эскулап. — Областная больница была просто в шоке.

В дверь постучали, и сразу же в кабинет заглянул солдат.

— Товарищ старший лейтенант, вас к начштабу.

Тревожное предчувствие, поселившееся в душе офицера, усилилось. Он спинным мозгом почувствовал связь между спланировавшим в Зону лайнером и внезапным вызовом к начальству. Дело в том, что гражданская авиация над Зоной не летает. В принципе! Даже вертолёты Изоляционных сил над запретными землями появляются изредка, и летают осторожно, на ощупь пробираясь между аномалиями.

В кабинете начштаба уже находилось несколько офицеров из которых Семёнов выделил пилота в лётной форме. Он что-то показывал подполковнику на карте. Карта на столе начштаба изображала северный сектор Зоны. Районы высокой аномальной активности, выделенные красным тоном, сливались и напоминали кляксу, упавшую севернее Киевского водохранилища. Аномальная «клякса» широко раскинулась по украинскому Полесью, брызги-очаги её залетели в Гомельскую и даже в Брянскую области. Изображённый на карте сектор

называли «белорусским». Во первых, потому что географически он прилегал к белорусской границе, а во вторых, охраняли его периметр в основном российские и белорусские части. «Белорусский» сектор считался самым тяжёлым.

— Так, Семёнов, слушай сюда, — оторвался от карты подполковник. — Поступила оперативка: В Зоне, в пятнадцати километрах от нашего участка периметра на окраине бывшего населённого пункта Мостовое упал самолёт «Татищевских авиалиний». Предположительно, он сбился с курса и при столкновении с воздушной аномалией у него отказали оба двигателя.

Семёнов глянул на карту. Район падения был испещрен пометками от руки, показывающими расположение аномалий и безопасные проходы между ними. Местность вокруг Мостового пестрела пометками. Группа на БТРах туда не пройдёт. Точнее, пройдёт, но потеряет половину машин в аномалиях. Значит, спасателям придётся выдвигаться в район падения пешком или…. Костик выразительно посмотрел на лётчика. Тот подмигнул старому знакомому.

— Спасотряд на вертолётах уже вылетел, — продолжал подполковник. — Но им добираться от самого Киева, затем плестись вдоль периметра и только потом разворачиваться на Мостовое. Это слишком долго. Ситуация в Зоне всем известна. Сейчас вокруг места падения начнёт собираться разное зверьё. Даже если кто-то из пассажиров не пострадал при падении, до прилёта спасателей он не доживёт. Его просто сожрут. В распоряжении бригады сейчас четыре вертушки, они могут добраться до Мостового раньше спасателей.

Начштаба окинул глазами офицеров. Все слушали с должным почтением. Взгляд подполковника остановился на Костике.

— Семёнов, теперь конкретно задача твоей группы: На двух вертушках необходимо выдвинуться в район падения, занять оборону, оказать помощь раненым. Если такие обнаружатся. До прибытия спасателей твои бойцы должны будут выявить и обозначить все аномалии вблизи самолёта. Всё.

В штабе Костик согласовал условные сигналы, запасную точку эвакуации (если придётся делать ноги из района падения) и маршрут возвращения пешком (если погода вдруг станет нелётной).

Штатной авиации в бригаде не было, но на время операций в Зоне ей придавали звено вертолётов. Поскольку операции шли одна за другой, «Ми-восьмые» прочно прописались на бывшем футбольном поле за парками бригады. Вертолёты в бригаду всё время направляли из одной и той же эскадрильи, поэтому

разведчики знали «своих» пилотов и имели представление о пределе возможностей их машин. Пилоты в свою очередь чётко знали, чего хотят от них в бригаде.

Вертушки синхронно взмыли над полем, прошли над колючей проволокой. Под машинами потянулись кроны соснового бора. Полёт над Зоной — это высший пилотаж с элементами цирка. Уклоняясь от аномалий, пилоты внезапно бросали машины в сторону, набирали высоту или так же неожиданно пикировали. При этом лица у пассажиров в грузовой кабине приобретали отчётливо-зелёный оттенок.

Костик тревожно осмотрел своё воинство. Вроде блевать ещё никто не собирается. Привстав со своего места, офицер заглянул в кабину пилотов. Через остекление была видна стена из облаков, закрывавшая путь к центру Зоны. Облака громоздились от земли, кажется, до самой стратосферы, где ослепительный ультрамарин неба переходит в насыщенную синеву космоса. Между облачными слоями проскакивали молнии. Офицер никогда раньше не видел ничего подобного, но чутьё подсказывало: с этим явлением лучше не связываться.

— Возвращаёмся? — спросил он у пилота.

Тот отрицательно мотнул головой.

— Будем искать проход, — сказал пилот и приказал сидящему рядом стрелку: — Огонь прямо!

Стрелок выпустил короткую очередь из пулемёта, трассирующие пули полетели, оставляя за собой дымные хвосты. Уже на излёте они вдруг метнулись в разные стороны, обозначив невидимую гравитационную аномалию, висящую прямо по курсу вертолёта.

Вертолётчики в Зоне, это те же сталкеры. Как сталкеры они нащупывают дорогу, только вместо болтов и гаек используют пулемёты. Постреливая прямо по курсу, вертолёты двинулись вдоль стены облаков. Неожиданно появился просвет, и машины нырнули в него словно в ущелье с отвесными стенами. Солнце сразу скрылось за тучами, в кабине стало сумрачно. Хлынул дождь, дворники едва успевали сметать воду со стёкол. Исчезли всякие ориентиры, экран радара затянуло светлой пеленой помех.

Вертолёты выскочили из облаков, и солнце засияло так же неожиданно, как и погасло. Костик невольно прикрыл глаза рукой. Под вертолётами простирались поля, поросшие молодым ельником, показалось село. Брошенные дома утопали среди крон одичавших без ухода фруктовых деревьев. За северной окраиной, на краю обрыва, среди кустарника и молодых ёлок распластался самолёт. Чёрный дым поднимался от фюзеляжа, развалившегося на несколько частей.

Вероятно, пилоты пытались посадить лайнер на брюхо. Тогда у некоторых пассажиров появился бы шанс на спасение. Но самолёт влетел в несколько угнездившихся в поле аномалий и те развалили машину на куски. Неповреждённым казался только накренившийся вправо хвост. Огонь до него ещё не добрался, и в нём могло быть несколько уцелевших.

— Садимся у хвоста! — решил Семёнов.

Пилот кивнул и повёл машину вниз. Вторая кружила сверху, прикрывая место высадки. Костик открыл бортовой люк и встал в проёме, готовый первым спрыгнуть на землю. В этот момент вертолёт взорвался.

Костика швырнуло вперёд, он кувыркнулся в воздухе и со всего маха шлёпнулся на спину. На его глазах пылающая машина завалилась на бок, вскользь ударилась о землю и покатилась по пологому склону, взрывая дёрн и оставляя куски покорёженного алюминия. Топливные баки вертолёта, основные, и установленные в кабине дополнительные, были заполнены керосином. Все, кто не погиб при взрыве, приняли смерть в огне. Вторая вертушка развернулась и ударила НУРСами по невидимому для Костика врагу. К вертолёту стремительно протянулся след от ракеты, раздался резкий хлопок. Машина не выходя из пике воткнулась в склон. Земля содрогнулась от удара.

Костик лёжа на спине хватал воздух ртом. У него было ужасное чувство, будто он забыл, как дышать. Постепенно дыхание восстановилось, и старлей перевернулся на живот. Хоть он и пребывал в нокдауне после удара о землю, но всё ж таки сообразил, что стал свидетелем применения «Иглы». По слухам несколько таких комплексов купила сильная сталкерская группировка, осевшая в центре Зоны.

Жар от горящего самолёта чувствовался даже сквозь комбинезон. Пламя с гулом пожирало остатки фюзеляжа, дым заполнил хвост и сизыми хвостами сочился наружу сквозь трещины. Даже если кто-то из пассажиров, сидевших в хвосте, уцелели при падении, они уже давно задохнулись в дыму. Разведвзвод погиб напрасно. Семёнова в части считали везунчиком и предупреждали, что когда-нибудь его удача закончится самым кошмарным образом. Так и случилось, но по иронии судьбы не повезло всем, кроме командира.

Старлей поднял голову, осматриваясь и пытаясь определить, откуда стреляли. Необычный звук привлёк его внимание. Как будто плакал младенец. Метрах в десяти от Костика лежал труп женщины, вероятно выброшенный через трещину в фюзеляже при падении. Чуть дальше под ёлкой валялась сумка необычного вида. К изумлению разведчика сумка зашевелилась, из него

выпросталась детская ручонка.

При падении ребёнка спасла ёлка. Её упругие лапы смягчили удар как хороший батут. Повезло, нечего и говорить. Костик по-пластунски пополз к сумке. Что бы не произошло, задачу спасти выживших никто не отменял. Старлей был уже в полутора метрах от сумки, когда землю рядом с ним вспорола пуля. Разведчик прижался к земле и замер. Потрепанный и выцветший комбинезон идеально сливался с дёрном. Второй выстрел пришёлся намного дальше первого. Молодые ёлки мешали снайперу вести прицельный огонь.

Страшно медленно, чтоб не выдать себя стрелку, Костик выставил вперёд автомат и стволом зацепил сумку, одновременно высматривая путь отхода. Справа в полуметре от разведчика был край не очень крутого обрыва, спускающегося к речке. За нею поднимался пологий склон, густо поросший ольхой. Семёнов подтянул сумку к себе, одновременно перевалившись через край, и скатился вниз, чудом не придавив свою добычу.

Пуля вспорола край обрыва и опять мимо. Прижимая к себе сумку с притихшим младенцем, Костик пробежал по дну ложбины, в три прыжка форсировал речку и вломился в заросли ольхи. Поднявшись по склону, разведчик остановился. Он был невидим сквозь листву, а поле, на которое упал самолёт, находилось перед ним как на ладони. Видно было, как в огне догорают остатки самолёта. Там, где раньше была средняя часть фюзеляжа, дрожало марево, попавшие в него языки пламени преображались и рассыпались осколками разноцветной мозаики. Это была гравитационная аномалия, одна из тех трудно различимых ловушек, которые делали зону отчуждения труднопроходимой. Чуть дальше пылали обломки вертолёта.

От руин села к месту катастрофы приближался небольшой отряд. Человек десять шли развернувшись цепью. Костик обратил внимание на однообразную экипировку бойцов. Сталкеры-одиночки и даже члены небольших артелей одеваются кто во что горазд и снаряжение подбирают сообразно имеющимся средствам. У этих же парней комбинезоны, бронежилеты, оружие были как с одного склада. Семёнов укрепился во мнении, что имеет дело с одной из серьёзных группировок.

Сталкеры миновали обломки самолёта и стали спускаться к речке. Там их уже можно было попытаться достать из автомата. Но у Костика были другие планы. Он глянул на дитё. На вид ему было меньше года. Ребёнок лежал тихо как мышь и смотрел на офицера расширенными от ужаса глазами. Костик почему-то сразу решил, что перед ним мальчик.

— Ну что пацан, испугался? — спросил он. — Ничего,

выберемся. Тока не ори.

Ребёнок ещё больше втянул голову в плечи, глаза его стали совершенно круглые. Костик вынул из кармана ранца спутниковый телефон. В своё время пять таких трубок купили на «сэкономленные» бригадой деньги. Один телефон забрал в своё распоряжение комбриг, два отдали штабу и два — разведотделу. Квартировавшие тогда в бригаде бойцы спецназа завидовали вэвэшникам чёрной завистью. Им самим приходилось пользоваться обычными рациями, работавшими в Зоне через раз. Офицер набрал номер штаба. Трубку взял начштаба. Костик кратко обрисовал обстановку.

— …буду выходить к запасной точке эвакуации, — завершил свой доклад Семёнов. — Расчётное время в пути — три часа.

На другом конце провода воцарилось молчание. Командование переваривало новость об одномоментной потере целого взвода. Такого в бригаде ещё не случалось.

— Понял тебя, — наконец отозвался подполковник. — Вертолёт будет в точке эвакуации по вызову. Постарайся не притащить туда хвост. Всё, отбой.

Костик спрятал трубку и глянул на преследователей. Они уже спустились по склону и преодолевали речку. Сталкеры явно шли по Костикову душу. Офицера это не беспокоило. Сектор, в котором он находился, Костик знал как свои пять. Собак у сталкеров не было и маловероятно, что среди преследователей окажется следопыт, способный читать лес как открытую книгу. Семёнов не сомневался, что сможет оторваться от преследования. Только бы младенец не разорался. Офицер поднялся, взял сумку в руку.

— Сейчас побегаем, — предупредил он ребёнка.

Младенец судорожно сглотнул, не отрывая от Костика глаз. Уходя от преследователей, Семёнов взял хороший темп. Лес, через который он пробирался, разведчики основательно исследовали со времени последнего выброса. Новые аномалии за это время как будто не появились. Ребёнок вёл себя прилично. Качаясь в сумке он глазел на окрестности, несколько раз попробовал ухватить ручонкой за нависшие над тропой ветки и наконец уснул. Костик сделал несколько поворотов, и к полудню решил, что окончательно запутал преследователей. Он заложил большую дугу, и залёг метрах в трёхстах от своего следа, чтоб проконтролировать отсутствие преследования.

Лежать под ёлкой на ковре из опавшей хвои было даже приятно. Тёплые солнечные лучи, проникая сквозь еловые лапы, грели спину. Ветер шелестел в кронах деревьев. Из зарослей вышла косуля, замерла, насторожено прислушиваясь. Костик

шевельнулся и косуля, почуяв присутствие человека, беззвучно прыгнула в кусты. Некоторое время был слышен шорох острых копытец по опавшей листве, потом всё стихло.

Костик залёг в обширном лесном оазисе среди аномальных полей. Выбросы, раз за разом перекраивающие карту Зоны, до сих пор счастливо миновали этот лес. Здесь редко встречались аномалии, мутанты из внутренних секторов забредали ещё реже. В этом лесу росли нормальные деревья, жили нормальные звери. Вот если бы ещё через него ходили нормальные люди….

Треск валежника выдал преследователей. Сталкеры старались идти по лесу скрытно, но у них это плохо получалось. Костик услышал их раньше, чем увидел.

— Ы! — раздалось у разведчика за спиной.

Костик обернулся и увидел, что ребёнок уже не спит. Он перевернулся на живот, наполовину выбрался из сумки и смотрел на Семёнова ясными голубыми глазами. Ладошки его утопали в мягкой хвое.

— Ы!

В голосе младенца появились требовательные интонации.

— А ну молчать! — зашипел Костик.

Он вырос в большой и не слишком благополучной семье, опыт общения с маленькими детьми у него имелся. По всем прикидкам получалось, что у ребёнка сейчас обед. И если Семёнов немедленно его не обеспечит, дитё устроит скандал. Такой, что сбегутся не только сталкеры но и всё окрестное зверьё, посмотреть, что стряслось.

— Гы! — заявил младенец.

Офицер быстро обшарил карманы и кармашки трофейной сумки. Обнаружено было: Пелёнка, одна штука, початая пачка памперсов — пол штуки, бутылочки, одна с водой, другая с остатками молочной смеси на дне. И ещё банка сухой молочной смеси, почти пустая, судя по весу. Костик почувствовал, как на него накатывает паника. Младенец разорётся с минуты на минуту, а за деревьями уже мелькают серые комбезы преследователей. И что удивительно, шли они не по следам, а прямо на лёжку разведчика, будто у того в кармане находился приводной радиомаяк.

Костик похлопал себя по карманам и обнаружил пару сушек. Он взял их в буфете ещё неделю назад, и забыл. И вот теперь вспомнил. Костик протянул сушку младенцу. Идея оказалась гениальной. Ребёнок шлёпнул по сушке пару раз ладошкой, схватил её и сунул в рот.

— Гу-у-у! — сказал он, довольный жизнью.

Сталкеры показались из-за деревьев. Их было всего пятеро и

офицера посетило нехорошее предчувствие. Он понял, что перехитрить преследователей не удалось и остальные сейчас подходят с другой стороны, беря разведчика в клещи. Правда, преследователи шли не строго на Семёнова, а забирали чуть вправо. Оставалась надежда, что они пройдут стороной, если конечно, младенец не выдаст себя криком.

Семёнов опасливо обернулся. Ребёнок лежал в рюкзаке и сосал сушку. Иногда он отрывал её ото рта и принимался возить сушкой по сумке, оставляя на жёсткой ткани следы размокшего хлеба. В ближайшие полчаса он собирался вести себя тихо.

Сталкеры проходили метрах в ста от Костикова укрытия. Разведчик держал их на мушке. Кажется, всё должно было обойтись благополучно. В лесу было тихо. Слышно даже как комар звенит. И в этот момент ребёнок чихнул.

Сталкеры разом обернулись на звук. Опережая их, Костик нажал на гашетку. Очередь опрокинула навзничь одного сталкера, остальные упали на землю, скрылись среди высоких папоротников. Не давая им ответить, Костик шарахнул наугад из подствольника, а сам подхватил сумку с перепуганным младенцем и метнулся в ельник. Затрещали автоматные очереди, разведчика осыпало сорванной с деревьев корой. Это обнаружила себя вторая группа. Если бы преследователи действовали чуть более согласовано, у Семёнова не осталось бы ни единого шанса.

Костик перешел с бега на лёгкую трусцу. Он пересёк небольшое болотце, впереди в просвете между деревьями блеснула гладь лесного озера. Лес кончился, впереди показалась гряда пологих холмов, поросших тёрном. Преследователи, должно быть думали, что ловить Костика на открытом пространстве будет легче. У самого Семёнова на этот счёт было своё мнение. Он полез на седловину, раздвигая грудью высоченную степную траву. Солнце било ему в затылок, пот ручьями стекал под комбезом. На ходу Костик сорвал несколько ягод терновника, попробовал и бросил — кислые.

На самой седловине колючие кусты терновника образовывали как бы два острова, между которыми имелся узкий проход. Вроде бы открытое место, но обойти проход нельзя. Между зарослями Костик установил пару растяжек. Две зелёные рыболовные лески были почти не видны в высокой траве.

За грядой снова начинался лес. Лохмы ржавых волос свисали почти до земли. Тронь такую почти невесомую прядь и руку прожжёт до кости. На коре деревьев чернели ожоги от последнего выброса. Многие лесные великаны погибли годы назад, но всё ещё стояли, лишённые коры и не подверженные гниению. Их голые ветви напоминали раскинутые руки скелетов. Оазис

кончился, перед разведчиком лежал настоящий лес Зоны.

Костик сразу по ритмичному покачиванию ветвей определил две «птичьи карусели». Впереди потрескивала невидимая «электра». Уровень радиации подскочил сразу, едва лишь разведчик ступил под кроны деревьев, но всё ещё оставался в терпимых пределах. В кустах зашуршало, Костик краем глаза успел заметить метнувшуюся в сторону тень. Неожиданно пискнул вызов спутникового телефона. Костик на ходу вынул трубку. Вызывал подполковник.

— Вертолёт будет на точке эвакуации через полчаса, — сообщил он. — Если хочешь выбраться из Зоны, поторопись.

Новость была потрясающая. Даже если бы Костик сейчас же подхватил ребёнка и сломя голову помчался к точке, он бы успел едва-едва. Но «сломя голову» не получится. Путь усеян аномалиями, детектор в лесу работает плохо, а сзади на пятки наступают какие-то перцы. Словно в подтверждение последней мысли со стороны гряды бахнула граната — преследователи нарвались на растяжку.

— Я не успею! — запаниковал старлей. — За мной хвост, они не дадут сесть в вертушку.

— Слушай, Семёнов, — начштаба был неумолим. — Я за тобой не такси посылаю. Выброс идёт. Или будешь на точке вовремя, или вертолёт улетит без тебя. Всё.

Подполковник отключился, оставив Костика в состоянии лёгкой паники. Старлей чувствовал себя как в кошмарном сне, когда куда-то спешишь и никак не можешь успеть. В довершении всего ребёнок заныл. Сушку он где-то потерял и теперь настырно требовал еды. Трубка снова запиликала. На дисплее высветился незнакомый номер.

— Слушай, боец, — голос звонившего был незнаком. — С тобой говорит командир «Монолита». Слышал про нас?

Про «Монолит» Костик знал только то, что есть такая группировка. Поговаривали, что эта частная армия прикрывает неких учёных, работающих в глубине Зоны. Было также мнение, что монолитовцев держит суперконтроллер. Но Костик ещё с училища знал: Если касательно какого-то дела есть много версий, значит ни одна из них не верна.

— Ты забрал с места катастрофы ребёнка, который принадлежит нам, — младенец орал во весь голос, так что отпираться было бесполезно. — Отдай его моим людям, и мы спокойно разойдёмся.

Костик глянул на младенчика. Тот лежал, заходясь криком. Обычный ребёнок, никаких особых отметин. Было бы очень просто оставить его на пеньке и сломя голову броситься к точке

эвакуации. При известном везении все Костиковы неприятности завершатся через полчаса.

На седловине взорвалась вторая растяжка. Сегодня «Монолиту» определённо не везло. Костик чувствовал, как его одолевает упрямство. Он был родом из Обояни, а переупрямить обоянских мужиков ещё никому на свете не удавалось. Уж если им придёт в голову дурная мысль, то её потом молотком не выбьешь.

— Фигвам! — сказал он своему таинственном собеседнику.

— Что? — не понял тот.

— Фиг вам, — повторил Костик членораздельно, — индейская национальная изба! — и добавил для непонятливого: — Хрен тебе в зубы а не ребёнка.

— Пожалеешь!

— Уже жалею, — сказал старлей и отключился.

Он задумчиво посмотрел на трубку спутникового телефона. Это была обычная гражданская модель безо всяких армейских наворотов. Заказывали её через салон связи. Костик знал, принципиально спутниковый телефон не отличается от сотового, только приёмопередатчик помощнее и вместо вышек сотовой связи существуют низкоорбитальные спутники. И так же как сотовый, спутниковый телефон даже в выключенном состоянии через равные промежутки времени посылает в эфир кодированный сигнал, по которому его можно было локализовать. Первоначально эта опция предназначалась исключительно для американского АНБ. Но любые технологии имеют свойство расползаться по миру. Ребята из взвода РЭБ в бригаде быстро научились определять местоположение любого спутникового телефона в Зоне. Правда, использовать спутниковые трубки в качестве прослушивающих устройств, как это позволяют мобильники, они ещё не умели, но уверяли что это временные трудности.

Старлей выключил телефон и для надёжности вынул из него аккумулятор. Если электронщики из бригады могли локализовать спутниковые терминалы, то почему то же самое не мог проделать «Монолит»? Тем более, номер Костикова телефона они уже раздобыли. Так зачем облегчать им жизнь?

Костик сложил трубку и аккумулятор в ранец. В этот момент бахнула вторая граната. Сегодня «Монолиту» явно не везло. Сейчас они будут очухиваться после подрыва и решать, что делать с ранеными. Впрочем, если у них такие же порядки как и в артелях сталкеров, вопрос решится быстро — пулей в лоб. Но в любом случае, дальше они будут пробираться сверхосторожно и медленно, осматривая каждую травинку, лежащую не так. У

разведчика появилась небольшая фора.

Небо стремительно темнело, среди облаков сверкнули зарницы — ранние предвестницы выброса. Костя уже знал, что не успеет к вертолёту. Он принял решение и уже ни о чём не беспокоился. Старлей подхватил сумку с орущим младенцем и двинулся вглубь леса.

Между собой разведчики называли эти руины «избушкой Егорова». Так звали бывшего командира разведроты. Он первый набрёл на заводской корпус, построенный посреди леса. Никто, даже старожилы, не могли сказать, кому и зачем понадобилось возводить предприятие в такой глуши, поскольку стройка остановилась ещё до чернобыльской катастрофы. Егорова больше интересовало другое. Он нашёл вход в подвал и оборудовал в нём схрон для своих надобностей. Позднее разведчики не раз останавливались в «избушке Егорова» на ночлег или пережидая выброс.

У входа в подвал Костя остановился. В «избушке» находился чужак. Растяжка с гранатой была на месте, дверь закрыта, но кто-то явно входил в подвал или находился в нём. Разведчик определил это по маячку, обыкновенной обгоревшей спичке, которую бойцу бригады втыкали под дверную петлю всякий раз, когда покидали подвал. Если дверь открыть, спичка падала на землю, явно сигнализируя о том, что кто-то входил.

Располагаясь в подвале, разведчик подбирал спичку и вставлял её в трещину между кирпичами, давая тем, кто придёт позже сигнал: «Здесь свои. Можете спокойно входить». Но сейчас выпавшая из дверной петли спичка валялась в пыли. Кто бы ни входил в подвал, он не знал о принятой в бригаде системе оповещения. Раз так, он был чужаком, забравшимся в чужую берлогу и валить его можно без сожаления.

Костик осторожно, чтоб не разбудить уснувшего малыша, опустил переноску на землю. Зажав гранату без чеки в кулаке, старлей подошёл к двери, рванул её на себя и метнул гранату. Подвал вздрогнул от взрыва, наружу выбило клубы цементной пыли. Старлей врезал в дверь длинной очередью. Краем глаза он заметил метнувшееся в сторону существо с непомерно длинными руками.

Костик сменил магазин. Рывок в дверь, шаг в сторону, прочь от освещённого прохода. Очередь в дальний угол, куда метнулся мутант. Есть!

Посечённый пулями и осколками кровосос упал ничком, его когти скребли выщербленный бетонный пол. Костик выстрелом в голову добил не прошеного гостя и осмотрелся. В подвале медленно оседала поднятая взрывом пыль. Пахло сгоревшей

взрывчаткой. В дальнем углу зеленовато мерцала лужа «ведьминого студня». Аномалия образовалась в подвале во время позапрошлого выброса, с тех пор не увеличивалась и не исчезала.

Костик выбежал из подвала. Местность кишела разным плотоядным зверьём, то, что офицер никого не видел, ещё не значило, что не видели его. Оставлять младенца без присмотра здесь было опасно.

Мальчик конечно уже проснулся, но не плакал. Напуганный стрельбой, он смотрел на Костика, втянув голову в плечи. Ребёнок позволили перенести себя в подвал и только там разревелся.

После лихого марш-броска ноги у Костика гудели, разведчик мечтал только лечь и уснуть. Но пришлось заниматься ребёнком. Опыт ухода за грудными детьми у старлея имелся. Но поскольку детьми в его семье занимались в основном женщины, опыт этот носил больше теоретический характер.

Костик устроил переноску на полуразвалившемся ящике, где меньше ощущался сквозняк. Но стоило только разведчику отойти, как утихомирившийся, было, малыш разорался с новой силой.

— Что, жрать хочешь? — спросил парень и сам себе ответил: — Ещё как хочешь.

Взяв переноску себе на колени, чтоб немного утихомирить ребёнка, Костик принялся готовить детскую смесь.

— Так, шесть мерных ложек на девяносто грамм воды, — приговаривал он, отмеряя в бутылочку смесь.

При виде бутылочки малыш разревелся ещё больше, он требовал кормить его прям щас и немедля. Ну а чтоб старлею служба мёдом не казалась, мальчик норовил ухватить бутылочку, или выбить из руки своего кормильца ложку со смесью.

— А чтоб тебя…! — ругался старлей, просыпав очередную порцию мимо бутылочки.

Проявляя чудеса ловкости, старлей таки приготовил смесь.

— Хавай зараза!

Мальчишка принялся за еду. Время от времени он выпускал соску и радостно говорил своему спасителю:

— Гу!

Он был счастлив. Высосав бутылку, младенец принялся играть с нею, ударяя ладошкой по соске и радостно гугукая. Еда привела его в благодушное настроение, но у старлея были другие планы. Костик затолкал младенца обратно в сумку.

— Так. Сейчас будем спать, — распорядился он.

Разведчик взял сумку на руки, встал, намереваясь укачать ребёнка. В этот момент пол качнулся у него под ногами, стены подвала задрожали, с потолка посыпалась пыль. В убежище проник гул, подобный далёкой канонаде. Начинался Выброс.

Костя аж застонал с досады. Он до последнего надеялся, что выброс не состоится. Сколько раз уже бывало: посверкает, погремит, а выброса нет. Прошёл стороной или вовсе не состоялся. Но вот он — великий и ужасный! Энергетический шторм, рождающийся в глубинах Зоны, перекраивающий карту, сметающий старые ловушки и порождающий новые. Костик рассчитывал осторожненько пройти по знакомым местам, минуя отмеченные на карте очаги повышенной аномальной активности. Но какое там! После выброса из подвала нос будет опасно высунуть.

— Чтоб тебя…! Чтоб тебя…! Чтоб тебя…! — бормотал Семёнов.

Он ходил от стены к стене, пытаясь укачать ребёнка. Но мальчик, должно быть почувствовав творящуюся наверху катавасию, орал взахлёб.

— Баю баюшки-баю! — напевал Костик с остервенением и на ходу импровизировал: — Засыпай а то порву. Засыпай засранец вредный. Баюшки-баю!

Ребёнок от такой колыбельной кричал пуще прежнего. Он изворачивался, пытаясь вылезти из сумки, а за стеной бушевал Выброс, и страшно было подумать, что только полметра не слишком прочного бетона отделяют подвал от мечущихся эфирных вихрей. Не выдержав, Костик сбросил сумку на пол.

— Да какого ж рожну тебе надо!?

Мальчик рыдая тянул к офицеру ручонки. Тот не выдержал, взял ребёнка на руки, провёл ладонью по реденьким детским волосёнкам.

— Ну чего разорался? — спросил он. — Всё хорошо, я с тобой. И этот хрен, — Костик пнул убитого кровососа, — совсем дохлый и нестрашный.

Выброс продолжался, стены убежища подрагивали, но ребёнок успокоился на руках у Костика. Расхаживая по подвалу, старлей прикидывал, как же ему теперь выбираться из зоны отчуждения. Требовалось не просто пройти из пункта «А» в пункт «Б», а ювелирно миновать все вновь появившиеся очаги аномальной активности, чтобы горячее дыхание Зоны не коснулось ребёнка. Размышляя, старлей не заметил, как ребёнок заснул у него на руках.

Осторожно стараясь не разбудить младенца, Костик положил его в обратно в сумку, выпрямился, держась за ноющую поясницу. А всего-то делов было — ребёнка укачать. И как только люди соглашаются детей заводить?

Костик раскатал на полу пенку, присел на неё. Разведчика мутило от усталости. Отчаянно хотелось есть и спать. Костик

привёл в порядок автомат, положил рядом, чтоб далеко не тянуться. Вынул из ранца пластиковый пакет с сухпаем, открыл. Так, что у нас сегодня на ужин? Каша растительно-мясная, она же гречка с мясом, консерва тушёная, галеты, чай…. Интересно, какой балбес упорно засыпает в пакетики чай вместе с сахаром? А если боец имеет желание пить чай несладким? Старлей пристроил на таганок кружку с водой для чая, зажёг таблетку спирта. Не дожидаясь, пока вода закипит, вскрыл консервную банку и принялся за еду.

Кстати, о воде. Вымыв задницу ребёнку, Костик истратил больше половины фляги. В ранце у него лежала ещё полуторалитровая бутылка с водой, но такими темпами и её надолго не хватит. Полесье конечно не пустыня Сахара, вода здесь есть. Но такая, что от неё если не дизентерия прохватит, то радиационный понос.

Старлей снял с таганка закипевшую кружку, высыпал в неё заварку. Огрызок сухого спирта догорал синим пламенем, его слабый свет создавал в убежище подобие уюта. В углу мерцало марево над «ведьминым студнем», Выброс никак не повлиял на аномалию. Буря на поверхности стихала, стены уже не тряслись, лишь прислонившись к бетону можно было почувствовать нарастающую временами вибрацию словно от проходящего рядом поезда. Из отдушин, ведущих из убежища дальше в подземелье, доносились неясные шорохи, скрипы, металлическое позвякивание. Старый заводской корпус жил своей жизнью, и что в нём за зверушки водятся, чёрт его знает! Глядя на труп кровососа, Костик подумал о том, что неплохо бы его выбросить наружу, как только там всё уляжется. Нехорошо ночевать в одном подвале с падалью. Обсосав эту мысль со всех сторон, Костик решил, ничего не предпринимать. Труп привлечёт падальщиков, они устроят грызню. А те, кому ничего не достанется, устроят засаду у выхода из подвала. С этой мыслью старлей задремал.

Он проснулся внезапно, словно от толчка и сразу зажёг фонарь. Костик не сразу сообразил, что же его разбудило. Кровосос лежал на прежнем месте, но как-то иначе. Когда Костик его добивал, зверь упал мордой вниз, а сейчас он повернулся на бок и подтянул ноги к животу. Разведчик слышал о невероятной живучести этих тварей, но сам видел чудо регенерации впервые. Было бы очень легко застрелить зверя, пока он не пришёл в себя окончательно. Костик глянул краем глаза на ребёнка. Мальчик спал, выпростав из сумки ручки. Мысль от том, что придётся снова укачивать младенца ужаснула его. Нет, уж лучше в рукопашную с кровососом….

Костик привстал. Кровосос смотрел на разведчика

единственным уцелевшим глазом. Зверь тихо заворчал. Разведчик вынул нож и в этот момент кровосос бросился. Для твари с простреленной головой он двигался очень даже неплохо. Кровосос выбросил вперёд руку, пытаясь достать человека когтями, промахнулся и сам едва увернулся от ножа. Лезвие ударилось в стену и переломилось с жалобным звоном.

— Ах ты сука! — рассвирепел Костик, вспомнив, что за нож отвалил полторы тыщи и ещё бутылку водки сверху, слесарю на опохмел, — Замочу!!!

Схватив кровососа милицейским хватом — за глазницы, Костик довернул его и приложил зверя виском о выступ в стене.

— Урою гада! — и снова удар.

— Сдохни!

После третьего удара кровосос обмяк, его голова стала напоминать дыню, в которую сперва ткнули отвёрткой, а потом стукнули кувалдой. Костик подтащил спарринг-партнёра к «ведьмину студню».

— Посмотрим, как ты теперь регенерируешь.

Прозрачная масса аномалии сперва прогнулась под кровососом, потом с шипением, напоминающим шелест прибоя, охватила его. Тело задёргалось, и было непонятно, то ли кровосос бьётся в агонии, то ли аномалия так расправляется со своей добычей. Шипение нарастало, зелёный свет заполнил подвал, и Костик уже начал жалеть о том, что разбудил аномалию. Всё кончилось внезапно. «Студень» погас, вернувшись в своё прежнее состояние, и над нею воспарил крохотная искорка, похожая на светящийся осколок нефрита.

«Слюда», — услужливо подсказала память. — «Редкий артефакт, отпугивает хищников, но при этом усиливает кровоточивость. Всё, что осталось от кровососа».

Костик посмотрел на младенца. Тот уже не спал, глядя на старлея ясными глазами. Мальчик завозился, поворачиваясь на бок, снова посмотрел на Костика и сказал:

— Ы!

Старлей глянул на часы — половина четвёртого. Через полчаса выходить. И поспать в эту ночь не судьба.

Утро было прохладным и туманным. Деревья с чёрной от влаги корой смутно выступали из белой пелены. Пахло сыростью и прелью. В лесу было необычно тихо, лишь изредка раздавался шорох в подлеске. Против ожидания идти по лесу было легко. Завихрения тумана отчётливо обозначали гравитационные аномалии, голубое свечение, хорошо видимое в утренней мгле, выдавало расположение электр. Разведчик легко шагал по мягкому ковру из мха, обходя стороной свисающие с ветвей

лохмы ржавых волос. До периметра оставалось примерно пол дня ходьбы.

Гейзер Костик услышал издалека. Мощное шипение и плеск воды гулко отдавалось от стволов деревьев. Лес кончился, разведчик вышел к обширной заболоченной низине. Метрах в трёхстах впереди, посреди озера вверх бил мощный гейзер. Вода вздымалась на высоту пятиэтажного дома и с грохотом рушилась вниз, взбивая бурты нехорошей желтоватой пены. Костик благополучно проходил мимо этого озера несколько раз и никогда ничего подобного не видел. Вероятно, гейзер был следствием последнего Выброса.

Костик вынул подзорную трубу со встроенным радиометром. На атомных объекта такие использовали для дистанционного измерения радиации высокоактивных объектов. Радиометр показал пятьсот рентген в час в эпицентре гейзера — гарантированная лучевая болезнь для всякого, кто рискнёт форсировать озеро. Если гейзер проработает в таком темпе ещё несколько дней, водозаборные станции придётся останавливать по всему Днепру. Костик провёл трубой вправо и влево от озера. Везде были мощные радиационные поля. В своём комбинезоне разведчик мог бы пробраться краем озера. Там имелся проход со сравнительно низким уровнем излучения. Но ребёнка там не пронесёшь. Не под комбинезон же его прятать — задохнётся.

Старлей тоскливо посмотрел другой берег, где сквозь водяную пыль белели стволы берёз, ещё не успевших пожухнуть от действия радиации. За берёзками начинался почти нормальный лес, без ядовитого папоротника и снорков, прыгающих с ветвей. Час ходу и он выйдет к блокпосту своей бригады. Где будет баня, обед и чистая постель. Всего то делов — пройти сквозь облако радиоактивной водяной пыли, которую ветер сносил от бушующего гейзера…. Костик посмотрел на ребёнка, дремлющего в сумке, потом перехватил сумку поудобнее и двинулся обратно, вглубь Зоны.

Около полудня Семёнов поднялся на поросший тёрном пригорок, с которого виднелся одиноко стоящий среди леса заводской корпус. Практически, он вернулся к тому, чего начинал своё путешествие. Солнце припекало, трава звенела от стрёкота множества кузнечиков. Выбрав укромную полянку среди кустарника, Костик расстелил пенку и пустил на неё ребёнка. Разведчик быстро проглотил остатки вчерашнего сухпая, выскреб из банки остатки молочной смеси и приготовил еду для ребёнка. Малыш принялся за еду, удобно расположившись на руке старлея. Он ел, жадно причмокивая и временами отрываясь от бутылочки, чтобы понаблюдать за полётом вспорхнувшей рядом бабочки. А

Костик думал о том, что кормить ребёнка больше нечем. Смесь закончилась и вряд ли грудничку подойдут продукты из солдатского пайка. Опустив малыша на пенку, разведчик развернул сложенную гармошкой карту сектора. Рассматривая её, Костик краем глаза следил за малышом. Когда мальчик норовил уползти, старлей не слишком вежливо брал его за шкирку и оттаскивал на середину пенки.

— К людям надо выбираться, — заключил Костик, сложив карту. — А не то прибежит за нами страшный зверь писец.

Не скажу, что старлей очень любил человеческое общество. Да и какие люди в Зоне? Так, огрызки общества. Просто оценив свои возможности, разведчик понял, без посторонней помощи он ребёнка живым из Зоны не вынесет.

Артель «диких» сталкеров, куда направлялся Костик, осела в бывшей Гавриловке. У них там находился лагерь и что-то вроде комиссионки, в которой можно было сбыть добычу, запастись оружием и продуктами не пересекая периметр Зоны. От самой Гавриловки после нескольких особо жестоких выбросов даже стен не осталось. И стоя посреди бывшего села, Костик не видел вокруг ничего кроме бурьяна выше головы, из которого кое-где выступали накренившиеся руины.

— Ну чё встал, вход прямо перед тобой, — подсказали разведчику.

Костик обернулся на голос и увидел двух пацанов в камуфляже, расположившихся под растянутой на кольях плащ-палаткой. Сторожевой пост, надо полагать.

— Входи мужик, не обидим, — пообещали сталкеры.

«Главное, чтоб я вас не обидел», — подумал Костик, но вслух ничего такого не сказал. Для сталкеров его бригада была злейшим врагом, поскольку в вопросах «тащить и не пущать» внутренние войска наиболее компетентны. Поэтому раскрывать свою подлую вэвэшную сущность старлей не собирался, решив косить под старателя-одиночку. Благо, армейскую химзащиту, не слишком удобную, но дешевую и очень прочную, в Зоне носил чуть ли не каждый второй бродяга. А документы здесь не спрашивали.

Костик спустился по кирпичным ступеням, истёртым настолько, что ничего не стоило по ним загреметь, распахнул железную дверь. В нос шибанул запах столовки. Старлей оказался в просторном подвале, оставшемся от разрушенного дома. Сквозь пелену табачного дыма с трудом пробивался свет тусклой лампочки. Под кирпичными сводами стояло три стола. За дальним шла игра. Метал рослый детина в спущенном до пояса комбезе. Поверх грязной поддёвки банкомёта блестела цепь с

распятием литого золота. Напротив сидел молодой парень с незаживающей язвой радиационного ожога в пол лица. Язва была кое как заляпана зелёнкой. За другими столами напивалась компания мрачных оборванцев в драных куртках, но с отличным оружием. На Костика никто не обратил внимание. Вошёл человек, значит так надо. А нет, так его быстро успокоят.

Старлей подошёл к подобию барной стойки, сколоченной из необструганных досок. За нею хозяйничал Вася Винт, бармен, скупщик артефактов и по совместительству информатор разведотдела бригады. Костик поставил на стойку переноску с младенцем, накрытую накомарником. Ребёнок сладчайше спал.

— Привет. У тебя молоко есть? — спросил Костик.

Винт узнал офицера, глаза его забегали.

— Я спрашиваю, молоко есть?

Бармен наконец овладел собой.

— Деньги покажи, — потребовал он, наглец этакий.

Костик вынул котелок и открыл его. Мягкое сияние «слюды» озарило подвал. Даже игроки оторвались от карт, любуясь светом чистой красоты. Винт сгрёб артефакт под стойку и свет погас. Вместо него бармен отсчитал купюры. Торговаться здесь было непринято.

— Есть сгущёнка, четыре банки, — сказал он.

— Давай все.

— Так ведь консервы здесь того… Кусаются! Дорого их тащить через кордон.

— Наплевать.

Банки переместились из под барной стойки в ранец к разведчику. Костик приподнял край накомарника — мальчик спал как ангел.

— Что у тебя насчёт пожрать? — спросил старлей.

— Есть свиные отбивные и картошка. Котлеты жарятся. Советую дождаться котлет, потому что сам знаешь, кабанчики тут жилистые.

— Слушай, давай что есть. А то жрать хочу так, что переночевать негде.

Бармен не соврал — отбивная оказалась неугрызимая. Интересно, откуда здесь продукты берут? Ну с кабанчиком понятно, застрелили за околицей. А картошка? Не на блокпостах же они её покупают! Вяло пережевывая мясо, Костик задремал. Из забытья его вывел хлопок по плечу.

— Привет, взводный! Вот уж не думал тебя здесь увидеть.

Случилось то, чего Костик боялся больше всего: Его опознал кто-то из сталкеров. И Костик даже знал, кто.

— Привет, старший сержант Михно. Как тушёнка разошлась?

Старлей отлично помнил бывшего старшего сержанта, служившего в бригаде по хозяйственной части. Контракт с ним разорвали раньше срока, решив, что так будет лучше и для бригады и для Михно. Из части парень ушёл сильно обиженный, от такого пощады не жди! Сейчас, когда Михно узнал взводного, у последнего осталась единственная возможность разойтись со сталкерами мирно — заговорить им зубы. А если не удастся… Что ж, патронов на всех хватит.

— Так в какую цену пошли консервы, — повторил вопрос Костик, — которые ты в бригаде тырил.

Публика в подвале загудела. Крыс не любят нигде.

— Он в вэвэшной бригаде служит, — крикнул Михно.

— Значит к нам мент поганый заглянул, — сказал детина с распятием, вставая.

— Запомни дядя, менты и внутренние войска — это две разные философские категории, — поправил сталкера Костик. — И вообще, у тебя чё, проблемы? Подходи, я их решу на счёт раз!

Только сейчас все заметили, что разведчик держит в руке пистолет. Когда он успел его достать, чёрт его знает. И направлен пистолет прямо в живот здоровяка с распятием. Компания оборванцев разом поднялась, парни заспешили к выходу. Бродяги почуяли, что сейчас прольётся ведро чьей-то крови и решили в этом не участвовать.

— Так, если у кого здесь проблемы, подходи по одному, — объявил Костик. — Я их решать буду.

В этот момент ребёнок проснулся и обнаружил, что на него, такого миленького и хорошенького никто внимание не обращает, да ещё какая-то дурацкая сетка на лице. Малыш набрал побольше воздуха и заорал. Если бы в этот момент в подвале разорвалась граната, она произвела бы меньший эффект, чем детский крик.

— Слушай, а чё это у тебя, — осторожно спросили у Костика.

— Это, пацаны, — сказал старлей, сдёргивая накомарник с сумки, — самый редкий артефакт. Называется «Детёныш человеческий, обыкновенный». Я его от самого Мостового тащу, где самолёт упал.

Народ в подвале загудел, старатели вытягивали шеи, чтоб хоть одним глазком глянуть на чудо природы — ребёнка, неведомо как занесённого в Зону. Костик понял, что сегодня кажется, его убивать уже не будут.

— Мне тут кто-нибудь даст слово!? — резкий голос перекрыл гул толпы.

Народ в подвале разом стих. Из-за стола поднялся мужчина лет сорока на вид, с аккуратно подстриженной бородкой. В его одежде не было ничего особенного, те же ботинки с высоким

берцем, свитер с воротником под горло. Рядом на лавке лежал его плащ. И всё же от остальной публики он отличался разительно. Рожи у сталкеров были, скажем прямо, бандитские. Увидишь такие в темноте — испугаешься. А у бородача было лицо интеллигента. Настоящего профессора в эмиграции. Или доктора. Костик почему то сразу решил, что бородач имеет отношение к медицине.

— Так, что тут у нас?

Бородач подошёл к стойке, взяв малыша за ручки, посадил, затем с ловкостью, которую трудно ожидать от мужчины, раздел его. Все в подвале, включая Михно и самого Костика благоговейно наблюдали за его действиями.

— Нормальный здоровый ребёнок, — констатировал бородач. — Только уж больно зачуханый. Ты его неделю не мыл?

— Сутки, — уточнил Костик. — С тех пор как на месте крушения самолёта подобрал.

— А ты знаешь, что его «Монолит» ищет?

— В курсе.

— Служивый, ты не ребёнку случайно сгущенное молоко покупал? — спросил бородач.

Костик кивнул.

— Слушай, ты совсем больной? Грудничку сгущёнку давать — это ж додуматься надо!

— А что, есть варианты?

— Варианты есть всегда. У хоббитов одна тётка недавно пятого родила. У неё молока хоть залейся. Вот она то и покормит наше дитятко. Только сперва помоем его.

Бородач обернулся к сталкерам.

— Значит так. Этот парень, — указующий жест на Костика, — уйдёт со мною целым и невредимым. Всем всё ясно?

Публика нестройно ответила, что де всё ясно, но если ещё раз вэвэшник попадётся, уж тогда-то они ремней у него со спины нарежут. Несомненно, бородач пользовался среди сталкеров авторитетом и с ним здесь старались не ссориться.

Взяв ребёнка под мышки, бородач понёс его на кухню. Костик, подхватив ранец, сумку, автомат побежал следом. Посреди кухни дышала жаром громадная дровяная плита, за которой хозяйничала толстая баба-повариха в пропотевшем халате на голое тело.

— Афанасьевна, кастрюлю давай! — закричал бородач. — Быстро!

Повариха только руками всплеснула. Многое она повидала на своём веку, но чтоб младенчика живьём варить — такое с ней было впервые.

— Дмитриевич, вы же взрослый человек, постыдились бы…

— Цыц! Я уже сорок лет Дмитриевич и не тебе меня учить. Кастрюлю давай! Да не ту, вон у тебя выварка стоит, её давай. Горячая вода есть?

При виде выварки с водой малыш задрыгал ручками и ножками как лягушонок в луже. Купаться он любил. Посадив ребёнка в выварку, бородач вытер пот с лица.

— Ну и жара тут у вас.

Бородач стянул с себя свитер и остался в тельняшке и камуфляжных штанах. Сейчас он напоминал профессора на даче.

— Купай его, — велел бородач Костику, — а я сейчас другим делом займусь.

— Как купать? — растерянно спросил старлей.

— Как хочешь. Только смотри, чтоб он воды не наглотался.

Старлей спустил комбинезон и перевязал его рукавами на поясе. Взяв малыша под мышки, Костик сказал:

— Ну что, пацан, поплыли.

И мальчишка поплыл. Так что брызги полетели во все стороны. Бородач тем временем рыскал по кухонным полкам.

— Афанасьевна признавайся, куда ты гречку дела?

Повариха молча выставила на стол пакет. И вид у неё при этом был очень грозный.

— Служивый, я полагаю, твоя задача на сегодня такова: вынести ребёнка из Зоны, — рассуждал бородач, помешивая кашу. — Сделаем это следующим образом: Идём до Горелого Хутора к хоббитам, там кормим ребёнка и ночуем. Утром кормим дитё повторно и выходим к периметру. Вопросы есть?

У Костика вопросов не было. Он вынул малыша из воды и завернул в протянутое поварихой полотенце.

— А у меня есть вопросы, — сказал бородач. — Бойцы «Монолита» шныряют по всей округе. По ваши души, надо полагать. Сюда они не сунутся. А вот перехватить нас в пути им ничего не стоит. Путей в Зоне не так уж и много, все они «Монолиту» известны.

Костик и сам это отлично понимал, слава Богу, не первый год в разведке.

— Я пойду через Сумеречные земли, — сказал он.

— С ребёнком! — ужаснулся бородач. — Да от вас там костей не останется.

— Разве есть другие варианты?

— Я же говорил: варианты есть всегда, — бородач снял разварившуюся кашу с огня. — А сейчас мы будем кушать.

Хоть бородач и обладал немалым авторитетом, ребёнок плевал на него в буквальном смысле этого слова. И при этом

пытался ухватить незнакомого дядю за ус. Вскоре и малыш и его кормилец были обляпаны варевом с головы до ног.

— Как только мамка с ним справляется? — изумлялся бородач, вытирая кашу с лица.

— Нету у него больше мамки, — мрачно уточнил Семёнов. — У Мостового зверьё её кости уж растаскало.

А младенец не зная этого от души веселился, запуская ладошку в миску и размазывая кашу по всему вокруг.

— Ладно, — отшвырнул миску бородач, — умывай его и выходим. Пойдём через Сумерки.

Если Зона, это самое таинственное явление на земле, то Сумерки, это тайна в квадрате. Люди в них пропадали. А вернувшиеся из Сумеречных земель рассказывали про вещи сколь ужасные, столь и поразительные. Сталкеры эти места обходили десятой дорогой.

— Расклад у нас такой, — говорил бородач на ходу. — У тебя есть небольшой шанс пройти через Сумерки. У меня этот шанс чуть побольше. Но с ребёнком мы там не пройдём никогда. Стоит ему заплакать, даже просто чихнуть не вовремя и всё! Конец путешествию.

— Что будем делать?

— Есть у меня приятель. Скажу прямо, не совсем обычный. Он сможет обеспечить нам «зелёную улицу» через Сумерки. Сейчас мы пойдём прямо к нему.

Бородач повёл Семёнова на север от Гавриловки. Местность была открытой, но сильно изрезанной балками и оврагами. Трава стояла по пояс. Подул ветер, под его порывами степное разнотравье заколыхалось словно море, в воздух поднялись клубы сиреневой пыльцы. Костик и его проводник надели противогазы, спящего ребёнка в сумке накрыли пелёнкой. Малыш заворочался под тонкой тканью, но не проснулся.

Семёнов тревожно озирался. Ему не нравилась затея попутчика, потому что местность, по которой они шли у Костика на карте была обведена фломастером и без тени юмора подписана: «Здесь живут чудовища».

Проводник вывел Костика к могильнику брошенной техники. В старом карьере неровными рядами стояли самосвалы, бульдозеры, грузовики. Отдельно в колонну выстроились ИМРы — машины разграждения, сделанные на базе танков. Этот могильник появился после катастрофы, породившей Зону. Тогда инженерные войска пытались остановить расширение зоны, уничтожая аномалии. И ведь получалось! Но новый выброс уничтожил труд людей. Бородач остановился на краю обрыва, снял противогаз.

— Уф! — выдохнул он, вытирая потное лицо. — Почти пришли. Мой приятель где-то здесь бродит. Я его чувствую.

Костик ещё успел удивиться, что за идиот может бродить среди машин, многие из которых до сих пор излучают пятьдесят рентген в час. От ближайшего ИМРа отделилась коренастая фигура в грязной «афганке», снятой как бы не с трупа. Старлей присмотрелся и сдёрнул с плеча автомат. К ним приближался контроллер.

— Не стреляй! — закричал бородач, повиснув на автомате.

Разведчик легко стряхнул его и стукнул прикладом — чтоб не мешался. Мир качнулся и поплыл перед глазами. Семёнов чувствовал всё тоже самое, что и в разрушенном селе у периметра. Не было только паники. Теперь старлей знал, у человека, которого атакует контроллер, есть несколько секунд. Достаточно, чтобы нажать на спуск. Чудовище остановилось в полусотне метров от путешественников. Деваться ему было некуда — дистанция для Костика была пистолетная. В сознании разведчика сформировался чёткий мыслеобраз: «СДАЮСЬ». Ситуация была нетипичная. Мутанты живыми не сдавались.

— Ты меня к нему вёл? — спросил Костик у проводника.

Бородач сидел, сжимая руками ушибленную голову. Он кивнул и вскрикнул от приступа боли. Кажется, разведчик ударил его сильнее, чем следовало. А вот нечего лезть под горячую руку!

— Эй ты монстра, иди сюда, разговор есть, — крикнул Костик с обрыва.

Контроллер подошёл к обрыву и остановился. Глядя на него разведчик понял, что перед ним разумное существо, более того, понимающее человеческую речь.

— Лезь наверх! — приказал Костик. — Я к тебе спускаться не буду.

С недовольным кряхтением контроллер стал карабкаться по склону. У самой кромки Костик подхватил его под руку и втащил наверх. Контроллер стоял перед офицером, широко расставив трёхпалые ступни. У него был высокий лоб мыслителя, от шеи к плечам тянулись широкие и толстые кожные складки. Глядя на монстра, Костик вспомнил одного дурачка из родного города. Дурачок этот страдал врождённым заболеванием и у него были точно такие же кожные складки на шее. От контроллера отчётливо попахивало застарелым потом.

— Ты можешь провести нас через Сумеречные земли? — спросил Костик.

«ДА».

— Тогда действуем следующим образом: Обходим могильник по краю и движемся через Сумерки на север. Впереди идёт

монстра, за ним ты с ребёнком на руках, — Костик кивнул на бородача. — Замыкаю я. Интервал движения пять метров. Встреченные аномалии впереди идущий молча обозначает указующим жестом. Наша задача: Выйти к Горелому Хутору до темноты.

Отдавая распоряжения, Семёнов чувствовал себя в своей тарелке. Он снова был командиром группы а не растерянным бродягой.

— Служивый, ты упустил один момент, — сказал бородач, вставая на ноги. — Мы забыли спросить у нашего приятеля, хочет ли он нас сопровождать.

— Щас выясним, — пожал плечами Костик и обратился к контроллеру. — Ты мысли читать умеешь?

«ДА».

— Прочитал, то, что я о тебе думаю?

«ДА».

— Будешь мне возражать?

«НЕТ».

— Тогда пошли.

Миновав могильник, путешественники двинулись по дну заросшей ольхой и ивами балки. Идти приходилось по топкому берегу ручья, мимо бьющих из земли ключей. Контроллер уверенно вёл группу, обходя встречающиеся на пути аномалии. Бородачу было явно не по себе после удара прикладом. Его заметно покачивало. Наконец Костик смилостивился и вынул из кармана пластиковый пакет, вроде тех, в которых хранят среды для внутривенных вливаний, только поменьше. Преломив запаянную в пакете трубочку, Костик протянул его бородачу.

— К лобешнику приложи, Борода. Полегчает.

— Что это?

— Криопакет. Он холодненький.

Молчавший до сих пор бородач не выдержал.

— Господи, учили же меня в детстве, не делай людям добра и не получишь зла!

— Да ладно, не обижайся. Можно подумать, в первый раз по башке получил.

— Прикладом, представь себе, в первый раз.

— Тихо! — шикнул старлей. — Входим в Сумерки.

Склоны балки раздались в стороны, и путешественники оказались в широкой болотистой низине. Там и сям виднелись зелёные островки ольхи. Впереди блестело вытянутое озеро — старое русло Припяти. Горизонт терялся в серой вечерней мгле.

Контроллер нетерпеливо взмахнул лапой. Пошли, мол, чего встали. В траве зашуршало, мелькнуло узкое тело. Костик

вскинул автомат и с трудом удержался от выстрела. Только змей под ногами ему не хватало!

Путешественники быстро и без лишнего шума перешли неглубокую речку. В чёрной воде скользили смутные тени. Уже в шаге от берега Костик почувствовал, что его ухватили за ногу и мягко, но настойчиво тянут назад в воду. Извернувшись, разведчик упал спиной на песок и свободной ногой треснул невидимого хватателя. Попал явно по черепу. Вода взбурлила, мелькнуло пятнистое как у налима тело. Костик задом отполз от воды и оглянулся. На берегу никого не было.

Семёнова прошиб пот. Он взбежал на пригорок и осмотрелся. Никого. Только наползали от старицы пряди тумана. Костик вернулся к воде и внимательно осмотрел следы. На песке хорошо отпечатались трёхпалые ступни контроллера и ботинки бородача. Следы вели от воды, пару метров их можно было проследить по примятой траве и всё. Дальше след обрывался.

Солнце уже почти зашло за горизонт, в низине стало заметно прохладнее, но Костик не чувствовал холода. Он снова взбежал на пригорок. Чёрт возьми, тут и спрятаться то некуда, место совершенно открытое. Семёнов поднял автомат и выстрелил. Это было крайнее средство. Старлей знал, как опасно шуметь в Сумерках, особенно сейчас, когда ночная тьма ложится на землю. Из тумана донёсся отчётливый хлопок пистолетного выстрела. Семёнову отвечали!

Костик спустился с пригорка, миновал заросли камыша, за которыми смутно блестела вода и снова выстрелил. Ответный выстрел раздался через полминуты, уже ближе. Он донёсся со стороны леса, обозначающего границу Сумеречной зоны.

Старица осталась позади. Костик продрался сквозь заросли ольхи, поднялся по откосу. Несколько электр преграждали путь к лесу. Их разряды сплетались в трескучую подвижную паутину. Стелящиеся по земле молнии освещали человека, который как назло стоял на единственном безопасном проходе между аномалиями.

— Эй, как там тебя…, - окликнул человека Семёнов. — Дай пройти!

Сталкер не пошевелился. Разряды электр выхватили его лицо из сгущающейся тьмы. Обвисшая кожа на лице, гноящиеся язвы, зрачки смотрят в разные стороны. Разряд сместился, осветив зомби под иным углом. Старлей узнал его. Офицера тоже узнали.

— Семёнов, забери меня отсюда.

Зомби сделал шаг вперёд, протягивая руки к Костику. Кожа свисала с них клочьями.

— Семёнов, я приказываю!

Старлей вскинул автомат дал очередь. Пули опрокинули монстра в электру и в тот же миг аномалия разрядилась. Сеть молний накрыла зомби, заставила его изогнуться дугой и забиться в судорогах как эпилептика. Костик пробежал по освободившемуся проходу. Впереди стеной стоял лес, среди деревьев мелькнул плащ бородача. Сумерки кончились. Под деревьями было совсем темно. Чтобы видеть хоть что-то Костик надел прибор ночного видения. Минут через пять он нагнал попутчика.

— Где контроллер, — спросил старлей.

— Отпустил его, — бородач посадил разбуженного малыша на бревно. — Он нам больше не понадобится. Скажи, куда ты, чёрт возьми, запропастился?

Костик сел, прислонившись к дереву. Ноги его не держали.

— Поставим вопрос иначе, Куда ты запропастился? — спросил Семёнов.

— Куда? — озадаченно переспросил бородач. — Я шёл за контроллером, уже почти дошёл до леса, обернулся, а тебя нет. Потом услышал выстрелы и отвечал на них. Слушай, в кого ты стрелял среди электр?

— Теперь уже неважно, — ответил Костик.

Он не желал отвечать, что узнал в ободранном зомби капитана Егорова, пропавшего год назад. И тем более не хотел уточнять, что зомби тоже узнал его. Что это было? Игра Сумерек?

Хождение по лесу в темноте было занятием не для слабонервных. Пронёсшийся ураган повалил и сломал много деревьев, образовав непроходимые завалы. Приходилось тратить время, обходя их. С заходом солнца налетели комары. Из всех местных хищников, эти были наиболее кровожадными. У бородача был свой накомарник, малыш ехал у него на руках в накомарнике Костика, периодически пытаясь его стянуть. А самому разведчику оставалось молча страдать.

На берегу крохотного лесного озера они сделали привал. Семёнов развёл костерок и набросал в него побольше папоротника. Сырые листья давали обильный дым и Костик наслаждался покоем в его клубах. Бородач тем временем накормил ребёнка остатками каши. Через час впереди показался просвет, и путешественники вышли к забору из колючей проволоки. Забор был построен по всем правилам полевой фортификации, в три ряда, чтобы защитить от местной фауны картофельные грядки. Чуть дальше виднелась делянка, засеянная рожью.

Двигаясь вдоль забора, путешественники вышли на открытое пространство. Навстречу им из темноты с лаем выскочили два

здоровущих пса. Костик уже вскинул автомат, но бородач жестом остановил его. Подбежав, псы стали кружится у ног бородача и ластиться к нему как к старому знакомому. И в этот момент Костик понял, почему его попутчик назвал обитателей Горелого Хутора хоббитами. В склоне ближайшего холма отворилась дверь, открыв вход конечно, не в подземный дом хоббитов, а в обычную землянку. На пороге появился мужик с дробовиком. Он присмотрелся, узнал бородача и махнул ему рукой.

— Дмитриевич, заходите.

Про этот подземный хутор Костик слышал и раньше. Откуда взялись его жители, никто не знал, а сами они об этом не распространялись. Жили натуральным хозяйством, иногда нанимались проводниками к сталкерам или военным. Добычей артефактов и контрабандой хуторяне не занимались, в разборки между сталкерскими артелями не ввязывались. Изоляционные силы с подземных жителей не трогали, арестовывать и выселять не пытались, справедливо полагая, что вражда с людьми, знающими Зону как свои пять чревата неприятностями.

Хуторяне были рады спутнику Костика. На самого разведчика они смотрели косо, но на количестве мяса и тушёной капусты у него в тарелке это не сказалось. Путешественники ужинали при свече, в низенькой подземной комнате с отдушинами под потолком. Хозяин хутора, сидел за столом напротив и в полголоса расспрашивал бородача о новостях, его жена, поджарая тётка с сединой в висках качала люльку за дощатой перегородкой. Дети хуторян прибежали посмотреть на пришельцев, но их прогнали спать. Найдёныш ползал по чисто выметенному полу, изучая окрестности. Он добрался до Костика и держась за его штанину, встал.

— Гу! — воскликнул он, заглядывая старлею в глаза. — Па!

Костик погладил его головке, взъерошил редкие волосёнки малыша. Старлей был почти счастлив. Впервые за двое суток не надо было прятаться, бежать, изворачиваться. Осталось только выспаться, а утром, по холодку идти к периметру. До него оставалось всего каких-то шесть километров. Теперь бы ещё ребёнка покормить.

— А как у вас тут с детским питанием, — спросил Костик у хозяина.

— Ты у Настасьи спроси, — ответил мужик. — Она у нас кормящая мать.

Костик взял малыша на руки и пошёл за загородку.

— Анастасия Кирилловна, покормите малыша?

Тётка посмотрела на Костикова найдёныша, чьи распашонка и ползунки были самыми нарядными вещами в землянке,

перевела взгляд на своего ребёнка, завёрнутого в пелёнку, сшитую чуть ли не из портянок и резко ответила:

— Нет! У меня молоко ушло.

— Кирилловна, ну хоть при мне не ври про молоко, — подал голос из-за загородки бородач.

— Не буду я вашего барчука кормить. Вон он какой толстый. Потерпит.

Костик понимал, это даже не зависть, это чувство нарушенной справедливости, замешанное на жуткой безысходности. Костик спустил малыша на пол и принялся уговаривать хозяйку. Он был бы плохим командиром, если б умел только приказывать. Через некоторое время тётка сердито глянула на малыша, взяла его на руки.

— Ну иди сюда. Сейчас будем кушать.

Женщина расстегнула рубашку и дала малышу грудь. Потом, словно спохватившись, бросила старлею:

— Выйди.

На ночь путешественников положили в чулане. Костик с бородачом устроились прямо на полу, для малыша хозяин приспособил снарядный ящик. В чулане не было ни единого окошка, и тьма стояла такая, что хоть глаз коли. Старлей скорее почувствовал чем услышал присутствие постороннего в помещении. Он зажёг фонарик. Хозяйка хутора стояла, склонившись над импровизированной кроваткой мальчика.

— Ты чего здесь? — спросил Костик.

— Просто смотрю.

Старлей не на шутку испугался за ребёнка. Чего ради «смотреть» на него в кромешной темноте?

— А ну пошла отсюда! На своих смотри!

Бородач вдруг оторвал голову от подушки и внятно сказал:

— Как на лямина криброза поселился криста галля, — и снова уснул.

Пожав плечами, тётка вышла. Костик подскочил, осмотрел малыша. Он спокойно спал, закинув ручки за голову.

— Если окажется, что сглазила ребёнка, вернусь и прибью её, — решил старлей для себя. — Гвоздями к берёзе.

Утро было пасмурным. С неба сыпалась мелкая морось, под деревьями стоял туман. Последнее обстоятельство было на руку путешественникам, меньше была вероятность, что их заметит дозор «Монолита». За лесом открывалась обширная пустошь, на другом конце которой белели столбы проволочного заграждения. Из тумана смутно вырисовывалась сторожевая вышка над белорусским блокпостом.

— Всё, дальше сам тащи, — сказал бородач передавая

ребёнка на руки Костику. — Я к периметру не ходок. Ну, бывай, служивый.

Бородач разогнулся, держась за затёкшую поясницу.

— Охо-хошеньки!

— Слышь, Борода, а как звать то тебя кроме как по батюшке, — спросил его Костик.

— Да так и зови: Болотный Доктор.

Болотный Доктор повернулся и быстро зашагал в лес. Костик присел, поставил сумку с ребёнком на колени. Ему требовалось решить, как быть дальше. Попасть в Зону нелегко, а выбраться ещё труднее. Бойцы на блокпостах приучены стрелять во всё, что движется. И если Костик пойдёт к блокпосту напрямую, его скорее всего обстреляют, приняв за сталкера со съехавшей крышей. Такие частенько встречаются в Зоне, почему-то особенно много их в районе Янтаря. Костик вынул из ранца спутниковый телефон, вставил аккумулятор. Риск, конечно, однако ничего не поделаешь. Разведчик набрал номер оперативного дежурного.

— Слушаю! — ответили на другом конце линии.

Старлей узнал Александра Ряполова, своего земляка.

— Здорово Сашка, это я, Костик.

— И чего?

— Ты не понял, это я, Семёнов, командир разведвзвода.

— Чего?!

В кабинете дежурного возникла лёгкая паника, которая случается всякий раз, когда к людям обращается оживший мертвец. Из телефона послышались скрежет и стук, кажется, у дежурного отбирали трубку. Неожиданно из телефона раздался голос комбрига.

— Семёнов, твою мать…! Ты где!!?

— Я напротив шестого белорусского блокпоста. Со мною выживший пассажир с разбившегося самолёта. Владимир Евгеньевич, свяжитесь с белорусской бригадой, чтоб они меня не подстрелили при выходе из Зоны.

— Свяжемся. Только не отключайся.

Из трубки послышался лошадиный топот, кому-то наступили на ногу и он вскрикнул. Время шло. Костик знал, если монолитчики не дураки, они уже засекли сигнал спутникового телефона и сейчас к разведчику спешат все их оказавшиеся поблизости группы. Но деваться было некуда, приходилось ждать. Наконец комбриг разрешил:

— Всё Семёнов, белорусы в курсе. Теперь бегом к ним.

Костик и сам знал, что ему надо бегом. Местность открытая, стоит преследователям выйти на опушку и страшный зверь писец прибежит за старлеем. Подхватив ребёнка на руки, Костик

помчался так, как никогда в жизни не бегал. Впереди показался бруствер окопа. Первая пуля стукнула в землю правее разведчика. Костик метнулся в сторону, чтоб не облегчать задачу снайперу «Монолита». Пулемёт с вышки гвоздил в кого-то за спиной офицера. Следующая пуля ударила разведчика в спину, опрокинула его и швырнула в окоп.

Когда солдаты вбежали в окоп, Костик сидел на корточках и успокаивал разоравшегося ребёнка.

— Здорово, бойцы. Сушка у кого ни будь есть?

Снайпер стрелял по разведчику с предельной дистанции, поэтому пуля, продырявив ранец, бронежилет пробить уже не смогла. Костик отделался трещиной в ребре а младенец — сильным испугом. Старлея вместе с найдёнышем перевезли в воронежскую бригаду, где офицеру пришлось отвечать на неприятные вопросы про потерянный взвод. Прошло несколько дней, родственники малыша не объявлялись. Наконец пришёл приказ везти младенца в Москву.

В помощь Костику бригада выделила врача и юную прапорщицу. Последняя к медицине никакого отношения не имела, но предполагалось, что врождённые материнские инстинкты помогут ей адекватно заботиться о младенце. Помня о недвусмысленном интересе «Монолита» к малышу, все трое взяли оружие. В служебном автобусе компания добралась до Брянска, ставшего главной тыловой базой для российских войск, охранявших периметр. Из Брянска на Москву уходил транспортный борт.

Всё время полёта Костик промаялся на жёстком сидении, не в силах найти удобную позу для своей больной спины. Самолёт вёз контрактников, готовившиеся к дембелю, офицеров-отпускников, командировочных. Народу в грузовую кабину набилось много, и техники откинули от бортов лавки, образовывающие верхний пассажирский уровень. Вояки сидели на этих лавках как на насестах и один боец, крепко принявший перед взлётом, не удержался. Сорвавшись с двухметровой высоты, он воткнулся в настил кабины головой.

«Кырдык бойцу», — подумал Костик. — «Если сейчас не встанет, пойду оказывать первую помощь».

Боец встал, нашёл в своём бауле бутылку, отхлебнул и полез обратно. Настил и борта грузовой кабины накренились, тон моторов изменился. Самолёт заходил на посадку. Он приземлился в подмосковном Чкаловске уже поздним вечером. До Москвы добрались последней электричкой. И поняли, какую ошибку совершили, отправившись в столицу в повседневной форме.

Вокруг странной троицы образовался людской вакуум. Люди, чурались их, опускали глаза, безошибочно определяя выходцев с периметра. В кафе на вокзале, где Костик решил покормить своих спутников, они сидели на почётном удалении ото всех прочих посетителей. Москва отторгала пришельцев, словно они были из зачумлённого города, ей не было дела до того, что творится на семьсот километров южнее.

На стоянке такси та же картина: Пассажиров мало, машин много, везти никто не хочет. Ситуацию разъяснил таксист, щуплый чернявый мужичёк, которому Костик предлагал двойной ночной тариф. Выслушав объяснения, старлей побелел и попёр на перетрусившего водилу с кулаками. Врач с прапорщиком едва удержали Костика, повиснув у него на руках.

Путешественникам повезло. Рядом притормозила «лада», владельцем которой оказался бывший «партизан», отслуживший на периметре в химбригаде. «Партизан» довёз путешественников до самой гостиницы МВД. Дежурный администратор выслушала причитания прапорщицы, замученной малышом и вынула ключи от… «президентского» люкса!

— Поживёте пока там. Других номеров всё равно нет.

Через несколько минут Костик смотрел на Москву свысока, из окна роскошного по его понятиям номера и думал о том, что есть всё таки в мире высшая справедливость. За его спиной врач смотрел телевизор, закинув ноги на журнальный столик, из ванны доносился плеск воды и сдавленные матюги прапорщицы. Девушка пыталась вымыть ребёнка, а тот изо всех сил помогал ей.

Утром все трое вместе с ребёнком отправились на Житную, в МВД. В министерстве на них посмотрели большими удивлёнными глазами: Не знаем мы ни про какого ребёнка. Кто приказал? Министр приказал!? Так нет же его на месте. И неделю не будет. Езжайте-ка ребята обратно в часть. А ребёнка отдайте в детскую комнату милиции. В общем, пристройте куда ни будь. На этом разговор завершился.

Выйдя из министерства Костя забрал малыша у прапорщицы. Он давно обмусоливал одну мысль, возникшую где-то между «избушкой Егорова» и подвалом сталкеров в разрушенном селе. Теперь эта мысль оформилась окончательно.

— Ну и куда мы теперь? — спросил врач.

— Вы — куда хотите, — ответил Костик. — А я поеду с пацаном домой. У меня отпуск начинается. Мать моя давно ныла, что де внука нет. Теперь будет.

— Костя, так нельзя. Это же… — врач замялся, подбирая нужное слово, — …государственный ребёнок!

— Государственных детей не бывает, — отрезал Семёнов.

И тут врач привёл последний довод:

— Холостым не отдают детей на усыновление!

Довод был приведён как нельзя более своевременно. Костик обернулся к прапорщице:

— Анна Владимировна, предлагаю вам свою руку, сердце и… койко-место в общежитии.

Девушка замерла, в её карих глазах отразилась напряжённая работа мысли. Она сложила свои двадцать три с его двадцатью пятью, прибавила офицерскую зарплату, вычла «тяготы и лишения военной службы» и подвела итог:

— Согласна!

Вместо P.S.

Борменталь — Болотному доктору.

Привет коллега.

Я тут через одного приятеля узнал, что произошло, когда Семёнов убыл из министерства. Примерно через час к зданию подкатили три «волги», из них высыпала целая ватага бравых ребят в штатском и среди них здоровущая тётка. Тётка эта оказалась профессором Кашубовой, главным педиатром ФСБ (есть там, оказывается, и такая должность). Эта профессорша в ультимативной форме потребовала выдать ей ребёнка. Дежурный от таких требований обалдел, охренел и послал всех на три буквы. Чекисты в ответ устроили скандал, причём громче всех орала Кашубова. Но их быстро укоротили, потому что не родился ещё чекист, которому позволено скандалить в МВД.

Что же до Семёнова, то его как следует потрепали (за потерю целого взвода ещё никого по головке не гладили) а потом неожиданно дали направление в Академию и велели приступать к учёбе. Брак со своей Аннушкой он оформил через месяц после описываемых событий, усыновление — через два месяца. Срок оформления усыновления, как ты понимаешь, фантастический, наши органы опеки в принципе не могут так быстро работать. Подозреваю, что тут Костику активно помогла некая спецслужба, опекающая не столько Семёнова, сколько малыша, с которым не всё ясно. Если конкретно, я имею в виду отдел Ротмистрова публике известный как Управление «Геном».

Полагаю, устраивая карьеру Кости, Ротмистров решил несколько задач. Во первых, поощрил Семёнова, который в сложной ситуации действовал профессионально и не побоюсь этого слова, по мужски. Во вторых, убрал Костика вместе с ребёнком подальше от Зоны и от «Монолита». И в третьих, когда у малыша папа

мент, мама мент и семейный врач — офицер медицинской службы, забота и контроль со всех сторон обеспечены. Что и требуется «Геному».

А теперь главное, из-за чего весь сыр бор: Родственники малыша, как ты знаешь, не объявились. В списке пассажиров того злополучного рейса дети не значились. Я предпринял маленькое расследование и опросил сотрудников аэропорта, выпускавших тот рейс. Сам понимаешь, грудной ребёнок в самолёте — это всегда ЧП, его бы обязательно запомнили. Так вот, НИКТО в аэропорту не запомнил мамашу с дитём, садившуюся в самолёт «Татищевских Авиалиний». Подозреваю, и Ротмистров, похоже, со мною согласен, что спасённый Семёновым найдёныш является самым удивительным артефактом, порождённым Зоной.

Сергей Соколюк
СНОРК

Что же такое Зона? Существует множество трактовок и объяснений, но, боюсь, никто ничего не может сказать наверняка. Но одно можно сказать точно: Зона — это мир. Другой мир. Не тот, к которому мы так привыкли, но по своей сути сходный с ним.

Да. В Зоне бывают страшные кровожадные твари. Но разве человек не такой? Да. В Зоне умирает много людей. Но разве в нашем мире по-другому? Аномалии, которые уничтожают всё живое не так страшны, как самая страшная аномалия, пожирающая всё и вся. Она ещё именует себя человеком.

Было темно. Очень темно. На небе не было видно ни луны, ни звёзд. Но в Зоне это было нормально. Ночью снорк выходил на охоту. Именно эту часть суток он любил больше всего. Ночью у него было преимущество перед его врагом — человеком. Люди, как и снорк, видят ночью очень плохо. Но у снорка было невероятное обоняние и острый слух. Фонарики и приборы ночного виденья не восполняли это преимущество.

Люди, как правило, ночью передвигались группами, наивно полагая, что это их спасёт. Снорк, вопреки всеобщему убеждению, был разумным существом, поэтому он прекрасно знал, что в группе новичков (а ночью, как он убедился, редко ходит кто-нибудь другой) легко посеять панику. А паника, как известно, обрекает всю группу на верную гибель.

Конечно, когда-то снорк тоже был человеком. Но вспоминать это ему не хотелось. Быть полноценным зверем и не придумывать глупые оправдания было лучше, чем лгать себе и остальным, как это делали люди, совершая порой поступки даже хуже, чем он.

Снорку не хотелось быть грязным, полуразлагающимся существом. Он ещё смутно помнил себя в приглядном виде. Его лицо с тех пор превратилось в безобразие. Волдыри и язвы, раны и гной, облезлая кожа. Однако, то, что было у снорка снаружи, у человека зачастую таилось внутри. Благо, что старых противогазов по всей Зоне было навалом, и лицо было удобно спрятать под резиновой маской. К тому же, в рваном противогазе с ошмётками шланга снорк для людей выглядел более устрашающе, что давало немаловажное психологическое преимущество.

Снорки, ещё тогда, когда Зона только родилась на свет, пытались хоть как-то взаимодействовать с людьми. Несмотря на

частичную способность говорить, они всё же пытались передать смысл обращения жестами и даже пробовали писать пальцами на песке слова. Но человек не то существо, которое позволит кому-то жить с собой на равных. Снорку было обидно, что когда-то он был таким. Люди не стали ни в чём разбираться и просто начали снорков убивать.

Да, возможно они не поняли намерений мутантов. Хотя, сам снорк считал, что они и не хотели их понять. Людям была противна сама мысль, что это безобразие когда-то было таким же человеком, как и они сами. Легче было назвать снорков зверьми, тем самым оправдывая свою жестокость по отношению к ним. Люди хотели, люди получили. Снорки стали зверьми.

К скоплениям сталкеров мутант подбирался очень редко. Но ностальгия по былым временам всё же закрадывалась ему в душу. Хотя уже и перестал понимать слова, он испытывал приятный трепет при их произношении. Он разрывался между ненавистью к людям и привязанностью к ним. Хотел почувствовать себя в компании, потому что снорки в компании не собирались никогда.

На Дикой Территории нечасто по ночам засиживались сталкеры, но это порой случалось, когда вещей много, а в темноте идти к бару не хотелось. Как правило, люди обосновывались прямиком на старых железнодорожных путях. Хотя место было открытым, вокруг расположилось полчище аномалий. Снорку пришлось долго плутать, чтобы найти дорогу через «электры» и «трамплины» незаметно для людей. Но уже вскоре он подобрался на расстояние прыжка до вагона, у которого и заседали сталкеры. Что-что, а прыгать снорки умели далеко и высоко.

С крыши вагона было удобно наблюдать за людьми. Четверо сталкеров грелись у костра и о чём-то оживлённо беседовали. Снорк с интересом за ними наблюдал. Тут были и двое часовых, выставленных для обнаружения врагов, будь то человек или мутант.

Удобно устроившись на вагоне, одинокий снорк стал вслушиваться в человеческие слова, понимал из которых он лишь малую часть. Сняв с лица противогаз, порождение Зоны прижалось порванной щекой к вагону. Приятный холод заставил на миг забыть обо всём на свете. Учёные заблуждались в том, что снорки не чувствуют боли. Холод вагона или режущая боль сталкерского ножа — всё это отчётливо ощущалось. Только к боли мутанты давно привыкли и полностью её игнорировали.

А сейчас снорк лежал, прижавшись к крыше вагона, наслаждаясь минутами спокойствия и слушая речь сталкеров.

— Глаза слипаются. Поспать бы.

— Ну так и спи.

— Ага. Чтобы кто-нибудь меня съел?

— Да кто тебя съест? Куроша с Потапычем стоят на стрёме. Сюда никто не проберётся.

— Уговорил. Но только вздремну. А лучше после музыки.

Слово «музыка» ещё не позабылось бывшему человеку. В голове его быстро щёлкнул выключатель, и он приподнял голову, чтобы посмотреть на происходящее внизу.

А внизу один из сталкеров уже держал в руке гитару. Странно, что кто-то ещё носит её с собой. Особенно на Дикой Территории. Хотя, возможно сталкеры просто подобрали её у трупа какого-нибудь безнадёжного романтика. Однако причина появления тут гитары снорка волновала меньше всего. Он просто хотел услышать звуки своего прошлого.

Музыка, донёсшаяся до ушей снорка, была ему смутно знакома. Но, как он не мучился, вспомнить так и не смог. Он и без этого сейчас был счастлив. Слышать звуки музыки — большая редкость для снорков. Многие боялись подходить к сталкерам, а нападали тогда, когда те передвигались. Многих убивали при попытке подойти поближе. А многие настолько одичали, что уже не могли узнать ни человека, ни его слов, ни его творений.

Снорк обо всём забыл. В этот момент подул ветер, и противогаз упал с вагона. Сталкеры ничего не услышали, но теперь приходилось ждать их мирного сна. Искать новый противогаз было просто лень. Она осталась у него с прошлой жизни.

Наконец, музыка замолчала. Сталкеры улеглись на свои рюкзаки и попытались погрузиться в чуткий неглубокий сон, но храп, доходивший до ушей снорка, говорил об обратном.

Медленно спустившись на землю, он стал вынюхивать упавший противогаз. Хотя у сталкеров тоже были противогазы, ничто не сравнится по запаху со старым, рваным и грязным, но всё-таки родным, своим и знакомым.

Наконец, он увидел его. Старый противогаз мирно лежал в полуметре от спящего сталкера с гитарой. Аккуратно и беззвучно снорк подкрался к человеку и тонкими облезлыми пальцами подцепил своё сокровище.

Не устояв перед соблазном, он всё-таки протянул руку к лежащей гитаре. Старое ощущение от прикосновения к струнам вызвало у мутанта замешательство. Не став ждать, пока его заметят, он ретировался на вагон. Свесив ноги со старыми рваными армейскими ботинками, он взял гитару удобнее.

— Положите гитару на место, ребята, — послышался сонный голос сталкера, когда снорк нечаянно задел пальцем струну. — Расстроите же.

Но снорк его слов не понял. Да и понял бы, не отдал. Медленно переставляя пальцы по струнам, он пытался припомнить хоть какую-нибудь комбинацию. И аккорды постепенно стали всплывать в памяти. Чтобы не забыть мельтешившие в голове аккорды, снорк начал проигрывать их сначала в голове, а потом и на гитаре.

Это было неслыханное дело, чтобы снорк осмелился воспользоваться человеческими бытовыми предметами при самом человеке, но снорк в этот момент не думал ни о чём. Он был поистине счастлив. Знакомая музыка нежно ласкала облезлые уши и проникла сквозь звериную душу. И получалось у снорка на удивление лучше, нежели у хозяина гитары. Может, он когда-то был гитаристом? Наверное, он и сам не помнил этого. Он вообще ничего не помнил с прошлой жизни, которую оставил вне Зоны.

— Бобр, — послышался сонный голос. — Мне через час дежурить. Дай поспать. Я, конечно, понимаю, что ты хочешь попрактиковаться в мастерстве, но это лучше сделать утром в баре.

— А? Я только что спал, блин. Это не я играю.

Снорк увидел, что сталкеры внизу зашевелились. Но сейчас ему было всё равно. Он снова на миг стал своим злейшим врагом. На глаза его навернулись слёзы. В душе сделалось неспокойно. Ведь он — снорк — играл на гитаре. Никто из снорков этого не делал, а он — играл…

Сталкеры минуту глядели по сторонам, но потом, видимо отойдя ото сна, догадались посмотреть вверх. Направив луч света на снорка, компания затаила дыхание и наблюдала за феноменом Зоны. Для них это было необычно. Аномалии, не подчиняющиеся законам физики и химии, мутанты, не подчиняющиеся законам биологии и анатомии, ландшафты, порой не подчиняющиеся законам геологии — всё это обычная рутина. Но тут — чудо. А снорк не обращал внимания и полностью отдался музыке.

Звуки струн наполняли снорка целиком. В этот момент он испытывал трепет и удовольствие. Его не смутил тот факт, что его разглядывают люди. Пусть! Во время его охоты разглядывать будет некогда.

Даже целое скопление сталкеров ничем не могло его удивить, а он — снорк — один удивил целое скопление сталкеров. В некоторой степени это была большая победа, чем победа в поединке с каким-нибудь человеком или кровососом. Вибрация струн на пальцах была куда более радостной и приятной, нежели привкус крови на губах голодного охотника.

— Это снорк? — удивлённо спросил хозяин гитары (кто-то называл его Бобром).

— Не знаю. Эй, ты! Ты кто такой?

Этот вопрос был элементарен, и его понял даже этот зверь, но ответить на него было невероятно сложно. Рычать на этих сталкеров, которые даже оружия против него не подняли, было бы подло. Пытаясь шевелить гнилым языком, снорк произнёс слово, больше напоминающее мычание:

— Зн… нрк…

— Что?

— Снр… к…

— Что он сказал?

— Неважно. Раз сказал — значит человек. Может он немой?

Пытаясь выговорить то, чем он назывался, снорк прикладывал неимоверные усилия. А ведь когда-то давно он мог беспрепятственно разговаривать, наверное, выговаривая даже скороговорки. Но сейчас даже такое простое слово не получалось. Но даже мысль о том, что глупо называться своему врагу, не могла остановить существо.

— Снрк… сн… рк…

Я зык его еле ворочался. Из уст его вылетали нечленораздельные звуки, но снорк старался. Больше для самого себя, нежели для кого-то ещё. Каждый раз он снова повторял слово «снорк» и каждый раз всё больше себя ненавидел.

— Снрк… Снрк! Сн… рк…

— Спайк? — предположил Бобр. — Сук? Сноп?

Ненависть к себе всё росла, а снорк так и не мог выговорить слово. Самое главное, что он больше всего ненавидел себя за желание снова стать человеком.

— Дай гитару, Снак.

— Снрк… Сн… рк…

— Эй! Отдай гитару! Снег… или как там тебя!

— Ага… Снрк… Сн… рк… Угу…

Снорк машинально опустил гитару, интуитивно догадавшись о желании сталкера. Гнев к себе струился по жилам. Ведь он снорк! Просто снорк! Грязный! Вонючий! Гниющий! Жалкий! Просто ничтожество!

— Слазь к нам! — великодушно пригласил Бобр, получив гитару на родину.

— С… Н… О…

— Давай-давай!

Порождение Зоны! Вот он кто! Мысли об этом никогда раньше не забредали в его никчёмную голову. Кто человек? А кто он? Он — жалкое подобие человека. Рваньё! Он считает людей худшими существами на земле. А он кто? Всегда ли он убивает ради утоления голода? Нет. Он такой же как и человек. Только

более проворный, жестокий и хладнокровный.

— Сн… о-а… р… к…

— Что?

— Снорк… Снорк. Снорк!

Сорвавшись с места, мутант соскочил на землю. Но сталкеры, вместо того, чтобы открыть огонь, в растерянности рассыпались по сторонам. Лишь хозяин гитары споткнулся о шпалу и упал. Одним прыжком снорк оказался возле него. Человек попытался дотянуться до автомата, но снорк это сделал первым. Не. Он не стал убивать сталкера. Он протянул ему оружие. Сталкер неуверенно прижал автомат к себе и стал медленно подниматься. Мутант издал тихий рык и направил ствол автомата себе в лоб.

— Ч… Что ты хочешь? — дрожащим голосом спросил сталкер.

— Уей.

— Что?

— Уей. Бовр. Уей. Слыишь, Бовр? УБЕЙ!

Последнее слово прозвучало в страшном рыке, и сталкер, скорее от испуга, нежели специально, нажал на спуск.

Этот феномен Зоны был уникальный, не единственный. Но снорки, осознавшие себя в полной мере, предпочитали не оставаться в живых, потому что не могли выносить самих себя. Вот так вот даже ужасный снорк смог остановиться, пусть и таким способом, потому что он, наконец понял кто он есть и что он творит. Неужели мы не можем это сделать?

Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
КТО Я?

Уже час наблюдаю картинку, четверо сталкеров, сидящих у костра. Они сидят менее чем в 15 метрах, казалось бы, протяни руку и коснешься плеча вот этого, самого разговорчивого из них. Сразу видно, шпаки, так, залетная мелочевка, экстрималы. Решили в Зону ходить, сталкерить, небось крутыми уже себя видят. Харч сплошь домашний еще, в Зоне такое не найдешь, разве что по заказ у этого…. как его… ну вот, уже и имени не помню. Сидит в подвале… ну блин…а… и нафиг, только лишним голову забивать.

Сидят эти удурки уже часа два, а то и больше, видимо ждут рассвета. А вот на другой стороне, за холмом, где лежит брошенный УАЗ, тоже кто-то наблюдает. Сейчас глянем, кто заинтересовался ими кроме меня….

Ага, ну я так и думал, кто же еще, только его сюда могло занести. Видимо, надоело ему на АТП бродить, кого там поймаешь, уже давно известно, что кровосос себе там логово соорудил, вот никто без надобности и не бродит там, а жрать-то ему охота, вот и высматривает. Он тварь умная, хитрая, видит, четверо, щас поймет, что это молодняк и все, амбец. Обязательно нападет.

Предупредить детей что ли? Да, надо помочь, как иначе….

Самый веселый из четверки сталкеров схватил новенький АК, припал на колено и дал короткую очередь в сторону УАЗа. Четко. Грамотно. Двадцать-два, все как в учебке. Тут же вскочили его напарники.

Тишину ночи разорвали короткие очереди, грамотные команды. Любо-дорого посмотреть. Вот тебе и шпаки, вот тебе и салажата.

Кровососа, конечно, не положили, но спугнули, не для его зубов харч, то есть, не для его хобота, или… блин, как у него эта хрень на физии называется-то… чертов Альцгеймер… а кто такой Альцгеймер? Ладно, проехали, понаблюдаем.

Сталкеры сели на свои места, смотрят друг на друга, глаза круглые, ничего не соображают. И вот один из них, видимо не первый раз в Зоне, уверенные глаза, повернулся в мою сторону. Встал. В глазах изумление, но не испуг. Поклонился в мою сторону…

— Спасибо тебе! Век не забуду. Огромное спасибо. Знаю, хабар тебе не нужен, но должник я твой, кровник.

Ясно, понял он в чем бодяга-то была. Что ж, пойду поищу другое занятие. Походите еще бродяги по Зоне, может и свидимся, тогда и расчет проведем…..

Медленно, неторопливо, удалялась от четырех изумленных взглядов спина контролера….

Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
ЗАВТРАК

Очень хотелось есть. Просто до безумия. Даже не просто есть, а жрать. Запихать полный рот мяса и жевать его, жевать. Что за день такой? Серое унылое небо, то дождь, то ветер… и это сосущее чувство голода, преследующее с самого утра. И вроде бы вчера вечером набил брюхо, ан нет, настало утро, прошелся от Янтаря до Армейских складов — опять бурчит в желудке.

Все, решено, надо найти еду, быстро найти, быстро съесть. Нет, найти быстро, съесть медленно, растягивая удовольствие, смакуя каждый кусочек, облизывая пальцы. Главное, чтобы трапезе никто не мешал, ни кабаны, ни химеры, ни кровососы, ни контролер, засевший в центре деревни в разрушенном доме.

Для обеда место выбрано удачно, вся деревня как на ладони, между убогими строениями бродят с десяток зомби, видимо контролер создает ощущение жизни деревне. Ему делать нефиг, зомбям тем более, вот и развлекаются. Прямо под башней пара кровососов глумится над телами двух сталкеров из «Свободы», умудрившихся угодить к ним на завтрак. Вот блин, ну ладно….

За пригорком, на котором поселилась огромная электра, я их жуть как ненавижу, устроили лагерь четверо сталкеров, ну-ну, там со стороны болотца постоянно прибегают химеры, да кабанчики любят пробежаться по территории. Если конечно сталкеры из «Свободы» с барьера не отстрелят…

Приятное ощущение, когда ешь. Не то, чтобы совсем здорово, но приятное, когда в животе пусто, уныло все. А поел, хорошо, о, чем не занятие, можно скинуть на голову кровососам остатки моего пиршества.

Хм, ты смотри, ты смотри, как задергались, забегали, один рванул в башню, ну-ну, удачно добежать до верха, там пара ступеней еле живые… Ну, что я говорил, кровосос — это не обезьяна, да и до пернатого ему далеко… О, вышло чудо на двор, хряпнулось здорово, вон, ногу волочит. Ну, это ерунда, к вечеру будет бегать, как и раньше.

Вот, пора в путь, как раз кровососущие пошли в сторону центра деревни, видимо решили вздремнуть после еды. Ну а мне

куда? Хм, хороший вопрос. Может прошвырнуться в сторону Радара, там место жирное, опасное, но жирное.

Одинокая фигура удалялась в сторону Радара, известного как Выжигатель мозгов, опасно и смертельного куска Зоны….

В голове шедшего зомби крутилась одна мысль: «Там еда, там много мяса, а жрать-то охота….»

Юрий Семендяев («Osama bin Laden»)
ВСЕ ВАМ, МОЛОДЫМ, НАДО…

Темнело. Небо меняло серое мрачноватое покрывало на черноту, непроглядную черноту ночи. В старом, практически развалившемся деревенском домике сидели двое. Сидели друг напротив друга. В сгущающихся сумерках.

— Слушай, вот скажи, кто такие снорки?

— О, ну, это вопрос вопросов. На этот счет нет единого мнения. Одни говорят, что это бывшие сталкеры, попавшие под излучатель Янтаря, другие, что это результат экспериментов в той же подземной лаборатории. Непонятна их привязанность к противогазам, тем более не работающим.

— Ясно. А вот плоти, они откуда?

— Ну, плоть. Плоть очень смахивает на матировавшую свинью. У плоти очень опасны передние конечности, попадешь под удар такой, мало не покажется. Хотя, плоть трусовата. Нападет лишь, когда очень голодна. А так … можно пугнуть, сама уберется.

— Но есть плоть — это свинья, то Припять-кабан откуда?

— Ну, вот. Приплыли. Свинья — домашнее животное, понимаешь?

— Ну, да.

— А кабан. Кабан дикий. Он тоже подвергся влиянию радиации. Десяток встретишь — считай ты труп.

Помолчали. Поглядывая на темнеющее небо.

— Хорошо. А вот контролер, он откуда?

— Контролер?.. Ну, брат, это точно военные навертели. Тут столько лабораторий под землей, все не обойти. Возможно, в какой-то из них и проводились эксперименты по выведению таких уродцев. К таким близко подходить неьзя. Попадешь под контроль — все, пиши-пропало. Будешь в его войске ходить пока не сгниешь.

— Жуть какая.

— Это еще цветочки…

— Да-да, расскажи про карликов и этих… полтергейстов.

— Да что тебя на всякую хрень потянуло? Давай завязывать базар. Гляди стемнело уже.

— А, и то верно. Пора выходить.

— Вот именно. Пора.

И растворившись в темноте, два кровососа рванули на поиски

ужина.

Сергей Смирнов
КАПИТАН ШТАТИВ

— Штатив! Штативчик! Ц-ц-ц! — Гундос, коренастый темноволосый «свободовец», вытряхнул в собачью миску тушенку пополам с хлебом. — Иди сюда, тварюка!

Штатив, трехногий слепой пес, был мутантом в квадрате. Сам по себе абориген Зоны, да еще и родился с тремя лапами. Полгода назад, когда Гундос с группой возвращались с Выжигателя, наткнулись на логово собачьей стаи. Собаки, понятно, рванули в атаку и их всех положили из пяти стволов. А месячного трехногого щенка Гундос пожалел и прихватил с собой на базу «Свободы». Мутант прижился, и, в общем, оказался самой обычной — в меру полоротой, чуткой, по возрасту веселой, и неизбалованной псиной. А что слепой — и ладно, «зато я нюхаю и слышу хорошо». Обретался у Кока в кандейке, гадить бегал за забор, а однажды даже доказал свою полезность, предупредив паническим визгом о приближении контролера с двумя десятками зомби.

— Штатив! Падла полосатая! — Гундос увернулся от радостной попытки пса облизать бороду, и ткнул его мордой в миску. — Лопай давай.

Собак жизнеутверждающе зачавкал.

— Гундос! — вдруг ожила рация голосом Лукаша — Зайди, как сможешь, дело есть.

— Срочно? — прямо сейчас сталкер идти никуда не хотел. — а то мне бы пожрать еще.

— Поешь и подходи. Вано в Овраге «скрипку» засек.

Оп-па! Вот это новость! «Скрипок» никто не находил уже года два. Артефакт ценными свойствами не блещет, но цена-а… Недавно по «новостям» Сидорович проговорился, что на одном из интернет-аукционов «скрипка» ушла за 120 тысяч баксов. Купил какой-то дизайнер, для виллы голливудской звездульки. «Скрипка» имела исключительно эстетическую ценность — артефакт висел в полуметре над любой поверхностью и ярко переливался всеми цветами радуги. Кроме того, от малейшего ветерка издавал мелодичный звон в разных тональностях. Умельцы с Большой земли все шесть найденных «скрипок» встроили в приборы, обдувающие артефакты струйками воздуха, чтобы получались разные мелодии.

Гундос вызвал по рации Сомика с Ломом.

— Орлы, сейчас быстро готовимся к выходу. Я похавать, и к

Лукашу, а вы чтоб были аки юные пионеры.

Тарелку борща и макароны с шницелем из кабанятины (ну, не свининой же называть мясо этой зверюги) Гундос ел не спеша, стараясь прочувствовать вкус — кто знает, может в последний раз. Кислый компот из местной сливы-дички на третье и сто грамм «Казаков» «на десерт».

Закурить. Так. «Скрипка», значит. В Овраге, значит. Сомик, Лом, эти двое и еще… а никого пока не надо больше. Хотя… О! Штатива возьмем. Его же Лом давно хотел к делу пристроить — даже начал учить артефакты таскать. Вот и проверим. Ладно, айда к Лукашу.

Зайдя в ангар, и поднявшись на второй этаж, Гундос в шутку отдал честь местному «посту № 1» — здоровой кадке с кустом конопли. Где-то с год назад Кок по пьяной лавочке вознамерился доказать, что анаша — все-таки дерево, а ей на самом деле вырасти не дают, и посадил это. Постепенно все привыкли, а с Нового года даже стали ставить к кусту часового. Когда вспомнят.

Лукаш, лидер «Свободы», мрачно сидел, подперев голову руками, словно бы медитируя на экран ноутбука, и на Гундоса внимания не обратил ни малейшего.

— К космосу подключаемся? — поинтересовался Гундос.

— Умгу — вяло отозвался Лукаш. — А откуда он там взялся?

— Кто? — не понял Гундос.

— Не кто.

— Никто? — Еще больше не понял Гундос — А кто?

— Не «никто» а НЕ КТО. Артефакт. — сказал Лукаш не отрываясь от экрана — «Скрипка».

— Как и все «скрипки». Из «трамплина» — логично ответил Гундос и заглянул через плечо Лукаша на экран. Там была карта Оврага.

— А нету «трамплина». Вот тут и тут — «карусели» — Лукаш ткнул пальцем в экран — а тут — вообще черт-те что.

— А не наплевать? Главное, что он там. — сказал Гундос — она в смысле, «скрипка».

— Да мне-то вообще параллельно. — отмахнулся Лукаш — лишь бы ты его принес. Кого берешь?

— Лома с Сомиком. А! Еще Штатива возьмем. — ответил Гундос — Его Лом обещал поднатаскать. Вот и устроим ему натаску на пленэре. Вано там, на месте?

— Уже нет — пошли дальше «Монолит» чехвостить. — Лукаш наконец оторвался от экрана. — когда выйдешь?

— Сейчас. А то ведь сам знаешь, какая дискотека от этой «скрипки» — слепой найдет. — Гундос затушил в пепельнице окурок и вышел.

— Штатив! Ц-ц-ц! Подь сюда, тварюка! На работу пошли!

* * *

Зря Гундос сначала беспокоился насчет собаки. Прыгал Штатив бодро, да и идти-то было не больше пяти километров. Над головой солнышко, настроение у всех бодрое, только Лом с высоты своих метра девяносто трех сантиметров роста полдороги бубнил себе под нос, что, мол, за месяц щенка не научишь, что он за это не отвечает, и вообще, пока только ползать в нужном направлении, да цапать все, что плохо лежит эта животина и навострилась.

Овраг — довольно большая территория недалеко от берега Припяти. Невысокие сосенки, практически полное отсутствие подлеска, с девушкой бы в другое время здесь погулять… «Шиш тут погуляешь», — подумал Гундос. «Жарка» на «карусели» и «трамплинчиком» погоняет. Да еще в последнее время военные зачастили. И не по одной группе сразу. В общем, все как всегда — ушки на макушке держать надо.

Маленький Сомик достал GPS.

— Недалеко уже, вон за теми кустами.

Гундос повернулся к Лому.

— Не должно тут мутантов быть, — сказал тот. — Для контролера добычи мало, а людей много. Кровососам жарко, им влажность больше нужна. Псевдогиганты сюда не заходят. Да и Штатив в общем спокоен. Только вот кустов этих чего-то сторонится.

— Ладно, начинаем, — сказал Гундос. — Сомик, вперед.

Круглый, абсолютно лысый сталкер, начал по дуге обходить кустарник. Два шага — болт, еще два — еще болт. Еще. И еще…

— Чисто. Вижу «скрипку». - послышалось через пару минут с той стороны. — маски наденьте. Воняет чем-то.

Гундос, нацепив противогаз, след в след двинулся за Сомиком. Долговязый Лом напротив, пустил вперед Штатива и пошел за ним. За кустами Сомик стоял на одном колене и вглядывался в еле заметное сплетение атмосферных вихрей. Между ними, низко гудя и переливаясь серо-красными и фиолетовыми гранями висела «скрипка».

— Гляди — пробубнил через противогаз Сомик Гундосу — вон там и там — «жарки». И в подтверждение кинул в указанные места пару камешков. В ответ четырехметровые столбы пламени с ревом пропороли воздух.

— А вот тут — «карусели» — две ветки с куста полетели

вперед, но на землю не упали — аномалии со свистом разорвали органику. — А за «скрипкой», видишь — «мясорубка» висит. Под ней — «трамплин». Оттуда она и появилась.

— Вот, значит, почему Вано не снял толком параметры — две аномалии одна над другой. Проходы где, как думаешь? — спросил Гундос.

— А как раз между «жарками». - ответил Сомик. — только дальше там сразу «карусель». Тебе, к примеру, не пролезть. Так что тут вступает в дело наш трехногий друг. Лом, тащи животину.

Длинный сталкер каким-то особым полусвистом-полукряканьем подозвал мутанта, и подвел его за ошейник поближе к аномалиям. Еще одно кряканье, и пес лег на землю.

Короткий свист, и Штатив, смешно отгребаясь задней лапой, ползком двинулся к «жаркам». Расстояние между ними всего ничего — меньше метра. Гундос отсюда услышал, как аномалии начали низко гудеть, словно чувствуя добычу. Только мутант не собирался их кормить — четыре «ползка», и вот молодой пес уже миновал «огненные ворота», как их обозвал про себя Гундос. Дальше — «карусель». Одна из самых пакостных и коварных аномалий Зоны.

«Кхрру!» — издал очередной непонятный звук Лом, и Штатив остановился. Пару секунд покрутил головой, и… встал. Сталкеры замерли — «карусель» с воем начала раскручиваться, а пес, словно бы и не замечая ее, бодро подпрыгал к «скрипке» и подхватил, как мячик, из воздуха. «Карусель» со свистом разорвала воздух, разрядилась, и на землю упал темный шар, размером с бильярдный.

Штатив подскакал к «жаркам», и выпустил артефакт из пасти. «Скрипка» величаво поплыла вперед, долетела до аномалий… миновала их, и… остановилась.

— Ыть!! — Гундос в сердцах хрястнул кулаком по колену. Артефакт повис сантиметрах в тридцати от ближайшей «жарки» и мелодично зазвенел.

— Чтоб его! — сталкер не сдержал эмоций, но быстро взял себя в руки. — Лом, выводи собаку. Сейчас сам полезу.

— Погоди ты… — невозмутимо отозвался тот. — давай еще вон тот, новый, достанем. И снова захрюкал мутанту.

Штатив резво повернулся, побежал, рыская из стороны в сторону, к артефакту из разрядившейся «карусели» и подхватил его. Остановился, отчаянно-весело мотая хвостом — для него это все было просто игрой.

— Сомик, ты бы сказал, куда его сейчас вести-то. — сказал Лом. — я ни фига не понимаю.

— Пусть для начала развернется.

Лом «крякнул». Мутант повернулся и лег на пузо.

— Ну вот, а теперь пусть двигает прямо. — Сомик ткнул пальцем. — Во-он до того куста. Там все уже кончается.

Лом коротко свистнул, и Штатив пополз прочь из поля аномалий.

Как оказалось, Сомик слегка ошибся. «Трамплин» был шире, чем считал сталкер. И тут пригодилось природное чутье слепого пса — перед самой аномалией Штатив успел отвернуть. Гравитация разочарованно обгудела невозмутимо ползущего мимо мутанта.

— Интересно, что это за байда? — сказал Гундос, вертя в руках тяжелый темно-коричневый шар. — И не фонит нисколько… Ладно, потом разберемся. Лови! — и кинул артефакт Сомику. Тот быстро убрал его в свинцовый контейнер. — Молодец, Штативчик, молодец!

Пес радостно прыгал вокруг сталкеров.

— Теперь моя очередь. — Гундос передал Лому автомат, подобрал несколько камешков и, провешивая ими дорогу, осторожно двинулся вперед.

— Гундос! — окликнул его Сомик — «Ковырялку» забыл! — сталкер протянул напарнику метровый керамический щуп, похожий на рогульку змеелова, только со слегка загнутыми вверх «рожками».

Гундос пошел дальше. Шажок. Еще шажок. Камень. Шажок… Ну-ка, ну-ка, дотянемся? Нетушки. Еще шаг. А теперь?

Оп-па!

«Ковырялкой» сталкер зацепил «скрипку» и подтащил поближе. На ощупь артефакт оказался чертовски холодным и даже через перчатки обжигал, как сухой лед. «Скрипка» возмущенно звенела и пыталась взлететь с рук. Ойкая и матерясь Гундос засунул ее в специальный контейнер.

Теперь назад. Разворачиваться пришлось в полуприседе — леший знает, аномалии на то и аномалии — в любой момент могут изменить границы и направление воздействия…

Та-ак… И обратно.

— Ну орлы, айда до хаты. Уй-й! Что за!.. — плечо пронзила резкая боль. Перед глазами все поплыло, тело наполнила горячая истома и Гундос мешком осел на землю.

* * *

Мир вернулся резко. Это только, пожалуй, и радовало. Гундос лежал на песке лицом вниз. Мерзко покалывало скованные за

спиной руки. Ногами шевелить сталкер даже не пытался — судя по ощущениям, на них кто-то сидел. И этот кто-то четко знал что Гундос пришел в себя.

— Не придуривайся, анархия! — сказал «кто-то» — Очухался, я в курсе. Говорить будем?

— Смотря о чем. — пробубнил сталкер в песок.

— О жизни, о свободе, о делах наших грешных. — сказал уже другой голос откуда-то слева. — переверни его.

Тяжесть с ног исчезла. Гундоса рывком подняли за шиворот, протащили пару метров и усадили спиной к сухому пню.

Сталкер покрутил головой, якобы разминая шею. Небольшая полянка, со всех сторон окруженная кустами (похоже, теми самыми, возле которых они и вытащили «скрипку») оказалась импровизированным лагерем. Небольшой навес, под которым аккуратно разложена амуниция Гундоса с напарниками, тренога на потухшем костре, и…

— Контролер тя через коромысло! — выругался Гундос. И было с чего — лагерь принадлежал сталкерам, попасться которым живым для любого «Свободы» дело еще более гиблое, чем бандитам. «Долгу». Стандартный квад. Вон они, голубчики — двое по сторонам зыркают, один возле лежащих Лома с Сомиком и Штативом (охраняют, значит живы!), еще один сидел на ржавой бочке прямо напротив Гундоса.

А вдобавок тут же обнаружился вообще уж натуральный кошмар для любого сталкера — хоть из группировки, хоть свободного. Точнее, пять кошмаров. Все в армейской форме. (А в чем же еще ходить армии на территории своей страны, как не в форме?)

Военные сталкеры. Капитан, летеха, два прапора и майор. А по негласной табели о рангах, сталкеры имеют превосходство в звании над обычной армией. Лейтенант «поисковиков» равен армейскому капитану, подполковник — полковнику и так далее… Элита.

Сидящий поднял забрало «СЕВА» и Гундос увидел светловолосого, лет двадцати пяти сталкера. Гладко выбритое лицо — редкость в Зоне, показалось Гундосу смутно знакомым.

— Нет уж, лучше тебя. — «долговец» пригляделся. — Гундос? Мыша о тебе на каждой пьянке вспоминает.

— Здравия желаю, Лама. — сталкер заметил «особую примету» — розового мишку на прикладе «Грозы». — Как стразиков, прибавилось?

— Завидно? — не остался в долгу «долговец».

— Да ну, брось! Это тебя зависть гложет — мы ж тогда в полном составе ушли, да еще с «мышкой». А вас, насколько я

помню, ополовинило…

— А прикладом по зубам?

— Хорош гавкаться. — раздался властный голос со стороны военных. Майор подошел к Гундосу. Лама без вопросов, но с достоинством уступил место командиру армейцев. — Дай я теперь пообщаюсь.

Военный неспешно сел на бочку, достал из кармана пачку сигарет, закурил, и выпустил струю дыма Гундосу в лицо.

— Ты — никто. Тебя здесь нет. А если я сейчас выпущу в пустоту очередь — меня никто ни за что не осудит. Даже пальчиком не погрозят. — сказал он, глядя поверх головы «свободовца». — Сечешь диспозицию?

— Дай сигарету.

Майор выпустил в лицо Гундосу еще одну струю дыма.

— Курить вредно.

— Пристрелить меня ты мог сразу же. Но не стал. Да и этим не дал. — сталкер кивнул на квад «Долга». — Вывод: тебе что-то нужно. Давай, говори.

— Мне нужен твой пес. — майор затянулся и притоптал окурок. — ради этого я оставлю тебе не только жизнь, но и «скрипку». — Лама дернулся было что-то сказать, но смолчал. Чувствовалось, что в этой ситуации все решает командир военсталов. — Вы же за ней и шли, а?

Майор хитро посмотрел на Гундоса.

— Представь, ты топаешь отсюда с артефактом, да еще и живой! Каково? Мало кто может похвастаться, что ушел от майора Красюка непродырявленным, да с ценным хабаром.

— И оружие оставишь? — прищурился Гундос.

— Конечно нет! — майор сделал круглые глаза. — За кого ты меня принимаешь?

Гундос про себя подумал, что принимает его за последнюю сволочь, но вслух, понятно, не сказал.

— А собак тебе нужен со всеми командами, так?

— Догадливый ты наш… — майор вдруг резко сменил тон — Кто им занимается? Отвечать, быстро! Учти, все команды, которые вы подавали только что, записаны на «цифру»!

— Вон тот, длинный. — Гундос кивнул в сторону безмятежно дрыхнущих Лома с Сомиком. Спросил — А второй артефакт, шарик который, тоже отдашь?

— Перетопчешься, анархия. — ответил майор и двумя скупыми жестами видимо, отдал приказ подчиненным.

Один из прапорщиков подошел к лежащим сталкерам на ходу доставая из аптечки шприц-тюбик. Видимо, антидот. Прямо через штаны, безо всякой дезинфекции, вколол Лому дозу. После —

сковал ему руки браслетами.

Пока Лом приходил в себя, Гундос попытался быстренько прокачать ситуацию. Как их взяли? Да элементарно — транквилизаторами. Вон, рука до сих пор ноет. Зачем? Тоже ясно. Майор сам сказал — нужна собака, которая умеет таскать артефакты. Почему оставили в живых — тоже ясно. Лом специально приучал Штатива к командам, отличным от общего курса дрессировки и охотничьих. «Шоб нихто не дохадался». Что-нибудь не то гаркнешь — и ускачет пес вдалека… Почему Штатив их не учуял? Репеллентами напрыскали, (этот запах Сомика и смутил) вот и не унюхал. Но ведь беспокоился, кустов сторонился — молодец. А вот почему их решили оставить в живых? Черт знает. Может, потому, что рассчитывают еще чего-нибудь потом поиметь, мол, вдруг кабана базы штурмовать научат, может еще почему. Темны дела твои, Господи…

Лама-то положил бы всю группу Гундоса не задумываясь, как и Гундос — Ламу. Прямые конкуренты во вражеской группировке! Оба не боевики, а, скорее, «промысловики». Сколько раз уже пересекались из-за одних и тех же артефактов. Гундос мог достать что угодно из любой аномалии, а Лама — с большой долей вероятности сказать, откуда какой артефакт появится. В лицо знакомы не были, но знали друг друга хорошо. По привычкам, ухваткам.

По результатам.

Не так уж и много народу в Зоне, чтобы сталкеры, занимающиеся одним и тем же делом, не изучили друг друга. Точнее, враг врага.

Тем временем Лом окончательно очнулся, и Гундос вкратце обрисовал ему положение дел.

— Ладно. — сказал Лом со вздохом. — Будите Сомика и записывайте.

Майор кивнул прапору со шприцом, и тот вколол дозу лысому эксперту по аномалиям. Сам командир военных достал маленький цифровой диктофон и придвинулся поближе к долговязому сталкеру. Лом принялся хрюкать и крякать, объясняя, что значит каждая команда.

Через двадцать минут «свободовцам» вернули ножи и контейнер со «скрипкой».

Отдавая артефакт майор сказал Лому:

— Три года назад мне за такую же балалайку капитана дали. Так что этот ваш «штатив с ушами» у нас Капитаном будет.

— Так и зовут. — буркнул Лом.

— Как? — не понял майор. — Капитан, что ли?

— Штатив. — пояснил Гундос.

Майор засмеялся:

— Капитан Штатив! Нестерчук! Ничего, если так и назовем?

— Та… — отмахнулся тот.

Так и не снявший маски капитан дал короткую очередь над головами сталкеров:

— Пшли нна! Двадцать минут форы!

И «Свобода» через кусты рванула на свободу.

* * *

Через два дня все втроем сидели в «Тормозке» на базе «Свободы».

— Слышь, Гундос — спросил Лом с набитым ртом. — А ты не выяснял, че это мы за шарик воякам оставили, а?

— Да, кстати. — поддержал Сомик.

Гундос молча положил на стол новенький КПК — старые тоже у военных остались — и открыл справочник. Еще пару раз ткнув стилусом, развернул и пододвинул к напарникам. Лом с Сомиком склонились над экранчиком… и тут же вновь уставились на Гундоса безумными глазами.

— СКОЛЬКО??!!

— Бывают в жизни огорчения… — со вздохом протянул Гундос. — Только Лукашу не говорите, ладно?

* * *

Полковник Сидоренко сощурил левый глаз, прицелился, и метко защелкнул окурок точно в стоящую метрах в семи от скамеечки урну.

— Хорошо подумал? — спросил он у сидящего рядом Красюка.

— А чего тут долго думать — откликнулся тот. — Я уж и так подкопил. А с этой премией и пенсия не особо нужна… На, держи.

Достал из нагрудного кармана узкую металлокерамическую пластинку на цепочке и протянул полковнику.

— Вот. Пусть Андрон теперь со Штативом будет. А я в Зону больше не ходок.

— Как знаешь. — прикрыл глаза от солнышка полковник. — То есть, все младшему твоему?

— Ему-то нынче полегче будет. — майор посмотрел как возле бытовки рядовые (не только во исполнение приказа, но и своего

удовольствия для) играют со Штативом, по очереди пытаясь дернуть его за заднюю лапу. Мутант ловко уворачивался и легонько прихватывал их за голени. — Они ж теперь герои — такой внеплановый выброс предсказать.

— Я вот думаю к награде его.

— Мутанта?!

— А что? Собакам обычным же можно. А этот сто пятьдесят душ мне сохранил.

Приказ №…

…За успешное выполнение задания командования по добыче особо ценного артефакта присвоить майору отд. батальона «Поиск» Красюку Н. Е. очередное воинское звание подполковника, оперативных сотрудников … поощрить материально…

Приказ №…

…Поставить на довольствие собаку аборигенного вида с занесением в список ведомственных служебных животных. Научному отделу приступить к анализу системы вербальной сигнализации и методики дрессировки.

Приказ №…

За успешное выполнение боевого задания и действия, прямо способствовавшие спасению личного состава в\ч № … наградить собаку по кличке Штатив медалью «За боевые заслуги»

П-ку Сидоренко А. А. за наличие на шлейке ведомственного животного погон со знаками различия капитана армии вынести предупреждение…

…Артефакт, приобретенный Дрезденским центром онкологии более чем за 8,5 млн €, называется «Темная душа». Его свойства — в несколько тысяч раз усиливать работу иммунной системы, и буквально за несколько суток лечить самые тяжелые формы опухолей принесут…

РБК-news

— Давай, шей…

— Кожа толстая, блин!

— И чего?

— А ничего не будет?

— Так то капитана нельзя, а про майора там ничего не написано. Шей, лейтенант! Давай шлейку подержу…

— Ткточнотащполковник… Штатив, да стой ты!

Валерий Гундоров
РЫБОЛОВЫ

Глухо бухнула железная дверь бункера, и окружающая обстановка мелкими мурашками немедленно заползла за шиворот, пробежала по спине и неприятным холодком осела в груди. Вышедший из уютного и защищенного тепла сталкер зябко передернул плечами, поправил на плече ремень АК-103, похожего по виду на распространенный в Зоне «Абакан», но под старый добрый патрон 7,62, кончиками пальцев коснулся планки предохранителя на кожухе, проверяя ее положение, левой рукой поправил лямку небольшого вещмешка, висящего за спиной. Солнце слабо пробивалось сквозь белесый туман, постоянно царящий на болотах Янтаря. Иногда сильным ветрам удавалось сорвать эту туманную пелену, но эти же ветра несли с собой, как правило, радиоактивную пыль, поэтому туман все же был предпочтительнее для прогулок. Неуютный однообразный окружающий пейзаж иных чувств, кроме качественной депрессии, вызвать не мог. Сталкер постоял, осмотрелся, сверился с показаниями универсального детектора, висящего на поясе, и отстегнул «забрало» защитного комбеза. После чего осторожно приблизился к воротам железного, опоясывающего научную базу, забора.

Приспустив наголовник, молодой мужчина прислушался к окружающим звукам, серые глаза внимательно осматривали окрестность, правая рука легла на автомат, готовая сдернуть его в любую секунду при первом же подозрительном шорохе, большой палец по хозяйски расположился на предохранителе, готовый мгновенно перекинуть его из стопорящего в положение автоматической стрельбы. Болота Янтаря были любимым местом обитания снорков, довольно часто тут появлялись и зомби. Но снорки были хозяевами этих мест, легко загоняя в болотистые топи плотей, слепых псов и прочую живность, мгновенно переходящую на их охотничьих территориях в разряд дичи. При этом разницы между четвероногими и двуногими они не делали, и сталкеры так же входили в их обеденный рацион. Что удивительно, на зомби снорки нападали редко, только будучи очень голодными. Несколько раз снорки затаивались в засаде около ворот на базу, поджидая недосягаемых из-за железных дверей и толстого бетона людей. Внутрь периметра они не совались, выказывая зачатки или остатки разума, словно помня о бойницах и камерах наружного наблюдения, позволяющих

отслеживать и отстреливать сунувшихся на территорию из укрытия.

Удовлетворенный тишиной, сталкер осторожно вышел из ворот. Наголовник он одевать не стал — встроенные в комбез микрофоны и мембраны не могли в полной мере передать всю звуковую гамму, а в условиях такой плохой из-за постоянного тумана видимости слух и полнота звукового восприятия играли первостепенную роль. Он уже поднялся по насыпи из котловины, где располагалась база, на дорогу, где туман был значительно реже, когда со стороны кирпичных строений расположенных неподалеку зданий раздался звук выстрела охотничьего ружья. Сталкер быстро отступил к ближайшему кусту, присел и замер, взяв автомат наизготовку и отщелкнув вниз планку предохранителя. В критической ситуации любой, тесно общающийся с автоматом, передергивает затвор, досылая патрон в патронник, при этом часто забывая снять его с предохранителя, и теряет на этом драгоценные секунды. Буро-зеленая ткань комбеза сливалась с темной зеленью куста, не позволяя выделить из общей цветовой гаммы фигуру человека, черный пластик и вороненая сталь автомата так же не демаскировали затаившегося человека. Раздавшийся вскоре повторный выстрел и рев снорка заставили прячущегося сталкера убрать руку со спускового крючка и снять с пояса КПК-навигатор. Активировав «запрос-ответ», он дождался сообщения и удивленно присвистнул.

— Винт, тебя каким ветром сюда занесло? — КПКашка выдала сообщение о присутствии поблизости старого знакомого. Третий выстрел поднял сталкера на ноги, и он быстро и уверенно, внимательно отслеживая окружающий пейзаж, двинулся в сторону выстрелов. Коротко клацнул затвор, досылая патрон в патронник. Винт — не первогодок, по пустякам палить не будет.

Предупреждающе запищал детектор, предупреждая о наличии впереди аномалии. Обойдя «пищащее» место по широкой дуге, чтобы не терять время на «провешивание» дороги, сталкер осторожно приблизился к покореженным металлическим воротам, за которыми виднелась территория бывшего завода. Диоды детектора еле вспыхивали зеленым в такт ленивым потрескиваниям, отзываясь на раскинувшуюся в стороне аномалию. По счастью, вход она не запечатала, и не пришлось искать места, позволяющего при среднем росте перемахнуть трехметровый кирпичный забор, опоясывающий территорию бывшего завода. Посмотрев на «ведьмины космы», или «жгучий пух», как его называли ученые, сталкер натянул на голову шлемофон комбеза, однако тонированного «забрала» одевать не

стал. И, немного пригнувшись, скользнул под белесыми, похожими на гигантский ковыль, прядями.

Снова ударил выстрел и знакомый голос выдал замысловатую тираду.

— А, чтоб тебя перевернуло и об землю шмякнуло, сволочь гадская… — резкий свист заставил расположившегося на остатках конструкции козлового крана сталкера прервать словоизлияния на полуслове и резко развернуться стволом в сторону нового, не предусмотренного программой, звука.

— Винт, палить не вздумай! Это Отшельник!

— Отзвонись! А откуда ты знаешь, что это я? — сидящий на высоте Винт пытался не особо высовываясь, сверху, рассмотреть кричавшего.

— Ну ты выдал! Мобилу вырубай, инкогнИто фигов! На, лови! — Карманый персональный комп сидящего на кране пискнул, выкидывая запрос-опознование.

— О! И вправду Отшельник! Ты один там?

— Нет, блин, с хором Пятницкого и сборной по футболу. Тебе кого еще надо? — прокричал снизу Отшельник, выходя из-за угла здания.

— Ну, я думал, может ты с Лешим, или с Лысым, или еще с кем… Ты это, не мельтеши там, сюда давай залезай. Ай-ай-ай, не стреляй, не стреляй собачку, — заорал Винт, видя вскинутый в сторону высунувшей из кустиков морды слепой собаки автомат Отшельника, — Это наша собачка, она за нас, она моя!!!

— Она моя, он мой, оно моё. Ё-маё, Винт, чего ты тут опять затеял?! — Отшельник, закинув автомат за спину, ловко забрался по металлическим прутьям лесенки наверх и протянул пятерню Винту, — Здорово, бродяга!

— И тебе не хворать! Да вот, охочусь, панимаешь…

— Чего то как то не очень файно у тебя выходит, бабахи я слышал, а вот дичи не наблюдаю. Или ты песика на снорков натаскиваешь? — Отшельник взглянул в сторону скулящего внизу слепого пса. — И как, получается? А чего он не убегает? Неужто приручил? А скулит все время чего?

— Да куда же он убежит, я же его привязал. А скулит — так у него задние лапы перебиты…

— Так ты по нему что ли тут тренируешься, ворошиловский стрелок? — Отшельник зашелся в хохоте, брезентовый ремень соскользнул с плеча, автомат звякнул о металлический поручень, и повис, зацепившись мушкой за пруток ограждения. — Не, Винт, всякого я от тебя ожидал, но такого… Тебе консервных банок что ли мало? Пошто, аспид, животину тиранишь? Давай я добью, или сам спустись да добей…

— Ты сначала послушай, а потом уж ржать начинай, ржун, блин! — Винт обиженно засопел, — Я тут на снорков охочусь.

— А собака тебе нафига? — непонимающе уставился на него Отшельник.

— Ты сюда поднимался — головой о перекладинки не стукался? Манок это. Псина скулит, снорки за ней лезут. А я их сверху отстрелить пытаюсь.

— Винт, а где дичь то тогда? Ты же раза три уже стрелял, а чего-то я еще никого не вижу подстреленного, кроме этой собачки.

— Вот ты достал! Ты сейчас вообще куда и откуда?

— От ботаников иду, хабара малёха сдал, маслят к машинке прикупил, — Отшельник любовно похлопал по висящему на плече автомату, — еще там разного по мелочи. Представляешь, засада? 5,45 патронов полно, а 7,62 для калаша хрен найдешь. У ученых заказывал. Дорогие, заразы. А на Большой Земле — без проблем, даже в охотничьих магазинах, говорят, продаются.

— Так может мне подсобишь, если не сильно занят? Хабар пополам.

— Так а в чем суть?

— В песок, — Винт усмехнулся.

— Чего «в песок»? — не понял Отшельник.

— В песок ссуть, — обрадованно засмеялся сталкер, довольный, что удалось подловить остряка на такую детскую шутку, и откровенно наслаждаясь реакцией Отшельника. — А дело в следующем. Я тебе с самого начала расскажу, а ты только со своими вопросами и подколами потом. Лады? — дождавшись кивка, Винт продолжил. — Я тут как то хабар Круглову скидывал, и он мне тему для размышления кинул. Очень им хочется снорка живого заполучить, и они за это заплатить готовы неслабо. А сегодня утром иду я себе в сторону бункера, глядь — пес ползет, задние лапы перебиты, скулит. Я сперва добить хотел, да шкуру снять. А потом сообразил — если на кран залезть, а его внизу привязать, то на скулеж снорки обязательно приползут. И тут можно снорка аккуратненько подранить, и к ученым оттащить. У меня как раз десяток жаканов есть. Да только я из своей помповухи им по рукам-ногам попасть никак не могу, верткие они, гады ползучие. А с твоего калаша как раз можно…

Звонко щелкнула о металл конструкции пуля, на мгновение опередив звук выстрела. Невнятно мычащая, одетая в лохмотья некогда сталкерского комбеза, человеческая фигура раскоординированной походкой двигалась в их сторону по растрескавшейся асфальтовой дорожке из глубины территории завода. Отшельник сорвал с плеча и вскинул автомат,

передергивая затвор. Зеленоватое тельце патрона отлетело вбок, весело кувыркаясь и на мгновение отвлекая внимания сталкера. Винту этого секундного замешательства хватило, чтобы вскинуть «мосберг» и выстрелить. Тяжелая свинцовая слива ударила зомби в верхнюю часть корпуса, опрокидывая на асфальт, выбитый из рук пистолет дребезжа отлетел в сторону.

— Ну, и кто стрелять не умеет? — задиристо спросил Винт.

— Да умеешь, умеешь. Винтнету Сын Инчучундры… У тебя в ушах не звенит?

— Нет. А должно? — Винт, оглядывая окружающую территорию в поисках новых целей и не опуская ствола мизинцем левой рули залез под щлемофон комбеза и энергично поковырял в ухе.

— Говорят, что когда контролер поблизости, то сперва в ухах звенеть начинает, — Отшельник перегнулся через поручни, что-то высматривая внизу. — Витек, не видал куда патронка отлетела? Передернул по-привычке, а патрон в стволе был.

— Дался он тебе. Давай снорка заловим — ведро патронков себе купишь. Я себе Стечкина прикупить хочу. Хорошая машинка, главное компактная, в комплекте с помпой — в самый раз по Зоне шариться.

— Не, ведро патронов — это пуда на два потянет. Куда я с ними таскаться буду? Только отстреливать лучше не надо. Не факт, что по конечностям ему попадем. Тут оптику надо и глушитель. А чего ты с собой ничего такого не прихватил?

— Да говорю же, случайно все получилось, — Винт сплюнул вниз, — я же и не собирался. Так бы конечно прихватил. А еще лучше сеточку бы у ученых попросил, хотя бы волейбольную. Я на Кордоне как то сеточкой собачек ловил.

— Да наслышан я о той истории, — Отшельник усмехнулся, — а вот нафига ты вояк тогда докалебывал — так и не понял.

— Делать просто нечего было. Дожди еще зарядили.

Сталкеры уселись на выщербленный дощатый настил и свесили ноги. Слабо поскуливал внизу слепой пес, шебуршался неподалеку в кустах снорк, у которого инстинкт и остатки разума пока еще брали верх над чувством голода. Винт достал из кармана сигарету и закурил, привычно пряча огонек в кулаке и пуская дым низом, чтобы тот не захлестывал не некурящего товарища. Отшельник, уперевшись налобником шлемофона в поручень, пытался высмотреть внизу снорка.

— Эх, сеточку бы сейчас… — вздохнул Винт, прерывая установившееся почти идиллическое молчание. — Слушай, у меня шнур толстый есть, крепкий, то ли капроновый, то ли

нейлоновый. Но выдержать должен. Может заарканить попробуем?

— Да болта чего получиться. Там кусты, и арматура из земли торчит. Ни заарканить, ни петлю разложить. Обязательно зацепится.

Сталкеры снова примолкли. Неожиданно Отшельник толкнул товарища локтем в бок.

— Вон, на стене цеха, щит пожарный видишь?

— Вижу. И чего там? Ведро что ли? — Винт вгляделся в пожарный, некогда красный, а теперь ободранный, со следами старых пулевых отверстий деревянный щит, на котором сиротливо болтался простреляннный в нескольких местах конус пожарного ведра.

— Да нет же, над ведром! Багор обломанный видишь? — над конусом действительно висел небольшой багор, насаженный на обломок деревянного черенка. — Прямую пичку загнем, и можно как кошкой, или как блесной снорка зацепить попробовать. И без выстрелов, опять же. А то он вон зашугался, не подходит.

— Так а как привяжем то? Там дырки нет, — засомневался Винт, — да и снорк к блесне этой не подойдет, зашугается.

— А мы туда колбасу насадим, у меня есть. А дырку вот, дыроколом пробьем, — Отшельник похлопал ладонью по автомату, — это же 7,62, со ста метров рельсу прошибает, ему этот багорик — как картон.

— Ну, рельсу со ста метров — это ты брешешь, — отозвался, поднимаясь на ноги, Винт, — но попробуем, хуже один фиг не будет.

Одиночный выстрел АК-103 действительно пробил аккуратную дыру, одновременно выбив труху полусгнившего деревянного черена. Пичку Винт загнул, получившиеся жала крюков слегка выгнул вбок, на манер рыболовных, «для лучшей подсечности». Отломав и насадив два куска колбасы, сталкеры с крана закинули снасть к кустам. Вскоре заинтересовавшийся снорк высунулся из кустов и сунулся к наживке. Винт начал осторожно вытягивать веревку, заставляя снорка подойти ближе. Мутант осторожничал, словно чуял спрятанные в кусках колбасы железные крюки.

— Будешь подсекать — губу ему не порви, — прошептал Отшельник, выцеливая снорка через прорезь прицела и пытаясь зафиксировать мушку на конечности.

— Да пошел ты… — отозвался сквозь зубы Винт.

В это время громко заскулил и забился, почуя так близко врага, слепой пес, про которого сталкеры за всеми

приготовлениями слегка успели подзабыть. Снорк немедленно переместился на несколько метров вперед и припал к земле, приготовившись к атаке. Собачий скулеж, казалось, выбил из него все остатки осторожности. Винт со всей силы рванул веревку на себя, крюк впился снорку в ляжку. Мутант взревел и дернулся в сторону. И тогда Винт намотал веревку на руку и спрыгнул вниз, оказавшаяся перекинутой через балку веревка потащила снорка в сторону сталкеров.

— Витек, тебе давно говорили, что ты зашибленный на всю голову? — Отшельник просовывал обломок трубы между связанных конечностей монстра. — Ты зачем вниз сиганул?

— Ну так это… гада этого поймать… он мне с утра все нервы вымотал. А ты зачем?

— Я прыгал с середины лестницы, и на снорка. А ты с верхотуры и на бетон. А если бы крюк вырвало?

— Ну так не вырвало же… — ответил Винт, взваливая конец трубы себе на плечо. — Теперь Стечкина себе куплю…

— А я — маузер. «Астру». Такой, как у революционных матросов, которые Зимний штурмовали, — отозвался Отшельник. И переспросил напарника через довольно длительную паузу, — ну, ты чего молчишь? Тоже маузер решил?

— Да нет, — отозвался Винт, — просто вспоминаю, как такие чудики одним словом называются… Для него же патронов не найдешь… — потом не вытерпел, и переспросил, — А для чего тебе маузер?

— Ну… так просто… всегда хотел из маузера пострелять.

* * *

— Ох, и горазд же ты заливать, Отшельник, — усмехнулся Игрек, подбрасывая в костерок небольшую деревяшку.

— Чего сразу «заливать»? — обиженно протянул рассказчик. — Вот, смотри.

Из развязанной горловины вещмешка в руках Отшельника торчала деревянная коробка, из-под откинутой крышки которой выглядывала рукоять легендарного маузера.

marsuser
ОХОТА НА КРОВОСОСА

И самый лютый зверь испытывает жалость.
Я жалости не знаю, а значит — я не зверь.

В. Шекспир «Король Ричард III»

Говорила мне старушка-мать перед тем, как покинуть этот говеный мир: «Учи иностранные языки, сынок, а то сталкером станешь!» Как в воду глядела… Ну, сталкером не сталкером, а переводчиком в Зоне тоже жить можно: интуристы сюда как дурные прут! Кто по научной части, кто оттопыриться и асфоделей послушать (растут здесь такие поющие цветочки-эндемики на Елисейских полях возле свалки радиоактивных отходов: послушал полчаса — и галлюцинируешь, как контролер под Агромпромом! Хиппари сильно это растение уважают, а лично я за традиционный расслабон), а в основном, конечно, за артефактами едут, ну и поохотиться. Так что я со своими двумя иностранными языками здесь нарасхват.

Вот и сегодня ни свет, ни заря приехала группа: 4 японки, все увешанные фотоаппаратами (ну, эти не по моей части: не мой язык) и трое пацанов: два длинных рыжих ирландца Джон и Джек, а третий из Голландии, что-ли, этот тоже мимо кассы.

Ну, кто куда: японки на обзорную экскурсию, голландец, само собой, на Елисейские поля торопится, а рыжие Джон и Джек вроде на охоту. Пожали мы с ними друг другу руки, и повел я их прямо к Старику.

Старик — личность известная. Уже лет 10 в Зоне живет. В свое время крутейший был сталкер из одиночек: поговаривают, что даже до Монолита добирался, да только не принесло это ему счастья: вернулся весь седой и целый год молчал, как «долговец» на допросе. Потом, конечно, отошел немного, только далеко в Зону перестал ходить и нам не советовал. Теперь охотой себе на жизнь зарабатывает, а в свободное время, само собой, в баре водку переводит.

Старик к ним сразу проникся (еще бы: Джон и Джек выставили ему литр вискаря по моему совету!) и давай расспрашивать, мол, кто такие и какая нелегкая их в Зону

занесла? Ну, Джон рассказывает, а я перевожу. Джон вообще любил потрепаться, а Джек все больше помалкивал. Короче говоря, приехали они в Зону охотиться, и не на кого-нибудь, а на кровососа. По их словам они объехали весь мир в поисках редких охотничьих трофеев: в Африке охотились на Большую пятерку, это значит на буйвола, леопарда, льва, носорога и слона, в Австралии ловили крокодила-людоеда, в Сибири на медведя ходили, но уже давно мечтали приехать в Зону для настоящего дела.

— А что без оружия? — спросил Старик.

— Знающие люди подсказали, — Джон хитро улыбнулся. — С оружием все равно военные в Зону не пропустят, а здесь, говорят, на прокат взять можно.

— Это верно. — Старик с удовольствием затянулся настоящим «Мальборо», пачку которого Джон легкомысленно выложил на стол.

— Ну что, кровососом, значит, интересуетесь? — Ирландцы дружно закивали.

— Сами все знаете или рассказать?

— Рассказать.

От соседних стоек потянулся народ послушать Старика.

— В Зоне водится много всякой дряни, — начал он, прикуривая одну сигарету от другой, — но кровосос — один из самых опасных, не считая людей, конечно. Эта тварь относится к роду и семейству мутантов (комариную плешь им на всю голову!) и встречается на всей территории Зоны от Лиманска до южных болот. Масса некоторых экземпляров достигает 200 кг, но попадаются и под 250! Кровосос — сильное и быстрое чудовище, а еще оно может на некоторое время становиться невидимым и тогда бывает неуязвимым для стрелкового оружия.

— А гранатомет? — быстро спросил Джон.

— Гранатомет — это всегда хорошо. Только с гранатами для него в Зоне напряг. Старик вытащил из пачки пару сигарет и положил их себе за ухо.

— Кровосос любит заброшенное человеческое жилье: сидит где-нибудь в подвале и когти точит. Кстати, следы когтей на стене могут подсказать опытному охотнику, какого роста кровосос здесь живет, и имеет ли смысл преследовать его дальше или, может, ну его в баню? Кровосос крепкого телосложения, с длинными, мускулистыми лапами, вооруженными острейшими когтями, с широкой башкой, короткой тупой мордой и длинными щупальцами как у осьминога по краям ротовой полости.

— На Ктулху похож, — заметил Джон.

— Кто это? — спросил Старик.

— Да есть тут один, мечтаем поохотиться, — усмехнулся ирландец и посмотрел на Джека. Джек молча кивнул. Старик недоверчиво покачал головой: среди местных монстров никаких ктулху не было. Не дождавшись подробностей, Старик пожал плечами, положил еще пару сигарет себе за другое ухо и продолжил рассказ.

— Кровосос всеяден. В смысле ест всех подряд: сталкеров, военных, бандитов, но особенно предпочитает интуристов. Настроение кровососа напрямую зависит от съеденного: закусив упитанным американцем, кровосос пребывает в умиротворенном расположении духа, и тогда шансы добыть его существенно увеличиваются. А вот мясо военных вызывает у кровососа острое несварение. В это время ему на глаза лучше не попадаться: чудовище постоянно поносит, что сопровождается солидной струей накопившейся в организме гадости. К тому же в это время кровосос пребывает в самом отвратительном настроении, что делает его совершенно охотонепригодным.

— А как определить, что съел кровосос? — поинтересовался любознательный Джон.

— По его дерьму, конечно, — серьезно ответил Старик. Сталкеры вокруг засмеялись.

— Если видишь большую кучу дерьма обычно черного цвета неправильной формы, с остатками непереваренной пищи животного происхождения — значит кровосос где-то неподалеку. Часто в его дерьме встречаются фрагменты костей, волосы и обрывки камуфляжа. Если дерьмо остро пахнет спиртом и в нем преобладают металлические болты и остатки упаковки от лапши быстрого приготовления — то это наш брат сталкер. А если пожиже, личный жетон и куча форменных пуговиц — это военный.

Сталкеры за соседней стойкой повалились на пол и ржали как кони.

— Короче говоря, в дерьме кровососа настоящий охотник должен отлично разбираться! — резюмировал Старик, а Джон и Джек понимающе закивали.

Довольный произведенным впечатлением, Старик продолжал, хлебнув из бутылки.

— Брачный период у кровососов — май-июнь. Все остальное время кровососы прозябают в одиночестве. В брачный период между самцами происходят серьезные разборки. А вот ухаживает кровосос скромно: топчется у логова самки и кидает на нее робкие взгляды, как студент на любимую учительницу. Если самка проявляет симпатию, он подходит ближе и заводит более тесное общение. Беременность кровососицы длится семь месяцев.

С конца декабря по февраль рождается от одного до двух маленьких кровососов.

Старик прихлопнул комара, легкомысленно пристроившегося у него на запястье, мрачно посмотрел на то, что от него осталось, и снова потянулся за бутылкой. Джон продолжал задавать вопросы.

— А как определить пол кровососа?

Один из сталкеров за соседей стойкой не выдержал и влез в разговор.

— Очень просто, приятель. Подкрадись к нему сзади, дай хорошего пинка и сразу же взбирайся на дерево! Если кровосос залезет на дерево и навешает тебе люлей, значит — это самка. А если сначала повалит дерево, а потом навешает — то это самец.

Вокруг засмеялись, а Старик продолжал, неодобрительно покосившись на невоспитанного сталкера.

— Обычно на кровососа охотятся двумя способами: на засидках и с загонщиками. В первом случае в качестве живца используется «терпила»: арестант, приговоренный к смерти.

— А если он возражает? — спросил политкорректный Джон.

— Еще как возражает, — хмыкнул Старик. — Только выбора у него нет: или голым на Арену против пары экзоскелетов или приманкой для кровососа. В последнем случае есть шанс выжить, понадеявшись на меткий глаз охотника. Для охотника этот вариант самый безопасный: сиди себе на дереве, к стволу которого привязан «терпила» и жди удобного момента для стрельбы.

— Это точно, — снова перебил Старика разговорчивый сталкер. — Только был давеча один случай. Одна американка из приезжих села на засидку рядом с «терпилой». Выскочил кровосос и давай рвать его, как тузик грелку! «Терпила» верещит, кровосос ревет, кровища! Дамочка посмотрела на это безобразие и брык в обморок: вывалилась из засидки прямо на голову кровососа! Кровосос выдал все, что накопилось у него в кишечнике, и деранул. У дамочки чуть разрыв сердца не случился.

— И у кровососов разрыв сердца случается, если только он раньше не случится у человека, — сказал Старик, бросая сердитые взгляды на разговорчивого. — И вообще: «терпила» стоит дорого и не всегда имеется в наличии. Сейчас, кстати, нет ни одного, поэтому лучше рассмотреть второй вариант.

— Что за вариант? — спросил Джон и потянулся к пачке сигарет, но Старик, как бы случайно, положил на нее руку.

— Второй вариант — охота нагоном. Она проводится на открытом месте с использованием загонщиков. В зависимости от ландшафта местности, величины кровососа, класса оружия и

опытности стрелка определяется количество загонщиков, обычно человека 3–4. Охота происходит «в узерку», то есть на стрелка кровосос нагоняется с поля, видимый и стрелку и загонщикам. Конечно, в случае промаха, загонщики всегда подстрахуют, но, все равно, адреналин при такой охоте бьет ключом: выскакивает такая дура и ломится прямо на тебя!

Сталкеры вокруг понимающе загудели.

— Этот вид охоты — самый популярный, но есть такие, которым и этого мало. Им подавай реальный экстрим. Для таких мы организуем охоту с рогатиной: почти так же, как в старые добрые времена на Руси охотились на медведей.

— О, медвед, медвед гуд! — обрадовался Джон, услышав знакомое слово.

— Медведь, конечно, гуд, только при всем моем уважении к русскому мишке, он против кровососа как чебурашка против порнозвезды! — Старик посмотрел бутылку на просвет (много ли еще осталось?), глотнул пару раз и продолжал. — Вот уж тут действительно — кто кого! Для такой охоты подходят только очень сильные и смелые мужики. Женщины не допускаются. — Старик скептически посмотрел на тонкую шею Джона, все покрытую веснушками. Не в меру разговорчивый сталкер снова перебил его.

— Помнится был такой случай много лет назад, еще до Глобального потепления. В расположение «Свободы» приехал важный чел. То ли политик, то ли кинозвезда, не знаю, только заявил он, что хочет у себя в особняке под Киевом повесить над входной дверью голову ну самого «жахливого» кровососа в Зоне! Естественно, собственноручно убитого. Ну что же, хозяин — барин, тем более что недалеко от кордона водился один кровосос, не Монстр, конечно, но довольно крупный. От СВД дядя брезгливо отказывается и демонстрирует собственную рогатину из армированного алюминия, огромный охотничий нож, и вообще крутейшую крутость. Короче, нет проблем. Впрочем, одна проблема, все-таки, была: в ту зиму выпал снег, а у гостя ни лыж, ни креплений. Ну, лыжи ему кое-как нашли и примотали синей изолентой прямо к его «Коламбии» 48 размера.

Вышли поутру. Напротив заброшенного строительного вагончика, что в овраге у моста, через дорогу рос старый тополь. Там дядю и поставили, предварительно указав ему вероятное направление появления кровососа, а по краям оврага стали страхующие стрелки. Короче, загонщики выгоняют кровососа из вагончика. Тот ревет и ломится через дорогу прямо на охотника, а тому, типа, пофиг: стоит себе и на кровососа лыбу давит! До кровососа остается метров 30. Тогда важняк вообще отбрасывает

рогатину и начинает вытаскивать нож. Мы такие: «Слушай, реальный чел! На кровососа — с ножом!» Но на всякий случай приготовились стрелять… Тут чувак, наконец, достает нож, нагибается, в мгновенье ока перерезает изоленту, которая держит его лыжи, и птицей взлетает на дерево!

— А кровосос? — спросил Джон.

— А что кровосос? Там же упал и умер. Должно быть, от смеха.

Сталкеры смеялись и одобрительно хлопали рассказчика по спине, а Старик испепелял его гневными взглядами. Чтобы успокоиться, он допил бутылку до конца и продолжил инструктаж.

— Рогатина только называется рогатиной: на самом деле — это толстая заостренная палка с наконечником, типа копья. — Слышь, Костян, — крикнул Старик своему помощнику, тянувшему пиво в углу. — Принеси рогатину, гостям показать. — Через пару минут Костян вернулся, сгибаясь под тяжестью трехметрового кола в руку толщиной. Длинное острие на его конце было покрыто подозрительными бурыми пятнами. Джон попытался поднять рогатину одной левой — и это ему удалось не без труда.

— Однако, — сказал он с уважением, — должно быть, килограмм 20 будет!

— 25. — Старик, воспользовавшись случаем, незаметно переложил пачку сигарет себе в карман.

— Несмотря на то, что в любом случае мы выставляем стрелков для поддержки, хочу спросить вас, если вам вдруг захочет поохотится на кровососа с рогатиной: а вам это надо? — Старик внимательно посмотрел на ирландцев. — Подумайте еще, посоветуйся с родителями и поезжай на рыбалку: дольше проживете. Охота с рогатиной на кровососа смертельно опасна. Лишь немногие охотники только случайно не погибли, а многие про себя этого уже сказать не могут. И вообще, зачем нужна рогатина, если есть автомат?

— А какие еще есть способы охоты на кровососа? — спросил Джон.

Чересчур разговорчивый сталкер попытался было встрять снова, но тут Старик не выдержал:

— Да ты достал, терпила! — заорал он и со всей силы приложил сталкера бутылкой по голове. Осколки брызнули в разные стороны, сталкер завалился на пол, кто-то полез на Старика с кулаками, но сам получил в репу. Короче говоря, начался пьяный махач и я торопливо вытолкал ирландцев из бара.

На следующее утро часов в 8 я зашел за ними в общагу и мы отправились на поиски Старика. Долго его искать не пришлось: Старик уже сидел в баре и опохмелялся. Выглядел он не важно. Видимо, все-таки вчера ему тоже досталось: правый глаз заплыл, а нос распух и синел на сером лице словно артефакт «Капля» на бетонке.

— Ну, охотники, — мрачно спросил он. — Чего решили?

— We want hunting a bloodsucker with rogatina only, — неожиданно сказал Джек.

Это были первые и последние слова, которые я от него слышал.

— Один кровосос, два человека, две рогатины, — уточнил Джон.

Старик некоторое время молчал, хмуро оглядывая ирландцев с головы до ног и что-то прикидывал про себя. Потом вздохнул и сказал: — Ну что же, хозяин — барин. Костян, неси карту!

Разложив на столе подробную карту Дикой территории, Старик ознакомил присутствующих с диспозицией.

— Есть здесь неподалеку один кровосос. Живет на заброшенном складе ГСМ недалеко от периметра. Мои ребята уже давно его вычислили, но мочить не стали: специально берегли для такого случая. С вами пойдет талмач и четверо бойцов для страховки. Вы оба станете здесь, — Старик ткнул пальцем в нужную точку на карте, — в центре автостоянки напротив КПП. Будет пространство для маневра. Бойцы выгонят кровососа прямо на вас. Бейте его в грудь, пах или под лопатку. — Старик шмыгнул распухшей «Каплей». — Кстати, с вас по штукарю с носа, господа.

После того, как четыре свето-шумовые гранаты одновременно влетели в окна старого КПП, появление кровососа не заставило себя долго ждать. Двухметровая тварь выскочила на крыльцо, злобно шипя и извиваясь, как змея, попавшая в муравейник. Увидев перед собой поджидавших его ирландцев, кровосос замер на мгновение, оценивая обстановку. Один из охотников стоял чуть впереди, уверенно опираясь одной рукой на рогатину, а второй, приняв защитную стойку, выставил рогатину перед собой. «Слабый, боится», подумал кровосос и решил сначала расправиться именно с ним. Кровосос пошел на хитрость: то исчезая, то появляясь вновь, он медленно приближался к Уверенному, пристально глядя ему прямо в глаза и демонстрируя всем своим видом, что намеревается атаковать именно его, а до второго охотника ему нет никакого дела. Кажется, уловка сработала: Слабый, воодушевившись, стал крадучись обходить

кровососа, намериваясь атаковать с тыла. Кровосос, казалось, не замечал маневра, но маленькие черные глазки мутанта внимательно следили за длинной утренней тенью, отбрасываемой охотником на мокрый асфальт. Кровосос терпеливо ждал момента, когда жертва приблизится к нему на расстояние прыжка, но и человек был не так прост: он не подходил к кровососу ближе, чем на 3–4 метра, продолжая кружить вокруг него с рогатиной наизготовку. Неожиданно охотник сделал два быстрых шага вперед и нанес резкий, сильный и короткий удар, без размаха, метя кровососу под лопатку. Но кровосос был настороже: вовремя заметив движение, он быстро отмахнулся лапой и рогатина, пройдя по касательной, только рассекла кожу у него на груди. Человек попятился и, поскользнувшись, упал на колено, уперев древко рогатины в землю. Воспользовавшись этим, кровосос левой лапой ухватился за рогатину, сильным ударом правой переломил ее пополам и, торжествующе зарычав, бросился на охотника. Но человек, успевший встать на ноги, уткнулся головой в грудь кровососа и крепко обхватил его руками. Мутант в бешенстве кусал его за голову и пытался оттолкнуть, чтобы нанести смертельный удар лапой, но охотник из последних сил сжимал его в объятиях. Кровь кровососа, смешиваясь с его собственной, заливала ирландцу глаза. Наконец, кровососу почти удалось оторвать человека от себя, но в этот момент второй охотник, о котором кровосос в пылу борьбы совершенно забыл, нанес сильный удар рогатиной ему в левый бок. Обоюдоострое сорокасантиметровое лезвие прошло между ребер, рассекло оба легких и сердце и вышло наружу под правой подмышкой. Кровосос заверещал и повалился на бок, захлебываясь кровью.

Когда подошли стрелки, кровосос был уже мертв. Джек, достав перевязочный пакет, бинтовал искусанную голову Джона.

— Если хотите снять с него шкуру — делайте это прямо сейчас, — сказал я. — Когда остынет — станет как каменный: ножи поломаете.

Джон отрицательно покачал головой и потянулся за мачете.

— Берем только голову.

Вечером в баре водка лилась рекой: ирландцы угощали. Я уже в десятый раз пересказывал все подробности охоты, а народу все прибывало: всем хотелось выпить на халяву и полюбоваться на голову кровососа, лежащую тут же в железном тазу. Сталкеры уважительно жали ирландцам руки, а японки радостно фотографировались на фоне головы, но близко подходить

боялись.

— А ты знаешь, приятель, что к нам даже ваш президент Бил Клинтон вместе с женой приезжал на кровососов охотиться? — радостно балагурил вчерашний сталкер с перевязанной головой.

— Он не наш президент, — сказал Джон.

— Это не важно, — махнул рукой сталкер. — Ну, пошел, значит, Бил на поиски кровососа, а Хиллари в засаду поставил. Идет такой по лесу, темно, страшно! Вдруг раз: кто-то ему на плечи лапы положил: когти вот такие! Бил медленно так поворачивается… ну, в принципе, видит, что это Хиллари, но остановить понос уже не может.

Сталкер радостно засмеялся. Сегодня его разговорчивости ничто не угрожало: Старик, пьяный и довольный, спал тут же за столом, уронив голову на руки, одна из которых намертво сжимала пустую пачку из под «Мальборо».

Ольга Никонова
ЛЕШИЙ

Полуденное солнце октября светило, но совсем не грело, как впрочем, и в другие месяцы года в этом проклятом и Богом, и Чертом месте. Сухая, чахлая трава качалась в такт дыханию ветра. На полуголом пригорке одиноко чернел силуэт сидящего человека. Человек допил минералку из маленькой бутылочки, аккуратно свернул пустую пачку из-под витаминного печенья, засунул ее в пустую пластиковую бутылку и завинтил крышку. Бутылка отправилась в рюкзак. Человек сосредоточенно всматривался вдаль, туда, где одиноко, словно рука утопающего, маячила в сером, безликом небе полосатая труба ЧАЭС.

* * *

Марат не был молодым, ищущим острых ощущений и новых впечатлений, человеком. Наоборот, жизнь столько раз его била, что удивительно, как еще не сломала. В свои сорок восемь он выглядел на все шестьдесят, но только внешне. Совсем лысый, немного сутуловатый и коренастый, но сильный, как вол, и мощный, как танк, он сохранил какой-то особый огонек в глазах, за что его и прозвали Леший.

Волосы покинули его голову еще в 87, через год после того, как его роту направили ликвидировать последствия катастрофы на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. К окончанию срока службы в живых из всей роты остались пятеро.

Как и многие пацаны после армии, Марат женился на той, которая его дождалась. Марина была самой красивой, нежной и доброй девушкой из всех, что он встречал в своей жизни, и стала ему любящей, верной и преданной женой. Марат был безумно рад своему счастью и наслаждался каждой минутой, что проводил рядом с ней.

Беда пришла внезапно и, как водится, не одна. Однажды вечером, когда молодая семья Усмановых возвращалась домой, Марину, находящуюся на четвертом месяце беременности, сбила машина. Марат остановился, чтобы прикурить сигарету, а она стала переходить дорогу. Он до сих пор очень смутно и какими-то обрывками помнил события тех часов: ее розовое платье, она оборачивается посмотреть, почему его нет рядом, не глядя

ступает на проезжую часть, визг тормозов, ее крик… кровь… темнота… руки Марата смыкаются на шее водителя серебристой иномарки… темнота… посиневшее лицо и полные ужаса глаза водителя… темнота… чьи-то руки заламывают его руки… щелчок наручников на его запястьях… кровь на капоте, кровь на асфальте, кровь в ее русых волосах… темнота…

Шестнадцать лет строгого режима тоже не преминули оставить свои печати на его теле и душе. Отсидев от звонка до звонка, Марат вышел на свободу, но от былого пылкого юноши остался лишь блеск в глазах, вспыхивающий в те минуты, когда он вспоминал о том, как был счастлив с ней.

Не желая чувствовать на себе осуждающие или сочувствующие взгляды окружающих, Марат уединился в глухом тамбовском лесу — устроился работать лесником. В свои тридцать семь он отпустил окладистую бороду, и окрестные ребятишки звали его не иначе, как дед Марат.

В лесу ему нравилось: здесь никто не отвлекал докучливыми разговорами, а животные, чувствуя его настроение, сами подходили к сторожке или же, наоборот, старались обходить ее стороной.

Перемены произошли апрельской ночью 2012 года. Выпив, как полагается, 50 грамм перед сном, Марат отправился спать. Однако уснуть ему в эту ночь все никак не удавалось. Что-то смутное и непонятное ворочалось у него в душе. В памяти всплывали неясные образы 1986 года. Фонящие радиацией руины, оставшиеся после взрыва от четвертого энергоблока атомной электростанции, запах смерти, невидимой, но неотвратимой, и весь тот ад, что там творился — все казалось таким недавним, что Марату стало не по себе.

Телевизор он не смотрел больше года, а радио слушал редко, только по весне, когда говорили о погоде и паводках. На сегодня прогноз был хорошим, подъем воды незначительный, но что-то все равно не давало покоя. Он налил себе и выпил еще 100 грамм водки, но легче не стало.

Марат вышел на улицу. Близилась полночь, и на небе спелым апельсином висела луна. В кустах сопели и топали недавно проснувшиеся ежики. Ветра не было, стояла теплая, даже душная, апрельская ночь. Привычные звуки леса немного успокоили его, и лесник решил, что пора ложиться спать. И вот в тот пограничный момент, когда сознание еще не полностью выключилось, он услышал Ее голос.

— Иди ко мне, ты мне нужен.

На фоне ярко-алого неба красовался остов полосатой трубы ЧАЭС, а рядом, в столбе невероятно яркого света стояла Она —

воплощение женской красоты, нежности, чувственности, и Она звала его, Марата, самым лучшим из всех голосов — голосом его Марины.

— Марат, я здесь. Я жду тебя.

Марат очнулся, словно в горячечном бреду: сердце кувалдой лупило по ребрам, лоб покрылся испариной, из пересохшего горла сипло вырывался воздух, а руки судорожно сжимали одеяло. Через несколько слишком долгих минут реальность начала возвращаться. Сердце сменило галоп на размеренную рысь, а онемевшие конечности вновь становились родными руками.

— Нет, зря я на ночь пью, — сказал он сам себе и, подойдя к ведру с водой, с размаху погрузил туда лицо. — Завязывать пора. Или бабу завести.

Некстати возникшая мысль о бабах невольно натолкнула на мысль об измене Марине, и, вынырнув из ведра, Марат залепил себе две звонких оплеухи, то ли смахивая остатки сна, то ли выгоняя мысль о бабах. В эту ночь он так и не заснул.

На следующий день в избушке лесника заработал простаивающий год без работы телевизор. Канала было всего три, и те центральные, но даже здесь с самого утра твердили о каком-то Выбросе, о какой-то Зоне. Марат не вслушивался. Стараясь наладить антенну, он не смотрел на экран и лишь случайно глянул в зеркало, которое поставил напротив телевизора специально, чтобы видеть качество настройки изображения. На экране рядом с полуразрушенной АЭС стояла Она.

Марат разом взмок и выпустил из рук антенну. Изображение тут же пропало. Судорожно глотая ртом воздух, он опустился на пятую точку опоры.

Заставить себя вновь подойти к телевизору лесник смог лишь через час, кода 250 граммов прозрачной горючей жидкости придали ему уверенности в своих силах и немного развеяли нереальность всего происходящего. В выпуске новостей на этом же канале снова показывали одну и ту же картинку: труба АЭС, а недалеко от нее столб ярко-белого чего-то, сразу и не поймешь, чего, но никаких женщин не было и в помине. Марат немного успокоился и вскоре вернулся к своим ежедневным обязанностям. Ночь без сна, напряжение и, наконец, алкоголь, в итоге сделали свое общее дело — к вечеру он уснул здоровым, крепким сном.

Под утро видение повторилось, но было немного другим. Марат стоял на пригорке, а к нему словно по воздуху шла Она. Руки ее были распростерты в объятья, а голос стал немного ниже и сильней.

— Иди же ко мне. Я собираю всех своих сыновей, вы мне

нужны, а я нужна вам. — Она подошла к нему, встала рядом и обняла за плечо, — Смотри.

Вместе они поднялись над землей и полетели с огромной скоростью. Под ними простирались просторы Ее земли, на которой россыпью лежали какие-то непонятные вещи, то тут, то там крутились маленькие смерчи и вспыхивали молнии, то ли табуны, то ли стаи каких-то незнакомых, диковинных зверей неслись куда-то, а Марат поднимался все выше и выше. И вот он уже видит границу, танки, БТРы, блокпосты… Какие-то люди пытаются обойти заставы и проникнуть внутрь охраняемого периметра.

— Это тоже мои сыновья.

Они уже поднялись на такую высоту, что трудно было различить какие-либо здания — даже самые крупные постройки сливались с ландшафтом. Марат посмотрел на свою спутницу, но никого рядом не увидел. И тогда он начал падать. Земля с неимоверной скоростью приближалась к нему навстречу, ветер со свистом вырывал из глаз слезы, размазывая картину места его вечного упокоения. Животный страх парализовал волю и где-то на уровне инстинкта Марат испустил предсмертный крик.

И проснулся. В своей постели. Весь «уютный» быт его холостяцкого жилища вдруг показался ему таким серым и пресным, что захотелось плакать. В глазах блеснул давно забытый огонек азарта, а в памяти всплыли очертания пейзажей, диковинные россыпи и странные вихри и молнии. К стаям и табунам в силу специфики профессии лесника Марат уже привык, а вот люди, пытающиеся обойти блокпосты и заслоны, его изрядно заинтересовали.

— А что, если это не бред и не сон? Она сказала, что мы — Ее сыновья.

В детдомовском прошлом Марата не было воспоминания о матери, и тут Ее удар попал в цель — Марат стал собираться в Зону.

* * *

Попасть за периметр оказалось даже легче, чем он ожидал. Увидев, что около блокпоста крутится бродяга с рюкзаком, начальник патруля сам подозвал его.

— Отец, тебе тоже туда надо, что ли?

— Надо, сынок, надо, — нарочито по-стариковски прошамкал Марат.

— Ты хоть знаешь, что там? — солдат явно сочувствовал

беспомощному деду, — Там Зона, дед, Зона!

— Ты, сынок, меня зоной не пугай — не испугаешь, — с видом бывалого ответил бывший лесник.

— Это другое, там смерть на каждом шагу. Если зверюга не сожрет, так в аномалию какую влетишь, пусть ученые сначала разберутся. Понимаю, молодые прутся — у них кровь горячая. А ты-то куда? Сидел бы дома со своей бабкой!

Марат резко взглянул на патрульного, и тот невольно сделал шаг назад, испугавшись того, что мелькнуло в глазах этого «деда».

— Ладно, дед, надо — значит надо. Готовь «десятку», подходи к полуночи. — Солдат сплюнул в сторону и уже тише добавил: — Одним придурком меньше будет.

Десяти тысяч у Марата не было. Зато было ружье — отличный помповый дробовик. Он копил на него деньги, два года работая лесником. По должности ему, конечно, полагалось иметь оружие, но это было какое-то допотопное ружьишко, обычная двустволка. А этот «Ремингтон» он увидел, кода зашел в магазин «Охотник» за патронами к своему «динозавру». Восьмизарядный дробовик, усовершенствованный помповый механизм, матовый блеск вороненой стали… Марат начал копить деньги. Через два года его лесниковой зарплаты хватило, наконец, для исполнения заветной мечты.

И вот сейчас, стоя посреди поселка возле блокпоста, Марат нежно поглаживал свой дробовик, оттягивая момент расставания с «близким другом». Тут собрались такие же, как он, охотники попасть за периметр. Кто-то пытался подработать и накопить денег на безопасный проход, кто-то самостоятельно штурмовал колючку, и последних Марат после этого больше не встречал. Преимущественно все были при оружии, и даже с избытком, поэтому в подвале местного сельпо обосновался подпольный в прямом и переносном смысле слова торговец оружием. К нему-то будущему сталкеру и посоветовали обратиться.

Увидев ствол, который Марат предлагал на продажу, барыга не выказал ни малейшего интереса — в его арсенале была даже английская штурмовая винтовка LR 300 и швейцарский SIG 550, не говоря уж о «калашах» и обычных обрезах охотничьих ружей, от которых хозяева избавлялись и сплавляли подешевке, не желая тащить на себе лишнюю тяжесть. Глядя на то, странный лысый дед дорожит своим ружьем, торговец нарочно занизил цену, предлагая за почти новый «Ремингтон» пять тысяч, хотя продавал такие же за восемнадцать, объясняя тем, что дорого обходится ремонт, да и за аренду помещения платить надо.

В конце концов, Марат выторговал за дробовик восемь тысяч

и старенький ПМ с двумя обоймами к нему, чтобы ненароком не погибнуть при первой же встрече с местной фауной. По словам барыги, за блокпостом тоже были торговцы, которые, в случае чего, и с оружием помогут, и снаряжение специальное подберут.

Здесь же, в деревне, Марат узнал, что за периметром, кроме опасностей, есть еще и «призы» для особо удачливых сталкеров — артефакты, за которые платят неплохие деньги. Собственно, мысль о быстрой наживе и гнала многих за «колючку», заставляя забыть об опасностях. При упоминании об артефактах перед глазами Марата встала картина из его ночного видения — россыпи каких-то камешков. Теперь он был уверен, что все увиденное им не было полным бредом. Значит, должна быть и Она. Что же здесь все-таки происходит? Наверняка было ясно только одно — надо быстрее попасть за периметр.

Ближе к полуночи Марат, как и было условлено, явился к блокпосту. Лил сильный дождь, часто вспыхивали молнии. От группы солдат отделилась фигура в мокрой плащ-палатке и направилась к нему.

— Здорово, дед! Деньги принес? — голос был уставший и раздраженный.

— Принес, принес, только тут не хватает маленько, — Марат замешкался.

— Маленько — это сколько? — солдат явно нервничал.

— Семьсот… Ну нету у меня больше! — Марат умоляюще заглянул под мокрый капюшон.

— Хрен с тобой, давай сюда, — солдат сплюнул, взял пачку, завернутую в целлофановый пакет, и пошел вдоль ограды. — Двигай за мной. Не отставай.

Шли долго, то спускаясь в овражки, то поднимаясь на пригорки. Оба то и дело скользили, и Марат даже чуть было не угодил в какую-то круглую яму. Его провожатый тяжело дышал, но темп не сбавлял.

— Все, пришли, — патрульный остановился перед небольшой, поросшей кустарником, канавкой. — Спускайся и ползком под «колючку», ты худой, пролезешь, только рюкзак сними. Удачи, дед!

— И тебе удачи, сынок, — горько сожалея о проданном ружье, сказал Марат и полез в канаву.

* * *

Как только он оказался за периметром, дождь начал стихать, а всполохи молний стали реже. Вскоре гроза и вовсе кончилась.

Ветер разогнал облака, и луна осветила скудную, чахлую растительность.

— Ну, вот я и пришел!

Марат опустился на колени и поцеловал грязную глину под ногами. В ответ ему по всей земле, насколько хватало глаз, слуха и осязания, прошла волна невидимой энергии, которая разбудила все аномалии на пути Марата и яркой вспышкой замерла под полуразрушенным железнодорожным мостом. На уровне подсознания Марат запомнил расположение опасных ловушек и направился под мост.

Бывший лесник двигался бесшумно и осторожно, как привык ходить у себя дома. Здесь, в Зоне, он чувствовал себя даже увереннее, чем в своем лесу. Все было каким-то знакомым и родным, даже аномалии он чувствовал, как хороший детектор. Сунувшись, было, вперед, Марат вдруг почувствовал резкую головную боль и остановился. Он пригляделся внимательнее и заметил в том месте, куда собирался поставить ногу, едва заметное колыхание воздуха — как над раскаленной печкой. Когда в это место угодил брошенный им комок земли, то там вспыхнул яркий факел, словно подожги дыру в газопроводе высокого давления.

— Это Она меня предупреждает, — сам себе заметил Марат и стал лучше прислушиваться к своим ощущениям.

Под железнодорожным мостом, в том месте, Где была вспышка, Марат нашел какой-то причудливый камушек, переливающийся оттенками голубого и сиреневого.

— Пригодится, — резонно отметил он и бросил камень в полупустой рюкзак.

Первых сталкеров Марат заметил на рассвете. Они группой стояли в полуразрушенном поселке. Один из них помахал ему рукой.

— Здорово, дед, давай к нам, а то собаки сожрут.

Марат обернулся и действительно увидел невдалеке каких-то тварей, похожих на собак, только облезлых и безглазых. Что было сил, он рванул в деревню: перспектива остаться один на один с этими песиками с одним ПМом в руках как-то не воодушевляла.

А сталкеры уже начали отстрел живности. К тому времени, как Марат добежал, пес остался всего один, да и тот удирал, припадая на подстреленную ногу, под канонаду АКМов.

— Ну что, дед, живой? Давай с нами, а то и до Кордона не дойдешь! — все четверо дружно заржали.

Марат тем временем разглядел своих спасителей: молодые, сильные мужики, защитные комбинезоны у всех одинаковые —

черные с красными вставками, на рукавах нашивки со словом «Долг».

— Я Грач, старший квада, а это мои бойцы. Мы из «Долга», проводим здесь зачистку территории, — увидев непонимающий взгляд Марата, принялся объяснять парень со шрамом, проходящим от переносицы до мочки уха. — А ты, гляжу, новичок?

Марат кивнул.

— Из-за периметра давно? — не слишком интересуясь, спросил Грач.

— Ночью, — честно признался Марат.

— Вот и хорошо, сутки точно проживешь, пока с нами держаться будешь!

Снова раздалось дружеское ржание. «Да, они Ее точно не слышат»- подумал про себя Марат, а вслух сказал:

— Спасибо, мужики, жаль, отблагодарить не смогу — нечем. Деньги все на посту отдал, даже ружье свое продал.

— А с чем же ты в Зону-то шел? — удивился старший. — Здесь же одни мутанты, и каждый тобой пообедать норовит.

— Да вот, — лесник достал ПМ.

— Хм-м, — сочувственно вздохнул Грач. — До Кордона дойдешь — и назад давай, на Большую Землю. Не место тебе тут, не протянешь. Ну что, идешь?

По дороге на Кордон Марат успел узнать про «Долг», «Свободу» и про, мягко говоря, несовпадение их взглядов на проблему Зоны; про таинственную полусекту-полугуппировку «Монолит» и про загадочный Исполнитель Желаний, который те, якобы, охраняют; про ученых, пытающихся здесь же приоткрыть завесу тайны, свинцовым куполом накрывшей аномальную территорию; про бандитов, кучками поджидающих честных сталкеров и лишающих их и хабара, и жизни. Все свое повествование Грач сопровождал красочным описанием того, где он некоторых из них видел и к какой матери хотел бы их послать.

— А вы Ее не слышите? — ненавязчиво поинтересовался Марат.

— Кого — ее? — заинтересовался командир и даже остановился.

— Ну, Зону… — смущенно ответил сталкер.

— Мужик, если ты еще не понял, Зона — это язва на теле планеты, и чем быстрее ее вылечим — тем лучше. Ученые вот ищут, как это сделать, вы, сталкеры, помогаете им, таская всякую дрянь, а «Долг» охраняет тех и других, чтобы быстрее все это закончилось. Чего там можно слышать.

— Капитан, слышь, а он, часом, не мутант? — подал голос один из долговцев.

Четыре ствола обернулись на Марата.

— Мужики, вы чего? — он попятился.

— Как ты ночью в Зоне выжил без снаряги, без нормального оружия, без простого детектора? — Грач сделал шаг навстречу сталкеру. — Да еще и Зону слышишь? Покажи руки и ноги, куртку расстегни.

Марат послушно выполнил все требования, даже продемонстрировал отсутствие хвоста, после чего долговцы, наконец, успокоились.

— Давай, дед, Кордон там, — главный махнул рукой на юго-запад. — Некогда нам с тобой возиться. Возвращаемся на базу, этот сектор мы уже зачистили, — последнее высказывание было обращено уже бойцам, и бравые хлопцы, не попрощавшись, развернулись и направились перпендикулярным курсом.

— Спасибо Тебе, — сказал Марат, похлопав рыжую, влажную после ночного дождя, землю.

Дойти до Кордона проблемы не составило. В остатках небольшого хутора квартировались такие же новички, как и он.

— Здорово, сталкер, как жизнь? — поинтересовался молодой парень в куртке из плотной кожи с брезентовым капюшоном, — Прикинь, Сидорович вообще обнаглел, стволы сломанные толкает. Вот крыса! Гранату бы ему в каморку закинуть.

— А где он? — поинтересовался Марат.

— Да вон там, направо за углом его подвал. Сходи, сходи, и тебе некондиционку впарит.

— Посмотрим, — мрачно пробурчал лесник и скрылся за углом.

Торговец, как обычно, был у себя.

— Здорово, сталкер, хабар принес? — сказал он, не отрывая взгляда от ноутбука на столе.

— И тебе здорово, Сидрыч! — Марат радушно улыбнулся.

— Леший, чертяга, а ты-то тут как? — Сидорович, услышав низкий голос с легкой хрипотцой, так быстро вскочил со стула, что чуть из окошка своего не выпрыгнул, — Неужто в сталкеры подался?

— Как видишь. Может, нальешь за встречу?

— Да запросто! Вот не думал, что и в этой зоне встретимся. Погоди, дверь только закрою.

Март не хотел сильно откровенничать с бывшим смотрящим, но встретить «своих людей» здесь было приятно.

— Ты сам-то как тут оказался? — после первой выпитой стопки спросил Марат.

— Да как освободился, так домой к матери вернулся. Я же сам родом из-под Киева, — Сидорович снова наполнил стаканы. — А потом этот взрыв. Ну, я и подумал: надо налаживать инфраструктуру — и людям польза, и науке, и я при деле.

— Ты дело себе всегда найдешь, — согласился Марат.

— Да, Леший, что в той зоне, что в этой, человеком трудно оставаться, но жизненно необходимо. Зверья тут и своего хватает, а ты вот не озвереть попробуй! Подомнет Зона — и нет человека… Ну да ладно, что-то я расчувствовался, — торговец подцепил вилкой ароматную шпротину и отправил в рот вслед за выпитой стопкой. — Колись, где арт такой надыбал? Неужто сталкерюгу какого матерого грохнул? Не верю я, чтоб на Кордоне такие «подарки» валяться стали.

— Сидрыч, ты ведь меня знаешь, я по совести жил и тут свои принципы менять не собираюсь. Сказал — нашел, значит нашел.

— Ну, это твои дела. Хоть даже и грохнул. Снарягу я тебе подгоню, ствол тоже не последний дам. Если у тебя и вправду чутье на это дело — далеко пойдешь, а я тебе помогу, когда рублем, когда советом, и с нужными людьми сведу. А что уж тебя сюда привело, можешь не рассказывать, я и знать-то не очень хочу.

— Давай, Сидрыч, за твое дело, — сказал уже изрядно осоловевший Марат.

— И за твою новую кликуху, Леший. Понимаешь, не зовут у нас тут по именам. Саньков, Серёг, Маратов — полно, а Леший один будет. Замараешь кликуху — уже не отмоешь, так что сам дорогу выбирай.

Марат и торговец просидели допоздна, вспоминая общее, не совсем светлое, прошлое и строя планы на яркое будущее, где Лешему отводилась роль разведчика и добытчика, а торговцу — снабженца и информатора.

Нехитрое обмундирование в виде потрепанной, но крепкой, кожаной сталкерской куртки и первую информацию сталкер получил от торговца уже утром следующего дня. Оказывается, нездоровые видения не одного Лешего мучили. Многие сталкеры бредили по ночам, а то и днем. Но видения эти были вызваны или пси-воздействием неизвестного происхождения, или ментальными ударами контролеров. Ни под одно описание сны Марата не подходили. Однако плату за не совсем точную и совсем не нужную информацию Сидорович запросил недетскую:

добыть ему ночную звезду.

— Раз уж лунный свет на Кордоне валяется, может, и звездочку где найдешь.

В Зоне по счетам принято платить. Сидорович и так пошел на уступку, предоставив инфу и снаряжение без предоплаты. Не принести артефакт было бы бесчестно, а Марат слово держал. Новоиспеченный сталкер смутно представлял себе, где будет его искать, да и то, как выглядит ночная звезда, запомнил по нечеткой картинке в КПК торговца, однако согласился. По словам Сидоровича, артефакт можно было обнаружить лишь ночью, потому что днем он ничем не отличался от крупного куска щебня.

К ночной вылазке Марат начал готовиться с утра.

Сначала решил пристрелять оружие. Сидорович вооружил его обычной двуствольной вертикалкой и дал патронов к ней на выбор: дробь, дротик или «Жекан». Марат, как бывший лесник, больше привык к дроби, но и от других отказываться не стал.

— На кровососа лучше дробью заряжай, кучно бьет, наверняка, — напутствовал его торговец, — а собаку дротиком снимай, подпусти поближе — и в голову. Контролера… Слушай, давай про него не будем… Не успеешь ты перезарядить, если он тебя заметит. Вот если ты его первым засечешь… — Сидорович замолчал.

— Ну? — нетерпеливо переспросил сталкер.

— Что «ну»? Никто его первым не засекал! А если и выживал кто, то случайно: или контролер больной был — цеплял не сильно, или действительно стрелок хороший, раз с такой кашей в голове еще и прицелиться сумел. Да ты не боись, на Кордоне еще ни одного контролера ни разу не было.

— Лунного света, по твоим словам, тоже, — резонно заметил Марат.

— Да, меняется Зона, меняется, что ни Выброс — то новые причуды. Ты, кстати, далеко не забредай, к обеду завтра Выброс обещают, — как бы между прочим заметил Сидорович.

А Марат про себя подумал: «Если бы не разговор о контролерах и причудах Зоны, сказал бы он мне о Выбросе? Хорошо, что я не рассказал ему всю правду о себе, еще бы принял меня за душевнобольного. К таким доверия в Зоне нет, а оно мне пока нужно. В смысле, доверие».

Разобравшись с оружием, сталкер по прозвищу Леший решил опробовать детектор, любезно предоставленный ему торговцем. Некоторые аномальные образования ему легко были видны и невооруженным глазом. Жарки, электры и воронки он уже на второй день обходил «на ура», а вот с каруселью и трамплином было посложнее. В первый день, вернее, ночь, его от верной

гибели спасла дикая головная боль, парализовавшая все тело и не давшая наступить в жарку. Марат еще пару раз приближался к этой аномалии, но уже ясно видя ее — эффект тот же: чем ближе подходишь, тем сильнее болит голова.

При приближении к электре кончики пальцев начинали покалывать вплоть до полной парализации при опасном приближении к аномалии. На воронку тело реагировало резкой судорогой в ногах. Только на карусель реакции почему-то не было. Но вот сама аномалия как-то странно реагировала на приближение Марата. За секунду до того, как он должен был оказаться в неизбежной ловушке, карусель активировалась — перед лицом начинал крутиться маленький смерч и высоко над головой раздавался громкий хлопок разрываемого пространства.

После полуторачасовой прогулки сталкер решил вернуть детектор торговцу — тот срабатывал позже, чем его организм самостоятельно обнаруживал наличие аномалий, и своим назойливым писком сбивал хозяина с толку. Подумав еще немного, он все же решил оставить прибор себе: вспомнился разговор с долговцами и то, как они удивились и приняли его за мутанта из-за отсутствия у него сталкерского снаряжения и детектора аномальной активности. Аппарат занял свое место на поясе, но включил Марат только счетчик Гейгера — радиацию на вкус и цвет он пока не различал.

К тому времени, как Леший закончил с приготовлениями, день уже вступил во вторую половину. Пообедав в лагере теплой перловой кашей с мясом из консервной банки, он отправился спать. Ему уже давно не давал покоя один вопрос, то и дело всплывающий из глубины его лесниковского подсознания. Ведь сталкеры питаются в основном консервами, и вскоре, по его мнению, Зона должна была попросту захлебнуться консервными банками. Вон их сколько возле лагеря валяется.

Ответ пришел во сне. Марату снилось, что он попал под Выброс. Сталкер забился в какую-то щель между камнями, а вокруг него словно дьяволы в аду плясали. Все аномалии действовали одновременно, ни одна не стояла на месте, все крутилось, вертелось и неслось куда-то. В аномалии попадали сухие ветки, кости, те самые консервные банки, осколки бутылок. Прямо перед Маратом в трамплин швырнуло около дюжины консервных банок, дохлую псевдособаку и два массивных куска щебня. Раздался оглушительный хлопок, и перед изумленным сталкером повисла ночная звезда. Она была совсем не такая, как в КПК у Сидоровича, но Марат знал, что это именно она. Его как будто подняло над тем местом, где он лежал — сталкер узнал

южный сектор Кордона, а потом бросило на землю. Внезапное падение с высоты, как и тогда, в его сторожке, вернуло его к реальности.

— Мужик, ты чё, дурной? Чего орешь, спрашиваю, — усатый детина рьяно тряс его за плечо.

— А? — недоуменно оглядываясь, переспросил Марат.

— Орешь, говорю, чего? Спать ведь охота. Если приснилось чё — так ты поди, погуляй или снотворное выпей, лучше сразу грамм 200.

— Снотворное — это хорошо, — невпопад сказал Марат и стал собираться.

У костра сталкер Леший окончательно пришел в себя. Кто-то протянул ему недопитую банку с энергетиком, он сделал два больших глотка, банку снова забрали.

— Слышал, Сидорович тебя за ночной звездой отправляет? Так ты на Кордоне не шарься, Сразу на Янтарь подавайся, там места богатые, или к Выжигателю — вообще клондайк! — молодой парень в куртке из грубой кожи с брезентовым капюшоном не то сочувствовал Марату, не то подтрунивал над ним.

— Если не приду — гранату ему в каморку закинь, — нашелся в свою очередь Марат.

— Ты сам с ним водку жрал, сам, небось, по пьяни и натрепался. Вот и ищи теперь, — парень ответил не злобно, но с явной ноткой зависти.

— Спорим, со звездой утром приду? — в глазах Лешего плясали огоньки костра. Или не костра?

— Чего с тобой спорить? Снаряга латанная, да и та в кредит, ружьишко никакое. Иди, дед, я убогих не обижаю.

— Я тебе не дед! — резко обрубил Марат и встал. — А за убогого еще поговорим.

Как только Леший миновал патрульного на краю деревни, в его руки привычно легло ружье. Прямой дороги на юг не было, и идти пришлось по пересеченной местности. Первым делом он, как и тогда, в свою первую ночь, опустился на колени и поклонился земным поклоном, уткнув лоб в сухой бурьян и пыль. Волна энергии снова прокатилась, но Леший уже не смотрел на места, где отметились аномалии. Он просто закрыл глаза, встал и пошел, полностью доверившись своим ощущениям.

Так, с закрытыми глазами, он спустился под горку и открыл их только тогда, когда споткнулся об огромный булыжник. Здесь, если верить его сну, он прятался от выброса. Значит и звездочка где-то рядом.

Марат скинул рюкзак и полез в узкую щель между двух камней. Щель оказалась глубже, чем он предполагал. «Еще немного вперед и назад уже не получится, так и сдохну тут». Его рука сдвинула лежащий на земле плоский осколок породы, и узкое пространство заполнило холодное бело-голубое свечение.

— Вот ты где, звездочка!

Пыхтя и посапывая, Леший вылез-таки наружу со своей добычей.

— Надо было тебя на спор развести. Проиграл бы ты свою куртку, молодой.

Разговаривать сам с собой Марат начал давно и плохой привычкой не считал. При таком дефиците общения это был просто единственный выход, чтобы окончательно не сойти с ума. (Хотя некоторые считали как раз наоборот).

Завернув артефакт в кусок брезента и спрятав сверток в рюкзак, Марат направился к лагерю. Он снова закрыл глаза и пошел вперед. Со стороны это больше походило на сомнамбулизм, чем на продвижение по смертельно опасной территории.

Планомерное движение к цели прервали автоматные очереди и собачий лай метрах в двухстах левее его. Леший вышел из транса. Стреляли из «калаша», причем тот клинил после каждого пятого выстрела, заставляя хозяина передергивать затвор и терять драгоценное в такой ситуации время. По лаю бывший лесник определил, что тварей было пять, и за время перестрелки ни одной не убавилось.

Не долго думая, Леший рванулся навстречу канонаде и протяжному лаю. Он уже знал, кого найдет за ближайшим леском. Вот только вопрос: живым или мертвым? Лучше бы первое. На бегу меняя дробь на дротик Леший несся по лесу, словно у себя в Тамбове. Наконец один из песьих голосов оборвался на высокой ноте. Сталкер выбежал на поляну, где четверо слепых псов атаковали парня в куртке с брезентовым капюшоном.

Метким выстрелом Леший отправил к праотцам дальнюю псину. Стараясь не задеть парня, он прицелился и снял еще одну. Остались две. Одна из них уже повалила молодого на землю. Перезаряжать времени не было. Леший выхватил нож и в прыжке полоснул собаку по брюху. Она перелетела через парня, роняя ошметки слюны и щедро поливая его своей кровью и содержимым кишечника. Последней, той, что уже рвала на молодом сталкере куртку, Марат точным ударом рукоятки ножа сломал позвонок в основании черепа.

Парень, судорожно хватая ртом воздух, отполз назад, сел и

оглядел побоище. Потом за ремень подтянул бесполезный «калаш» и попытался встать. Ран на нем не было, но сказывалось психологическое последствие бойни.

— Первый раз? — поднимая и перезаряжая ружье спросил Леший.

— Угу, — растерянно промычал незадачливый сталкер.

— А Сидрыч и вправду козел, раз такое дерьмо толкает, — спокойно продолжил Марат.

— Да нет, ствол-то нормальный был, только забился, наверное.

— Ты что, его не чистишь, что ли?

— А чё, надо?

— Ты хоть в армии-то служил? — в голосе Марата скользнули нотки презрения.

— А ты мне кто, военком? — взвизгнул молодой.

— Я сталкер, а ты щенок. Слепой.

Ни говоря больше ни слова Леший пошел в сторону лагеря.

Молодой вернулся через час с хвостами пяти собак и до утра рассказывал у костра, как один положил их. Новички обычно в лагере дольше трех-четырех дней не задерживались. Те, кто Зайца не знал, охотно слушали, а те, кто знал — сонно зевали. Заяц здесь был уже полгода.

Сидорович немного удивился, увидев Марата ранним утром на пороге своей каморки.

— Я же говорил тебе, ее только ночью видно. Ты что же, не пошел?

— Уже пришел, — сталкер положил рюкзак на ящик и начал аккуратно развязывать тесемки.

— И что, хочешь сказать, принес? — Сидорович откинулся на стул и с интересом следил за его манипуляциями.

— Хочу и скажу, — Марат положил на стол тряпочный сверток, обмотанный веревкой. — Свет выключай.

Сидорович щелкнул рубильником и присвистнул от удивления, когда каморка наполнилась бело-голубым сиянием.

— Ну ты и жук, Леший! Колись, кто тебе инфу по артам сливает.

— Никто не сливает. Говорю же, чувствую я их, — устало ответил Марат, складывая тряпочку. — Ну что, в расчете?

— Будем считать, что да.

Сталкер понимал, что заплатил слишком высокую цену за никчемную информацию, но было поздно. По слухам, за те два артефакта, что Марат слил Сидоровичу, в лагере ученых на Янтаре могли снарядить до зубов, причем самыми лучшими

средствами защиты как от врагов и монстров — в плане оружия, а так же от аномалий и радиации — в плане обмундирования.

— Слушай, Леший, тут такое дело, — Сидорович замялся. — В общем, мутанты одолели, весь Кордон заполонили. Может, поможешь? Я заплачу…

— Я сюда не зверье стрелять пришел. Вон, Зайца найми. Он, говорят, один пять собак положил, — Марат закончил упаковывать рюкзак и закинул его на спину.

— Дело говоришь. Заяц давно тут торчит, опыта уже поднабрался. Вот его-то и пошлю, — согласился торговец. — А ты теперь куда?

— На Север.

— Неужто к Исполнителю? Брось, сказки все это, — Сидорович с довольным видом вертел в руках каменюгу, бесполезную на первый взгляд и при освещении. — Ну, если что — Бармену я о тебе нашептал, обращайся к нему.

— Бывай, Сидрыч, — Леший пошел к выходу.

— Удачной охоты, сталкер!

После обеда, как и говорил торговец, был Выброс. На Кордоне трясло не сильно. Марат даже удивился, сравнивая реальные ощущения с теми, что испытал во сне. Наяву все оказалось даже легче, чем он предполагал.

— И это все? — спросил Леший бывалого сталкера, забредшего на Кордон и по случаю вместе с ним пережидавшего Выброс в подвале.

— Если до Выжигателя дойдешь — увидишь всю Ее мощь, — парировал собеседник. — И дай Бог тебе от туда в своем уме вернуться.

— А что, были случаи? — поинтересовался Марат.

— Весь Янтарь зомби кишит. Эти тоже когда-то не верили и вернуться хотели. Если на Север собрался — сам увидишь, — бывалый направился к выходу, показывая, что разговор окончен.

— Увижу, — ответил Леший сам себе и тоже стал собираться.

Миновав пустой полуразрушенный армейский блокпост с ржавым БТРом, Марат оказался на Свалке. Об этом достоверно свидетельствовали кучи всевозможного мусора, простирающиеся на всем обширном пространстве, пока взор не упирался в горизонт. Здесь, если верить Сидоровичу, Лешего могли ждать крупные и не очень неприятности. Помимо мутантов, которыми Свалка изобиловала, здесь любили устраивать засады бандитские шайки. Поэтому продвигаться следовало с особой осторожностью.

Сталкер затаился за полусгнившим остовом автобуса. Пока

ничего подозрительного не было. Мелкими перебежками Леший добрался до автобусной остановки, подозрительно хорошо сохранившейся и от этого еще более нелепо и зловеще смотрящейся среди всеобщей разрухи.

Он снова прислушался. Впереди потрескивала жарка. Придется обходить сзади, где угрожающе нависла проржавевшая насквозь стрела башенного крана. Между задней стенкой остановки и горой всевозможного хлама оставался узкий проход. Марат еще раз оглянулся назад. Там было открытое пространство, хорошо просматриваемое и простреливаемое со всех сторон. Выбор был невелик, и сталкер пошел по наиболее, как ему казалось, безопасному пути — то есть полез за остановку.

Не успел он сделать и двух шагов, как земля и небо резко поменялись местами, а он остался болтаться вверх ногами, крепко удерживаемый веревкой незамысловатого капкана, который иногда ставят аборигены на дичь в джунглях. Веревка была привязана к стреле, которая на самом деле оказалась намного прочнее, чем показалось вначале. Внутри остановки послышалась возня и через несколько секунд оттуда вышли трое.

— Оба-на! Фраерок попался! — прогнусавил один из них пьяным голосом.

— Вот, Скунс, полюбуйся. А ты говорил, нафига здесь засаду делать, — поддержал другой. — Я же говорил, трусливые они, падлы! Чем под обстрелом по открытому лугу переться, лучше через задницу полезут. Им лишь бы где зашкериться.

— Х-хорош т-трепаться, — заикаясь сказал самый крепкий. — С-срезай его.

По веревке резанули ножом, и Марат вниз головой свалился к ногам бандитов. В том, что это были именно бандиты, он не сомневался. На свободных сталкеров они были не похожи ни манерой одеваться, ни разговорами, ни поведением. Судя по всему, один из них был изрядно пьян, а остальные находились в состоянии глубокого похмелья.

— Обш-шмонай его, — сказал Скунс. Он явно был здесь главным.

Ногой он наступил на грудь Марату, ноги которого и так были связаны веревкой. Положение усугублялось еще и тем, что бандит превосходил сталкера по всем антропометрическим показателям.

— Скунс, он пустой, по ходу, — сказал тот, что был потрезвее, обыскав карманы и рюкзак Лешего.

— С-сука, только капкан попортил! Вали его!

Тот, что был потрезвее, передернул затвор и прицелился.

Марат вскинул руку, одновременно выбрасывая

припрятанный в рукаве кинжал, и резанул Скунса под коленями. Тот взвыл и рухнул на него всей своей тушей, одновременно закрывая от пуль, которые предназначались сталкеру.

Не ожидавший такого поворота событий напарник опешил и прекратил стрелять. К этому времени Скунс был уже мертв, а ноги Марата освободились от веревки. Все еще прикрываясь мертвым телом, сталкер с двух шагов выстрелил из своего ПМа, снося голову стрелку.

Пьяный, казалось, вообще не понимал, что здесь происходит, лишь тупо таращился, так и не достав оружия. Через мгновение и его постигла участь напарника.

Обыскав трупы поверженных врагов, Леший не нашел ничего особо ценного: у Скунса оказался артефакт под названием морской еж, а остальные «любезно» поделились своим боезапасом.

Выйдя из-за остановки, он пошел дальше, в сторону Бара.

До долговского блокпоста перед Баром Леший добрался спокойно.

Патруль на блокпосту внимательно досмотрел сталкера. Когда тот представился, старший приказал открыть ворота.

— Скоро снорков с контролерами в Бар пускать начнем — они тоже на людей похожи, — злобно выругался один из патрульных, в котором Марат узнал Грача.

— Тебе какое дело? Воронин лично приказал этого Лешего пропустить. Вот пусть сам и решает…

— Его! — остроумно закончили фразу с другой стороны.

Раздался знакомый хохот, и ворота со скрипом открылись.

Весть о сталкере, не боящемся мутантов и аномалий и разгуливающего по Зоне без детектора быстро добралась до Бара, обрастая по пути новыми подробностями. Кто-то приписывал Лешему даже дружбу с контролерами, а кто-то наличие у того сверхсекретных иностранных препаратов, делающих его неуязвимым для любых аномальных проявлений Зоны.

Как бы то ни было, но когда Леший пришел в Бар, его знали заочно уже все, и смотрели кто с завистью, кто с уважением, кто со страхом, а кто и с плохо скрываемым презрением.

— Здорово, Леший! Стаканчик за счет заведения за твои наличные? — Бармен был рад, как если бы встретил лучшего друга.

— И тебе не хворать, — недовольно буркнул Марат.

— Там Воронин просил тебя зайти на базу «Долга». Дело у него к тебе. Эксклюзивное.

— Лично расстрелять? — горько ухмыльнулся сталкер.

— Ты, оказывается, еще и шутить умеешь? — торговец снова улыбнулся. — Воронин — мужик нормальный. Кого попало на базу не пропускают, а вот тебя он сам просил зайти. Если приглашает — то дело того стоит. Снаряга у них, опять же, не чета нашей, самодельной. Видал, небось?

— Даже имел честь быть лично знакомым с доблестными представителями лучшего клана во всей Зоне, — Леший сплюнул на пол сквозь зубы.

— Не горячись! Дуболомов и среди нейтралов хватает. А к Воронину сходи.

— Схожу. Завтра. Пожрать есть чего вкусного?

— Глаз плоти под белым соусом, то есть под майонезом, — с видом официанта лучшего столичного ресторана гордо произнес Бармен.

— Нет, лучше перловочки разогрей из банки. Как-то не возбуждают у меня аппетит местные деликатесы. И для вывода радионуклидов что-нибудь эффективное.

— Эффективнее этого только невкусная химия, — хозяин заведения поставил на стойку запотевшую бутылку водки.

— Невкусную химию ешь сам.

Леший забрал со стойки водку, открытую консервную банку, не слишком чистые вилку и стакан и направился к самому дальнему столику, где никто не сидел. Расплатой за ужин и ночлег послужил трофейный бандитский ежик.

Ночью Марату снова снился сон.

Он сидел на пригорке. Перед ним слева виднелись остатки того, что до 1986 года было городком энергетиков, справа протекала река Припять, а впереди высились корпуса полуразрушенной электростанции с одиноко торчащей в небо трубой.

Ее голос:

— Ты уже рядом. Хорошо, что пришел. Тебе надо торопиться.

Громада ЧАЭС с неимоверной скоростью начала приближаться, или это он полетел ей навстречу, Марат не понял. Детали пейзажа становились все четче, как при наведении резкости у бинокля. Движение прекратилось также резко, как и началось. Марат стоял перед какой-то дырой, наполовину прикрытой поваленной бетонной плитой.

— Ты там, в саркофаге? — спросил Марат у своей невидимой собеседницы.

— Не совсем, но рядом. Иди ко мне.

Он снова посмотрел на лаз. Теперь оттуда бил неимоверно

яркий ослепительно-белый свет, проникающий в каждую клетку, разрывающий ее на атомы. Марат закричал, как от дикой боли, и проснулся.

— Чего, мужик, кошмары? Мне вот тоже снятся, — на соседней кровати полусидел немолодой уже сталкер с лицом, вдоль и поперек исполосованным шрамами. — Как перепью или недопью — обязательно опять эту зверюгу вижу.

— Это же меня кровосос так отделал, — сталкер провел по лицу тыльной стороной ладони. — Уже высосал наполовину, когда его ребята завалили. Думали, не донесут до Доктора. Но ничего, живой! Тебе тоже твари снятся?

— Нет, женщина, — растерянно ответил Марат.

— Баба! Ха! И ты так орешь? Чего она там с тобой делает-то?

— Да не баба, а женщина… Ну, как мать, понимаешь? — Леший почему-то испытывал симпатию к своему изуродованному соседу.

— Мать… — задумчиво произнес тот. — Моя уж мне, наверное, за упокой души в церкви ставит. Я ведь еще в 86 здесь был, саркофаг этот проклятый клепал. Нам тогда в стройбате кроме лопаты мало чего доверяли, разве что водку — для борьбы с радиацией.

— В 86? В каком месяце? — оживился Марат.

— В декабре.

— Я уже в госпитале валялся.

— Тоже ликвидатор? Держи пять, братуха.

Два сталкера скупо, по-мужски, обнялись и похлопали друг друга по плечу.

— А чего опять-то сюда подался? За приключениями или за длинным рублем? — спросил Марат.

— Денег у меня и там навалом было. Только зачем, когда с бабой никак… Может, пить тогда больше надо было, — сосед сплюнул и закурил. — А тут нет их — и жалеть не о чем.

Сосед нервно докурил, погасил сигарету и завалился на кровать.

Марат долго лежал и думал, как ему повезло, что у него была Марина. Потом с ненавистью посмотрел на тлеющий окурок соседа. Сигареты и табачный дым он возненавидел лютой ненавистью с той горькой ночи.

Наутро, как и обещал Бармену, Леший зашел на базу «Долга».

— Здорово, брат! — Воронин и четверо бойцов охраны были у себя в подвальчике, оборудованном под кабинет начальника расположения группировки.

— И давно у тебя в братьях мутант завелся? — злобно

ответил Леший.

— Не горячись, долг у нас такой, извини за каламбур. Зона — она ведь каждый день разная, и мы должны быть начеку.

— Давай без извинений. Чего хотел? — тон сталкера немного смягчился.

— Правду про тебя говорят, что ты аномалии лучше любого детектора чувствуешь?

— Зона — не скамейка, сталкеры — не бабки, без дела трындеть не будут.

— Значит, правда, — сделал вывод Воронин, — Есть у меня к тебе дело. Снаряжение возьмешь любое, какое тебе надо. Огнем мы тебя прикроем. Поможешь?

Генерал не договаривал.

— В чем суть? — Леший был спокоен.

— А суть-то вот в чем. Сбросили нам посылку с вертолета, а вот с точкой приземления ошибочка вышла. Упал ящик в аккурат на армейские склады. А там кроме «Свободы» еще и аномалий с мутантами полно, уж не знаю, что хуже. Мы своими силами достать пытались — толку мало: кого свободовцы не положили — те в аномалии повлетали. Уже два квада не вернулись. Ребят жалко, а дело сделать надо. К тебе со стороны «Свободы» претензий нет, да и с аномалиями ты дружишь. Притащишь ящик — проси, что хочешь.

— Что же там такого ценного, что «Долг» идет на должностное преступление, извини за каламбур, и даже готов ради этого сотрудничать с мутантами, — язвительно поинтересовался сталкер.

— Да так, внутренняя документация, — расплывчато ответил Воронин.

— Это ваше дело, можете и не говорить. А мне, в свою очередь, много не надо. Во-первых, хороший костюм без долговской символики — это для выполнения вашего же задания, — начал Марат, — радиацию я пока не различаю.

— Значит, соглашаешься, — забегая вперед поинтересовался генерал.

А во-вторых?

— Два квада для сопровождения в Припять.

— Нет, так дело не пойдет. У меня здесь людей наперечет, а от Выжигателя еще никто нормальным не вернулся. Если вам все равно, мута…

— Адьёс, генерал! — сталкер отсалютовал и направился к выходу.

— Постой, Леший!.. Извини, — генерал окликнул Марата, когда он уже взялся за ручку двери.

Тот остановился, но не обернулся.

— Посиди в Баре до вечера, что-нибудь придумаю.

Не говоря ни слова, Леший вышел с базы «Долга» и направился в Бар.

Любопытных было много, но докучать вопросами одинокому сталкеру, сидящему за самым дальним столиком никто не рискнул.

После обеда за Лешим пришел посыльный Воронина и снова пригласил к генералу.

— Ну как, годится, — спросил Воронин, указывая на экзоскелет, лежащий на диване в его кабинете. Нашивки были спороты, а красные вставки закрашены желтой краской, — Свой отдаю.

— Годится. Как насчет второй части?

— Уже распорядился, командиры квадов в курсе. Только придется немного подождать. Мы связались с учеными на Янтаре. Они там проводили свои опыты, в результате чего пришли к выводу, что если под шлем надеть на голову сетку из тонкой вольфрамовой проволоки, то можно избежать, правда, частично, пси-воздействия некоторого происхождения, в том числе и воздействия Излучателя возле Припяти.

Леший представил себе, как при подходе к Радару головы долговцев начинают светиться, как лампочки, и улыбнулся своему удачному сравнению.

— Повторю, излучение блокируется частично, и я дам приказ солдатам покинуть опасную зону, как только излучение достигнет критического уровня. Думаю, ты станешь ближе к Припяти на добрые две трети пути. Иначе бойцы примут тебя за фантом и просто расстреляют из восьми стволов. Сейчас мои ребята вяжут себе «шапочки». Как только закончат — я тебе сообщу.

— Буду в Баре, — Леший развернулся и пошел наверх.

— Кстати, на твою долю связать? — крикнул вслед генерал.

— Обойдусь, — не оборачиваясь бросил сталкер и вышел.

— Говорю же, он — мутант, — послышался из-за неплотно прикрытой двери голос адъютанта генерала. — Таких отстреливать надо.

— Тебе ничего не отстрелить, чтобы болтал меньше, — сказал Воронин и передернул затвор.

Вопрос о принадлежности сталкера по прозвищу Леший к отряду мутировавших организмов больше не поднимался.

Выдвигаться на Армейские Склады решили ночью. Долговцев

такая перспектива радовала мало, но желания обсуждать приказы было еще меньше.

Отряд числом тринадцать человек во главе с Лешим проследовала мимо последнего долговского блокпоста около полуночи.

— Мужики, «Свободу» бить идем? Я с вами! — незадачливый караульный рыпнулся было за отрядом, но получил от последнего идущего долговца прикладом «Грозы» в солнечное сплетение и отлетел метра на два назад.

— Делай свое дело, солдат!

Бронированная толпа тяжелой рысью двинулась дальше.

Из вооружения Леший взял на базе «Винторез», «Грозу» и минимальный боекомплект к обоим. Если все пройдет гладко — к утру он будет уже на месте.

Как только добрались до шлагбаума, обозначавшего начало территории «Свободы», отряд разделился. Один квад остался на нейтральной территории — им предстояло вернуть злосчастный ящик на базу. Остальные бойцы заняли позиции на холме, откуда должны были отстреливать мутантов, если тем вздумается приблизиться на опасное расстояние к Лешему. Лучше бы было обойтись вообще без стрельбы: не привлекая внимания «свободных» забрать ящик и идти дальше. Это в идеале, а там уж как получится.

Чтобы не провоцировать и без того нервных хлопцев из «Долга» Леший в этот раз не стал бить земной поклон, а лишь опустился на одно колено, закрыл глаза и вдохнул полной грудью морозный воздух октябрьской ночи. Ему на миг показалось, что в него вошла вся энергия Зоны — наполнила так, что затрещал экзоскелет.

И тогда Марат выдохнул.

Энергия вышла из него, прокатилась по звенящей от мороза земле, гася все аномалии на пути до цели, пугая и разгоняя несчастное, изувеченное Зоной зверье. Бойцы «Долга» за его спиной напряглись, переглянулись, но стрелять не стали.

Сталкер поднялся с колен и прогулочным шагом направился к месту предполагаемого нахождения секретного ящика.

Две тени легко и неслышно отделились от зарослей кустарника. Мягко щелкнул затвор легкой штурмовой винтовки. Марат заметил это слишком поздно, чтобы что-то предпринять.

— Куда прешь, мэн? — в голосе говорящего не было враждебности.

— Да… это… за хабаром, — ничего более или менее вразумительного ошарашенный сталкер придумать не смог.

— Слышь, Беляш, он к нам за хабаром пришел. Один. Ночью.

— Мэн, ты больной или самоубийца? — пробасил двухметровый Беляш. — Тут поле минное, если ты не в курсе, а хабаром у нас давно не пахло.

— Ну, тогда я это… пойду? — Леший сделал попытку к бескровному отступлению.

— Куда? Стоять! — холодная сталь ствола неприятно уперлась в затылок, — Говорить будем. Не здесь. Оружие на землю, руки за голову, шагай вперед, Лукаш разберется.

— Мужики, а может не надо? — Леший тянул время, отмечая боковым зрением положение противника.

— Не разводи балаган, мэн, — Беляш подбирал брошенную «Грозу».

В этот момент ему на голову опустился тяжелый бронированный кулак.

Одновременно уходя с линии огня второго свободовца, Марат быстро, насколько позволял экзоскелет, развернулся и наотмашь ударил его в солнечное сплетение. Парень выкатил глаза и стал оседать, судорожно пытаясь вдохнуть. Второй удар поверг его в глубокий нокаут.

Леший подобрал «Грозу» и еще раз посмотрел на поверженных врагов. Оба были живы, но без сознания. Постояв и подумав, он отцепил ремни от их винтовок, связал обоих по рукам и ногам и пошел дальше.

Шагов через десять он снова остановился и оглянулся. Два тела чернели на покрытой серебристым инеем земле. То, что он их оставил в живых, еще ничего не означало.

Марат сплюнул и снова вернулся на место побоища. Оглядев окрестности в поисках безопасного места, он не нашел ничего лучшего, чем полусгнивший домик на сваях на берегу неглубокого озерца. Осложнялась ситуация лишь тем, что укрытие находилось на другой стороне пресловутого минного поля «Свободы».

Приглядевшись лучше, Марат заметил легкую цепочку следов, проходящую как раз между минами. Сталкер последил взглядом: цепочка обрывалась метрах в тридцати за избушкой. Там же был и хозяин ног, что проделали эту тропу. Вот только теперь ноги простились со своим хозяином и валялись вокруг на разном расстоянии — осторожная плоть все-таки налетела на мину. Но — спасибо ей за это! — она проложила практически безопасную дорогу к избушке!

Не долго думая, Марат навалил на плечо обмякшее тело недавнего врага и понес по направлению к укрытию.

С двухметровым Беляшом пришлось сложнее. Он оказался

тяжелым, и лишь благодаря усиленному экзоскелету Леший смог его поднять. Мало того, на полдороге он начал стонать и приходить в сознание. Марату ничего не оставалось делать, кроме как добавить анестезии с левой. Беляш снова замолчал и обмяк.

Лишь когда оба свободовца оказались в относительно безопасном месте, Леший смог продолжить свой путь, мысленно благодаря их за то, что не убили сразу, а себя ругая за то, что расслабился.

Вернулся он через сорок минут взмокший и уставший, ибо ящик был немыслимо тяжел. Четверо бойцов из запасного квада дружно подхватили трехпудовый сейф и отправились на базу. Оставшиеся восемь проводили товарищей завистливым взглядом: им теплая еда и огненная вода светили не раньше завтрашнего обеда, если вообще светили.

Леший сел на траву, снял шлем и провел рукой по гладкой лысине, вытирая испарину. На морозе от его головы шел пар. Оставалось ждать, когда первый отряд прибудет на базу, и Воронин даст «добро» на следующий марш-бросок.

«Добро» было дано через час, за который сталкер успел отдохнуть, а долговцы — заскучать.

— Через Барьер соваться смысла нет. Там «Свобода», а я в вашу войнушку играть не хочу, — на ближайшее время роль руководителя операцией возлагалась на Лешего. — Пойдем с запада, через Черный лес.

— Там же мутанты и аномалии одна на одной! — попытался возразить Седой — старший первого квада.

— На счет аномалий положитесь на меня, а с мутантами разбираться — это же ваш долг, или я что путаю? — Сталкер надавил на слабое место.

— Жду приказа, — отсалютовал Седой.

— Вот и ладушки. Рассредоточиться и выдвигаемся. Готовность — сорок секунд.

Лес действительно был черным, и виновата в этом была вовсе не ночь. Черно-зеленые лапы вековых елей скрывали небо. Черные стволы поросли черным мхом. Хвоя, перегнивая, становилась еще чернее. Бойцы тяжело дышали, продираясь через густой черный подлесок. Седой возглавлял отряд, его квад держался справа от Лешего. Квад Беркута двигался слева, а сам он шел замыкающим.

Счетчик Гейгера молчал, и Леший решил снять шлем, чтобы лучше ориентироваться в привычной для него лесной среде. Хотя

привычной ее назвать было сложно. В лесу царила мертвая тишина. Никаких звуков, даже шуршания мелких зверюшек в подлеске, слышно не было. Тишина давила на уши, заставляла подчиняться ей, двигаться бесшумно. Последнее получалось только у бывшего лесника. Он то и дело останавливался, вслушивался в беспросветную черную тишину, и, не услышав ничего подозрительного, давал команду на продвижение вперед.

Легкий треск веток, раздавшийся справа, в этой тишине прозвучал громче пулеметной очереди.

— Противник! — крикнул Седой.

Четыре ствола грохнули разом, разрывая на куски невесть откуда взявшуюся почти безобидную плоть.

С левой стороны мелькнула черная быстрая тень и послышалось рычание. Через секунду всполохи автоматного огня озарили расстрелянного снорка.

Тяжелый сырой воздух Черного леса наполнился запахами пороха и крови.

— Двигаемся быстрее. Если кто и есть в этом лесу, то он непременно явится на звуки выстрелов, — скомандовал Леший.

Однако, пройдя не больше двадцати метров, он почувствовал что-то странное и остановил отряд. Ощущение было не из приятных: словно кто-то, кого ты не видишь, смотрит тебе в глаза. Бойцы тоже нервничали, озирались и перебирали оружие. Неясный свет луны кое-где все же пробивал сквозь непроглядную темноту. Леший достал «Винторез». Впереди была небольшая полянка с грудой наваленных неизвестно кем огромных валунов.

Сталкер прильнул к оптике и начал медленно осматривать полянку. Куча камней показалась довольно безобидной. Он убрал винтовку и потер слезящиеся глаза. Ощущение не исчезло. Леший снова взял оружие.

Теперь он увидел: за камнями явно стоял человек. Марат смотрел на него в упор, но не понимал, что все это значит.

И тут их взгляды встретились. Последней здравой мыслью в его голове вспыхнуло одно слово: контролер. После этого в мозгу Марата взорвалась атомная бомба, сознание оплавилось и стало его покидать. Балансируя на грани обморока, Леший все же успел отдать бойцам приказ атаковать полянку.

Грохот выстрелов и взрывов из подствольных гранатометов звучал для него, словно из другого мира. Тело становилось невесомым, а разум отказывался повиноваться. В мозгу пульсировала, то приближаясь, то удаляясь, отвратительная морда с проникновенно глубокими, бездонными глазами-омутами, подчиняющими себе, растворяющими в себе, заставляющими окунуться в них и забыть обо всем…

Вдруг земля резко ударила его по затылку, и в мозгу постепенно начало проясняться. Лежа с закрытыми глазами, Леший слышал, как вполголоса переговариваются долговцы:

— Живой? — спросил один.

— Ничё, оклемается. Попить ему дайте, — ответил другой.

К губам Марата поднесли фляжку с водой. Он открыл глаза и попытался сесть. Получалось пока плохо.

— Контролер? — тихо спросил сталкер.

— Был, — ответил Седой. — Лихо ты его засек. Хорошо, что первым.

— Да уж, — потирая ушибленную голову простонал Леший. — Странно, почему меня накрыло, а вас — нет?

— Ты сам от шапочки отказался, — сказал старший, похлопывая себя по шлему. — Зато теперь я наверняка знаю, что ты не мутант. Держи пять, братан!

Долговец подал руку, и Леший встал.

— Хватит рассиживаться, — сказал Беркут с другой стороны поляны. — Сейчас зомбаки попрут, контролер один редко ходит. Все на позиции.

Через пару минут зомби действительно появился. Одинокий, он шел, качаясь, и нес свое оружие.

— Мочи… Кроши… — невнятно бормотал он, потрясая бесполезным автоматом. Судя по остаткам формы, раньше это был военный.

Пуля долговского снайпера, попавшая в полусгнившую переносицу, оборвала его скорбный монолог. Зомби упал и забился в конвульсиях. Вторая пуля успокоила его навсегда.

Аномалий в Черном лесу, вопреки сложившемуся мнению, было мало, а продвижение к цели осложняли лишь изредка появляющиеся полуживые порождения Зоны — зомби.

Первым серьезным препятствием стал блокпост «Монолита», находящийся на выходе из Черного Леса. Обойти его возможным не представлялось в силу особенностей рельефа местности: с одной стороны была топь, а с другой — достаточно высокие скалистые образования.

Штурмовать решили на рассвете.

Судя по переговорам, которые Леший с долговцами перехватили по рации, силы противника превосходили их собственные в полтора — два раза, да и вооружены те были не в пример лучше. Чего стоили одни только электромагнитные гаусс-пушки, о которых легенды по зоне ходили. Если бы у «Долга» или «Свободы» имелся хотя бы один снайпер, вооруженный таким оружием, вопрос превосходства численности группировки быстро

решился бы в пользу его обладателя.

Поэтому в предстоящей схватке главную роль играл элемент неожиданности. Монолитовцы, скорее всего, слышали ночную стрельбу, и надо было их убедить, что боеспособных стрелков в лесу, за исключением зомби, не осталось. Дальнейшее продвижение по лесу Леший постарался сделать как можно более бесшумным. Авторитет его среди бойцов «Долга» после схватки с контролером заметно поднялся, да и перспектива завладеть гаусс-пушками явно подстегивала бойцов.

Снайпера на пригорке Леший заметил первым и на одного сократил численность врага.

Дальнейшие действия требовали тщательной подготовки. Замаскировавшись, как могли, травой и мхом, бойцы разделились на квады и с флангов начали приближаться к блокпосту. Марат остался по центру и занял укрепленный район, откуда должен был снимать ничего о нем не подозревающих монолитовцев, которые в это время будут отражать атаку сразу с двух флангов.

Сигналом к началу операции послужил меткий выстрел Лешего, которым он снял снайпера в кузове старого ГАЗ-53.

Застигнутые врасплох защитники Монолита открыли прямой огонь в сторону предполагаемого противника. В этот момент по незащищенным флангам ударила тяжелая артиллерия «Долга». Шквальный автоматно-гранатометный огонь смял оборону противника. Леший помог, как сумел, сняв с вышки монолитовского гранатометчика и еще двух обладателей серо-зеленого камуфляжа.

Через семь минут выстрелы стали звучать реже, а еще через две стихли совсем.

Леший вылез из своего укрытия. Живых монолитовцев на посту не наблюдалось, но и со стороны черно-красных были потери: трое бойцов убиты, двое ранены, один из них тяжело. Последним оказался Седой.

— Да, братуха, это ты здорово придумал, размолотили мы их, — тяжело дыша, произнес командир квада и закашлялся кровью.

— Раздевайте его, — приказал Леший и принялся освобождаться от своего экзоскелета.

Когда оба сталкера остались в одном исподнем, Марат подошел и попытался поднять старшего, но тот явно превосходил его габаритами.

— Надо отнести его на тот пригорок, — сталкер указал на одиноко торчащий посреди заросшего бурьяном поля абсолютно лысый холмик. — Чем быстрее — тем лучше.

Двое бойцов аккуратно подняли своего командира и, не

говоря ни слова, понесли в указанном направлении. Во главе процессии шел босой Леший.

На вершине холма долговцы оставили их одних.

Марат опустился на колени и закрыл глаза.

— Исцели его! — мысленно обратился он к Ней.

— Нет, — раздался в голове знакомый голос.

— Почему?

— Он убивал моих детей, — ответила Она.

— Я тоже твой сын, и он стал мне другом. Исцели его! — не унимался Марат.

— Ты мой любимый сын, а я, наверное, плохая мать, если балую своих детей, — в Ее голосе скользнули нотки снисхождения.

— Ты самая лучшая мать! Исцели его.

— Хорошо.

Бойцы группировки «Долг», стоявшие через дорогу, наблюдали странное явление: с абсолютно безоблачного неба — что само по себе уже необычно для Зоны — ударила ярчайшая молния и попала прямо в стоящего на коленях человека. Он раскинул руки и приподнялся над землей, а потом какая-то неведомая сила швырнула его обратно на землю.

Леший вернулся через полчаса. Один. Его густая, некогда черная борода была абсолютно седой, да и сам он постарел лет на десять: лицо осунулось, а черты его заострились; руки безвольно висели вдоль тела, а ноги, казалось, переступают лишь по инерции.

— Никто пусть сейчас туда не ходит, через час он сам вернется, — голос его был глухим и сиплым.

Даже повидавшие всякое на своем сталкерском веку долговцы невольно попятились, а Леший пошел осматривать трупы убитых врагов. Он долго ходил по полю боя, то и дело переворачивал трупы и явно что-то искал.

— Ну кто так стреляет, а? — бормотал себе под нос полоумный старик. — Я вас спрашиваю, кто так стреляет?

— А что не так? — осмелился подать голос Беркут.

— Ни одного целого костюма, все изрешетили. В чем я теперь пойду?

— Тебе же Воронин свой отдал. Вон он, — недоумевающее глядя на него ответил долговец и махнул в сторону лежащего на земле экзоскелета.

— Вот и отдайте его Воронину, скажите спасибо, — Леший

продолжил поиски, — а я до Исполнителя хочу живым дойти.

— Ну конечно же! — словно вспомнив что-то важное седой дед в кальсонах с грязными коленками полез в кузов газика. Там он снял неповрежденный комбинезон с убитого им в голову монолитовца и стал натягивать на себя. — Вот это другое дело!

Долговцы вскинули винтовки, увидев, как из кузова выпрыгивает живой монолитовец.

— Ну, как, впечатляет? — Леший откинул шлем.

— Да уж, — Беркут покачал головой.

— Спасибо вам за приятную компанию, дальше я сам, — Леший пожал руку старшему. — Как Седой вернется — сразу лесом уходите. Мне придется вызвать на этот блокпост подкрепление. Я же теперь другой масти!

Марат похлопал себя по комбинезону серо-зеленой расцветки группировки «Монолит».

— Я ничё не понял, — растерянно заморгал боец, стоящий рядом с Беркутом.

— А тебе и не обязательно, — ответил командир.

Леший подхватил «Винторез» и трусцой направился через поле.

* * *

Равнина сменилась холмом. Марат решил отдохнуть на его вершине. Он достал из одного кармана трофейного костюма пачку печенья, а из другого — маленькую бутылку минералки. С холма открывался прекрасный вид на город-призрак Припять. Чуть дальше находилась ЧАЭС. Где-то в этих местах дислоцировался их полк в далеком 1986. Однако воспоминания о том времени были такими неясными, словно из другой жизни.

Жизнь… Здесь она и в самом деле была другой, более настоящей, но такой короткой, со своими ценностями, индивидуальными для каждого. Каждый сам выбирал себе свой идеал и следовал ему, искренне и слепо веря, что только он прав…

Последнее печенье, последний глоток воды.

Леший аккуратно сложил пачку и засунул ее в бутылку, чтобы меньше было мусора. Бутылку он убрал в рюкзак и оглянулся: пять фигурок в черно-красных экзоскелетах медленно приближались к кромке Черного Леса. Пора. Подхватив «Винторез», Леший стал спускаться к Припяти.

— Стой! — ствол «Вала» больно уперся ему в грудь. — Кто такой?

— Нападение на блокпост у Черного Леса, по экипировке — «Долг», — выпалил Леший. — Я один ушел. Остальных положили.

— Караул, в ружье! — заорал патрульный монолитовец. — Цель — блокпост у Черного Леса!

В наступившей суматохе на Лешего никто не обратил внимания, и он спокойно продолжил свой путь.

В Припяти шли уличные бои. Кто и с кем воевал — Марат не знал, да и не хотел разбираться, просто постреливал иногда для проформы по черно-зеленым армейским камуфляжам.

Его словно вела чья-то невидимая рука, заставлявшая обходить одни кварталы и идти через, казалось бы, глухие дворы. В голове пульсировала одна мысль: «Я уже рядом! Быстрее, быстрее, быстрее…»

Вот и разлом в стене, прикрытый бетонной плитой. Марат нырнул в него и побежал. Как оказалось — вовремя. Сзади раздался грохот взрыва, плита рухнула, завалив вход. На пороге ускользающего сознания мелькнула последняя здравая мысль: «А как же я назад?», но ее тут же оттерла другая, наполовину чужая: «Я дошел!»

Петляя в лабиринтах подземных катакомб, он то и дело попадал в тупики, натыкался на трупы, спотыкался об них, падал, но продолжал идти, даже сам толком не зная куда, но четко осознавая зачем.

Очередной коридор закончился массивным завалом почти под самый потолок. Марат полез на него в надежде протиснуться. В узкий просвет могла влезть только голова, но он решил все же заглянуть туда.

Картина, которую он увидел, полностью парализовала его сознание. Небольшое помещение было заполнено неземным бело-голубым сиянием, а источник этого сияния парил в полуметре над землей. Не чувствуя ни боли, ни страха, Марат стал разгребать завал, сдирая кожу до крови, но продвигаясь все ближе к своей цели. Он больше не слышал ни звуков канонады, ни разрывов гранат, в его душе словно пели ангелы, а все естество наполнил этот божественный свет. Позади что-то обрушилось, и Марат понял, что как бы ни старался, больше он вперед не продвигается. Он еще не знал, что его сердце уже не бьется, а позвоночник переломан в трех местах. Мозг был еще жив.

Бело-голубой шар качнулся и двинулся навстречу. Приглядевшись, Марат заметил, что это Она несет его.

— Ты пришел. Я ждала тебя. Я вижу твое желание.

Она наклонилась и отдала ему шар.

Марат взял его в руки и посмотрел ей в лицо. На него, улыбаясь, смотрела его жена.

— Марина! — последнее слово сорвалось с мертвых губ, и мертвые руки отпустили шар.

— Да, — сказала Она.

Шар стал переливаться всеми цветами спектра и расти в объеме, пока не взорвался, выпустив из себя столб яркого белого света.

Над Зоной прогремел Выброс небывалой мощи, сметающий на своем пути все живое и не оставляющий надежды на спасение.

* * *

Она обернулась, поняв, что его нет рядом.

— Ты снова куришь?

— Хочешь, я брошу ради тебя? — он погасил сигарету.

— Нет, я хочу, чтобы ты бросил ради своего здоровья, — Марина улыбнулась.

— Тогда пойдем, купим конфет, — предложил Марат, гася сигарету.

— Я буду толстая! — Марина надула губки.

— Ты у меня была, есть и будешь самая красивая! — Марат подхватил ее на руки и понес в сторону магазина.

По дороге мимо них на бешеной скорости промчалась серебристая иномарка.

— И откуда только у людей деньги берутся? — завистью глядя вслед удаляющейся машине, сказала Марина.

— Не переживай, у нас тоже когда-нибудь будет своя машина.

— И квартира бы не помешала! — рассмеялась она.

— Я для тебя достану
С неба ночную звезду.
И лунный свет хоть со дна океана
Я для тебя принесу.

— Сам придумал? — восхищенно глядя ему в глаза и улыбаясь спросила Марина. — Как красиво! Я тебя люблю!

Через четыре месяца и двенадцать дней на свет появился Усманов Игорь Маратович.

* * *

Ребенок сладко спал в своей кроватке.

Трехмерная картинка стала тускнеть, подернулась рябью и вскоре пропала совсем.

— Ты думаешь, теперь у нас получится? — спросил Он.

— Я просто уверена, — сказала Она.

— А он придет?

— Конечно, ведь в нем — часть меня.

— А если земная часть победит, и он откажется?

— Посмотрим, — ответила Она.

КОНЕЦ

Алексей Силин
ДВА ДНЯ В АДУ ИЛИ СТАЛКЕР ПОНЕВОЛЕ

1. Дорога в никуда

У каждого бывают моменты, когда вся жизнь проносится перед глазами. Вот ты ещё учишься говорить, а через несколько секунд уже оканчиваешь институт с отличием. И в этот миг ты на несколько мгновений зависаешь на критической точке между небом и землёй. Всё смешивается в одну непрерывную картину — визг, скрежет алюминия, крики отчаяния, брызги крови на лице, искорёженные лопасти тяжёлой боевой машины. Этот миг так ничтожно короток, что ты не успеваешь даже испугаться, во всей полноте ощутить удушающий, животный ужас. Если смысл твоего существования исчерпан, ты медленно погружаешься в пучину безразличного небытия. Именно на этой точке как раз и умирает надежда. Ты уверен, что тебя больше нет. Ты уверен, что это твой личный эпилог, за которым уже ничего не будет, в лучшем случае — многоточие. Но, возможно, кто-то свыше смилостивится и тебе будет дан последний шанс доказать, что живёшь не зря. Вот перед моими глазами пробегают два года работы в редакции. А поверил бы я, скажи мне кто тогда, что буду отстаивать своё право на жизнь в месте, где она уже не имеет власти? Наверное, нет. А между тем, невидимая киноплёнка замедляет свой бег, и вот я уже отчётливо различаю последние несколько дней своего бытия…

Четвёртое сентября, 2011

Старый военный «Урал» — гордость советского автопрома — довольно юрко бежал по размытой дороге через лес, как будто отрабатывая свой неофициальный титул. Вместе со мной в крытом брезентом кузове тряслись учёный, пятеро солдат, и пара туристов, кажется, из Германии, один из которых на ужаснейшем русском что-то выспрашивал у основательно «поддатого» «защитника отечества».

— Я тебе говорю, у нас элитная воинская часть государственного значения, о! У нас там, понимаешь, военные тайны разные, а таким как ты я во чо скажу, — рядовой показал

не понятливому иностранцу популярную у нас и в странах теперь уже ближнего зарубежья трёхпальцевую комбинацию. Тот, покраснев, пытался что-то возражать.

— Да видели мы ваше телевидение, буржуи хреновы! Я, понимаешь, патриот своей родины и охраняю объект мирового значения от отребья всякого, вот! А ты, ты сначала научись по рашен шпрехать, ферштейн? Гитлер капут, раша фарева! И вообще, в другом месте мы бы с тобой по-другому говорили. Понял, фашист хренов?

Патриот умолк, гордый за родину и уверенный в том, что и Америку мы ещё на дно океана опустим, и в Китае демографию на место поставим. Его сослуживцы сидели не менее довольные. Немец, видимо, тоже усвоил, что от него хотели, и не мешал больше солдату лениво переваривать хмельные мысли. Лист брезента, служащий здесь дверью, хлопал на ветру. Через щели в кузов неохотно пробивался мутный серый день…

Дождь лил с тех самых пор, как этим ранним утром наш АН-24 опустился под слой тяжёлых туч к импровизированному аэродрому. Именно отсюда началось моё знакомство с внешним периметром Зоны. Пусть взлётно-посадочная полоса представляла собой бетонные плиты, брошенные на поле у опустевшей деревни на границе леса. С момента установки внешнего периметра это был ближайший аэродром к чернобыльской зоне отчуждения, а соответственно, самый лёгкий способ добраться сюда. Здесь нередко садились грузовые самолёты, и, как следствие — поле было оцеплено военными. Откуда я так много знал? Каждый местный рад был при первой же возможности поучить «такую зелень как я». Многие спрашивали, «какого чёрта я сюда приехал», но почему-то не находились с ответом, когда я задавал им аналогичный вопрос. Мокрая бетонка, пожухлые колосья заросшего сорняком поля и ржавый комбайн отсвечивали частыми вспышками молний. Тогда мне подумалось, что вчера вечером я видел солнце в последний раз…

Кузов сильно тряхнуло, затем грузовик круто развернуло, и он встал на месте. Кто-то из военных смачно выругался, поднимаясь с грязного пола, иностранцы испуганно вжались в сиденье. Кто-то схватился за автомат. Все затихли. Поползли секунды тяжёлого ожидания, каждая из которых казалась нам вечностью. В любом другом месте планеты кто-нибудь да вылез бы уже поглядеть, что стряслось. Но не здесь. Ни один не сделал движения в сторону выхода. Ни один. Озирая испуганные лица солдат, я примерно догадывался, о чём они сейчас думают. Я мало что слышал об этом месте. Может быть, именно поэтому мне не было сейчас так страшно, как им? Тишину разорвал хлопок

двери кабины. Я вздрогнул. Тяжёлые шаги снаружи прошлёпали к задней части кузова. Я слышал, как стучат зубы у солдата с автоматом. Брезентовый полог приподнялся. Это был всего лишь водитель.

— Колесо лопнуло, ребят, поищите там домкрат и запаску. И пойдём кто-нибудь со мной.

Дождь неистово лупил огромными каплями, как бы пытаясь пробить брезентовый навес, под которым мы укрылись. «Понимаешь, патриот своей родины» нервно заржал и ткнул в плечо немца.

— Ха! Ну чё, фрицы, обгадились, наверное?

Я, если честно, тоже испытал несказанное облегчение. Даже на большой земле ходит немало леденящих душу рассказов об этом месте. Несколько минут вояки решали, кто пойдёт под ливень. Патриот предложил отправить немцев. В итоге пришёл офицер из кабины и построил пятерых снаружи под ливнем. Отправив одного на помощь водителю, остальных заставил отжиматься. Солдаты вернулись грязные и злые, но всеобщего спокойствия больше не нарушали. Рядовой и водитель возились с колесом, по щиколотку в жидкой грязи, под стеной непрекращающегося дождя. «Урал» стоял поперёк дороги, передними фарами освещая ближайшие деревья непроглядного мрачного леса, обступавшего нас со всех сторон и нависавшего над дорогой тяжёлыми ветками. Где-то далеко в лесу раздавался протяжный, печальный вой. Эти звуки прокрадывались внутрь и порождали в душе чувство тяжёлой грусти и скрывшегося за ней приглушённого страха. За время вынужденной остановки я успел познакомиться с учёным. Всю оставшуюся дорогу Анатолий, как его звали, просвещал меня относительно зоны отчуждения.

— Вояки только хорохорятся, на самом деле мало кто из них на самом деле входил в Зону, и тем меньше возвращалось обратно. Но у них здесь сила и власть…

… Если приграничные районы ещё относительно безопасны, то в глубокой Зоне тихий ужас… От всей души советую, брат, не суйся туда, я там был. И такое видел, чего и врагу не пожелаю…, - Анатолий на время умолк.

— А если всё же решишься перейти границу, запомни одно. Здесь с тобой считаются, здесь ты — полноправный гражданин своего государства. А там ты никто. Пересекая границу, ты теряешь все права, в том числе право на жизнь. И тот, кто здесь улыбается тебе в лицо, в Зоне выстрелит тебе в спину. По ту сторону кордона практически нет людей, живущих по совести. Там вообще нет людей. Одни животные. Пусть и внешне людей напоминают…

— У-у-у, б-р-р-р… Нагнал ты на меня страху, что и говорить… Я вообще это… журналист, хочу материал сенсационный издать. С прилагающимися фотографиями. Народ жаждет. По телику и в газетах только съёмки и интервью с границы, внутрь масс-медиа ещё не прорвалось. Это была бы как минимум революция! А сейчас даже и не знаю… Мне немалых расходов стоило сюда добраться. Можно сказать, по блату долетел. Редакция родная помогла, низкий им всем поклон. Только что им мой поклон, они там меня все с материалами ждут. Надеются на меня…

— А…, - Анатолий махнул рукой, мол делай как знаешь, — Только знай, что всё виденное тобой по телевизору и прочитанное в газетах — это только сотая доля тех ужасов, что могут ждать тебя за кордоном. Ага, вижу, что нам только ужасы и подавай, а? Эх, дерзай, что ещё могу сказать. Только про мои советы помни. Авось пригодятся.

— Слушай, а давай я свой рассказ с тебя начну, а?

Учёный только пожал плечами. Я сделал его фото. Затем протянул диктофон. — Анатолий, какова причина вашего пребывания здесь?

Научный сотрудник поднял на меня грустный взгляд. И надолго задумался…

Стоянка гражданских представляла собой огромный цех на границе леса, окружённый палатками, а также автобусами и прочим транспортом. Грузовик добрался сюда после обеда. Меня и немцев высадили здесь, а «Урал» отправился к воинской части неподалёку. Я стоял под проливным дождём и как завороженный смотрел вслед грузовику, скрывшемуся за укреплёнными воротами бывшего производственного комплекса. С трудом верилось, что по ту сторону части начиналась опаснейшая на планете территория, подробности о которой так хотели узнать простые смертные.

Это была в первую очередь работа, но работа с интригой, подхлёстываемая немалыми собственными интересом и амбициями. В голове крутились десятки вопросов, на которые хотелось найти ответы. Я сгорал от предвкушения, а в груди зарождались первые признаки волнения. Первые признаки сладостного волнения в ожидание чего-то грандиозного и необъятного. Именно так я считал тогда. Грандиозное и необъятное.

— Четвертое сентября, двадцать один-двадцать. Я на границе чернобыльской зоны отчуждения. Это место дислокации так называемого четырнадцатого блокпоста, возле которого находится гражданский городок. Большинство приезжих, как и я, расположились в огромном заброшенном цехе в центре городка.

Фото прилагаются, файловая папка 04. Изнутри он полностью освобождён от оборудования. Здесь установлено великое множество палаток. Помещение освещается посредством костров — электричества давно нет. Собравшиеся здесь — представители многих стран мира — США, Германии, Китая, и т. д. Немало моих коллег по работе, в том числе и с телевидения. Мне удалось пообщаться с некоторыми приезжими. Многие едут сюда с целью прославиться или заработать денег. Некоторые придерживаются религиозных убеждений и совершают своеобразное паломничество. Есть группа людей, твёрдо намеренная в ближайшие дни входить в Зону. Видел у них немало интересного оборудования. Говорят, без него внутри не выжить. Также несколько минут назад наблюдал небольшую группу людей, предположительно представителей криминального мира. К сожалению, ни одного человека, бывавшего по ту сторону границы, здесь, по-видимому, нет.

Я отключил диктофон, завернулся в спальный мешок в тени большой жёлтой палатки у стены цеха и погрузился в свои мысли. От костра неподалёку лились звуки гитары. Артист-самоучка неуверенно выводил популярную мелодию и подпевал дрожащим голосом. Но народу нравилось, я слышал весёлые голоса, смех и стук алюминиевых стаканов. За толстыми стенами всё так же лил дождь, раздавались раскаты грома, но здесь было тепло и уютно. Жизнь кипела, этот цех напоминал маленький самобытный муравейник. Немцы, мои недавние спутники, предлагали подсесть к их костру, но я предпочёл хорошенько выспаться после долгой дороги и набраться сил перед первым трудовым днём. И, со всех сторон укутанный теплом, я медленно проваливался в спокойный, безмятежный сон. В предвкушение чего-то грандиозного и необъятного…

Казалось, прошли часы, прежде чем я открыл глаза. Все спали. В помещении стояла почти непроглядная темень. Снаружи всё так же лил неистовый дождь. От меня к далёкому потолку поднималась обшарпанная кирпичная стена. В свете молний я заметил нечто странное, пробравшееся в цех через разбитое окно под потолком, в каком-то десятке метров надо мной. Некоторое время тень сидела на карнизе, как бы вслушиваясь или принюхиваясь. А потом медленно поползла вниз по стене. Меня сковал панический ужас. Судорожный глоток воздуха застрял в горле. По лбу скатилась капля пота. И тут я понял, что не в силах пошевелиться. Всё что я мог — наблюдать. Жуткое существо создавало впечатление чего-то ловкого, быстрого и цепкого. Но сейчас мерзкая тварь не торопилась, растягивала себе удовольствие, как бы зная что жертва обездвижена. Как ни

старался, я не мог разглядеть создание в деталях. Мне оно представлялось бесформенной чёрной массой. И тут ужасное нечто оказалось рядом со мной. Я ощутил на своём лице смрадное хриплое дыхание и шершавую когтистую лапу у себя на горле. Хотелось кричать, но я не мог. В лёгкие больше не поступал кислород, а перед моими глазами, в каких-то нескольких сантиметрах, возникла раскрытая пасть с сотнями острых, как бритва, клыков… И тут я проснулся. В помещении мирно тлели несколько костров. Все давно спали. Вокруг было тихо, даже дождь снаружи успокоился. Я слышал отдалённые раскаты грома. Часы показывали пол пятого утра. Я вытер холодный пот со лба и поплотнее укутался в спальник. Сон, это был всего лишь сон.

Окончательно встал около восьми. Что-то внутри подсказывало, что здесь лучше не лениться. Да и дел было по горло. Умывшись в ручейке у самой границы леса, я незамысловато позавтракал. От земли, пропитанной кислотным дождём, поднимались обильные испарения, солнце с трудом пробивалось через тяжёлый слой тумана. Но, всё равно, по сравнению со вчерашним, сегодня стоял просто райский день. Погода автоматически настраивала на позитивные мысли, а моя миссия здесь больше представлялась пикником на обочине дороги. Усевшись на багажник ржавой разбитой «девятки», я принялся размышлять. Планировал поторчать на границе, пособирать материал, с людьми пообщаться, пока не представится возможность договориться с опытным сталкером на экскурсию в Зону на пару дней. Хотя, исходя из местных слухов, сталкеры здесь вообще не появляются, а если и приходят из Зоны, то сразу на большую землю подаются (за вчерашний вечер успел уже нахвататься словечек из местного жаргона). Чаще — двухсотым рейсом. Ну, даже если найду живого и здорового, даже если согласится тот меня сопроводить, где гарантия что он меня не пришьёт за кордоном? Не с пустого же места Анатолий взял все эти рассказы. И вдруг мне стало страшно. Необъяснимый ужас возник из глубин меня и на несколько мгновений захватил власть над моим сознанием. Захотелось собрать вещи и убраться отсюда куда подальше. Нечто изнутри схватило мой дух за горло и сжало так, что перехватило дыхание. Перед глазами всё покраснело. Я почувствовал, как по вискам бегут капли пота. К горлу подкатил тошнотный ком. В этот момент я готов был выкинуть на траву свой скудный завтрак и забыться. Последнего я ждал с нетерпением, потому как это состояние становилось невыносимым. Разъярённое солнце, казалось, готово было прожечь меня насквозь. А что потом? А потом наваждение

испарилось так же быстро, как и пришло. Утреннее светило всё так же испаряло влагу изрядно повядшей травы под ногами. Над грудой всякого хлама, что у цеха, всё так же вилась кругами стая ворон. Один из работников телеканала монтировал спутниковую «тарелку» на крыше микроавтобуса. Медленно восстанавливая утраченное самообладание, я пытался осмыслить, что со мной произошло. Доводилось некогда слышать про психотропное воздействие Зоны, правда, из не самых надёжных источников. А секунду спустя мне в голову пришла замечательная мысль. Сейчас запишу превосходный материал. Надо только пролезть на территорию части и найти Анатолия, если тот ещё не ушёл в Зону. Я соскочил с багажника и припустил в сторону цеха. Каково же было моё удивление, когда я застал на своём месте трёх бритоголовых ребят, самозабвенно роющихся в моих вещах.

— Эй, вы что тут делаете? — профессиональный скандалист-провокатор, я говорил нарочито громко. Самый быковатый на вид, вероятно, главный, неторопливо поднял глаза.

— Ревизию проводим, а что, проблемы?

Второй чертила коротко хохотнул.

— Ты это, иди, погуляй, в натуре. Мы тебе отчёт факсом пришлём. — И заржал, очевидно, довольный своим «чувством юмора». Из ближайшей палатки показался рослый, крепко сложенный турист. Реакция была моментальной.

— Вы чё, шакалы, совсем охренели? В прошлый раз мало было?

— Ты иди, погуляй, дядя. Без тебя разберемся.

— Я те щас пойду! Мужики, айда сюда! — из палатки вышли ещё четверо.

— Ну чё, козлы, будем значит русский учить? Потому как вы, видимо, ни черта не понимаете когда вам русским языком говорят, — мужики двинулись на «братков».

— А ну стоять всем! Стоять, я сказал, завалю на хрен! — глаза главного испуганно бегали по сторонам, голос дрожал. Но в руке он держал хороший аргумент — пистолет зарубежного производства. Наступавшие остановились как вкопанные.

— Слышь, брось пушку, сдурел что ли?!

— На пол всем, быстро! Лежать, я сказал! — бык повернулся ко мне, — и ты тоже, чё встал?

Я не успел выполнить дружескую просьбу. Туристы, распластавшиеся на бетонном полу, дали нам с «братвой» возможность разглядеть фигуру в камуфляже, возле костра позади первых. В руках неизвестный держал, ни много, ни мало, автомат Калашникова.

— Так, уроды, ствол в карман и бегом отсюда.

«Быки» явно не ожидали такого поворота событий. Завышенный голос и побелевшее лицо выдавали в главном полную растерянность и нечеловеческий страх. Он явно не рад уже был заваренной каше, но держался молодцом и продолжал упорствовать.

— Пшёл ты знаешь куда! Ты вообще шаришь, гнида, с кем базаришь? Сгори отсюда, крыса зоновская!

— Я два раза одно предложение не делаю. Считаю до десяти и открываю огонь. Раз, два…

Внутри главного завязался нешуточный бой между инстинктом самосохранения и гордыней. Пистолет, который тот изо всех сил сжимал побелевшими пальцами, заметно дрожал.

— Три, четыре…

Он уже понял, что проиграл этот бой, но жалкое, мелочное существо, засевшее глубоко внутри него, не хотело сдаваться.

— Пять, шесть…

Главарь был близок к панике. Он изо всех сил пытался определить, будет ли человек в камуфляже стрелять на самом деле, или просто блефует. Но лицо того оставалось каменно спокойным.

— Семь, — Незнакомец поднял автомат, уперев прикладом в плечо. И тут «бык» сдался.

— Ладно, ладно! Угомонись, в натуре! Мы зла никому причинять не собирались.

— Верните вещи на место.

Вместе со всякой мелочью бандиты вытряхнули в мою сумку цифровую фотокамеру.

— А теперь исчезните, и чтоб духу вашего тут не было.

— Ничего, ничего, мы ещё с тобой в Зоне пообщаемся, сталкер. Земля круглая.

— Буду ждать с нетерпением. Вздумаешь сейчас стрельнуть в спину, готовь задницу. Вояки в части реагируют быстро.

Сталкер (мне показалось, что именно сталкер) подошёл ко мне. Это был крепкий усатый мужчина лет сорока, с сосредоточенным, но добродушным выражением лица.

— Гопники чёртовы, совсем распустились. Уже на границе беспределят. Привыкай, сынок, тут такое сплошь и рядом. Меня, кстати, Бесом кличут…

— Пятое сентября, десять утра. Две новости — хорошая и не очень. Нашёл настоящего сталкера, ветерана Зоны. Но сопровождать меня тот отказался. В результате инцидента с «быками» ничего не потерял. По крайней мере, ничего ценного. А, следовательно, пока работаю по плану «Б».

— Стой! С какой целью сюда? — солдат на воротах вскинул

автомат к плечу, как положено по местному уставу.

— В Зону хочу, с какой же ещё…

— Ага, верю. Где снаряжение? Гейгер? Детектор аномалий? Рация? Ты смертник, или как? — я несколько поубавил свой пыл, охранник оказался не дурак. Но тормозить было поздно. Да и не сильно хотелось. Не с той целью сюда ехал.

— Шахид аль хаиф. Ладно, шучу, журналист я. Написать статью хочу про вашу военную часть.

— Сначала в Зону хотел а теперь журналистом прикидываешься? Дурака со мной валять будешь? — солдат если и не поверил, то, по крайней мере, попался на интригу. Я продолжил вешать лапшу на уши. Вот уж в чём, а в этом я мастер.

— Говорю же, пошутил я… Вот, даже камера есть. Давай я с тебя материал начну? Хочешь на обложку журнала?

— Опусти аппарат! А что за журнал?

И тут меня понесло.

— Си-Джи-Пи, русское представительство! Спецвыпуск про аномалии. Вторая наша команда на Бермуды вылетела, а меня вот сюда заслали… Мы ещё с первым каналом сотрудничаем, видишь фургон возле цеха? Тот, со спутником. Тоже наши! Они завтра должны начать съемку. — я продолжал блефовать, а солдат выглядел совсем растерянным. Издательство с английским аббревиатурой, вероятно очень влиятельное, плюс первый канал. Если не пропустить, то можно потом и от начальства взбучку получить. Но, охранник ещё сомневался. Я решил рискнуть. — Мы даже с Анатолием договорились уже, что он мне часть покажет.

— Анатолий?

— Ну да, он же у вас главный учёный, ты не в курсе разве? Вчера вечером приехал. Не веришь, сходи, спроси у него.

Солдат встал перед нелёгким выбором. Учёного он явно не знал, но что если и вправду крупная шишка? На него же, постового, все стрелки тогда. Грузовик вчера проходил, верно. Пропустить сразу, или сначала проверить? Но для последнего надо было оставить пост. А в городке всякой шушеры ошивается… Опасно, в общем. Только вот пару дней как рога козлам обламывали. А в случае чего — опять все шишки на него полетят…

— Ладно, проходи. Только без глупостей, ребята у нас меткие. Учёного своего в районе казарм поищи.

Я ликовал. Сделав для вида снимок ворот части вместе с постовым, поспешил внутрь. Моему взгляду предстала потрескавшаяся асфальтированная дорога, уходящая к дальним воротам части. По обеим сторонам поднимались к небу высокие

деревья, тихо шелестящие на лёгком утреннем ветерке. На земле лежали редкие листья — предвестники зарождающейся осени. Я медленно двинулся по дороге. Справа от меня тянулась вереница складских помещений. Слева, огороженный высоким забором, парк военной техники, тренировочный полигон, столовая. Здесь мне встретились первые обитатели части. Как ни странно, ни один не остановил и не задал вопроса, что я здесь делаю. Все были заняты своим делом. Отсюда я мог разглядеть вход в Зону. Ворота заменяли два бронетранспортёра, поставленные почти вплотную. Пройти между ними мог максимум один человек. Позицию сторожили около десятка солдат. Прямо на моих глазах к ним приблизились несколько фигур. Пообщавшись некоторое время с постовыми, они протиснулись между БТРами и скрылись по ту сторону ограждений.

В воображении Зона представлялась мне гиблым местом с вечно бушующими штормами, на просторах которого ходят монстры и пожирают людей и друг друга. А здесь… За забором продолжали свой путь в не такую уж зловещую бесконечность два ряда деревьев, в небе стояла всё та же безмятежность, а перистые белые облака лениво тащились куда-то за горизонт. Навстречу неизвестности. Солнце приятно припекало затылок. Неужели все эти россказни про Зону не больше, чем детские страшилки? Я не чувствовал уже ни малейшего волнения. Только лёгкое разочарование. Пугающее, почти мифическое место, представлялось мне сейчас не больше чем парком для отдыха, с несколькими десятками зелёных рекрутов и нудных туристов на окраине, возле контрольно-пропускного пункта.

Навстречу мне устало бежал потрёпанный грузовик. Кабина была изрядно поедена ржавчиной. В бортах кузова виднелись пулевые отверстия. Я мельком заглянул внутрь и тут же отпрянул, превозмогая ужас и отвращение. Машина была почти доверху набита трупами. Четырёхколёсный призрак мчался к большой земле, оставляя на потрескавшемся асфальте мелкие капли крови. Позже мне объяснили, что это был так называемый «Грузовик смерти», вывозящий мёртвых из Зоны. Но жуткие воспоминания ещё долго преследовали меня.

Два служивых слева белили обшарпанную стену казарм, выполняя тщетную работу, так как восстановлению облицовка не подлежала. Именно здесь я услышал первые звуки вертолёта. В казармы я вошёл, как ни странно, без малейшего вопроса со стороны солдат. По боковым стенам длинного помещения без окон тянулись ряды кроватей в два яруса. С потолка свешивались на проводах несколько лампочек. Внутри никого не было. В дальнем конце виднелся дверной проём. Я поспешил туда. Прямо

за казармами, окружённая с двух сторон зданиями, и ещё с двух — лесом, находилась вертолётная площадка. Тут же стоял, рассекая пятью лопастями воздух, боевой МИ-24. Возле него выстроились шестеро в камуфляже, и один — в оранжевом комбинезоне, закрывающем всё тело. В руках он держал шлем с зеркальным стеклом. Картина неизвестного советского художника «Космос будет наш». Я сразу узнал в нём Анатолия и поспешил к вертолёту. Навстречу мне двинулся высокий крепыш в тёмных очках, по-видимому, главный.

— Стой, где стоишь. Кто такой? Как тут оказался? — резкий, чётко поставленный голос буквально пригвоздил меня к месту. Привычка командовать налицо.

— Журналист. Пишу статью про вашу часть.

— Повторяю: как тут оказался? — тон голоса не предвещал ничего хорошего. И устав он знал получше охранника ворот.

— С аэродрома приехал…

— Кто впустил? — Офицер напряг скулы. Обстановку разрядил Анатолий, подошедший как раз вовремя.

— Ладно тебе, Коля, он свой. Мы с ним вчера на одной машине сюда ехали.

— Штатский в части. Предлагаешь мне закрыть глаза на явное нарушение устава, а? Тебе-то ничего. Не тебя, Толя, а меня, чуть что, командир части дрочить будет.

— Да брось ты. Я его хорошо знаю, сотрудник крупного журнала. Ну поснимает он тут немного, ну статейку напишет — кому от этого хуже? Не мне тебе говорить, Коля, что скрывать в такой заднице нечего. А так ещё в журнал попадёшь, а? — учёный явно мне подыгрывал.

— Нет значит нет! Если хочешь, можешь проводить его до ворот. А не хочешь — мои ребята проводят, — офицер развернулся и зашагал к вертолёту.

— Коля… — военный обернулся и уставился на учёного вопросительным и одновременно недовольным взглядом.

— Коля, вспомни ту мясорубку под Припятью. — Николай моментально преобразился в лице, сжал кулаки. Стоял, выжидая.

— Я тогда тоже действовал в обход всех правил, Коля, ты это знаешь. А не поступи я так, тебя бы здесь давно уже не было. Не обессудь, этот человек никому зла не сделает.

— Ладно. Будь по-твоему. — после секундной внутренней борьбы изрёк военный. Анатолий повернулся ко мне.

— Что же ты делаешь, парень? Решился-таки судьбу испытать, да? Ладно, знаю, не отговорю тебя, знаю. Снимай и пиши всё что угодно, только от военных подальше держись. Знаю, в Зону рано или поздно сунешься. И мала вероятность того что ты

оттуда вернёшься. Тебе бы ещё жить и жить. Спокойно и счастливо, без экстрима. Эх, все вы такие в молодости… — Учёный опустил голову и задумался.

— Анатолий, я тебе хотел пару вопросов задать.

— Некогда мне, отлетаем мы сейчас. Коллеги мои в Зоне что-то откопали, просят эвакуировать… Хотя, постой-ка… — лицо учёного на миг прояснилось. — Подожди тут.

Мой собеседник почти бегом припустил к вертолёту. Затем отвёл Николая в сторону и начал что-то быстро говорить, отчаянно жестикулируя. Слов я отсюда не слышал, но, судя по жестам, между учёным и военным завязался нешуточный спор. Николай ожесточённо качал головой, выставляя вперёд ладони, а Анатолий продолжал наседать на него с новыми и новыми аргументами. В итоге, офицер сдался и учёный поспешил ко мне, широко улыбаясь.

— Хорошая новость, боец! Полетишь с ними.

— Я? С ними? — я был в шоке.

— Да, с ними. Я договорился. Не без труда, но договорился.

— А ты?

— А я останусь. Всё что я смог из него выбить — это чтоб ты летел вместо меня. У нас строгий лимит по количеству человек на борту. Моё присутствие там всё равно не нужно, я шёл как сопровождающий, и только. А тебе это на пользу пойдёт.

— Я, я не знаю как тебя и благодарить…

— Да брось! Не надо благодарностей. Пообещай мне только одно.

— Всё, что в моих силах.

— По возвращении, в Зону ты больше ни ногой. Договорились?

— Хорошо. — я не совсем понимал такое условие.

— Вот и замечательно! Мне в сто раз приятней будет отпустить тебя в сопровождении проверенных ребят на вертолёте, чем пешком с каким-нибудь ублюдком. А потом цинковый гроб встречать. Слетаешь — и домой, статью писать, понял? Не твоё это место, не твоё. Расскажи им там, на большой земле, про все, что здесь творится. И живи долго и счастливо. А про Зону забудь.

— Я… Спасибо, Анатолий. Спасибо огромное…

Я пожал ему руку. Он же крепко меня обнял. Когда отстранился, в глазах учёного стояли слёзы.

— Это место сожрало немало близких мне людей. Запомни, ты летишь в ад. Ад и никак иначе. Без компромиссов. Твой вчерашний вопрос. Я здесь потому, что не хочу чтобы, люди там гибли. Я буду счастлив, если вытяну из её лап хотя бы одного хорошего человека. Для меня это главное, а не открытия там

всякие научные. Когда прилетел сюда полтора года назад, я был совсем как ты. Никак не хочу, чтоб ты стал на меня похож. Не к лицу тебе это. Лети, сынок, с Богом. А в случае чего, борись до последнего. Твоя жизнь в твоих руках. Помни.

Мы ещё раз крепко пожали друг другу руки и я пошёл к вертолёту.

— Ну что, наговорились? — Николай успел остыть после разговора с Анатолием. — С этого момента и до самого возвращения, я для тебя — полковник Кондратов. Команды мои выполнять беспрекословно. А сейчас запрыгивай в вертушку, отлёт через пять минут.

Кто-то из солдат спешно докуривал дефицитную сигарету. Погода снаружи быстро портилась. Небо моментально затянуло низкими тяжёлыми тучами. Пока механики отсоединяли топливный шланг и проводили последнюю проверку орудий, на землю обрушился чудовищный ливень. Огромные капли тарабанили по плитам вертолётной площадки. Деревья клонили ветви к земле. Я сделал несколько снимков. Немногие военные в поле моего зрения поспешили укрыться в ближайших зданиях. Я слышал, как снаружи Кондратов говорит с пилотом, пытаясь перекричать всё нарастающий шум дождя и рокот мотора.

— Товарищ полковник, может, отложим вылет? Видимость очень плохая! Да и аномальная активность сегодня выше нормы.

— База приказывает взлетать, пилот! Ребята в Зоне послали сигнал бедствия, им там сейчас тоже несладко. Так что не дрейфь! От проворства твоей машины сейчас зависят их жизни.

Полковник запрыгнул в вертолёт, закрыв за собой дверь. Дождь неистово лупил по металлической обшивке воздушной машины. Я думал, что всю дорогу мне и пяти бойцам от этого сурового на вид человека придётся слушать только сухие приказы. Но в голосе Николая зазвучали очень добрые и даже в какой-то мере ласковые нотки.

— Ну что, ребятки, сделаем работу и назад. А пока соберитесь. Программа обещает быть насыщенной.

Не человек — золото. Вот кто по-настоящему сумеет поддержать боевой дух солдат в трудную минуту. Бойцы, до этого сидевшие опустив носы, заметно приободрились. Что и говорить, даже я несколько воспрял духом, так как чувствовал — сказанное имело некоторое отношение и ко мне. Только работа у меня была несколько иная.

— База, разрешите взлёт. — Полковник был связан с пилотами по рации, и мы слышали все их переговоры.

— Взлёт разрешаем. Удачной дороги, ребята.

Удачной дороги. В отличие от всяких празднеств в честь

какого-нибудь дня рождения, здесь желали действительно нужные вещи. Просто и конкретно.

Тяжёлая боевая машина задрожала корпусом и оторвалась от земли, оставив на площадке под неистовым проливным дождём Анатолия, махавшего нам рукой. И тогда я понял, что дороги назад уже нет, я не смогу в случае чего сделать шаг в сторону. Не смогу отступить. Только движение вперед. Во что бы то ни стало. Только оторвавшись от земли, я начал во всей полноте ощущать серьёзность происходящего. Я начал понимать отношения людей на границе Зоны. Это были братские отношения. И Зона расценивалась как горячая точка. Я только начинал понимать, почему полковник так тепло поддерживал своих бойцов, почему Анатолий так не хотел пускать меня туда. Но многое ещё предстояло усвоить. Так много, что тогда я не смог бы понять всё это.

Несколько обветшалых, полуразрушенных строений, небольшой пролесок, высокий бетонный забор с колючей проволокой, и всё… Мы над Зоной. Какие ощущения возникают, когда ты пересекаешь эту условную границу? А никаких. Обычное время. Обычное место. А что до гнетущего ощущения полной безысходности, так это скорее от вечного ливня, идущего здесь и на границе почти бесперебойно. Мы стремительно прорывались сквозь бушующую стихию в своём надёжном и безопасном транспорте. Как я думал. Солдаты, возбуждённые перед взлётом, расслабились и заметно повеселели. Потекли неторопливые разговоры. Кто-то травил анекдоты. Кто-то намурлыкивал под нос популярную песню. И каждый рад был попозировать перед моей камерой. Только один боец, совсем ещё молодой, сидел, молча вжав голову плечи.

— Да ладно тебе, Петруха, грузиться! — один из бывалых шлёпнул молодого по плечу. — Первый бой, он всегда самый сложный. Зато отстреляешься, назад уже героем вернёшься!

Почти всю дорогу Кондратов отвечал на мои вопросы, а также проводил краткий инструктаж по выживанию в Зоне.

— Ты не отбрыкивайся, любая теория может впоследствии пригодиться. И если мы сейчас на вертолёте, это ещё не значит, что тебе не придётся там, внизу, ножками побегать.

— Да нет, не думаю, — я усмехнулся. — Я в Зону больше ни ногой. Обещал.

— Анатолию, да? — полковник скривился в ухмылке, — Знаю, он у нас человек такой. А я тебе и не про обещание говорю. Вероятность что мы не вернёмся десять-двадцать процентов.

— Не вернёмся?

— Ну да, а ты как думал? Хотел экстрима — получай. Чистые

двадцать процентов смертельной опасности. Воздушные аномалии, анархисты пошалить захотят, ну или бандюги где РПГ откопают. Так-то он им на хрен не нужен, а вот птичек вроде нас попугать — это самое оно… Они ж там все на голову долбанутые. К уголовной ответственности в Зоне призывать никто не будет.

Все разговоры я записывал на диктофон. Готовых материалов уже бы хватило, чтоб затмить большинство серенькых статеек на большой земле. Но я чувствовал — впереди меня ждёт гораздо большее. Я произведу на свет печатную революцию, никак не меньше. «Чернобыльская зона отчуждения — опаснейшее место на земле. Но немногие знают как это — оказаться там, за периметром…» — в моей голове рождались первые предложения будущей сенсационной статьи. — «Анатолий Батькович — магистр всяких там наук, и его надёжный боевой товарищ полковник Николай Кондратов — истинные ветераны Зоны, рука об руку прошедшие не один кровопролитный бой, любезно поведали…»

Нас тряхнуло, и машина быстро пошла на снижение.

— Так бойцы, начинаем работать. Быстро занимаем периметр на точке. Огонь по всему что движется, но не похоже на учёного, это понятно? Хоть пророк Моисей перед глазами предстанет. Нет, Петро, своих там быть не может. Выполнять приказ.

Вертолёт упёрся колёсами в землю, боковая дверь распахнулась. Ветер взъерошил волосы на моей голове. Там, снаружи, гремела отвесная стена чудовищного ливня. В паре десятков метров поодаль в свете молний выросло из земли приземистое мрачное строение. Рассмотреть подробности не представлялось возможным. Казалось, мы в самом центре бушующего шторма. Один за другим, в считанные секунды бойцы во главе с Кондратовым оказались по щиколотку в жидкой грязи. Я включил камеру, стараясь не упустить ни единой мелочи. Именно здесь и сейчас творилась кульминация моей будущей статьи. «С автоматами наперевес отважные бойцы устремились к строению», — статья вырисовывалась сама собой. «Кто-то поскользнулся и во всю длину распластался на мокрой траве», — Так, это вычеркнуть. Николай первым достиг строения и, как мне показалось, постучал в тяжёлую металлическую дверь. «Дверь неспешно отворилась, и из мрачного проёма выглянул жуткий монстр», — тьфу ты, фантазия расшалилась. Кажется, он что-то кричал, я не мог разобрать ни слова. А потом сильнейший поток воздуха поднял с земли влагу, и строение с солдатами скрылось за непроницаемой стеной атмосферного шторма.

Их не было. Шли томительные минуты ожидания. Я не знал что делать. Временами казалось, что где-то там, за водной

преградой, загораются всполохи пламени. Иногда до моих ушей долетали звуки выстрелов. Хотя, возможно, всё это мне только казалось. Может лучше сходить проведать? Секунду спустя сам усмехнулся этой бредовой идее. Что я смогу там сделать, один, без оружия? Да и камера промокнет…

Неожиданно из дождя показались трое бойцов. Двое буквально тащили третьего, истекавшего кровью, но двигались очень быстро. Следующими я увидел двоих незнакомцев в зелёных скафандрах, один из которых заметно прихрамывал. Замыкали цепочку Кондратов и ещё двое. В вертолёт грузились оперативно. Дав несколько автоматных очередей в пустоту, Николай спешно захлопнул дверь, вскинул ладонь в мою сторону в запрещающем жесте.

— Интервью на базе. Потом, я сказал! Взлетаем, быстро!

— Товарищ полковник, может, обработаем точку крупным калибром?

— Отставить! Быстро на базу, у нас раненые!

— Есть! База, это ноль-сорок, наши отстрелялись, возвращаемся.

Пилотов не пришлось уговаривать, через несколько секунд мы были уже высоко над землёй, у самых истоков неистового шторма.

— База, это ноль-сорок… Тьфу ты! Проверь там передатчик, базу не слышно.

— Да брось, сам знаешь, как здесь аномалит…

Учёные, сняв шлемы, оказывали первую помощь раненому. Полковник смотрел в пол. Кто-то нервно тёр ствол своего АК. Петро тяжело дышал, уставив безумный взгляд в стену напротив. Автомат, с которым тот до сих пор не расставался, сжимали побелевшие пальцы. А я, я терзал себя вопросами. Пытался глядеть в иллюминатор, как бы силясь углядеть порождённых моим воображением страшных чудовищ, прыгающих, гигикающих, и машущих кулаками нам вслед. Но там ничего не было видно. Тысячи кубометров воздуха во все стороны вокруг нашего надёжного укрытия были во власти непогоды. Именно так начался наш полёт в никуда. На все двадцать процентов.

У каждого бывают моменты, когда вся жизнь проносится перед глазами. И в этот миг ты на несколько мгновений зависаешь на критической точке между небом и землёй. Всё смешивается в одну непрерывную картину — визг, скрежет алюминия, крики отчаяния, искорёженные лопасти тяжёлой боевой машины. Этот миг так ничтожно короток, что ты не успеваешь даже испугаться, во всей полноте ощутить удушающий, животный ужас. Крики, визг, скрежет. Электрические разряды.

Тяжёлая бронированная дверь отделяется от цельной металлической конструкции и исчезает где-то там, в серой ревущей пустоте. И ты уже не различаешь, где право, а где лево. Где верх, а где низ. Всё смешалось. Все сущности, все понятия, все мысли и крики — всё быстро закручивается в один тугой ком. А потом тот взрывается изнутри, разбрасывая во все стороны миллиарды осколков. А что дальше? Тишина… Добро пожаловать в твой персональный ад.

2. Твой персональный ад

Я медленно иду по тёмным лабиринтам. Ноги по колено в мутной воде. С потолка срываются капли и растворяются у моих ног сгустками синего пламени. Во все стороны уносятся тоннели боковых ответвлений. А за ними ещё и ещё. Сотни и тысячи. Все как один. Сначала пытаюсь считать повороты, но потом понимаю, насколько это бесполезное занятие. Я никогда отсюда не выберусь. Стены вокруг меня сонно шевелятся. Они живые. В одних тоннелях из стен тянутся ко мне руки, пытаясь схватить и подтащить поближе, чтобы… В других я вижу лица, застывшие в страшных гримасах. Глаза навыкате, напряжённые скулы, оскаленные зубы. Каждая морда зовёт к себе.

— Остановись. Сдайся! Зачем тебе это? Иди к нам-м-м…

Одни тихо шепчут, другие срываются на высокий, противный визг. Они хотят чтобы я навсегда остался здесь. Они вожделеют новой крови. Они жаждут новых страданий. Лица искажаются, окончательно теряя человеческие черты. Это уже не люди. Это жуткие нелюди. Монстры, чудовища, демоны — этих слов ничтожно мало, чтобы описать их. Я всё так же бреду по тёмным тоннелям, из последних сил пытаясь бороться с жутким, нечеловеческим страхом, клином вставшем в охрипшем горле. И тут происходит самое страшное. Я чувствую, как из воды карабкаются вверх по моим ногам маленькие создания. Их движения напоминают движения сороконожек. Тысячи и тысячи сороконожек. Я чувствую, дно буквально кишит ими. Я иду, невольно наступая на них. Но не могу раздавить ни одну тварь. Каждая, извиваясь с жутким шипением, выскальзывает из под моих ботинок и проворно ползёт вверх, перебирая сотнями острых ножек. С моих губ срывается истошный вопль. Получив полный контроль над телом, инстинкт самосохранения, подгоняемый паническим страхом, несёт меня вперёд. Я поскальзываюсь и падаю в воду, и сотни жутких кровожадных тварей поднимаются по моим рукам. Это трудно передать

словами. Я готов. Я почти готов сдаться. Я готов заплатить любую цену, только бы это поскорей закончилось. Только бы поскорей закончилось… Но что-то внутри ещё борется. И я поднимаюсь, пытаясь стряхнуть их с себя, и несусь вперёд, и гулкое эхо шлепков по воде разлетается во все стороны по мрачным коридорам. Я бегу. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Где-то далеко впереди маячит пучок яркого света. Это придаёт мне новых сил и я несусь навстречу спасительному сиянию. Руки вырываются из стен, срывая с меня клочья одежды и куски кожи. Цепкими когтями вырывают из меня целые пучки судорожно пульсирующих окровавленных мышц. Но я не чувствую боли. Я движим одной целью — освободиться. И под демонический визг тысяч голосов обитателей стен я покидаю лабиринт.

Пол под ногами исчезает и, окутанный со всех сторон нестерпимым сиянием, я стремительно падаю вниз. Вниз.

Надо мной, на низкой высоте, быстро пробегают тяжёлые свинцовые тучи. Дождя нет, но трава под рукой мокрая. Там, в вышине, тучи закручиваются по спирали и уходят куда-то вверх, где громыхают сильнейшие электрические разряды. Где-то в глубине шторма раздаётся отдалённый взрыв и из самого центра воронки падает на землю луч солнца. Всё тело отзывается тупой болью на попытку пошевелиться. Непроизвольно с моих губ срывается тихий протяжный стон. А вместе с ним постепенно возвращается память о недавних событиях. Но как я оказался здесь? Последние события после взлёта — как смазанное чернильное пятно в памяти. Может, я уже мёртв?

Я пытаюсь пошевелить руками. Вроде, всё цело. Не без труда переворачиваюсь на живот, а затем поднимаюсь на колени. Меня окружают невысокие холмы, покрытые бурой пожухлой травой. Со всех сторон к низине подступает лес, за которым ничего не видно. Где я? Выворачиваю наружу свои карманы. Пусто. Ничего нет, кроме старого компаса. Что ж, и это уже неплохо. За деревьями на юго-востоке виднеются серые развалины каких-то строений. Двинусь туда. Нужно только добраться… Наверное, сейчас наша команда далеко отсюда. Каждый шаг отзывается острой болью в правой ноге. Наверное, им всё-таки удалось выжить. Каждый вдох как будто в горло заливают расплавленный свинец. Ужасно хочется пить. Да и в желудке с утра маковой росинки не было. Сколько сейчас времени? Наверное, ближе к вечеру. Поднимаюсь на вершину невысокого холма. И тут моему взору открывается нечто. От меня до леса тянутся такие же унылые холмы. Небольшое озеро в низине. Отсюда видно, что вода в озере неестественно бурая, а на поверхности плавают большие пузыри. А от меня и до самого водоёма тянется полоса

разрытой и выжженной земли. Вокруг нерукотворной траншеи беспорядочно раскиданы чёрные ошмётки какой-то массы. А в самом конце, в нескольких метрах от воды — неестественно искорёженный, выгоревший дотла остов боевого вертолёта. Смолисто-чёрный едкий дым поднимается от изломанного и изодранного в клочья скелета вертолёта и медленно растворяется на полпути к низкому, безлико-серому небу…

Подобно тяжёлому лому, в пределы мозга врубается осознание факта. Что бы с нами не произошло, никто кроме меня не пережил этого.

Я совсем один. Никто не знает где я. Никто не придёт на помощь. На меня обрушивается волна чёрного пессимизма. Остаётся лишь слабая надежда, что границу мы пересекли. Что мы УСПЕЛИ выбраться из Зоны. Но, где бы я ни находился, сейчас лучше не сидеть на месте. Лучше идти. Куда подальше отсюда. К тем зданиям, что виднеются за лесом.

Пытался идти быстро, насколько это возможно. Боль потихоньку унималась, но очень хотелось есть и пить. Несмотря на жажду, решил держаться подальше от озера. Через полчаса вошёл под тенистый полог леса. Над моей головой навис плотный ковёр тяжёлых листьев, через который с трудом пробивался серый день. Расцарапывая руки о мокрый колючий кустарник, я пробирался к заветным зданиям. Правда, отсюда их не было видно, и я как мог, пытался не сбиться с заданного направления. Несколько раз падал. Сильно расшиб и без того битую коленку и получил множество синяков и царапин. Промок и продрог насквозь.

Несмотря на трагичность и опасность всей ситуации, во мне твёрдо засел другой человек. Этот некто с самого начала направлял мои действия в нужное русло и, крепкой рукой держа подлый страх за горло, не давал расплескаться переполненному ведру эмоций. Однако я понимал — стоит немного ослабить хватку, и панический ужас полностью подчинит себе моё сознание. Вокруг тишина. Ни единого дуновения ветерка. Ни единого шелеста листьев. Не знаю точно, сколько я так брёл, наверное, около часа. И тут я услышал отдалённый вой. Долгий, печальный вой. Кто бы это ни был, он находился достаточно далеко, но было в этом грустном звуке нечто такое, что заставляло инстинктивно искать глазами потенциальное укрытие. Протяжный и печальный вой. Я остановился и прислушался. Затем двинулся вперёд ускоренными темпами, раздвигая руками непокорный кустарник, который, как казалось, всеми силами пытался оставить меня в этом мрачном лесу навеки. Несколько минут тишины, и вой повторился. Я невольно вздрогнул и

прибавил темп. Что это? Волк? А чёрт его знает… Хотя, может, он самый и есть. В случае чего можно попытаться залезть на дерево. Впереди что-то мелькнуло. Кажется, просвет между деревьями. Через несколько минут убедился в своей правоте — за дальними деревьями отчётливо виднелся кусок вечереющего неба и, кажется, какие-то строения. Слава Богу, достаточно близко. И этот волк, кажется, угомонился. В «подтверждение» моих слов, через мгновение вой повторился. На этот раз гораздо ближе. А ещё через секунду я подвернул ногу и рухнул на землю. Заставив себя подняться, рванул вперед, что было сил. Правая нога отзывалась болью в районе щиколотки, но остановиться я не мог. А не так далеко сзади кто-то уже проламывался через кустарник. Страх заставил меня бежать быстрее. И тут я вырвался из мрачных объятий леса. В паре сотен метров впереди, за ржавым забором из металлической сетки, высились несколько бетонных строений.

— Помогите!

Я не сразу понял, что это был мой собственный крик.

— Помогите!!

До комплекса осталось не меньше сотни метров, а я чувствовал, как силы быстро покидают моё тело. А за спиной слышалось чьё-то хриплое дыхание.

— Мать вашу, кто-нибудь, сюда все, УБИВАЮТ!!!

Мне было уже всё равно, что кричать. Это был последний вопль отчаяния. Этот ужас стал невыносим. Сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из горла. Ноги подкашивались. В глазах рябило. Впереди я уловил какое-то движение.

— Ложись!

Не знаю, мне ли кричали. Я без сил шлёпнулся лицом в мокрую траву. А затем последовало несколько выстрелов. Злобный рык. Где-то совсем рядом от меня зарылась в землю пуля. Что-то тяжёлое глухо шлёпнулось на землю. Чей-то голос.

— Ф-у-у, здоровый, падла! Ни разу таких не видел.

На секунду всё смолкло, а затем я услышал торопливые шаги. Они приближались.

— Ты как, парень, живой?

Чьи-то цепкие руки перевернули меня на спину.

— Ёперный театр, дружище, ты откуда, с луны свалился? Ни комбеза, ни защиты, ни хрена вообще нет! Эй, ребят, пойдите, посмотрите кто тут у нас!

Надо мной, на фоне алого закатного неба, склонились несколько. А может это не небо красное, а кровь, залившая глаза?

— Во блин камикадзе!

— Никак бандюки обворовали!

— Ты как сюда попал, боец?

— Пить… — всё, что я смог выдавить из себя охрипшим голосом.

Кто-то помог мне подняться. Меня тошнило. В глазах всё плыло. В горло как будто насыпали битого стекла. Очень скоро мы оказались в каком-то помещении. В самом центре горел костёр. В воздухе плясали искорки, а на стенах дрожали причудливые тени. Над огнём висел походный котелок, от которого по всему пространству разносился приятный запах горячей пищи. Только сейчас я понял, как же я проголодался. Матрас, на который меня уложили, был тонкий и испускал неприятный запах. Но сейчас он мне казался райским ложем. Кто-то протянул фляжку с водой. Напившись и наевшись вдоволь, я расслабился и только тогда позволил себе осмотреться. Всего моих спасителей было пятеро. Все были достаточно молоды, старшему я бы дал не больше тридцати. Именно он застрелил хищника.

— Меня Фёдор зовут, можно просто Федя. Кликухи пока нет, не заслужил ещё. Мы все здесь недавно. Но держимся вместе. А иначе никак, в Зоне сгинуть ничего не стоит. А вообще, повезло тебе, парень, что ты на нас вышел, а не на кого-нибудь другого. Ублюдков нынче развелось… Вот, два дня минуло, как от одних чертей отбивались. Еле отбились. А теперь ты рассказывай. Уж очень мне и ребятам интересно знать, как ты в таком виде тут оказался.

Я начал свой рассказ. Меня слушали внимательно, только изредка перебивая, чтобы переспросить. Когда я закончил, лица парней выглядели несколько удивлёнными.

— Вот так новость! С неба, говоришь, упал? Ну, думаю, стоит это отметить!

На импровизированном столе появилась бутылка водки, стаканы, палка колбасы и даже маленький кусочек сыра — судя по всему, местная роскошь. Никогда в жизни не пил, но в этот раз решил не отказываться. И через несколько секунд в моём горле заполыхало. Жидкое пламя медленно перетекало вниз, в желудок. Поблагодарив ребят, лёг на матрас. По всему телу разливалось приятное тепло. Сон сморил моментально.

Я проснулся среди ночи, по крайней мере вокруг было темно. В нашем помещении, представлявшем собой бывший гараж, тихо тлел костёр. Спали все, кроме Фёдора. Тот сидел, оперевшись спиной на стену. В руках держал двустволку.

— Что, не спится? Привыкай, такое на первых порах почти с каждым Зоне. То бессонница мучает, а то и средь бела дня в обморок грохнешься. А бывает, кажется, что за тобой кто-то

следит, а то и за спиной крадётся. Обернёшься — никого. А в таких вот заброшенных комплексах боковым зрением иногда силуэты несуществующих людей ощущаешь. Знающие люди говорят — подглючивает. Привыкай.

— Да как-то не очень тянет привыкать. Мне бы выбраться отсюда.

— Оно понятно. А сам то как на том вертолёте оказался? На военного ты, гляжу, не очень-то похож.

— Журналист я. Думал статью о Зоне написать. Вот и увязался с ними. Хотел глянуть, что там, за кордоном.

Федор усмехнулся.

— Вот и посмотрел. Что тебе сказать? Дурак ты, парень. Сюда с такими амбициями не суются нормальные люди. Сюда идут психи конченные вроде нас, либо твари оскотинившиеся вроде тех, что мы два дня назад в землю-матушку укатали. Тебе-то ещё повезло. А так, в лучшем случае — сразу в цинковый гроб, а в худшем, ещё помучаешься перед смертью. Ты стрелять-то хоть умеешь?

— Да нет, вроде…

Мои слова совсем развеселили сталкера.

— Не, ну я не могу! Расскажу ведь кому-нибудь, на смех поднимут. Ладно, вот тебе игрушка, сталкер-убегалкер — Фёдор веселился от души, протягивая мне пистолет, — Держи, говорю! Мало ли что, мож эта штука тебе жизнь спасёт. Пистолет Макарова, модернизированный. Смотри, значит, цепляешь здесь, достаёшь обойму. Назад вставляется просто. Тянешь затвор до щелчка, отпускаешь — пистолет заряжен. Вот это — предохранитель. Оружие с него не снимать, пока стрелять не вздумаешь. На-ка, попробуй повторить. Хорошо, держи всегда с собой, даже если спать ложишься. ОСОБЕННО если спать ложишься! Это понятно? Завтра пойдёшь с нами. Мы всё равно к границе собирались, там цены на хабар выше. А оттуда уже до внешнего периметра рукой подать.

— Спасибо. За всё.

— Да брось. Рано ещё благодарить. Днём предстоит тяжёлый переход, спать будет некогда. Так что высыпайся, пока время есть. Я вот сейчас тоже на покой пойду.

Фёдор достал из-за пазухи увесистый болт, поподкидывал на ладони, и, недолго думая, запустил одного из спящих товарищей. Сталкер моментально поднял голову, схватился за оружие, испуганно озираясь. Недовольный и в то же время вопросительный взгляд остановился на Фёдоре. А тот, казалось, веселился от души.

— Ой, прости, Молодой! Мне почудилось, что ты —

аномалия! Вэйк-ап, твоя очередь караулить.

* * *

Казалось, я проспал всего несколько минут. Меня разбудили шум и крики. Когда открыл глаза, костёр был потушен, а на улице стояла темень.

— У них там Лысый! Если на подмогу не пойти, ему совсем трындец придёт!

— Если пойдёшь, тебе тоже придёт! — Фёдор повернулся ко мне, — Паря, подымайся, вояки атакуют!

Фёдор с товарищем сидел возле стены около открытых дверей гаража, ещё двое — с другой стороны. На улице было пасмурно. Я отчётливо слышал рокот вертолёта. Где-то неподалёку слышалась стрельба. Чуть издали на неё отвечали сразу несколько автоматных очередей.

— Тишина. Лысого, кажись, убили. Мать их, суки зелёные!

— А чего они стреляют? — я не понимал происходящего.

— А того, мля, что пострелять им, наверно, захотелось! Суки! Козлы! Уроды!

Фёдор на секунду выглянул из гаража.

— Плохо дело. Идут туда, откуда Лысый стрелял. А значит, скоро и нас накроют. Уходить надо, парни.

— Фёдор, они Лысого кокнули. Ты вот так просто возьмёшь и уйдёшь? Где твоя гордость, Федя?

— Какая на хрен гордость?! О чём ты говоришь? Они нас положат, как и Лысого! Где тогда будет твоя гордость, Чумазый? В гробу цинковом, вот где! Идём, пока не поздно! Ни одна гордость не выше жизни.

— Для меня принцип — главнее. Я остаюсь, Федя. Ты иди.

— И я тоже. — сидевший рядом с Чумазым подал голос.

— Да чтоб вас всех… Нет смысла в вашей смерти, ребята! Нет и никогда не будет! Лысый поплатился за свою горячность. Он сам знал куда идёт! Ты же помнишь, у него личные счёты с вояками.

— Значит, и у меня теперь с ними личные счёты. Ты знаешь, он мне как брат был. Ты иди, выводи отсюда Молодого и этого вэдэвэшника поневоле. Они без тебя в Зоне совсем сгинут. Им эта мясорубка ни к чему.

— Парни…

— Иди, я сказал! А мы ещё, может, отстреляемся. Положим парочку ихних, они хвост и подожмут, все ж, суки, ссыклявые, как один. Авось ещё свидимся.

Фёдор стоял. На лице выражалась внутренняя борьба. Он мог

остаться, и вместе с собой, возможно, загубить две лишних жизни. Либо он мог оставить товарищей, но увести отсюда двоих — меня и Молодого. О его жизни речь не шла, сейчас на его плечи давила тройная ответственность.

— Ладно, Чумазый, прав ты. Ни к чему парням всё это. Эх, ребята…

— Ты брось эту фигню сентиментальную! Иди, давай! Стой! Возьми мой жетон. Так, на всякий…

Фёдор смерил Чумазого многозначительным взглядом, но жетон принял. Мы втроём бросились к задней стене гаража. Деревянная прогнившая дверь вывела нас в коридор, ведущий на восток. Слева и справа тянулись ряды дверных проёмов, за которыми открывались серые однообразные помещения, некоторые из которых тускло освещались проёмами окон. Во всех комнатах царила полная разруха — мебель и прочая утварь были в большинстве своём поломаны и беспорядочно разбросаны по полу.

За спиной зазвучали выстрелы. Там шла битва. Нет, бойня. Казнь. Мне до сих пор с трудом верилось, что это делают люди, с которыми я мог видеться до прихода в Зону и, более того — неплохо общаться. Каждый из них готов был нашпиговать меня свинцом только потому, что я не был одет в камуфляж. Анатолий был прав. Здесь другой мир и другие правила. Фёдор бормотал себе под нос что-то неразборчивое. Вдруг он резко остановился возле проёма слева. Затем, по одному, мы медленно вышли во внутренний дворик, над которым склонились два этажа здания. Фёдор упёр приклад в плечо.

— Какая-то херня здесь творится. Нутром чую…

Начинало светать. Тем временем где-то далеко в небе полыхнул синий разряд, а на бетонную плитку упали первые тяжёлые капли — предвестники зарождающегося шторма. Фёдор начал карабкаться по пожарной лестнице, как бы ненарочно оказавшейся именно здесь. Затем полез я. Это давалось не без усилий — металлическая сварная конструкция, изрядно тронутая ржавчиной, успела намокнуть. Я смотрел прямо перед собой, на унылую кирпичную стену. При любой попытке поднять голову глаза заливало водой. Фёдор, до этого державший на прицеле выход во внутренний дворик, помог мне подняться на крышу. И не зря — сорваться вниз ничего не стоило.

— Давай, Молодой, поднимайся!

Младший неуверенно полез вверх. А вместе с тем я увидел странное преломление воздуха на бетонной площадке внизу. Непонятное явление напоминало раскалённый воздух над костром. Сначала думал, показалось. Но нет, оно двигалось. Тут

оно оторвалось от земли и я на секунду увидел жуткое существо. Оно схватило Молодого за ноги и потащило вниз.

— Мать твою, это ещё что за чёрт? Молодой, поднимайся, я тебя прикрою, — Фёдор выстрелил по дворику несколько раз, но существа и след простыл.

Оно просто растворилось в воздухе… Молодой с трудом поднялся на ноги. Кажется, у него были переломы. Я увидел это нечто в потоке грянувшего ливня. Оно было абсолютно невидимо, но капли воды не могли просочиться сквозь тело и оставались на поверхности кожи. По строению оно напоминало человека, но было в нём что-то дикое. Я бы даже сказал, первобытное. Меня сковал ужас. Я не знал что делать. Фёдор что-то кричал, но я не слышал, что именно. Всё моё внимание было приковано к происходящему внизу. Это было ужасно, но отвести взгляд, не смотреть было выше моих сил. Молодой поднялся на ноги и сделал несколько выстрелов в пустоту. Ни один не попал в цель, а оно как будто играло с ним. Не как ребёнок с любимой игрушкой. Как кошка с мышью, перед тем как съесть. Как ненормальная девочка, отрывающая кукле голову. Оно на миг возникло из пелены дождя перед самым носом Молодого, нанесло удар, а затем опять скрылось. Сталкер опустошил обойму, стреляя куда попало. А когда начал перезаряжать пистолет, оно материализовалось за его спиной. Никогда до этого я не видел смерть. Молодой умер быстро.

— М-мать твою… — только и смог вымолвить Фёдор дрожащим голосом.

Он сделал ещё несколько выстрелов, но тремор в руках сыграл свою роль — Монстр благополучно скрылся в тёмном дверном проёме, утащив за собой бездыханное тело. При любых других условиях, в нормальной жизни, я бы изрядно струхнул, и, быть может, грохнулся бы в обморок. Но сейчас и здесь происходило совсем другое. Все мои чувства и эмоции как будто разом атрофировались.

— Что? Что оно с ним сделает? Зачем он ему нужен?! — я услышал свой охрипший голос.

Небо ответило мне оглушающим раскатом грома. Я был полностью деморализован. Не знаю, был ли Фёдор в шоке, но способности принимать решения он не утратил. В этот раз его голос звучал достаточно твёрдо.

— Пошли. Надо убираться отсюда, пока не поздно.

Вокруг меня разверзся апокалипсис. Он везде — в каждой молекуле воздуха, в каждой частице бетона под ногами. В каждой капле воды, что срывается с небес и насмерть разбивается о бесплодную землю. В небе над базой, уперев вниз холодный луч

прожектора, рокочет гигантская птица смерти. А по земле рыщут волки, вооружённые до зубов — пытаются напасть на наш след. Меня накрывает волна чёрного пессимизма. И пусть. Только в таком состоянии возможно ощутить, всей душой осознать, прочувствовать Зону. Не зону отчуждения при ЧАЭС, нет. Зону кромешного ада. Отсюда, с этой точки континента Евразия, начинает рушиться мир. Трещит по швам, лопается, рассыпается в осколки. Добро пожаловать. Здесь больше нет жизни. Здесь больше нет мира, любви и спокойствия. Здесь начинается наш общий конец. Хаос в процессе. Здесь жизнь бьётся в агонии. Здесь ломаются моральные устои нормального общества. Здесь всем нам не по-детски рвёт башню. У нас больше нет ничего. Только алчность, жажда жить. На этой мёртвой территории человек человеку волк и собака. Мы все — сраные вояки падшего мира, каждый из которых за бронекостюмом и суровым выражением лица скрывает желание видеть чистое небо над головой. Я говорю «мы» потому что теперь я уже часть этой системы. Системы, запрограммированной на самоуничтожение. И неважно, хочу я быть её частью, или нет. Ничего уже не важно. Я, как и всё здесь, тону в гигантском чёрном водовороте. Жутко хочется глотнуть свежего воздуха.

А между тем, местное мёртвое небо поливало стонущую израненную землю галлонами влаги. А мы галопом неслись по бетонным крышам заброшенных серых строений. Мы — две голодные крысы, спешно покидающие тонущее судно. Сегодня погода на нашей стороне. И чем больше тошнит небеса, тем больше у нас шансов выжить. Свети здесь солнце, мы бы уже лежали, забрызгав крышу кровью под аккомпанирующий рокот крупнокалиберного авиационного пулемёта. Но не сегодня. Сегодня гигантская стрекоза смерти, рассерженно жужжа, носилась кругами над базой, не видя пищи. А пища вовремя укрывалась за выступавшими то здесь, то там вентиляционными трубами, пригибалась, пряталась.

Фёдор поскользнулся на мокром бетоне и шлёпнулся на спину.

— Всё, не могу больше… — закрыл лицо руками, — Они все мертвы. Все.

Никто не застрахован от тяжёлых эмоций. И никто не скажет наверняка, под силу ли ему будет их преодолеть, когда наступит время. Я не могу сказать, что Фёдор производил впечатление слабого человека. Не могу даже сейчас, видя, как его ломает. Я протянул ему руку.

— Поднимайся. Нам надо уходить.

Он не ответил. Кто был я в данной ситуации? Ведомый. Не

знающий что делать. Не знающий куда идти. Ни черта не знающий. Я просто покорно следовал за своим проводником, во всём доверившись ему. Моя жизнь была полностью в его власти. Он мог бы нас отсюда вывести. Но сейчас его ломало. Не знаю, как давно он здесь. Не знаю, сколько ужасов ему пришлось повидать. Но, наблюдая его сейчас, полагаю, немало. Всё что он знал и видел, старательно пряча в глубинах души, откладывалось, и вот сейчас нашло выход на поверхность. Он стоял над пропастью. Он готов был сдаться и упасть вниз. Упасть вниз и потянуть меня за собой.

— Фёдор, поднимайся. Нам надо идти, Фёдор.

Сейчас всё зависит от меня. Если сдамся я, мы оба сорвёмся вниз.

— Поднимайся Фёдор! Нас вот-вот найдут.

— Иди без меня, парень. Я устал. Я не хочу всего этого. Не хочу. Иди. Дай мне спокойно тут сдохнуть. Молодой… Он даже…

Надо что-то делать. Сейчас ему нужна хорошая встряска. И тут я понял, что надо делать. Я склонился над Фёдором, приподнял за грудки и заорал прямо в лицо.

— Поднимай жопу, сука!

Затем с размаху двинул в челюсть. Не могу сказать, что у меня сильный удар, но и тот возымел своё действие. Фёдор подскочил на ноги, буквально испепеляя меня ненавидящим взглядом. Кулаки были сжаты.

— Ах ты…

Но тут его лицо расплылось в ухмылке.

— Ах ты чёртов сукин сын!

И расхохотался, подняв голову к зловещему небу. Небеса ответили ему тяжёлым раскатом грома и паутиной ярких вспышек где-то над западным лесом. Теперь он выглядел родившимся заново.

— Ладно, паря, рвём когти. Глядишь, ещё выберемся живыми.

Шлёпнувшись с лестницы в мокрую вонючую грязь у восточной стены здания, засеменил за Фёдором, превозмогая боль во всём теле. Потрескавшаяся асфальтированная дорога, окаймлённая битым бордюром, полоска земли, заросшей непонятной травой, и мы у сетчатого забора, по верху которого извивались лохмотья колючей проволоки. Сначала хотел свернуть и поискать лазейку в металлической сетке, или подкоп. Но, видя, как проворно преодолевает этот отрезок пути мой спутник, я полез за ним. Несмотря на изодранную в клочья одежду, несмотря на глубокие царапины на руках и ногах, на рваные раны на лице, защищая глаза, я упорно прорывался сквозь проволоку. Я хотел жить.

Дорогу нам преградил тёмный занавес леса. Жутко не хотелось снова туда соваться. Но, мнимая опасность куда приятней реальной, сидящей сейчас на хвосте. Эх, была — не была… Мы вступили под мрачный полог. Раннее утро ещё было в своих правах, шёл дождь, над лесом стояли туманные сумерки. А под его естественным занавесом вообще было ни черта не видно. Фёдор преднамеренно не стал включать фонарь. Мои раны кровоточили, синяки и ссадины занудно свербили. Адреналин постепенно растворялся в крови. Несмотря на полноценный сон, я чувствовал себя абсолютно выжатым. Мы брели долго, может, час или два — я совсем потерял счёт времени. Ноги переставали слушаться, а мы всё шли и шли. Наконец силы окончательно оставили моё истерзанное тело и я рухнул на ковёр мокрых листьев. Фёдор присел рядом.

— Ничего, братишка, такое бывает. Ты уже немало повидал, но должен признать, держишься молодцом. Отдохни. Сейчас мы ушли достаточно далеко, чтобы они нас нашли. Да они в лес-то хрен когда сунутся, ссыклявые все, как один. Только и могут, гниды, что на вертушках кататься и беспределить, суки позорные… — последние слова были исполнены шипящей неистовой злобы.

Мой взгляд, попривыкший к темени, выхватил руки Фёдора, закрывшие лицо. Мой спутник замолчал. Временами я воздух сотрясали тяжёлые мужские всхлипывания. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мой проводник подал голос. Голос был твёрд. От недавних страданий не осталось и следа.

— Сейчас около семи утра. Через час-полтора совсем рассветёт. По моим подсчётам, к тому времени мы выйдем к «железке». Относительно спокойный участок. По «железке» километров пять на юг — там будет станция и при ней деревенька. За деревней поворачиваем опять на восток, проходим лесок небольшой, а за ним… Лафа, короче. Солнышко светит, птички поют, собачки по полям да по лугам носятся, гадят от радости, новички в песочницах играются, а вокруг ходят гопнички и люлей всем по очереди прописывают. Красота… Если последних вниманием обделить, то вполне мирный район — хоть разденься и загорай. А там у любого встречного спросишь где кордон, он тебе с радостью укажет, откуда полчаса назад сам вышел. Аномальная активность отсюда и до самой границы — минимальна. И в этом часть нашего везения, которого не так много. Ты мотай на ус, пока я рассказываю. Постигай географию. Случиться может всякое, но одно я тебе могу обещать — вытащу я тебя отсюда живым и здоровым. И гореть мне на АЭС, если не вытащу! Четверых я уже потерял. Один из них на моей совести.

Молодой меня теперь до конца дней моих терзать будет. Но тебя я Зоне не отдам. Любой ценой, хоть ценой своей жизни, но вытащу!

Мне было его жалко. В плотных сумерках леса лица было не разобрать, но по голосу всё было понятно. Тяжёлые страдания кипели внутри него. Разрывая его своими чёрными лапами, пытались вырваться наружу. Хоть и незаслуженно, но в смерти своих товарищей он винил себя.

— Ты мне как брат теперь. Последний, кто у меня остался на этой чёртовой земле, будь она трижды проклята!

Сталкер совладал со своими эмоциями и не дал им снова вырваться наружу. Он лишил себя этого права. С этого момента, кроме ответственности за мою шкуру, он водрузил на свои плечи ответственность за своих падших товарищей. И если выйдет отсюда со мной, тогда и они успокоятся — наверное, так он считал. Хотя, быть может я и ошибался. Но Фёдор был полон решимости.

Над лесом полыхало электрическое зарево. Ручейки небесной влаги быстро сбегали с листа на лист, и опадали к нашим ногам. Шли минуты. Мы продвигались на восток. Вокруг стояла тишина, если не считать неистовой бури где-то там, над кронами. Казалось, Фёдор ориентируется на нюх, вовремя перепрыгивая коряги, скрытые в плотном сумраке тёмной синевой бурных трав и кустарника, и своевременно предупреждая меня о кочках и ямах. Чувствую, если б не мой опытный проводник, я давно переломал бы здесь ноги. Вдруг я налетел на выставленную передо мной в упреждающем жесте руку. Мой спутник стоял, вглядываясь сквозь листву. Не знаю, что он там разглядел, я видел только тёмные стволы деревьев в радиусе нескольких метров. Подождав какое-то время, мы двинулись дальше. Несколько минут — и только тогда я стал замечать лёгкие просветы между деревьями. Спустя ещё какое-то время мы оказались на краю поляны.

Я прислонился к стволу дерева и сел, переводя дух, пока мой соратник прочёсывал взглядом местность. Его рука прорвалась сквозь клубящиеся тёмно-синим дымом стенки лёгкой дрёмы и ухватила меня за плечо.

— Время идти, сталкер.

Мы двинулись к центру поляны, где над землёй чуть приподнималась какая-то чёрная масса. Пара сотен осторожных, медленных шагов, и я смог разглядеть вросшую в почву примерно в середине поляны землянку. До мрачного сооружения оставались считанные метры, когда из-под земли показалась седая голова. Это был сутулый, худощавый старик. Поверх голого торса была

накинута телогрейка, почему-то без одного рукава. Голову, за исключением обширной лысины на макушке, обрамляли жидкие свалявшиеся волосы, ниспадавшие почти до плеч. Сморщенное лицо было сплошь покрыто щетиной. Опираясь на грабли, старый улыбался во весь беззубый рот.

— Ёкарный бабай, да неужель-то на меня счастье такое-то свалилося! Это ж надо же, внучки мои приехали в деревню, дедушку своего навестить! Ий-эх…, - дед попытался что-то сплясать, чуть не рухнул, вовремя опёршись на грабли. — Это ж сколько лет, сколько зим, да. Я думал, забыли совсем внучки мои дедушку своего! Я ждал, ждал долго, и тут — раз тебе! Приехали, радость-то какая! Ну, подите ко мне, родненькие, идите, дедушка вас обнимет, поцалует…

Я был в шоке. Фёдор, так тот вообще чуть не рухнул где стоял. А старик, несомненно, был искренне рад, по сморщенному лицу бежали слёзы радости. Старый, прихрамывая, приближался к нам.

— Ах вы мои сорванцы маленькие, что ж вы про дедушку своего совсем позабыли-то, эх! Совсем не та молодёжь пошла, что раньше! Раньше-то дети, да внуки, не забывали своих стариков вот так вот! Раньше всегда часто в гости приезжали навестить, да повидать, да разузнать что да как, не то, что сейчас, да. Ну, идите к дедушке, обнимите, а то у дедушки ноги совсем больные стали, не ходють совсем.

Фёдор выглядел несколько растерянным, но я примерно понимал, о чём он сейчас думает. Мы изрядно потрёпаны, не помешало бы отдохнуть и поесть. А здесь — тихое, укромное место, возможно, единственное на десятки километров вокруг. Если риск и есть, то он минимален. Надо же… Я, кажется, начинал мыслить по-зоновски. Это несколько приподняло настроение. Удивительно, насколько быстро чернобыльская чума проникает в человека, растворяется в крови, проникает в мозг… А Фёдор, Фёдорыч, похоже, серьёзно вознамерился разыграть из себя любимого внучка.

— Ай-ай-ай, дедуля, сколько лет, сколько зим! Не забыли мы тебя дедушка, дела у нас были важные, вот и не приезжали как долго. Иди, хоть обнимемся! — Сталкер двинулся навстречу новоиспечённому деду.

— Неужель соскучились?

— Конечно, соскучились, дед, что за вопрос!

— Неужель дела были, засранцы вы маленькие?

— Конечно дедуль, ей-богу дела! Хабар-то нонче искать не то, что раньше… — Я включился в тёплый семейный разговор.

— И много так дел у вас было? Неужель не могли хоть на

денёк к дедушке приехать?

— Не, дед, никак не могли! До хрена дел было, выше крыши! Вот! — Весёлым тоном отвечал «внучок» Федя.

Старик, вставший перед нами, резко изменился в лице. Холодный взгляд ударил в глаза Фёдору.

— Врёшь ты всё, щенок.

Фёдор тяжело рухнул на спину в паре метров от места, где стоял. Грабли — опора, третья нога деда — в мгновение ока стали оружием. Я действовал автоматически, забыв про ствол, кинулся врукопашную. Я занёс руку. И только тогда осознал, что из себя представляет этот хрупкий на вид старикан. Казалось, на секунду замерли все процессы в организме. Это крепчайшая рука двинула меня в солнечное сплетение. Проделав в воздухе кульбит, я грохнулся на травяной покров, не спасший меня от удара. Перед глазами и в голове поплыло, причём, кажется, в разные стороны. Боли я пока не чувствовал. В глазах кровь. На лице кровь. Во рту, кажется, тоже. Опёршись на дрожащие руки, попытался оторвать лицо от забрызганной чёрным травы. Грозная тень нависала надо мной.

— Ах вы, сукины дети, совсем забыли деда своего, щенки поганые! Я вам покажу, как старших не уважать, вы у меня узнаете, как обижать деда своего!

Я хотел что-нибудь ответить, возразить. Но язык — оружие, которым я владел профессионально — совершенно не слушался. Глаза залило водой. На фоне полыхающего предрассветного неба возвышалась размытая чёрная фигура. Схватив за рубашку, одна рука приподняла меня от земли. Через секунду вторая обрушила обратно, впечатавшись в щёку. Мир вокруг рассыпался на куски, глаз потерял фокус. Удар был не в полную силу. Он не хотел добивать меня быстро. Он хотел, чтобы я чувствовал боль.

Где-то за границами моего поля зрения полыхнуло пламя. Перед глазами немного прояснилось. Старик ковылял в сторону Фёдора. Сквозь звон в ушах пробивался отборный мат. Второй выстрел, почти в упор, доделал начатое. Сталкер целился в голову.

— Пидор старый… — Фёдор склонился над телом старика, переводя дух.

Опасность миновала. Мышцы задрожали и расслабились. Моё сознание уносилось летать по самым дальним и тёмным закоулкам мозга. Я весь окунулся в свой внутренний мир — мир неярких картин, нечётких образов и размытых лиц. Всё это носилось вокруг меня кругами-хороводами, причём, одни плясали в одну, а другие — в другую сторону. В тот самый момент, когда казалось, что вот-вот стошнит, оцепление разбежалось во все

стороны, незримый пол под ногами исчез, а я опять рухнул на мокрую траву под ледяной ливень.

— Не спать, боец! У нас тут гость посерьёзней, — мой спутник усиленно тряс меня за плечо.

— А? Что?… — Такое ощущение, будто дрых без задних ног.

— Т-с-с-с! Гляди, там, откуда мы пришли, на самом краю поляны. — Фёдор понизил голос до минимума, я с трудом разбирал слова. Сталкер опустился рядом со мной на траву, перезаряжая двустволку. Я стал всматриваться туда, куда было указано.

— Никого не вижу.

— Смотри внимательней. Пару метров влево во-о-он от того куста…

Я продолжил наблюдение. Лёгкое преломление воздуха могло и померещиться в потоке дождя. Однако нет, оно двигалось. Медленно-медленно, крадущимися движениями. У меня внутри похолодело.

— Да, та самая тварь, которая утащила Молодого. Видимо, шёл по следу. Нюхастая, падла. Беги, сталкер.

— Не понял…

— Беги, говорю. А мы пока поговорим… — в голосе сталкера проскользнули зловещие нотки.

— Фёдор, я тебя не оставлю!

— Сматывайся, пока возможность есть! Это крайне сильная тварь! Вдвоём мы её не одолеем в любом случае! Оно четверых положит, если надо. Беги, я её задержу!

— Фёдор…

— Делай, что говорят!!! Либо ты выберешься, либо оба здесь откопытимся!!!

Да. Здесь, как нигде, хочется жить. Именно здесь понимаешь, осознаёшь всей душой, полный смысл жизни. Не важно, кто ты есть, чем занимаешься. Кем бы ты ни был, бизнесменом, банковским служащим, продавцом, учителем, бездельником по жизни, или простым журналюгой, как я — здесь ты осознаёшь, что на самом деле значит та жизнь, которую ты так не любишь. Вся та скука, всё то однообразие, с которым ты так привык сталкиваться ежедневно — всё это кажется таким спокойным и сладостным! Ты понимаешь — это и есть жизнь! Пусть, ты бежал от неё, сломя голову. Всё познаётся в сравнении. Несколько часов пребывания здесь дали мне больше сотни причин оставаться в том мире, откуда я пришёл. Жить там, не знать всего этого сумрака, жить, не зная всего этого ужаса, жить, любить в полной мере, отдавать окружающим всё то хорошее, что во мне ещё осталось. Встречать новый день, каждое утро открывать глаза, и

окунаться, всем своим существом с головой погружаться, кидаться в новую жизнь! Жить, как никто другой, дышать всей этой рутиной! Моя прежняя будничная, счастливая — как я понял только теперь — жизнь, как я хочу снова ощутить тебя! Как я хочу вновь почувствовать дыхание свежего, пусть и изрядно разбавленного запахами промзоны, ветерка на своём лице ранним весенним утром! Как я хочу, выйдя из переполненного суетливыми людьми автобуса, пройдя эти пять свежих минут до редакции, вновь окунуться в душное пекло критических статей и замечаний, банальных обзоров светской жизни, криминальных новостей, россказней о личной жизни эстрадных кумиров, последних сводок о погоде, гороскопов, и подборки анекдотов на последней странице! Как я хочу сейчас не знать всего того, что творилось со мной последние несколько часов! Будь проклята эта сенсационная статья! Я хочу жить! Жить полноценно, не зная всего этого ужаса…

— Хорошо, Федь, я пошёл.

— Отползай медленно, но проворно. Эта тварь ориентируется на движение. Точней, она видит твою кровь. Ползи до границы леса и беги, насколько сил хватит. Помни, что я тебе рассказывал о местности. Прощай, сталкер. Чтоб ты знал, ты, парень, самый стойкий из всех в Зоне, с кем мне приходилось иметь дело. Беги, брат, и помни — твой потенциал есть твоя сила. Ты отличный сталкер, но твоё место не здесь. Стой! Держи эстафету. Так, на всякий, — Фёдор сунул мне два жетона. Чумазого и свой…

И я пополз. Сначала медленно, неуверенно. Потом, всё набирая темп, как заправский ползун. Тварь, кажется, не торопилась, обследуя местность. До восточного края поляны оставались считанные метры, когда раздался выстрел. Этот звук двустволки Фёдора врезался мне в память на всю жизнь. У человека были свои счёты с этим порождением чернобыльского проклятья, и не мне судить, насколько он был прав. Под выстрелы и мат сталкера, потерявшего друзей, под визг и рёв дикого зверя, я покинул злосчастную поляну навсегда. Не оглядываясь. Передо мной расстилался всё тот же мрачный лес. Разве что с тем отличием, что теперь было не так темно. То ли мои глаза привыкли к сумраку, то ли утро действительно вступало в свои права.

И вот я остался один. Несколько часов назад я бы ужаснулся при одной мысли о том, что мне предстоит проделывать весь этот путь в компании себя любимого. Но теперь… Поначалу было страшно. Хотя нет, нагло вру, страшно было всё время с тех пор, как я лишился опёки на этой проклятой земле.

Я видел, как входили в Зону новички. Я видел, сколько было

навешано на них оборудования. Кто был я по сравнению со всеми этими ребятами? Кто был я, без бронекостюма, без детектора аномалий, без карманного компьютера с установленным GPS-навигатором? Я — обыкновенный индивидуум, запутавшийся в своих мечах и грёзах. Беззащитный, в обычной рубашке и простых джинсах. Пистолет Макарова за поясом и дешёвый компас в кармане — вот всё моё обмундирование в этой смертельной схватке, приз в которой — моя жизнь. Пусть, скучная, беспросветная, однообразная, но всё же жизнь — такая, какой я страстно жаждал увидеть её снова.

За спиной постепенно стихали отзвуки выстрелов и рёва жуткого монстра из моих кошмарных снов. Сегодня Фёдор взял на себя ответственность встретиться лицом к лицу с мои кошмаром. А завтра? И вот, я оказался в своём самом мрачном сне. Только наяву. И я бежал. Со всех ног бежал от своего кошмара. Бежал навстречу рассвету, который, казалось, избавит меня от всего этого. Бежал, пока, споткнувшись, не рухнул, пропахав носом слой полусгнивших листьев, не так давно покрывших мрачный полог леса этой гиблой, холодной осенью.

Во все стороны поднимались стволы вековых деревьев. А лесу не было конца и края. Место недавних боевых событий осталось далеко позади. Внутренне оставалось ощущение, что кто-то страшный крадётся по пятам, вынюхивая каждый мой след на промокшей земле. Вот оно наклонилось и стало лакать мутную воду из самого глубокого следа. Не пей, Страшилище, человеком станешь… Тьфу ты! Воображение разыгралось. Я остался совсем один. Один-одинёшенек в этом мрачном лесу, посреди кишащего чертями ада. Как мог, пытался отбросить эту мысль, но та с неутомимым проворством вгрызалась в моё истерзанное сознание. Я совсем один. Надеяться остаётся только на себя. Никто не подскажет, никто не спасёт — громогласно раздавалось в одеревеневших стенах моего мозга. Маниакальное желание бежать, когда бежать некуда — первый синдром безысходности. Вот он, тот самый момент, когда начинают рушиться, в прах осыпаться наивные стереотипы общемира. Мира, в котором я жил до сих пор. Мира, законы которого ни хрена, ни чёрта ломаного не стоят на этой помирающей земле…

Где-то впереди между деревьев я увидел нечто. Когда подошёл поближе, сумел разглядеть странные преломления воздуха. С десяток мощных хвойных дерев, расположившись кругом, были закручены в некое подобие одной огромной спирали. Земля между ними была обуглена. Пространство между стволов окутывали фиолетовые электроразряды, возникавшие, казалось, из ниоткуда. Аномалия. Обыкновенная зоновская

аномалия, я определил её сразу, и у меня хватило ума не соваться между деревьями во власть не поддающегося обыкновенной научной логике поля. Иллюминация цветов завораживала, заставляла подойти поближе, но из разных источников я знал — это смертельно опасно. На границе переливающегося всеми цветами радуги поля подпрыгивал, извергая во все стороны красные молнии странный предмет, отдалённо напоминавший шар. Описать его быстро не представляется возможным, настолько разным был этот предмет. Сначала я подумал, что передо мной по лесу скачет окровавленное сердце. Буквально через секунду он стал прозрачным и плавно почернел. Ни дать, ни взять, живая тень! Так на протяжении нескольких минут этот самородок играл у меня на глазах, перемещаясь между двумя сущностями, а иногда и объединяя их. Так я впервые в жизни познакомился с артефактом — аномальным образованием зоны, за который местные торговцы были готовы отвалить неплохую сумму. Его сияние было нестерпимо, но я протянул руку. И здесь я впервые, полноценно, почувствовал себя сталкером — «контактирующим с неизведанным», зоновским искателем приключений, бродягой без легенды и имени, отдавшим часть себя этой истории без конца и начала. Кончики пальцев слегка покалывало электричество, и когда моя рука обхватила странный предмет, сияние изрядно поутухло, как бы почуяв хозяина. Субстанция стала гораздо более стабильной, предмет перестал подпрыгивать и вообще прекратил любые физические действия. Недолго думая, я сунул непонятное образование в карман джинсов, где предмет совсем успокоился и, казалось, нашёл своё место.

На какие-то мгновения во мне опять проснулся азарт. Я представил, как несу это нечто в редакцию, и какой переполох оно производит в печатной (и не только) индустрии! Фотографии артефакта в журналах и газетах, видеосъемки, и везде он — на фоне своего хозяина, то есть меня. Эх!

Наваждение испарилось так же быстро, как и появилось. В любой другой момент я бы погрезил ещё немного, но сейчас я был просто физически не способен на это. Только теперь, когда прямая опасность миновала, я, наконец, обратил внимание на себя. Вернее, на то, во что я превратился за последние несколько часов. Одежда была изодрана и насквозь пропитана грязью вперемешку с кровью. Руки были изрезаны и покрыты запёкшейся коркой. Лицо я увидеть не мог, но, судя по ощущениям, я больше сейчас смахивал на обитателя местной фауны, чем на цивилизованного человека, тем более культурной профессии. Тут ныло, там болело — всё тело стонало от последствий внешних

воздействий. Я был голоден как собака. Хотелось рухнуть на траву и уснуть, забыть всё это. Только сейчас, оглядываясь назад во времени, начал осознавать, через что мне пришлось пройти.

Все мы чего-то боимся. Но, когда мы идём прямо на свой страх, делая усилие над собой, когда идём по нему, втаптывая в грязь, мы как бы перерождаемся. И именно в такие моменты мы особенно ярко ощущаем, что живём. Не проживаем, не доживаем, а живём, являя собой, пусть и на мгновение, пульсирующий сгусток энергии. В этот мрачный, пожалуй, самый мрачный момент моей жизни, я, наконец, ощутил, что живу. Я даже готов был увидеть синеватые и золотистые электроразряды, пронизывающие меня со всех сторон. Я хотел убраться отсюда. Несмотря на жуткую усталость, я хотел действовать. И пусть, если это ни к чему уже не приведёт…

Час. Ещё час в обычной жизни я был в больших ладах со временем. Я никогда никуда не опаздывал, я даже мог угадывать время с точностью до нескольких минут. Но сейчас и здесь всё это не работало. Такое ощущение, что даже время здесь искажается и течёт не так, как в большом мире. Я не знал, сколько я шёл. Я не имел ни малейшего понятия, сколько продолжалось моё путешествие по лесу. Дождь прекратился. И уже, кажется, совсем рассвело, когда я стал различать просветы между деревьями. Спустя несколько минут я оказался на восточной окраине леса. Вдохнув с некоторым облегчением, я оглядел низменность, представшую передо мной в лучах утреннего солнца, показавшегося в просвете между тяжёлых туч. Несколько сотен метров болотистой местности, железнодорожная насыпь, а сразу за ней — шпиль церкви над железнодорожной станцией. Компас я потерял по дороге, поэтому возможности ориентироваться по сторонам света не было. Но, видимо, в своём бегстве я сильно забрал к югу, вследствие чего вышел прямо к деревне, о которой упоминал Фёдор. Если отталкиваться от его рассказа, сразу за населённым некогда пунктом начиналась безопасная предграничная территория. Тогда я на верном пути. Надо идти прямо через посёлок. Смысла обходить населённый пункт нет. В деревне можно было найти помощь, а от неё я бы сейчас не отказался.

В болотистой местности нашёл какие-то коренья и ягоды. На вкус погань, но голод немного утолил. Недалеко от границы Зоны растительность и земля, вроде, не слишком радиоактивны. Рельсы железной дороги проржавели насквозь. Ни на станции, ни в посёлке при ней никакой жизни не угадывалось. Я выпустил рубашку наружу, скрыв за ней пистолет, заткнутый за пояс. Пора идти.

Через несколько минут взобрался на железнодорожную насыпь. ЖД-станция, церковь, несколько двухэтажек барачного типа и пара десятков коттеджей — вот весь посёлок, уютно расположившийся у моих ног. С минуту вглядывался в пустые провалы выбитых окон — кажется, никого…

Войдя в полуразрушенный зал ожидания, предварительно осмотрелся. Казалось, на секунду мир вокруг ожил, зашевелился, наполнился десятками суетливых, спешащих по своим делам образов. Через огромные окна, выходящие на открытый перрон, пробивалось весеннее солнце, подсвечивая своими радостными лучами миллиарды частиц пыли, плавающей в прохладном утреннем воздухе, ещё изрядно отдающем ночной свежестью. Почудился даже голос диктора в динамиках, объявляющий о приходе пригородной электрички, идущей в сторону города Припять — такое ощущение, что я на несколько мгновений с головой окунулся в эпоху беззаботного 86-го, где не было ни коммерции, ни капитализма, ни частной собственности. Из динамиков доносились пропагандистские речи, вселяющие надежду в солнечное, безмятежное будущее. Будущее, которое мы, верилось, построим, несмотря на разлагающее воздействие Запада, давно катящегося в пропасть. Зазвучали песни про войну, про общее равенство, и в каждой из них ощущалась неподдельная искренность, вера в то, что эта эпоха настанет, через десять, двадцать, сто лет, — но настанет, заставит затхлый Запад биться в конвульсиях, ежесекундно убеждаться в собственной несостоятельности. На несколько секунд пахнуло образами детства — песочница, солнечные блики на столе, и последовавшая вслед за этим перестройка — нечто непонятное неокрепшему детскому рассудку, нечто необъяснимое, но, тем не менее, важное, перебросившее наивное сознание сразу в эру компьютеров, дорогих иномарок и расцвета всемирной глобальной сети. В эти короткие минуты я совершенно искренне грезил о тех солнечных днях своего детства, какими бы сумрачными они ни показались сейчас. На несколько секунд я был абсолютно счастлив.

И тут меня как бы перенесло во времени — Я оказался в абсолютно чистом, убранном зале ожидания, который наводнили толпы разных, и в то же время абсолютно одинаковых людей — все в серых пальто, некоторые с авоськами. Люди спешат по своим делам, часть торопится успеть на поезд. Среди них был один, серьёзно выбивавшийся из общей массы своим внешним видом и нагловатой походкой. Он был спортивного телосложения, одет в кожаную куртку, поверх которой болтался капюшон мастерки. Недолго думая, субъект, совсем не

соответствующий моим коммунистическим идеалам, двинулся в мою сторону. Хотелось крикнуть: «Позор, товарищи!». Вместо этого я получил хороший удар в челюсть, после чего сразу рухнул на пол, мгновенно переместившись во времени на двадцать пять лет вперёд.

— Оба-на, ребя, вы гляньте, кого я тут раздобыл!

Солнце моментально перестало светить в окна, внешний мир потускнел и наполнился тысячами мелких деталей — грязью на полу, осколками плитки, битыми стёклами. В общем полноценный «welcome to the real world». Из прохода в юго-восточном углу зала ожидания вышли ещё двое.

— Васян, ну ты даёшь, в натуре! Это ж наш журналюга недоделанный! Вот мы с тобой, козлина, и встретились! Где теперь твой фраернутый защитник, а? — главный коротко хохотнул. — Не, ну ни фига тебя местные уделали!

Я без труда по одному голосу узнал этих ребят из цеха при воинской части. Тогда меня спас сталкер по имени Бес, а теперь? Кажется, я совсем один… «Вы чё, шакалы, совсем охренели? В прошлый раз мало огребли?»… Несколько ударов сердца поверх гулкой тишины… «Буду ждать с нетерпением. Вздумаешь сейчас стрельнуть в спину, готовь задницу. Вояки в части реагируют быстро»… И поверх всего остального слова учёного Анатолия: «Там вообще нет людей. Одни животные. Пусть и внешне людей напоминают…».

Меня довольно грубо подняли на ноги и повели по извилистым коридорам. В одной из небольших комнат усадили к стене на пол. Через маленькое окошко под потолком пробивался мутный свет. Судя по трём импровизированным лежанкам, дотлевающему костру, нескольким початым бутылкам и пустым банкам тушёнки, здесь находилась их блатхата.

— Ладно, чё с этим делать будем?

— А чо с ним делать? Мочить, да и всё, на, — Васян нацелил на меня ствол и резко поднял вытянутую руку, изобразив ну просто охренительную отдачу от выстрела, — Херракс! — обсмотревшийся наших криминальных сериалов молодой годовалый бычок сейчас ощущал себя как минимум терминатором. И тут мне подумалось, что полный дурак гораздо опасней умного противника…

— Поживёт пока. Попозже решим что с ним делать, — мозг главного находился в стадии активного почечного развития, в то время как у двоих других в головах ещё только происходило оплодотворение. Впрочем, активное оплодотворение — это, пожалуй, единственное, о чём все трое могли полноценно думать.

— Ну, падла, нам бы щас твоего кореша усатого сюда. Хотя,

на первое время и ты сойдёшь. Ха!

В голове у меня созрел план. Недолго думая, я сунул руку в карман. Через секунду помещение засияло переливами красного.

— Ух, да ты погляди на это! — Главный принял у меня из рук артефакт. — Ни разу такого не видел! Дорогущий, наверное! Живём, братухи! Первый лох, открывай счёт! Так, что там ещё у тебя? Всё выкладывай, а то з-завалю, н-на!

Ну что ж, может это и сыграет мне на руку. Артефакт я сам отдал, а эти кретины от радости, видимо, забыли меня тщательно обыскать. Да и мой внешний вид с лёгкостью подкупал любую осторожность. Игра пошла…

— Ничего у меня нет, только вот это, — Я протянул главному два жетона из кармана рубашки.

— Это у тебя откуда?

— Трофеи с трупов! Завалил парочку с особым садизмом…

Главный посмотрел на меня с удивлением.

— Да ты, я погляжу, фраер, в натуре… Что ещё есть?

— Ничего больше нету! Оружие, броню, аппаратуру и деньги ваши подельники на границе леса отобрали!

— Это где это?

— Да вон, за насыпью сразу! — я кивнул головой куда-то через левое плечо, — Буквально двадцать минут назад.

— Оба-на! А что за люди?

— Не знаю я. Главного, кажется, Палёным звали.

— Не, ну ни хрена себе! Ребя, Палёный в наших краях объявился! — либо это было совпадение, либо я начинал читать мысли, — Так, Чёрный, быстро на крышу, высматривай, есть ли кто на окраине. Если что, кричи, пусть сюда чешут.

Чёрный оперативно скрылся из виду. Я был несколько удивлён поворотом событий. Хотя, в любом случае, надо использовать это себе в пользу.

— Васян, ты посторожи этого придурка, а я пока пойду, присяду за углом, — главный удалился в один из коридоров.

Вот мы и остались одни. Полноценный расклад в мою пользу. И самое жуткое было то, что пора было действовать… Васян неспешно прохаживался по помещению, совершенно уверенный в моей абсолютной безобидности и не ожидающий с моей стороны ни малейших проявлений агрессии. Стереотипы работали на меня… или это я сам потихоньку становился монстром? Улучив момент, пока тот отвернётся, трясущимися руками я достал из-за пояса пистолет и нацелил ублюдку в затылок.

Бандюга рухнул, где стоял. Выстрел был точным.

— Васян, какого хрена, чё за пальба, мля?! — главный появился в проходе спустя несколько секунд. В это время я уже

стоял на ногах. Думать о мире и всеобщем братстве было поздно. Ошарашенный взгляд, упёртый в дуло пистолета, я запомнил надолго. Выстрел. Ещё выстрел. Ещё и ещё, пока обойма не закончилась. Может быть, следовало оставить патронов на третьего, но в тот момент я действовал в полушоковом состоянии. Руки тряслись. Я убивал впервые в жизни. Он опускался, медленно размазывая спиной кровь по стене. Где-то в соседних помещениях послышались крики Чёрного. Пока ублюдок не понял, что происходит, я кинулся в бегство. Коридоры, комнаты, коридоры, комнаты, казалось, им не было конца и края. Где-то там раздавались возгласы — уголовник нашёл своих товарищей мёртвыми.

За спиной гулким эхом раздавался отборный мат. И это только придавало мне сил. Если панический страх можно назвать силой. Я бежал по комнатам отдыха, служебным помещениям, полутёмным коридорам, пока не оказался в недостроенной части станции. Тяжёлый молот адреналина бил по наковальне моего перегруженного мозга, грозя расколоть остатки рассудка. Я бежал. Я страстно желал жить, находясь посреди своего персонального ада.

Что есть страх? Возбуждение нейронов, двигатель жизни и прогресса. Что есть смерть? Вечный покой, остановка развития и любого движения. Моя смерть предстала в виде кирпичной стены в конце комнаты. Единственный выход остался у меня за спиной. Бежать было некуда. Маленькое окошко под самым потолком не сулило спасения — настолько мало оно было. Внутри всё похолодело. Страх сжал внутренности изо всей силы, с трудом позволяя кислороду пробиваться в раскалённые лёгкие. Бежать было некуда. Некуда, некуда, некуда! Спустя мгновение мой преследователь со «стволом» в руке показался в дверном проёме. Зачем я потратил все патроны на главного? Зачем?! Зачем я попёрся на эту станцию, когда её можно было обойти десятой дорогой?! Зачем я вообще приехал в эту страну и попёрся в Зону? Зачем?! Какого хрена?!!

— Они мертвы, сука, все мертвы!.. — я видел его лицо с дико вытаращенными глазами.

— Они мертвы, ты, гнида, убил…, - он до сих пор не мог поверить в то, что произошло. Слабый человек, живущий по уставу муравейника, моментально теряется, лишившись своих членистоногих братьев и твёрдой руки у себя на шкварнике. Термит медленно приближался.

— Ты их замочил, ты убил их, сука…, - он был в не меньшем шоке, чем я. Я опёрся ладонью о кирпичную стену в конце комнаты, с трудом переводя дыхание.

— Убил, убил, убил, с-сучара! — он приближался ко мне. Приближался медленными шагами. Под действием мощнейшего стресса, многократного стимулирующего работу моего мозга, я без особого труда читал раскрытую книгу его незамысловатых мыслей. Единственной отдушиной для него сейчас было осознание того, что мне страшно. Осознание того, что я дико мучаюсь перед смертью. Убить меня сразу означало в момент вернуть все эти страдания по усопшим товарищам. И лишь моё мучение могло хоть частично избавить его от душевных терзаний. Месть. Страшная, жестокая, кровавая месть. Я понял это почти сразу, хотя он действовал подсознательно, всё приближаясь и приближаясь. Его голос понизился до едкого шёпота. Он видел мой страх и это частично подлечивало его душу. Хотя, это, по большей степени, был его собственный страх, отразившийся от меня. Он боялся куда больше моего.

— А сейчас ты сам сдохнешь, падла…, - кирпич под моей рукой слегка двинулся. «Бык» приблизился вплотную, дрожащей рукой приставив пистолет к моему глазу.

— Ты будешь подыхать медленно. Ты будешь умирать, моля о пощаде. Ты будешь захлёбываться своей кровью…, - он всё шептал и шептал. Его рот извергал проклятья, а его пистолет всё сильнее давил на мой глаз. Рука всё сильней сжимала кирпич. Слишком много слов. Слишком поздно, дорогой друг, чтобы что-то изменить… Ты исчерпал свой лимит. Добро пожаловать в твой персональный ад…

Взмах судорожно сжатой руки. Капли крови, забрызгавшие стену. Окровавленный кирпич у меня в руке. Обмякшее тело, на моих глазах падающее на пол. Выстрел из пистолета куда-то в потолок… Он был жив ещё несколько секунд, судорожно глотая воздух и пытаясь что-то говорить, открывал и закрывал рот, пока остатки его мозга в проломленной черепной коробке ещё отдавали приказы организму, обречённо дёргая за ниточки нервов по всему телу. Я стоял, как окаменевший, глядя на смерть. Когда страх слегка отпустил, все внутренности сжало от осознания чудовищного факта. Я убил. Я только что стал виновником смерти троих человек. Сделав несколько тяжёлых шагов, я опустился на колени. Если бы на данный момент в моём желудке что-то было, я бы вырвал. Желудок спазматически сжимался. Несколько минут мне потребовалось, чтобы прийти в себя. Будь у меня возможность, я бы помог умирающему, каким бы подонком он ни был. Но, всё уже случилось. Дороги назад нет.

3. Дорога, которой нет

Мрачные коридоры на задворках заброшенной станции. Каждый кирпичик — спазм сосудов, удар крови в мозг. Всё вокруг пульсирует — медленно, медленно сжимается, а потом резко возвращается на своё место. Стены плывут перед глазами. На каждый удар пульса свет в окнах меркнет, а потом всё по-новой — сжатие, разжатие, тьма, свет. И тут всё окружающее вместе со мной проваливается в кошмар наяву. Сжатие, разжатие, тьма… Свет гаснет и больше не появляется. По полу течёт вода, едва доставая до щиколоток. Порой где-то в отдалённых коридорах раздаются приглушённые голоса или осторожные шлепки по воде. Стой, хватит! Я всё ещё на станции. В коридорах полно окон, снаружи светло. Всё, что происходит — происходит у меня в голове. Хватит! Ничего этого здесь нет! Остатки разума пытаются достучаться до каменеющего, агонизирующего мозга. Сжатие, разжатие. Чей-то приглушённый смех за спиной. Нервно оборачиваюсь, чуть не рухнув. Никого… Выпусти моё сознание, выпусти… Сжатие, разжатие. Чувствую как из носа бежит тёплая струйка крови. Сжатие, разжатие. Кровь капает с потолка. Пожалуйста, отпусти… Кровавые ручейки вырываются из щелей в потолке по бокам коридора и сбегают по стенам. Сжатие, разжатие… Жернов мозга перетирает здравые зёрна мыслей в кровавое месиво. А коридорам нет конца и края… Выпусти… Мой мозг не выдержит всего этого… Сжатие, разжатие. Я иду по колено в крови. Тёплая жидкость выпускает наружу сотни больших пузырей, каждый из которых лопается с противным хлюпаньем, разбрызгивая красное по мне и по стенам. Выпусти, хватит! По голове как будто бьёт молот. В потолке открываются сотни глаз — все внимательно пялятся на меня. От дикого зрелища к горлу подкатывает сгусток желудочного сока. Сжатие, разжатие. Всё, хватит, выпусти меня отсюда к чёртовой матери!! Я не могу больше это выносить!!! В диком припадке рву волосы на голове, пальцами расцарапываю лицо. Мне уже всё равно. Сдвиг пошёл. Что-то под водой хватает меня за щиколотку. Я с силой вырываю ногу и бегу по коридору. Из воды поднимаются руки. Некоторые хватают меня за одежду. Я вырываюсь, луплю по ним руками и ногами, если не помогает, хватаю зубами. Бесконтрольный механизм-убийца в действии. Я уже не мыслю, что делаю. Я с боем прорываюсь по кровавым коридорам. Не зная, зачем. Сжатие, разжатие. Поворот, ещё поворот, развилка, поворот. Наверное, так не страшно умирать. Не так страшно, как если бы стоял и ждал. В одном из дверных проёмов у меня на миг вырывает землю из-под ног и я всей рожей впечатываюсь в цементный пол.

Перезагрузка сознания… Сжатие, разжатие. Нет, среда

стабильна. Отрываю лицо от пола, оставляя на нём отпечатки крови. Казалось, я действовал машинально. Я знал, что мне нужно. Оно было в кармане одного из остывающих трупов, слегка подпрыгивая и извергая красноватые разряды, как бы звало меня к себе. Прекрасные переливы цвета, вспышки внутри и извержение молний наружу — всё это так завораживало, что я на мгновение забыл, где нахожусь. На доли момента боль по всему телу и душевные терзания улеглись, оставив место приятному расслаблению и самой малости позитивных мыслей. Ты дашь мне то, за чем я шёл сюда. Хотя нет, не только ты… Я принялся шарить по карманам трупа, залитым кровью. Через несколько секунд выудил пару жетонов. Андрей Елисеев, 18.09.84, РУ-044-254-М6, 3+; Фёдор Громов, 25.11.81, РБ-282-106-М, 2+… Сердце облилось кровью. Господи, неужели… Люди, люди шли и погибали рядом со мной. Люди, живые люди, ничем не обделённые, боролись, отдавали свои жизни только ради призрачной надежды, что я когда-нибудь выберусь отсюда. Не из уверенности, не из осознанности. Только из надежды. Из слабой надежды. К горлу подкатил ком. На глаза навернулись слёзы. За несколько часов моей жизни уже заплачено несколькими жизнями… По одной жизни на час. Только из малейшей надежды люди шли на смерть, на ту смерть, которая должна была стать моей! Люди, настоящие люди смотрели в лицо моим кошмарам. Смотрели, не моргая, не боясь, так как знали — делают это ради чьей-то жизни, пусть и недолгой, но ЖИЗНИ! Ребята, я не сдамся, ни за что не сдамся! Я буду идти и бороться до самого конца, каким бы печальным он ни оказался. Пусть и безысходно, но я оправдаю, я изо всех сил, которые покидают моё тело, буду стараться оправдать ваши жертвы. Я не сдамся, пока ещё бьётся в груди моё сердце. Я не сдамся.

«Знаю, в Зону рано или поздно сунешься. И мала вероятность того что ты оттуда вернёшься. Тебе бы ещё жить и жить. Спокойно и счастливо, без экстрима. Эх, все вы такие в молодости…» На миг перед глазами предстало печальное лицо учёного Анатолия. «Слетаешь — и домой, статью писать, понял? Не твоё это место, не твоё. Расскажи им там, на большой земле, про всё что здесь творится и живи долго и счастливо. А про Зону забудь». Теперь я понимаю тебя, дорогой друг. Теперь я понимаю. Слишком поздно, но понимаю… Все мы такие в молодости. «Это место сожрало немало близких мне людей. Запомни, ты летишь в ад. Ад и никак иначе. Без компромиссов. Твой вчерашний вопрос. Я здесь потому, что не хочу чтобы люди там гибли. Я буду счастлив, если вытяну из её лап хотя бы одного хорошего человека. Для меня это главное, а не открытия там всякие научные. Когда прилетел сюда

четыре года назад, я был совсем как ты. Никак не хочу, чтоб ты стал на меня похож. Не к лицу тебе это. Лети, сынок, с богом. А в случае чего, борись до последнего. Твоя жизнь в твоих руках. Помни…». Я помню. Помню, и всегда буду помнить. До последнего удара сердца. До последнего вдоха — буду помнить! «Взлёт разрешаем. Удачной дороги, ребята»…

Удачной дороги. В отличие от всяких празднеств в честь какого-нибудь дня рождения, здесь желали действительно нужные вещи. Тяжёлая боевая машина задрожала корпусом и оторвалась от земли, оставив на площадке под неистовым проливным дождём Анатолия, махавшего нам рукой. И тогда я понял, что дороги назад уже нет, я не смогу в случае чего сделать шаг в сторону. Не смогу отступить. Только движение вперед. Во что бы то ни стало. Только оторвавшись от земли, я начал во всей полноте ощущать всю серьёзность происходящего. Хотя, как понимаю сейчас, не до конца. Я начал понимать отношения людей на границе зоны. Это были братские отношения. И Зона расценивалась как горячая точка. Очень горячая. Я только начинал понимать, почему полковник так тепло поддерживал своих бойцов, почему Анатолий так не хотел пускать меня туда.

И вот я, забив на все предостережения и запреты, положив большой и жирный на все советы, оказался в своём персональном аду. Минули какие-то сутки — а я уже тяжело, неистово скучаю по той светлой и безмятежной жизни. Сутки — и я уже хочу вернуться назад, ко вчерашнему утру, когда ещё, будучи наивным журналистом, ошивался во внешнем периметре Зоны, мечтая прорваться внутрь. Видимо, это закон жизни. Мы слишком поздно осознаём всю серьёзность происходящего. Мы, молодые неопытные щенки, устремляющиеся в авантюрную неизвестность во имя неизвестности. Во имя смерти. Сейчас всё это кажется таким нелепым и детским. Нужно хоть раз окунутся в полный ад, чтоб начать ценить рай. Рай, в котором обитал до вчерашнего дня. Рай, который я не мог осознать и прочувствовать. Рай, который был потерян несколько часов назад…

Рай загнулся здесь двадцать пять лет назад.

С тех самых пор, и по сей день где-то там, за дальним краем земного горизонта тёмной громадой на фоне зловещего неба стоит цитадель хаоса. Обитель мрака, средоточие всех чёрных энергий планеты. Саркофаг мумифицированного, полупрогнившего счастья. Циничное надгробие нашего всеобщего смысла бытия. Посмертный памятник всем тем, кто пропал здесь и тем, кто ещё пропадёт. И страшно становится при одной только мысли о том, что основные рейтинги впереди, что адово порождение только открывает свой послужной список

безжалостных и бессмысленных смертей.

Здесь, в этой точке планеты, человек поимел сам себя. Накидал вокруг себя грабли и ходит по ним, весело пританцовывая. И даже наступив по несколько раз на все грабли, он всё равно стремится туда. Неужели путь к мраку — есть самоцель человеческой природы? Неужели нельзя просто идти к свету? Хотя что там — сам такой же… Ничем не лучше. Сам виртуозно, мастерски и с особым садизмом надругался над жизнью. Но, по крайней мере, из страха — орудия самосохранения — повернул назад. Может, всё не так плохо. Может, вовремя сделал правильный шаг и не случайно до сих пор остался жив. Может ещё не всё потеряно — вот она, самая оптимистичная мысль здесь! Наверное, максимальная роскошь которую могу себе позволить.

И тем не менее, они идут. Толпы зомбированных, тучи, стаи людей фанатично тянутся к центру Зоны — в самое пекло. Они все идут туда, и быть может только я один — бегу обратно.

Мы — долбаные эгоисты. Мы живём своей жизнью, не осознавая жизни как таковой. Мы как колония термитов. На автопилоте исполняем вложенную в нас программу, абсолютно забывая о самом смысле жизни. Мы гонимся за псевдоцелями, решаем псевдозадачи, абсолютно забывая, что есть основа всего — жизнь, как таковая. Мы дышим затхлым воздухом душных будней, ведём себя как стадо роботов, лишая ценности то единственное, ради чего стоит жить — Жизнь. Пульсирующая светом всевозможных энергий, бьющая ключом, неистовая, бешеная жизнь! Эти несколько человек научили меня простейшим истинам. Научили тому, о чём следовало бы задуматься каждому в нашем несовершенном мире. Я с трудом произношу «нашем», так как этот мир, скорее всего не станет уже моим никогда. Мы начисто забываем, что цель не есть суть. Главное — сам процесс! Здесь, на границе смерти, жизнь ощущается как нигде остро. Здесь ты осознаёшь смысл бытия, жалко лишь, что слишком поздно…

Я посмотрел на то, кем или чем я стал за последние несколько часов. Весь в рваных лохмотьях, в грязи и запёкшейся крови, сталкер — взаимодействующий с неизведанным. Без дома, без веры в будущее. Воин-одиночка, потерявший всё и всех, запутавшийся в своих фантазиях и грёзах. Вершитель своей судьбы, угодивший в ловушку своей человеческой природы. Боец, бог-громовержец и механизм смерти в одном флаконе. Мне страшно от одной мысли о том, как я ещё стою на ногах. Моё истерзанное тело давно бы перестало функционировать на большой земле, но здесь… Здесь все клетки моего организма

судорожно сжимаются, выталкивая из себя последнее, движимые одной только целью — жить!

Я выбросил свой пистолет, подняв с земли «Беретту» главного. Ту самую, которой он ещё вчера тыкал в Беса. Очень символично получается. Не грози бесу, отправишься в ад. Пошарив на его трупе, нашёл ещё пару обойм и нож с выдвижным лезвием.

Под невесёлый гимн безумия я покинул стоянку бандитов, не так давно пришедших в этот мир смерти и оставивших свои жизни здесь, в мрачных стенах железнодорожной станции, под бесконечно пасмурным небом Чернобыльской Зоны Отчуждения. Пройдя в уже знакомый зал ожидания, я направился к выходу в деревню. Через заросшие пылью кассы пригородных рейсов, через заваленные мусором коридоры я шёл к свободе. В сумерках дождливой осени я начал различать силуэты людей. Одинаковые серые плащи, одинаковые выражения лиц — всё вернулось к безмятежным дням моего детства. Толпы людей спешили, проходя мимо меня, боясь опоздать.

— «Вниманию пассажиров, пригородный электропоезд, следующий маршрутом… Убедительная просьба не оставлять свои вещи на местах, будьте внимательны…» — в моих ушах отдавало эхо мощных динамиков. Фигуры людей вокруг засуетились и прибавили темп. Кто-то задел меня плечом. На секунду остановился, пробормотав нечленораздельное извинение, а затем устремился навстречу заветной электричке. На какие-то минуты на стенах коридора заиграли блики весеннего солнца, пробуждая уснувшие страницы памяти о лёгких радостных днях, когда я был наедине с миром и свободой… Эх… Когда я радовался каждому глотку утреннего солнца, пробуждаясь, осознавал жизнь, не требуя от неё ничего запредельного.

Люди спешили, возможно, радуясь приходу нового дня. Искренне хотелось в это верить. Но во мне безостановочно росло и крепло тревожное чувство. Необъяснимое чувство чего-то неизбежного, чего-то, что вот-вот должно случиться… Люди спешили по своим делам, а я всё так же пробивался к деревне, пытаясь плыть против общего потока. Голос в динамиках, в который раз повторяющий оперативные данные о пригородных электропоездах, умолк на полуслове. Тревожное чувство нарастало. Кажется, никто не обратил внимания на внезапное исчезновение диктора из поля слуха. «Ну что они там копаются?» — бабушка с авоськой недовольно махнула рукой на распространитель звука. Все так же спешили кто куда. Но… что-то идёт не так. Что-то произошло. Что-то необъяснимое уже вступило в свои права и грозит с минуты на минуту вырваться

наружу. Люди всё так же спешили не опоздать на поезд. Кто-то торопился занять свободное место в зале ожидания, кто-то сверял время по часам, кто-то, завидев знакомых, торопился приветствовать тех, с кем своими незримыми нитями свяжет их жизнь на долгие годы. Эхом безысходности прозвучал говор в динамиках, громыхнувший после заминки в несколько секунд. Голос девушки заметно дрожал, выдавая волнение. «Товарищи пассажиры, внимание!» — пауза, заставившая некоторых остановится на месте и вслушаться в речь диктора. «Все рейсы временно отменены. Просьба сохранять спокойствие…» — Вот оно, началось. Апокалипсис вступал в свои права. Первые тревожные нотки пробежали в ропоте толпы. Кто-то ворчал, что не успевает на именины к родственникам в Припять, а кто-то замолк и ждал информации с динамиков. Шли минуты. Затихшая толпа начинала двигаться. Через секунды каждый вошёл в свой привычный график, как будто ничего не произошло. Кто-то спешил к информационному бюро в попытке выяснить, что же стряслось. Кто-то топтался на месте, решая, что делать дальше. Плановая работа провинциальной железнодорожной станции была нарушена. Привычный распорядок дал сбой, приведя к полному замешательству несколько десятков человек, каждого со своей персональной историей. Несколько десятков судеб сплелись в это весеннее утро в единый клубок, не желая распутываться. Я видел обычную жизнь здесь. Я видел обычных людей. Пусть, они несколько отличались от моей привычной современности, это были те же люди. Каждый со своими потребностями, делами, амбициями, каким бы это ни казалось зазорным в тот далёкий, безвозвратно ушедший, но всё же нередко вспоминаемый нами восемьдесят шестой год. Весной этого года Земля сошла с оси, хотя люди, находящиеся этим обычным безмятежным утром на этой провинциальной железнодорожной станции, не знали о случившемся. Жизнь текла своим чередом, хотя уже проявились первые серьёзные сбои в общей схеме.

Что-то незримое подорвало привычный ход событий, заставив десятки сознаний судорожно искать ответ на вопрос — что же произошло? Спустя несколько минут роковым ударом зазвучал взволнованный голос девушки в информационных динамиках по всей станции. Я никогда не слышал этого, но этот голос, ещё не осознавший всей серьёзности произошедшего, нестираемой печатью памяти разлетевшийся по умам десятков обывателей, я запомнил надолго — столько было в него вложено. Люди не понимали ещё что их ждёт, но вслушивались, вслушивались со всей внимательностью, пытаясь осознать суть происходящей, непривычной для них, но уже наступившей реальности. У меня на

глазах происходила смена эпох — от громогласной эры коммунизма, всеобщего равенства и солидарности — к эпохе террора, к жажде наживы и торжеству смерти. К началу нашего общего конца. К началу новой жизни, да такой жизни, при одном только упоминании которой у любого современного этой эре человека волосы встанут дыбом. Произошло непоправимое… Неоконченная фраза потонула в механическом вое тревоги. Вот оно. Спустя мгновение где-то в соседнем населённом пункте включилась ещё одна сирена. Потом ещё и ещё — совсем далеко. Вот оно. Голос в динамиках, диктующий инструкции слился с песней сирен и встревоженным гулом толпы, став одной композицией — гимном неизбежности. Под аккомпанемент демонического оркестра я вышел на улицу и начал карабкаться по пожарной лестнице на крышу. Наверху устремил свой взгляд на север. Небо там полыхало красным. Там, далеко, сейчас вершились наши судьбы. Сейчас мы в безопасности, но если мешкать, скоро накроет и нас. Всех до единого. Народ внизу шевелился всё быстрее. Скоро начнётся паника. На сельскую площадь перед зданием станции выруливал армейский грузовик с оперативно проинструктированным строевым составом местной войчасти. Какого им тут надо?

Солдаты врезались в толпу. Люди вели себя более-менее спокойно, но с моей точки обзора было видно — начиналась паника. Скоро, очень скоро, людская река выйдет из берегов, хаос охватит толпу. Сейчас они ещё не до конца осознали, что произошло. Сейчас они ещё осмысливают. Где-то там под Припятью люди уже ощущают на себе действие всепроникающей радиации — энергии, над которой человек в этом стратегическом квадрате потерял контроль. Сейчас люди в городе с недоумением смотрят на непонятное зарево, охватившее половину видимого неба над их головами. Сейчас даже там, в этом образце коммунистического устройства общества, горожане не до конца осмысливают, что произошло. Хотя, невидимая рука уже вершит человеческие судьбы. Где-то там, за горизонтом, первые жертвы уже падают на асфальт, агонизируя в конвульсиях. Где-то там рушится наше общее будущее, а я — песчинка в море общей паники, стою здесь, в километрах от очага поражения, на крыше провинциальной железнодорожной станции, и смотрю. Смотрю то на кроваво-красное зарево над горизонтом, то на хаос толпы в нескольких метрах внизу.

— Эй, ты, там! А ну спускайся вниз! — один из военных поднял-таки голову и увидел меня.

— Эвакуируй людей лучше, я о себе позабочусь!

— Спускайся, кому говорят! — Солдат положил правую руку

на кобуру. Хорошо. Намёк более чем понятен.

Начинаю свой путь вниз — по той же лестнице, которой поднялся. Я спрыгнул на землю и с головой окунулся во всеобщий хаос.

— Почему поезд не идёт?! У меня родственники в Припяти! Запустите эту чёртову электричку, — Человек устремился сквозь станцию на перрон. Двое солдат побежали за ним. С крыши я видел — поезд уже под охраной. Но мужчине, видимо, было всё равно.

— Что такое? Что за чертовщина творится?

— Господи боже, упаси… — Пожилая женщина в длинном чёрном одеянии начала истово креститься.

— Товарищи! Сохраняйте спокойствие! Ничего страшного не произошло! Пожалуйста, вернитесь домой и закройте окна! Это скорее всего ложная тревога! — Офицер тщетно пытался перекричать рёв толпы.

— Брат, помоги! — Ко мне подбежал невысокий мужичок, уставившись на меня обезумевшим взглядом.

— Чего тебе? — Я попытался высвободить руку от цепкой хватки.

— У меня жена. И дети. В посёлке под Лиманском. Пожалуйста, помоги!

— Что я могу сделать? Здесь у половины такая же проблема! Что ТЫ хочешь от меня?! — Я рывком освободился от «объятий» незнакомца.

— Видишь армейский грузовик? Давай угоним его, заберём моих и твоих родственников, и рванём подальше от этого места!

— Ты в своём уме?! Это самоубийство!

— Самоубийство оставаться здесь! Неужели ты не понимаешь?! Авария на Чернобыльской АЭС! Через несколько минут нас, возможно, накроет облако радиации, что ты тогда будешь делать?..

— Бежать, наверное…

— Ха! Бежать! Бежать быстрее ветра, который дует в нашу сторону? Неужели ты не смыслишь? МЫ ВСЕ СКОРО СДОХНЕМ! А если не сразу, то в страшных припадках!

— А почему ты подошёл именно ко мне? Почему бы тебе не попросить кого-нибудь другого?

— Один не справлюсь. «ЗИЛ» охраняется. А у тебя, вон, пушка торчит из штанов…

Я бросил мимолётный взгляд на себя. Чёрт, и правда! Рубашка закаталась, оголив рукоять пистолета. Хорошо хоть вояки не видели. Со стороны перрона раздались выстрелы. У меня внутри похолодело.

— Ну что, доволен? Видел этого отчаянного, который бежал на электричку? Проснись, дебил! Нас всех здесь постреляют, лишь бы паники не было! Ты со мной, или мне просить ещё кого-то?

— Ладно, пошли. Грузовик водить умеешь?

— Ты шутишь, блин?! Я двадцать лет их вожу.

— Хорошо, идём.

Толпа обступила армейский транспорт со всех сторон. Кто-то спешил домой к семьям, кто-то — убраться отсюда подальше. И только «ЗИЛ» стоял надводным камнем в людской реке. Водитель сидел в кабине, покуривая сигарету. Пока солдаты пытались угомонить толпу, двое офицеров стояли у грузовика. Неожиданно из толпы вынырнул человек, приставив пистолет к виску одного.

— Без лишних движений. Оружие на землю. Быстро! Ты тоже, — Второй офицер замер в нерешительности. Первый уронил табельный «Макаров» на землю.

Второй военный медлил.

— Я кому сказал, ствол на землю! Быстро, а то вышибу ему мозги!!! — я не узнал свой голос. Такое ощущение, что это вообще был не я.

Военный стоял всё так же, держась за кобуру. Лицо не выдавало ни малейшего испуга, в то время как его сослуживец дрожал от страха под дулом пистолета.

— Оружие на землю! Быстро!

Водитель, оглушённый тяжёлым предметом, выпал из кабины на бетонные плиты. Тут второй офицер отточенным движением вырвал пистолет из кожуха…

Выстрел. В плечо. Ещё выстрел. Солдат рухнул на землю, ухватившись за горло. Второй рванулся с места и исчез в толпе. Где-то сзади сквозь толпу к машине уже прорывались сразу несколько человек, вооружённых автоматами. Люди бежали. То ли напуганные стрельбой, то ли охваченные всеобщей паникой. Я боролся с чудовищным осознанием. Я только что застрелил ни в чём не повинного офицера Советской армии. Сейчас солдаты преодолеют последние метры и откроют по мне огонь на поражение.

— Давай, паря, запрыгивай! — Голос моего недавнего знакомого, сидящего за рулём армейской машины.

Я стоял, не в силах сделать движение. Грузовик взревел мощным мотором — дальнобойщик знал своё дело.

— Прыгай сюда, парень! Быстрей!

Всё тело сковал железный шок. Я был не в силах пошевелиться.

— Давай сюда! Поехали!!!

Журналист с пистолетом. Смешно подумать. Журналист-убийца. Журналист с единственным пистолетом против всей Советской армии! Превозмогая внутренний кризис, я сделал неуверенный шаг в сторону грузовика. Из толпы показался солдат с АК. Буквально через секунду — ещё один. Потом ещё двое. Время как будто застыло. Военные подняли стволы, нацелив на меня. Всё. Это конец. Выстрел. Ещё выстрел. Ещё два. Я видел пули, медленно движущиеся в пространстве в мою сторону. Первая, на подлёте ко мне исчезла. Вслед за ней последовали и остальные, растворившись в воздухе. Долю секунды спустя всеобщий фантом пропал. Небо моментально заволокло тяжёлыми тучами, площадь перед железнодорожной станцией мгновенно опустела. Только пожелтевшие листья падали на землю. Листья — предвестники зарождающейся осени. В паре метров от меня на бетонных плитах площади лежал скелет в полуистлевшей офицерской форме…

Нет! Это просто совпадение! Я просто наблюдал призраки прошлого, я не могу воздействовать на то что было! Я не могу быть причастным к тому, что случилось здесь двадцать пять лет назад! Я — человек двадцать первого века — никогда не был здесь до этого, никогда не стрелял, ни разу не убивал живого человека. За исключением тех трёх на станции… Я был лишь несмышлёным ребёнком в те годы, я даже не ходил ещё в школу! Даже про катастрофу на Чернобыльской атомной электростанции я узнал несколько лет спустя, в начальных классах школы!

Сознание потихоньку успокаивалось. Над головой пробегали свинцовые тучи. Пистолет, заткнутый за пояс, потихоньку остывал. Сердце постепенно восстанавливало привычный ритм. Это всё — только лишь совпадение. Все мои видения до сих пор — не больше, чем психотропное влияние Зоны.

Всё хорошо. Я усердно вбивал в мозг эту мысль. Всё хорошо. Всё будет хорошо. Я, как мог, пытался выбросить из головы события воображаемого 86-го. Только обмундированный скелет с дыркой в плече отбрасывал меня к тем событиям, участником которых я поневоле стал в своих видениях. Вот оно — истинное влияние Зоны. Именно такими трюками она разрушает наш мозг. Возможно, большинство здесь присутствующих даже не подозревают, что всё увиденное ими — лишь иллюзия, силой, а может и с их неосознанного согласия натянутая им на глаза. Что если все монстры и аномалии — лишь фантом? Что если люди, приходящие сюда, борются лишь со своим отражением в зеркале? Что если, наконец, каждый, приходящий сюда, всего лишь встречается со своими скрытыми кошмарами?

Что если самой Зоны на самом деле не существует? Что если

она — лишь порождение нашего воображения? Почему не может статься, что сталкер — лишь двинутый мозгом обыватель, пришедший сюда за своими грёзами?

Зоне не нужны журналисты. Зоне не нужны учёные и спасатели. Ей не требуются религиозные проповедники, спасающие наши души. Зоне нужны сталкеры — мясники, убийцы. Ей нужны палачи. Зона жаждет крови…

* * *

Серое небо проплывало над головой. Кроны тощих тополей уносились ввысь, сожалея, что не могут оторваться от земли и улететь… Улететь подальше отсюда. Сонный ветер лениво шелестел желтеющими листьями, на которых ещё тихо тлели частицы догорающего лета. Лето здесь — не то, к которому мы привыкли, но, может быть, хоть в это время года здесь бывает чуть радостней? Может быть, хоть коротким чернобыльским летом здесь, среди удушающей пустоты, ощущается хоть чуточку больше жизни? Пока я стоял, переводя дыхание, на бетонные плиты площади упали первые капли дождя. Где-то в небесной пучине тяжело громыхнуло. Бог-громовержец неистово бил в свой каменный бубен. Первые капли заставили истерзанное тело содрогнуться от маленьких иголочек холода. По всей коже — от головы и до пяток — пробежали мириады мурашек. Первый глоток свежести здесь. Я закатил голову к хмурящимся небесам. Первые нотки облегчения мягкой, тёплой и такой домашней рукой прошлись по почёрневши ранам на поверхности души. Капли падали на лицо, попадали в рот, заливали глаза. Стекали по щекам, смывая запёкшуюся кровь и корки налипшей грязи. Ветер усиливался, а я всё так же стоял посреди сельской площади. Маленький человек — песчинка в море — наедине со стихией. Вместе с холодными капельками, стекавшими по израненной коже, по лицу побежали первые тёплые потоки. Глаза жгло. Я не мог больше держать это в себе. Тяжёлый электрический разряд ударил в кроны леса за посёлком. За ним ещё и ещё — везде и всюду. Небо отдавало ярость земле. В лесу заполыхало дерево. В ответ на это в вышине загрохотало, да так, что закладывало уши. Ливень — чудовищный, всепроникающий, тяжёлый ливень — поглотил Зону. Ветер срывал листья с деревьев, ломал ветви, гнул кроны к земле. Глаза горели адским пламенем. Я упал на колени, склонив голову к земле. Слёзы текли, перемешиваясь с частицами небесной влаги, опадая на бетонные плиты. На какое-то время эмоции полностью завладели

моим сознанием. Казалось, я на время забылся. Восприятие внешнего мира полностью выключилось.

Когда поднял голову, дождь успокаивался. Ветер дул не так сильно, небо посветлело. В голове немного прояснилось. Я с большим облегчением оставил здесь часть того, что нёс со вчерашнего вечера. Я вернул Зоне часть долга. Теперь пора идти. Серые коттеджи с зияющими провалами окон, грядки, заросшие травой в рост человека, битые машины — всё, что я нашёл в посёлке. На секунду появилась мысль поискать что-нибудь съестного, которая тут же испарилась — выбитые двери, вывороченные наизнанку рамы окон, не вселяли надежды.

Но, повинуясь какому-то внутреннему порыву, я зашёл в один из пустующих домов. Спустя секунды понял — не зря. На дороге, идущей от восточного леса, показались двое. С виду — абсолютно мирные, но мне меньше всего хотелось сейчас выходить на контакт. «…Тот, кто здесь улыбается тебе в лицо, в Зоне выстрелит тебе в спину. По ту сторону кордона практически нет людей, живущих по совести. Там вообще нет людей. Одни животные. Пусть и внешне людей напоминают…» — Я всецело доверял заветам учёного Анатолия, ветерана зоны. Я не хотел сейчас давать о себе знать. Возможно, одиночеством я подписывал себе приговор. Но при обратном варианте риск был слишком велик. Мне с головой хватило одной встречи. Прислонившись к стене у окна, я затаил дыхание.

— Вот те на! Да ты посмотри — абсолютно мёртвый посёлок! Ни души…, - ребята были оснащены по полной — комбинезоны цвета оливы, автоматическое оружие, противогазы, болтающиеся сейчас на груди.

— Я же говорил тебе, рай, полный наживы! Вот подожди, ещё проникнем в глубокую Зону — там, говорят, вообще золотая жила, Клондайк! — По голосам, им было не больше двадцати.

— Как думаешь, сколько дадут за эту вещь? Может стоит вернуться и поторговаться как следует? — сталкеры явно нашли артефакт. Я мог бы сейчас выйти им навстречу, попросить помощи. Но, почему-то не хотелось. Чувствовалось, за этим юношеским азартом скрывается гораздо большее, чем могло показаться на первый взгляд. Ребята хотели наживы.

— А чёрт её… Ты посмотри, и ни одного сукина сына по дороге! Может, на станции кого найдём? — это подрастающие беспринципные грабители-мародёры.

— Т-с-с-с… Здесь определённо кто-то есть! Артефакты артефактами, а живой человек может нам предоставить гораздо большее… Артефакты-то не умеют сами себя собирать. — и заржал во весь голос.

— Вован, я понимаю, там, гопники, а с мирными-то что будем делать?

— Что-что… Валить их, и все дела! Здесь ни один закон не действителен! Делай что хочешь! Лишь бы живым остаться, — мне ничего не стоило открыть по ним огонь. Но одно останавливало меня. Я не хотел больше смерти. Каким бы ублюдком ни оказался человек, встретившийся на моём пути — я не хотел его отправлять на тот свет. Будь на то моя воля, я бы с радостью вернул с к жизни тех, у кого я эту жизнь отнял. И пусть бы они убивали, мародёрствовали, грабили — моя совесть была бы чиста.

— Ладно, пошли к станции. Чует моё нутро, кто-то там ошивается… — запоздало твоё нутро. Эх, ну ладно, что сделано, то сделано. Надо отталкиваться от того, что есть. Пора выбираться отсюда.

Прижавшись к стене у окна, я проводил сталкеров взглядом. Когда двое скрылись в руинах железнодорожной станции, спешно покинул коттедж и двинулся дальше на восток, по дороге, по которой они пришли сюда. Чувствовал — до внешнего мира оставалось рукой подать.

«По моим подсчётам, к тому времени мы выйдем к „железке“. Относительно спокойный участок. По „железке“ километров пять на юг — там будет станция и при ней деревенька. За деревней поворачиваем опять на восток, проходим лесок небольшой, а за ним… Лафа, короче. Солнышко светит, птички поют, собачки по полям да по лугам носятся, гадят от радости, новички в песочницах играются, а вокруг ходят гопнички и люлей всем по очереди прописывают. Красота… Если последних вниманием обделить, то вполне мирный район — хоть разденься и загорай. А там у любого встречного спросишь где кордон, он тебе с радостью укажет, откуда полчаса назад сам вышел. Ты мотай на ус, пока я рассказываю. Постигай географию…»

На ум пришли слова Фёдора. Спасибо, дорогой друг, и здесь помог. Значит, я совсем близко от периметра. Железную дорогу и деревню я прошёл, осталось пересечь лесополосу.

Длинная дорога через лес. Наподобие той, по которой ехал наш «Урал» позавчера. Только теперь всё изменилось. Я шёл один — без крепости на колёсах, оснащённой вооружёнными солдатами. Сейчас эта разница ощущалась очень остро. Мрачный лес обступал гравийную дорогу со всех сторон, только теперь я был один. Совсем один. А где-то глубоко в лесу раздавался протяжный, печальный вой. Такой же, который приветствовал мой приход во внешний периметр Зоны. С одной только разницей. Здесь не было пьяного «защитника отечества» и группы

его сослуживцев, вооружённых автоматическим оружием. Здесь не было пары германских туристов, отправившихся в Зону за дозой острых ощущений. Здесь, во владениях смерти, не было учёного Анатолия, готового поддержать и утешить в любой момент. Как мне не хватало их всех здесь! Как мне хотелось сейчас увидеть хоть кого-то из них, пусть и в своих грёзах! В своих идиотских, бессмысленных грёзах… Я помню, как встал наш грузовик с пробитой шиной посреди сумрачного леса. Я помню, как переполошились военные. А сейчас и здесь, я был совсем один. Тогда я не чувствовал этого, но сейчас ощущал во всей полноте. Страх.

Судорожным движением вырвав из-за ремня трофейный пистолет — рукоять в сжатой руке придавала немного уверенности — продолжал я свой жуткий путь через мрачный лес. Страшный путь, дорогу из ниоткуда. Дорогу из мира, которого больше нет.

Вой, исполненный безысходности, раздавался в лесу. Зверь, возможно, почувствовав опасность, не спешил показать своё лицо. А я в те минуты и вправду был крайне опасен — человек, потерявший надежду. Человек, почти поверивший в свою обречённость. Человек, начинающий убеждаться в бессмысленности своей жизни. С заряженным оружием наголо — я был страшен в тот момент. Я сам почти уподобился зверю — жестокому порождению Зоны. Прошедший почти все круги ада, закалённый в жестоких, кровопролитных боях, крещённый огнём — я готов был цепляться за жизнь из последних сил. Готов был врукопашную, без тени сомнения, идти на любую тварь, что покусится на мою жизнь и свободу. Я был отчаян. Отчаян до глубины души. До последних вздохов сердца. Я готов был зубами вгрызаться в плоть того, кто встанет на моём пути. Но не из отваги. Не из смелости. Из полупанического, животного страха, граничившего с безумием. Вой. Снова протяжный, деморализующий вой, наполненный такой печалью, что хотелось броситься на землю и зарыдать.

— Заткнись, сука! — теряя последние капли самообладания, я принялся палить во все стороны.

Лес вокруг притих. Казалось, он ощущал мой настрой. Ни одна сволочь не преградила мне дорогу. Не скажу точно, сколько я шёл. Дорогу мне преградил производственный комплекс, наподобие того, что я уже видел. Ворота были распахнуты настежь, приглашая, заманивая всех желающих испытать судьбу. Прямо посреди комплекса высился здоровенный цех, копия того, в котором приютился гражданский городок на границе. Дорога шла через него…

А погода опять портилась. На небо набежали такие тяжёлые тучи, что всё вокруг потемнело — тяжёлый, маслянисто-чёрный сумрак накатил из-за леса, заставил усомниться в том, что сейчас день. Мрачной громадой высился надо мной заброшенный цех. В зияющих провалах окон чернела непроглядная тьма. Вот где я в очередной раз не по-детски струхнул. Можно было попытаться обойти весь комплекс вдоль забора, но тогда бы мой путь пролегал по самой границе леса, во всеобщей темноте ставшего в десять раз более страшным. Можно обойти цех через комплекс…

В затылок как будто стукнул маленький, но сильный молоточек. Я обернулся. Из-за поворота лесной дороги показалось нечто. Я моргнул — оно исчезло. Слава богу, почудилось… Фёдор же говорил — подглючивает… Страх давил логику, навязывая успокаивающие мысли. Но это крепло внутри меня. Пара секунд жестокой борьбы мыслей с эмоциями после увиденного — и оно вырывается на поверхность. БЕЖАТЬ. УНОСИТЬ НОГИ. ОНО НЕВИДИМО. Действуя машинально под железным приказом срывающегося, хрипящего внутреннего голоса, я рванул в цех. В почти кромешной тьме налетел на какой-то станок, выругался вполголоса, ринулся дальше — к провалу бледного света в дальнем конце цеха. У меня считанные секунды, пока ОНО не оказалось прямо здесь. Какое-то внутренне сомнение остановило меня в нескольких метрах от выхода. Круто развернувшись я побежал к правой стене, вдоль которой тянулись чёрные галереи боковых комнат. Затаившись в одной из них у окна, выводящего в цех, я принялся ждать, прислушиваясь к тяжёлым ударам сердца, пытаясь совладать с одышкой.

Ожидание. В таких условиях — самое страшное, что только можно представить. Есть возможность сорваться и бежать, с головой выдав себя врагу. Есть возможность сойти с ума. Есть возможность пустить себе пулю в лоб. Самое жуткое — стук сердца и зубов в абсолютной тишине на фоне громыхающего за воротами ливня кажется достаточно громким для того, чтобы тебя могли услышать. Дрожащими руками я, с горем пополам, вставил новую обойму в пистолет, так как старую отстрелял в лес. Страшно. Жутко. Жутко до рвоты. Казалось, ещё чуть-чуть — и выброшу скудное содержимое желудка на пол. Проверил нож в нагрудном кармане рубашки. Ни с кем я не хотел биться. Просто это немного, самую малость успокаивало в тот момент.

Вокруг стояла тишина. И только дождь барабанил по крыше цеха. А может, оно мне и вправду почудилось. Ха! Придурок! Успокаивай себя почём зря! Давай, надругайся ещё над своей логикой, над разумом! Давай, успокаивай! Уверуйся в несуществующее! Ты просто ссышь, боишься до усрачки! Мысли

летали с космической скоростью, напрягая и без того перегруженный мозг. Правда, в тот момент мне было всё равно. Ожидание становилось невыносимым. Из закоулков сознания наружу пробивалась жалость к себе. Кто я!? Всего лишь журналист, журналист средней величины издательства. Что я здесь делаю? Неужели я должен быть здесь?! Неужели это и есть моя судьба? Чем я заслужил всё это?!

Небо снаружи ответило тяжёлым рокотом. Где-то полыхнула молния. Оно на секунду показалось в том проёме ворот, который я считал выходом. Казалось, мои терзания длились целый час, хотя, вряд ли дотягивали по продолжительности до минуты реального времени. Оно встретило бы меня на выходе, не сверни я вовремя с намеченного пути. Мать твою… Вот это пронесло…

Оно. Он, она, или ОНО — неважно. В первый раз мы с ним встретились в таких же условиях. Это был сон. Кошмарный сон. Сон удушающий, выжигающий душу, раздирающий сознание. Заставляющий проснуться в холодном поту и ощутить радость от того, что всё это — сон. Позавчера у меня была такая роскошь. Позавчера я мог ещё ощущать радость. Позавчера я жил. А сегодня мой кошмар стал реальностью. Сегодня я — в одном помещении с жуткой тварью из своих снов. Можно щипать себя сколько влезет — это не поможет. Сегодня я лишён возможности проснуться. Сегодня всё реально. Настолько реально, что хочется обратно, в сон. Мой взгляд, привыкший к полумраку, упал на пистолет. Уснуть я ещё успею. Всегда успею, если не будет иного выхода. И тут я впервые в жизни подумал о рукоприкладстве. О полноценном суициде, во имя избавления от мучений. Впервые, на полном серьёзе подумал о том, что смогу лишить себя жизни, если что-то пойдёт не так. Господи, неужели я до этого докатился?..

Я — полноценный человек! Я — вершина пищевой цепи — неужели я готов пойти на это? Неужели я способен на такую слабость? Я — тот, кого сам Творец поставил властителем планеты — неужели смогу прогнуться под низшее существо? Оно, возможно, когда-то и было человеком, но сейчас — лишь жалкое его подобие. Беспощадное животное, не способное мыслить или сочувствовать. Беспринципная тварь, умеющая лишь убивать — убивать во имя своего ненасытного брюха! На момент перед глазами возник древний Вавилон. За ним египетские пирамиды, готические храмы в средневековой Европе. Возникло даже желание пойти через полтора года на выборы президента, хотя никогда этого и не делал. Я ощутил гордость за всё человечество — за все его победы и достижения. Неужели я после всего что было в моей жизни и в миллиардах жизней до нее могу так

позорно закончить своё существование?

Эта тварь убила Молодого. Эта тварь лишила жизни Фёдора — его жетон до сих пор со мной. Это порождение Зоны заслуживает того, чтобы я трижды отправил его на тот свет — если для него он предусмотрен.

Зверь, не особо конспирируясь, обследовал помещение. Вроде, принюхивался — я слышал пристальное дыхание. Кажется, приближался. Через минуту оно остановилось в паре метров от меня, буквально за окном, по ту сторону стены. Превозмогая кошмар внутри себя, я затаился, не издавая ни единого звука. Бежать, бежать, бежать… — твердило агонизирующее сознание. Нет, нельзя — остатки рассудка с трудом пробивались через сумрачную пелену, заволакивающую мозг. Какой-то миг, одна точка в пространственно-временном измерении — и я не выдержал. За долю секунды перед порывом, которому уже не мог противостоять, понял — всё, это конец. Я вскочил на ноги, выбросив руку с оружием к окну. Сгорбленная тёмная фигура, выше меня ростом, сухощавые конечности, налитые кровью глаза, несколько щупалец, заменяющие нижнюю челюсть… — мой палец автоматически вдавил курок. Страх полностью подчинил меня себе. Выстрел. В торс. Ещё выстрел. Попадание. Ещё, ещё, и ещё — в пустоту. Тварь испарилась в воздухе. Но, я чувствовал — пули настигли свою цель. Мать твою, как страшно! Я понимал, что только разъярил зверя, от этого мой конец будет ещё хуже. Но тело уже не принадлежало разуму. Я рванулся в соседнюю комнату. Жуткий, исполненный боли и испепеляющей ярости рёв сотряс цех. Одно, второе помещение, дверной проём… Господи, как страшно… Я выбежал в цех. Никого… Секунда потребовалась на то, чтобы оглядеться во все стороны. Ни единой души. Ни единой твари! От неизвестности становилось ещё страшнее. Руки дрожали, ноги подкашивались. Хотелось в тот момент только одного — за любую цену, за все богатства мира оказаться подальше отсюда. Своими физическими детекторами, а может и каким-то шестым чувством, уловил невидимое движение в выходе из комнат. Выстрел в пустоту. Ещё один. Адская морда на мгновение возникла из ниоткуда перед самым лицом. Тупой удар в грудь. Я тяжело грохнулся на бетонный пол. Искры из глаз. Пистолет, правда, не выронил. Поднимаясь, сделал ещё несколько отчаянных выстрелов в никуда. Не знаю, попали они или нет… Представляю теперь, как было жутко Молодому сегодня утром… Господи… Удар прямо из воздуха. Кажется, меня пырнули когтями в живот. Пистолет улетел куда-то в сторону. Боль, заглушаемая всеобщим шоком, но, тем не менее, нестерпимая, ужасающая боль. Кажется, ещё могу двигаться. Во

второй раз поднимаюсь на ноги. Привкус крови во рту. Жуткая морда передо мной. Мой самый ужасный кошмар наяву. Вот оно. Тяну руку к карману на груди. Режущий удар когтями по лицу. В полумраке, я, кажется, видел брызги. Судя по всему, моя кровь… Падение на спину. Удар головой о пол. Ничего, ещё, кажется, живу. Поднимаюсь на ноги, доставая из кармана нож. Тяжёлый удар. Падение. Бетонный пол врезается в тело, принося очередной глухой приступ боли. Господи, как хорошо, что почти ничего не видно. Как замечательно, что не вижу, как мир перед глазами плывёт, вращается, переворачивается с ног на голову и обратно — и так без конца. Инстинктивно хватая с земли нож, пытаюсь подняться. Но что-то из ниоткуда с силой прижимает меня к земле. Я вижу нависшего над собой жуткого монстра, жаждущего тёплой крови. МОЕЙ крови…

Боже, как же сильна эта тварь! Щупальца извиваются в полумраке. Страшная морда приближается — прямо как в моём страшном сне — успеваю подумать я, в последнем оборонительном жесте выставляя вперёд левую руку. Тревожный импульс нервов по всему телу. Импульс ещё неосознанной боли, идущий в мозг. Кажется… Нет, не может быть… Я не чувствую мизинца и безымянного на левой руке. Момент спустя понимаю, что их уже нет… Нет! Со всей силы, в последнем припадке выбрасываю вперёд правую руку с выезжающим из рукоятки лезвием. Нож упирается в плоть. По пальцам бежит что-то тёплое. Долю секунды спустя тварь отпускает меня из своих цепких объятий. Вой. Рёв. Жуткий рёв, от которого закладывает уши, разносится по пустующим помещениям. Я всем телом ощущаю физическое давление сверхчастотной волны инфразвука. Пытаюсь подняться на ноги. Со второй, с третьей попытки это удаётся. Боль во всём теле. Вокруг тишина… Зверь исчез. Оглядываюсь по сторонам. Никого… Перед глазами плывёт. Больно. Кровь заливает одежду. За стенами пылает стихия. Сильнейший ливень тарабанит по крыше цеха. Вспышка молнии, отголоски которой пробиваются в выбитые окна под потолком. Больно. Мой кошмар… закончился? Удар сильнее всех прежних, вместе взятых. Мы на момент зависаем в воздухе. Я и мой убийца. На улице грохочет Зона. Неистовствует, полыхает синим пламенем. Подобно рёву трибун переполненного Колизея, на арене которого гладиатор добивает гладиатора.

Тварь потеряла невидимость, навалилась всем своим весом на моё истерзанное тело. Сейчас меня будут добивать. Господи… Добивать-то уже нечего… Я уже вижу смерть. Мне уже всё равно. Лишь бы поскорей закончилось… Щупальца, покрытые острыми зубами и присосками, шевелятся надо мной. Когтистая лапа

хватает меня за горло…

«Судорожный глоток воздуха застрял в горле. По лбу скатилась капля пота. И тут я понял, что не в силах пошевелиться. Всё что я мог — наблюдать. Жуткое существо создавало впечатление чего-то ловкого, быстрого и цепкого. Но сейчас мерзкая тварь не торопилась, растягивала себе удовольствие, как бы зная что жертва обездвижена. Как ни старался, я не мог разглядеть создание в деталях. Мне оно представлялось бесформенной чёрной массой. И тут ужасное нечто оказалось рядом со мной. Я ощутил на своём лице смрадное хриплое дыхание и шершавую когтистую лапу у себя на горле. Хотелось кричать, но я не мог. В лёгкие больше не поступал кислород, а перед моими глазами, в каких-то нескольких сантиметрах возникла раскрытая пасть с сотнями острых как бритва клыков…»

Мне бы… Сюда… Толкователя снов…

У каждого бывают моменты, когда вся жизнь проносится перед глазами. И в этот миг ты на несколько мгновений зависаешь на критической точке между небом и землёй. Всё смешивается в одну непрерывную картину — визг, скрежет алюминия, крики отчаяния, искорёженные лопасти тяжёлой боевой машины. Этот миг так ничтожно короток, что ты не успеваешь даже испугаться, во всей полноте ощутить удушающий, животный ужас.

Мне бы… Частичку кислорода…

И ты уже не различаешь, где право, а где лево. Где верх, а где низ. Всё смешалось. Все сущности, все понятия, все мысли и крики — всё быстро закручивается в один тугой ком. А потом тот взрывается изнутри, разбрасывая во все стороны миллиарды осколков. А что дальше? Тишина… добро пожаловать в твой персональный ад…

Глотнуть бы… Почувствовать ещё жизнь…

Где-то там светлые образы… Детство. Строгие воспитатели. Учителя в школе… Университет. Первая, пусть и безответная, любовь…

«От всей души советую, брат, не суйся туда, я там был. И такое видел, чего и врагу не пожелаю…» Голос Анатолия.

Тёплое, светлое утро августа. В кабинете витают частицы догорающего лета.

— Михал Сергеевич, Я беру это на себя.

— Так-так-так… Ты точно решил?

— Абсолютно точно. Это принесёт известность всему журналу… Только…

— Что?

— Мне нужны деньги на дорогу. Билет туда-обратно, и я принесу вам такие материалы, которые произведут реальный взрыв. Это будет не сенсация. Это будет революция. Апокалипсис всех других изданий, вместе взятых. И мы с вами, Михаил, станем его свидетелями…

А поверил бы я, скажи мне кто тогда, что буду отстаивать своё право на жизнь в месте, где она уже не имеет власти? Наверное, нет. А между тем, невидимая киноплёнка замедляет свой бег, и вот я уже отчётливо различаю последние несколько дней своего бытия…

— Четвертое сентября, двадцать один двадцать. Я на границе чернобыльской зоны отчуждения. Это место дислокации так называемого четырнадцатого блокпоста, возле которого находится гражданский городок…

— … Твой вчерашний вопрос. Я здесь потому, что не хочу, чтобы люди там гибли.

Я пожал ему руку. Он же крепко меня обнял. Когда отстранился, в глазах учёного стояли слёзы…

Капли тёплой жидкости падали мне на лицо. Кажется, кровь… Я машинально выставил правую руку перед собой.

— Н-е-е-е-т!!!

Пальцы нащупали тёплую плоть. Влажные глаза, налитые кровью, исполненные ярости… Под ладонью неожиданно потеплело. Волна жара пробежала по всему телу, оставляя на коже капельки пота. В мозг ударила сильная боль. Мгновение спустя передо мной полыхнуло. Зверь встал на ноги, отстранившись от меня. Через секунду его окутал ореол пламени. Казалось, его кожа горела сама собой, выделяя клубы едкого дыма. В ноздри ударило палёным. Я не знал, что происходило.

Огонь осветил всё помещение цеха. Языки пламени отражались на ближайших станках. Я не знал, что происходило, но испытывал облегчение от кислорода, свежей волной хлынувшего в раскалённые лёгкие. Казалось, он весь был покрыт пламенем. Рёв, наполненный болью, потряс цех. Тварь металась по помещению, объятая огнём, пока не упала на бетонный пол, судорожно сжимая мускулы, источая во все стороны искры отчаяния. Кусок прожаренной насквозь плоти — ни больше, ни меньше. Бешеные тени метались по стенам в дикой пляске смерти. Высокочастотный визг стоял в ушах, перекрывая даже биение сердца. Артефакт в левом кармане рубашки бился в такт ударам крови в мозг. Я не знал что происходило, но я был рад от осознания того, что ещё жив.

Прошли считанные минуты, а они уже в Зоне. Трое отчаянных сталкеров на границе запретной территории. Ни единого

монстра, ни одной аномалии. Первое, что они услышали, был протяжный крик. Нет, не крик о помощи. Крик, исполненный боли и отчаяния потряс границу. До источника было далеко, но всё же все трое остановились, прислушиваясь. Спустя секунду он повторился, заставив вжать головы в плечи. Жуткий крик, раздирающий душу.

— Господи боже, ребят, похоже, там убивают кого-то…

Стёкла, оставшиеся в окнах, разлетались в пыль. Я чувствовал всё это. Заброшенный цех на окраине Зоны трясло под ударами инфразвука. Это был я. Звук бил с такой силой, что станки дрожали под напором сейсмических волн. Со стен отваливались кубометры штукатурки. Хотя, не сразу понял, что это был мой собственный крик.

Снаружи шёл снег. Да и не просто шёл — густо валил огромными хлопьями. Наверное, только здесь так бывает. Снег шестого сентября. Преломляясь сотнями льдинок в лучах выглянувшего вечереющего солнца, снежинки сгорали, не долетая до земли метра. В голове пустота — ни единой мысли. Опустошение — следствие полного перегруза. События всей жизни уместились для меня в одни сутки. Не хочу описывать свой облик и ощущения — лишнее. Боли было уже слишком много, чтобы снова к ней возвращаться. Скажу только, что я был скорее мёртв чем жив, если вопрос ставить ребром. Не знаю, какая сила держала моё тело на ногах. Но, я был абсолютно уверен в полной нежизнеспособности своего организма. Оставив за спиной ворота, я, превозмогая желание упасть и забыться, двинулся по дороге на восток. К свободе. К жизни. Понимал одно — если сейчас упаду, то уже не встану.

Сенсационная статья. Ха! Сенсацию произведёт одно моё фото после всего этого. Зона полна неожиданностей. Проснувшееся вдруг и тут же уснувшее чувство юмора было одной из них.

— Стоп! Это кто там? — Все трое остановились. Вечерний туман расстилался по земле. В неверном свете местного солнца навстречу им, шатаясь, двигалась одинокая фигура.

— Зомби! Мочи его!

Что-то необъяснимое удержало троих от выстрела. Так и стояли, уперев приклады в плечи, пока он приближался.

— Ё-моё, человек…

Глаза его, казалось, не видели, такое ощущение, он находился сейчас далеко отсюда. И только тело — медленно, но верно, одолевало метр за метром. По всем признакам — зомби, но нет — человек. Почему-то ни один в этом не сомневался. Так же, под прицелом, он приблизился вплотную, задев одного

плечом, прошёл между ними и дальше — к блокпосту. Ребята стояли, не издав ни звука. Забыв про оружие, которое держали у плеча, долго ещё целились ему вслед. Абсолютно ошарашенные. Настолько, что забыли даже предложить помощь.

— Ну ничего себе… — только и смог выдавить один. Секунду спустя второй нашёлся.

— Слышь, парень! На этом блокпосте только впускают! Не ходи туда — застрелят!

— Да брось ты, Вань, ему, видимо, пофиг…

Всё трое, ошарашенные, ещё долго смотрели ему вслед. Дорожка из свежих капель крови тянулась по потрескавшемуся асфальту…

Кроны тополей по сторонам дороги уносились ввысь, играя сухими листьями в лучах закатного солнца. В лицо подул лёгкий ветерок. Прощальный подарок Зоны. Возможно, слегка приободрил — я не знаю точно… Обратил мысль в небо. На малой высоте, ниже верхушек деревьев, наматывали надо мной круги вороны. Чувствуют, суки. Но подлететь поближе пока боятся. И тут моё небо заполоняет чёрным. Стая кидается вниз. На меня. Страшно? Нет. Просто, немного злости. Самая малость. Но, достаточно, для того, чтобы несколько чёрных тварей жирными, отожранными булыжниками рухнули на асфальт, подыхая в припадках. Во мне есть ещё силы. Так что не суйтесь. Пока. Большая часть стаи заняла места на придорожных деревьях, жадно зыркая на меня чёрными бусинам глаз. Как только я прошёл этот участок, орава снялась с веток и опять закружилась надо мной. Я не видел этого, но. Чувствовал. Я вообще уже почти ничего не видел, казалось, глаза умерли. Остались только инстинкты, ощущения. В те редкие моменты между ударами сердца, когда я обращал внимание на окружающий мир, я чувствовал его даже лучше, чем если бы смотрел на него широко раскрытыми глазами.

Где-то слева, у валунов, пульсирует странное аномальное образование. Здоровый кабан роет землю неподалёку. С вершины тополя сорвался и устремился к моим ногам совсем уже пожелтевший лист. Как рано сюда приходит осень…

Пара-тройка сотен метров перегораживаются двумя БТРами, стоящими друг к другу почти вплотную. Перед ними — импровизированные заграждения из мешков с песком и всякого хлама Зоны. За ними — не меньше дюжины душ. Кто-то бьёт кого-то по плечу, указывая на дорогу. Меня заметили. Приоткрываю глаза. Да, всё правильно. БТРы, заграждения, кучка вооружённых до зубов зелёных рекрутов на границе воинской части. Не меньше десятка держат меня на мушке. Но… Что-то идёт не как обычно.

Может, мой жалкий вид не даёт им открыть огонь на поражение? Я медленно сокращаю расстояние между нами.

— …оять, ни с места! — С некоторым опозданием мой мозг декодирует сигналы слуховых рецепторов.

Один стоит чуть впереди, перед рукотворными укрытиями, целясь в меня. Судя по всему, главный. Команда исходит от него. У меня ещё остались капли силы — самая малость. Но этого хватит, чтобы стереть с лица земли как минимум половину из них. Нет! Не будет здесь больше смертей! Хватит! Хватит этого ужаса. У всего есть конец, но конец этой истории не будет кровавым. Я сказал своё слово. Пусть и ценой своей жизни.

Между нами не более двадцати-тридцати метров. Главный в который раз приказывает мне остановиться. Что-то удерживает их от выстрела. Но, это продлится ещё недолго. Они уже превысили все критические нормы, подпустив меня слишком близко. Ещё немного — и грянет огненный шторм. Всему есть предел. Даже терпению военного в подобной ситуации. Из-за бронетранспортёров выбегает человек в штатском, начинает что-то быстро говорить главному. Его внешность кажется отдалённо знакомой. Но моё перегруженное сознание не в силах вспомнить его. Между двумя завязывается нешуточный спор. Я чувствую конфликтный настрой. Военный грубо отталкивает оппонента, снова берёт меня на прицел.

— Стой на месте сейчас же, или открываем огонь!

Предупреждающий в воздух. А мне уже больше и не надо. Силы полностью покидают тело. Мозг отключается. Внутренние процессы организма впадают в анабиоз. Секунда тишины. Последний удар сердца. Здравствуй, асфальт…

Меня окружают. Чьи-то руки тянутся ко мне из ниоткуда. Бережно, но быстро поднимают моё тело. С дороги, которой нет. Вороны разочарованно гудят за границами сознания. Кто-то даёт автоматную очередь по деревьям.

— Стервятники чёртовы!

Тишина. Тяжёлые удары сердца. Лежу на чём-то мягком. Темнота. Стук сердца. Из туманного безмолвия выплывает чьё-то лицо, подёрнутое скрытой в глубине болью. Глаза, полные жалости смотрят на меня. Я его знаю. Анатолий.

— Господи… Я не могу поверить. Что они с тобой сделали…

— …

— Коля, отряд — что с ними?

— Они… все…

Проваливаюсь в пучину. Сознание вертолётит. Когда приоткрываю глаз, вижу обшарпанный потолок неизвестного помещения. По телу пробегает волна адской боли. Организм

выбрасывает наружу через рот порцию крови. Тело агонизирует.

— Скорей сюда, у него припадок!

Надо мной склоняется ещё кто-то. Седой. В очках. Я его не знаю. В ноге кольнуло. Несколько человек держат меня за руки и за ноги. Чувствую, как по игле в меня вливается жидкость. Яд в малой дозе. Но от него всё тело расслабляется. Мускулы немеют. Мозг заволакивет пелена спокойствия и безразличия. Проваливаюсь в дрёму…

Бог-громовержец бьёт своим огромным молотом по каменной наковальне мозга.

Их целая туча. Сотня, не меньше. Наполовину обугленный труп жуткого существа поднимается с пола. Налитые кровью глаза впиваются в меня. Высокие стены дрожат, покрываясь мелкими трещинами. С потолка сыпятся куски бетона, арматура и целые плиты. Огромное здание вокруг меня целиком осыпается в прах. Мы остаёмся под звёздным небом. Я и мертвец. Сейчас он один, но, клянусь, секунду назад их было не меньше сотни! Небо затягивает чёрными тучами. Первые капли падают на лицо. Я чувствую на губах привкус крови. Когтистая лапа перекрывает мне кислород. Ливень хлещет по земле. Вместо воды — кислотная кровь… Красные глаза пожирают меня взглядом. Нечем дышать. Смрадное дыхание, бьющее прямо в мозг… Сознание пылает огнём. Дышать нечем. Ноги отрываются от земли. Система нежизнеспособна…

Открываю глаз. Солнечные зайчики пляшут на стенах. Белая комната. После всей этой разрухи — невероятный контраст. Где-то рядом пиликает в такт сердцебиению аппаратура. Надо мной склонилось миловидное лицо медсестры. Улыбка — впервые за, казалось, долгие годы. Расслабляла. Загипсованной рукой провёл по лицу. Всё в бинтах. Это сон… Или? Из чёрных глубин сознания приходит мысль — всё вокруг — фикция. Всё это ненатурально, фальшиво. Я всё так же в объятиях смерти. Внутренняя волна отчаяния перекрывает внешнюю умиротворяющую обстановку. Я принёс каплю безысходности в это море спокойствия. Освободите меня! Это всё — лишь сон, жалкое подобие реальности!

— Прошу вас, успокойтесь! Всё хорошо!

Уже не действует. Агония началась.

— Кто-нибудь! Все сюда, на помощь!

Поздно. Тело сотрясают разряды электричества. Вы все — выдумка! Порождение фантазии. Я всё там же, среди моря отчаяния… В палату, привлечённые шумом, вламываются два санитара. И тут я не выдерживаю.

Крик. Содержание не важно. Важен род воздействия. Проникающий. Разрывающий. Выжигающий. Один из них

пытается держать мои ноги, прижав к койке. Другой, тот, что держит руки, хватается за голову и с криком падает на пол. Процесс пошёл. Это уже неконтролируемо. Стёкла в окнах и зеркало у двери покрываются сеткой мелких трещин. Медсестра, с трудом поднимаясь с пола, стоя на коленях у медицинского столика, пытается наполнить шприц из ампулы. Аппаратура в комнате, слегка поискрив, выключается, выдав в атмосферу изрядную порцию едкого дыма. Санитар у ног сгибается, как под порывом сильного ветра. Лицо покраснело. Вены на висках опасно вздуты. Но — держит, не отпускает. Возможно, он и спас всех нас. А также медсестра, вколовшая мне транквилизатор. Это длилось ещё несколько секунд, а потом всё вокруг начало медленно плыть. На душе улеглось. Стало как-то спокойней. Рядом с кроватью двое медиков приводили в чувство третьего. В палату кто-то влетел и ахнул. Краска на стенах была вся испещерена сеткой мелких трещин. Ударом своего сознания я выбил стёкла в комнате. И — как мне рассказали потом — сжёг всю электронику на этаже.

За окнами без стёкол разгорался сентябрь. Здесь, в километрах от Зоны, ещё вовсю полыхало лето. Жаркое, знойное. На деревьях у нашего корпуса радостно голосили мелкие пичуги. Здесь вовсю кипела жизнь. И люди, люди — были совершенно другие. Ласковое солнышко приятно припекало кожу прикрытых век. Возбуждённые голоса медиков постепенно сливались в один неразборчивый гул. Веки тяжелели, под действием вещества я медленно уходил за кулисы внешнего мира. Однако, теперь было не страшно. Теперь было хорошо и спокойно. Даже немного радостно — насколько того позволял транквилизатор. В полусонном состоянии размышлял, что будет дальше. В тумбочке рядом с кроватью, в верхнем ящике, лежала пара жетонов и ещё, кое-что, что сейчас мерно пульсировало в такт моему сердцу. Да, конечно. Впереди ещё много интересного. Впереди мой рассказ о зоне, фото в прессе, интервью и съёмки. Грандиозное и необъятное.

Конец

2007–2009

Александр Тихонов
ИСПОВЕДЬ ЗВЕРЯ

— Как вы думаете, пастор, чего больше в человеке — человека или животного?

— Я думаю, что того и другого в человеке поровну.

Юлиан Семенов. Семнадцать мгновений весны

Говорят, на земле не было зла, пока люди не придумали добро. До того момента, как стали разделять свет и тьму, всё было едино. Но появилось добро — то, что правильно, и соблазн быть не таким, как прочие возобладал. Чаша весов склонилась не в ту сторону, и появилось зло.

Но разве всё так однозначно? Разве мы можем сказать: вот это добро, а вот это зло? Разве так просто найти границу между двумя крайностями? Порой кажется, что добро и зло это практически одно и то же но показанное с другого ракурса.

Как, например, оценить поступок врача, который ввёл яд неизлечимо больному человеку. Сделал ли он добро, прервав муки больного, или совершил зло, отняв жизнь.

По сути, вся человеческая жизнь — это путь через мост над пропастью — отклонись вправо, туда, где добро, и ты сорвешься вниз — влево, и исход будет аналогичным…

А кто-то, стоящий по ту сторону ущелья так и норовит столкнуть вас с пути…

Зона живёт по законам джунглей — выживает сильнейший, но каждый сам находит для себя допустимый баланс доброты и жестокости. Такие люди собираются в кланы, устанавливают правила и законы, по которым живут. Для них эти правила — страховочный трос, но поможет ли он, когда мост качнётся?…

* * *

Это было зимой прошлого года. Он помнил даже дату и время, когда это произошло. Помнил, какой была погода — впервые за всё время существования зоны, над ней кружили

хлопья сырого снега, и дул пронизывающий ветер. Не спасал от него ни тёплый свитер, ни шапка, ни даже теплые сапоги, которые Макс выменял у Сидоровича на артефакт «Слюда».

Было холодно. Приклад автомата обжигал ладони, а пальцы уже ничего не чувствовали.

Под маску набился снег, мешая обзору. Да и какой мог быть обзор, когда в трёх метрах перед ним уже ничего нельзя было разглядеть.

Макс Зверев тогда подумал, что самая страшная смерть — остаться истекать кровью на снегу, посреди дикой территории. Лучше бы он остался.

Обрывки воспоминаний вновь начинали выстраиваться в цельную картину, и из них складывались чувства — страх, боль, злость. Без воспоминаний того дня он бы чувствовал злость и страх совсем по другому, как боятся войны люди, никогда не бывавшие в бою.

Там, под пронизывающим ветром, он ждал приказа командира группы, и думал, что нет ничего хуже.

Он ошибался. Зверев понял это когда где-то вдалеке вскрикнул один из его попутчиков. Крик оборвался на высокой ноте, и набатом застучал пистолет-пулемёт.

— Грех! — Рявкнул Макс, сам удивляясь громкости своего голоса. — В ружьё!

Под слоем мокрого снега зашевелились замерзшие люди, и один за другим в пустоту выпалили два автомата. Но в кого они могли попасть при такой-то погоде?

В ответ им бил снайпер. Сначала повалился назад один стрелок, потом второй, и в голове Макса промелькнула та пророческая мысль: как же страшно умирать, истекая кровью в снегу.

Теперь их оставалось лишь четверо — Макс Зверев по прозвищу Зверь, Гребень, которому Макс доверял как себе, и двое новичков. Против Грешников шансов не было никаких.

И зачем, спрашивается, они подписались на это задание?

Сейчас Зверь понимал, что их просто отправили на убой, но тогда для него было загадкой, почему сектанты прознали об их приближении.

— Сидорович, тварь! — Прошептал Макс и мысленно вернулся к обстоятельствам того рейда.

Их наняли. Наняли, как это обычно бывало в зоне — обещали заплатить за устранение лидера сектантов. Расчет был прост — отряд из десяти сталкеров пробьется к месту сектантских вакханалий и уничтожит адептов Греха. За успешно выполненное задание Сидорович обещал им астрономическую, по меркам

Зоны, сумму.

Заказ был выполнен в срок, а на обратном пути группу рассекретили, и в бою на границы Милитари погибла половина отряда. Пятеро выживших бежали на Росток, не переставая гадать, как сектанты вышли на них.

Только теперь, год спустя, Зверь узнал причину смерти товарищей — их сдал заказчик. Не пожелавший платить за выполненную работу, Сидорович сдал их Греху за немалую сумму.

Макс вновь закрыл глаза, воскрешая в памяти все события той зимы. Он хотел помнить всё, за что спросит с Сидоровича. Что он скажет барыге перед тем, как разрядит в того обойму трофейного ПМ? Именно поэтому он сейчас вспоминал всё это. Каждое мгновение, каждая капля крови — он спросит за всё…

Тогда их оставалось четверо — четверо загнанных в угол ходоков, и ни один из них не знал, чем всё закончится. А если бы был выбор?…

Сейчас Зверь вспоминал тот холодный день, мириады мечущихся снежинок и неясные тени, то и дело возникающие по обе стороны бруствера.

— Гребень, они нас обходят! — Взвизгнул один из новичков, но ему уже никто не отвечал. Напарник просто шагнул во тьму и испарился. Ни крика, ни звука падающего тела. Ничего. Не звякнула даже фляжка, прикреплённая к разгрузочному жилету.

А потом появились они — полтора десятка сектантов, одетые в просторные балахоны, возникли перед беглецами. Шансов не было в принципе…

Зверев всегда думал, что месть — это единственный выход, но каково же было его удивление, когда сектанты оставили его в живых. Он думал, что его пожалели. Нет, ничего подобного. Воины Греха знали, что смерть станет для сталкера слишком легким выходом из ситуации. Они хотели его сломать, и сломали.

Кто он сейчас? Человек, или животное?

Максим Зверев протянул руки к теплому артефакту. Его сломали, выжгли из него всё человеческое, и теперь ни один костёр не согреет замерзшие руки. Даже в сорокоградусную жару он чувствует холод…

Сначала Зверя и двух новичков, которых сектанты тоже пощадили, содержали в подземном бункере, кормили один раз в день и предлагали вкусить человеческую плоть. Адепт Греха объяснял сталкерам, что если они вступят в клан каннибалов, то получат возможность выйти из плена. Все трое отказались.

Если бы они знали, что их ждёт…

Когда в бункер перестали носить еду, Зверь понял, что от них

хотят. Новоиспечённый лидер Греха кричал через дверь, что тот, кто хочет жить, съест друзей…

Сейчас он помнит всё. Всё кроме тех нескольких дней, когда не выдержал и вцепился в глотку одного из новичков. Парадоксально, но молодые одиночки выдержали, а он нет.

Может быть сказалось закрытое пространство, может быть голод и переутомление, а может быть психика просто дала сбой. Теперь это уже не важно. Он просто-напросто на сорок минут стал зверем, а когда пришел в себя, обнаружил на своих руках кровь соратников.

Ещё долго не мог Зверев отделаться от привкуса крови на языке. Долго ему казалось, что ладони измазаны липкой жидкостью…

А потом его выпустили и приняли как своего. Сектанты предложили Максу вступить в их клан, присоединиться к братии верящих в зону фанатиков. Именно тогда ему и поведали историю о предательстве Сидоровича, и именно тогда он решил уйти.

Зверь слышал потом, что за то время, пока он отсутствовал, клан Грех был уничтожен вольными сталкерами.

Он оказался последним из тех, кто, будучи человеком, вкусил человеческую плоть. С тех пор лишь кровь была его напитком, а организм не воспринимал никакой пищи кроме свежего мяса. Будто сама природа пошла на попятные и решила вернуть одного из своих детей к истокам, в то время, когда правил балом закон Дарвина и выживал сильнейший.

Может быть сейчас это звучало странно, но с каждым днё он всё меньше жалел о произошедшем. У него отняли человечность, его вычеркнули из списка людей, но одновременно он получил преимущество перед всеми прочими людьми — он понял, каково это быть просто зверем.

Обезьяна взяла в руки палку и стала человеком? Быть может. Обезьяна, но не волк. Хищник никогда не откажется от своего естества. Тысячи лет эволюции не скажутся на нем…

Человек произошел от обезьяны? Зверев сказал бы, что человек произошел от хищника, или скорее наоборот, хищники научились всему у людей, как утверждал его друг Гребень.

Прошел год. Не тысячи, не миллионы лет эволюции, а один единственный год, и для конкретно взятого существа всё поменялось…

Отложив артефакт в сторону, Зверь подтянул к себе тело убитого им ходока, запустил руки под бронежилет и вырвал кусок сочного мяса. Зубы вонзились в мягкую плоть, и Макс замер, наслаждаясь вкусом. Он чувствовал, как по подбородку стекает

ручеёк крови, чувствовал, как за километры от него бежит по лесу испуганная «плоть». Все чувства вновь обострились до предела. Он снова видел в десятки раз лучше любого человека, слышал многим лучше человека, а запахи различал не хуже химеры.

Химеры. Эти мутанты обходили Зверя стороной, принимая за более опасного хищника. Ещё бы, ведь химеры не едят химер.

Зверь поглядел на бледное лицо мертвеца, чей взгляд был устремлён в небо, и вырвал очередной кусок…

Он охотился, и теперь мог наслаждаться своей добычей. Это случилось час назад. Он нагнал испуганного одиночку в лесу на границе Тёмной долины, ударил бедолагу головой о сосну, а потом долго ещё наблюдал, как из человека уходила жизнь. Надо признать, Зверь чувствовал не только удовлетворение охотника, не только сменяющее азарт чувство собственного превосходства над противником, а необъяснимое удовольствие.

Хищник чувствует в этот момент что угодно, но не удовольствие. Нет такого в природе, чтобы живое существо любовалось смертью себе подобного, готовясь потом его съесть. Даже Чёрная вдова никогда бы не почувствовала то, что чувствовал в тот момент Зверев. Этим он и отличался от прочих хищников. В этом была его сила и одновременно главная слабость…

Но поужинать ему так и не дали. Внизу, на петляющей меж холмов дороге, появился армейский УАЗ. Следом, прорезая тьму светом фар, мчался крытый тентом КАМАЗ.

Этого Зверь и ждал. Отложив недоеденное мясо, он спрятал артефакт в прикрепленный на поясе контейнер, накинул капюшон и начал спускаться вниз. По его расчетам, УАЗ должен был вывернуть из-за поворота как раз к тому времени, когда он спустится к дороге. Всё случилось именно так.

Сначала глаза резанул яркий свет фар. Зрачки сузились, напоминая две вертикальные полоски, и Зверь приготовился к бою. Потом мелькнула кабина автомобиля.

И в этот момент Зверь прыгнул на тентовый полог КАМАЗа. Никто из военных не отреагировал. Сейчас он и ехали на Кордон, к Сидоровичу, даже не подозревая, что помимо оружия и боеприпасов, везут старику гостя.

А Сидорович наверняка забыл уже и про него, и про группу, отправленную на убой. Он забыл, а хищник помнил, не забывая никогда, и именно эти воспоминания не давали ему стать животным.

Он читал книги, разговаривал с группами одиночек, прикинувшись сталкером-шаманом, наведывался к барыгам на базу Чистого неба, и был, казалось, обычным человеком, но как

только наступало время приема пищи, все менялось. Тело било в ознобе, организм требовал очередную порцию крови и мяса. Инстинкты обострялись.

Сам себе Зверь напоминал нечто среднее между наркоманом и вампиром, и вся разница была лишь в том, что помимо вбитой на подсознательный уровень необходимости, существовало и удовольствие от совершаемого.

Когда в Тёмной долине поползли слухи о новом виде мутанта, и отряды Охотников начали прочёсывать местность, он затаился, и даже смог пересилить голод, но жажда зрелищ, адреналина, желание убивать — не отступили. Не зверь и не маньяк. Вот кем он стал. И это не Грех сделал его таким, не его больной рассудок. У причины было имя. Причину называли Сидоровичем…

Колонна остановилась около разрушенного моста. Здесь к ней присоединился УАЗ с открытым верхом и установленной сзади пулемётной спаркой — обычная практика для зоны. Будучи сталкером, Зверь не раз видел подобные конвойные экипажи в деле. Зрелище был то ещё…

Из омута памяти вырвались брызги отдельных воспоминаний, словно кто-то бросил камень, и по воде пошли круги, все новые и новые. В голове замелькали даты, эпизоды жизни. Он видел детство, проведённое в Донецке, учёбу в Киеве и последующую работу. Стоило отвлечься, и то человеческое, что убивали в нем инстинкты, попыталось всплыть на поверхность, но он старательно топил ненужные воспоминания. Нет, не должно остаться ничего кроме обрывка памяти — куска воспоминаний, где он берёт заказ на лидера Греха.

Месть должна быть сладкой как свежая кровь, и ничто не должно отвлекать. Зверь готовился. Он ждал этого момента год. Как домашний любимец, затаивший злобу на хозяина, он ждал удобного часа.

Макс просчитал всё — и то, когда колонна военных сталкеров выходит из зоны, и то, когда она останавливается у Сидоровича. Он составил график движения машин, подготовил оружие…

Разве это под силу безмозглому хищнику?

А ещё он изучил окрестности и пути отхода — от бункера направо, через дорогу, потом до АТП «Локомотив», на другую сторону к ферме, и уже оттуда в родные пенаты…

Машина замерла. Застучали по асфальту тяжелые ботинки, звякнул опускаемый на землю ящик с автоматами.

Зверев прекрасно мог определить все действия солдат по звуку. Звук многое может сказать, особенно если ты живешь в зоне и умеешь слушать. Не раз он видел как заполненные под

завязку ящики с разного рода грузами списывали с дальних застав, чтобы потом продать Сидоровичу. Именно поэтому Макса когда-то заинтересовался этим маршрутом и грузом, который везли не в зону, а из неё. Именно поэтому он не одну ночь наблюдал за действиями предприимчивых капитанов и прапорщиков. Наблюдал и слушал, как скрипят, шуршат, звенят разгружаемые ящики.

Сейчас колонна была недалеко от намеченной точки. Скорее всего, вояки решили продать пару ящиков до прибытия в деревню к Сидоровичу. Но Зверева это не волновало. Он ждал, когда машины свернут на просёлочную дорогу, ведущую в деревеньку, где обосновался предатель.

Сейчас он лежал, сжимая в руках небольшой, теплый артефакт — вещицу, которую Сидорович дал ему перед тем рейдом в качестве предоплаты…

Наконец машины тронулись. Выкрикнул что-то счастливый обладатель ящика автоматов, и все прочие звуки снова заглушил рев мотора. До деревни оставалось меньше полутора километров.

Говорят, страх и холод — синонимы. Это верно. Страх, предчувствие — все это сопровождается ознобом. Вы когда-нибудь чувствовали, как ваши руки начинают дрожать, как по телу прокатывается волна холода, сигнал о том, что вы испугались. Зверь сейчас чувствовал именно это. Он боялся. Боялся, что напрасно готовился целый год, боялся, что Сидорович не будет мучиться перед смертью. Он боялся собственной человечности, в конце концов…

На повороте машины качнулись в такт урчанию мотора. Макс встрепенулся. Сейчас он был в шаге от человека, который предал его и многих других. Он шел мстить. А мстить ли? Быть может звериное вновь брало верх над здравым смыслом и расчетом, но не звериная ярость, а жажда крови…

Зверев перегнулся вправо, и осмотрелся.

Возле КАМАЗа стояло пять человек — трое военных сталкеров, офицер в натовском бронежилете и сталкер в выцветшей штормовке песочного цвета.

— …потому что была договорённость. — Тоном Хрущёва, обещающего показать Кузькину мать, вещал офицер.

— Сидорович не будет платить за половину партии. Вы и так, в прошлый раз, два ящика потеряли.

— Вот пусть сам выходит и торгуется. — Рявкнул один из подчиненных офицера.

Сталкер кивнул:

— Я вас понял. Договор есть договор, но не я здесь принимаю решения.

Сталкер пожал плечами, и проговорил в прикреплённое за ухом переговорное устройство:

— Штифт, зови хозяина. Тут проблемы.

Несколько секунд он стоял, настороженно вслушиваясь, после чего сказал:

— Всё понял, ждем.

— Он придёт? — Офицер сменил тон.

— Сейчас поднимется, но учтите, что он может и отказаться. Вот девятый блокпост ему почти задаром комбезы гонит.

— Девятый скоро УСБшники трясти начнут, и тогда твоего Сидоровича за брюхо подвесят как говяжью тушу. Ты знаешь, там разбираться не станут.

— Ну, да… — Пробубнил оппонент.

Теперь они оба стояли на тропе, ведущей к бункеру барыги, спиной к Зверю. Воспользовавшись этим, Макс спрыгнул с крыши КАМАЗа, и скользнул в ограду одного из домов. Как раз вовремя, потому что как только он спрятался, из бункера показались двое. Зверь бы из тысячи узнал старика Сидоровича, но в последнее время барыга начал сдавать. Он осунулся, сгорбился, правая рука ритмично подрагивало, словно старика оторвали от диджейского пульта. И всё же это не было оправданием. Через шестьдесят с лишним лет судили нацистских преступников, приводя в исполнение смертные приговоры, а он ждал всего лишь год.

Когда обитатели бункера поравнялись с офицером, Макс перебрался через забор и уже через две минуты был в бункере.

За год в этом склепе не изменилось ничего. Всё те же столы, стулья, решетки, комната Сидоровича…

Ключи, которыми старик обычно замыкал решетку, отделяющую первую комнату от остального бункера, были в замке. Неосторожность, оплошность… Сидорович вышел всего на пару минут, не закрыл дверь, и тем самым впустил своего палача. Ирония судьбы — если бы дверь была закрыта, ил и если бы офицер не стал торговаться, барыга мог бы выжить. Теперь же всё было решено.

Аккуратно, чтобы не заскрипели петли, Зверь открыл решетку, прошел, и закрыл её следом, не прикасаясь к ключам.

Видно было, что Сидорович вышел не на долго — на столе стояла кружка с горячим чаем, лежал запечённый окорок.

Только теперь Зверь почувствовал, как проголодался. Нормально поужинать ему не дали, и теперь он пытался восстановить силы.

Схватив курицу, он жадно принялся грызть прожаренное мясо, потом схватил со стола кружку, и хлебнул чая.

В этот момент и появился хозяин бункера.

— Кто ты? — Барыга пристально смотрел на странного сталкера в балахоне, стоящего посреди его кабинета.

В тусклом свете настольной лампы лица незнакомца он не видел, но что-то в нем определённо было старику знакомо.

— Мы раньше не встречались?

— Вы не в моём вкусе. — В тон торговцу отозвался Зверь, но Сидорович будто не расслышал шутки.

— Ты? Дай-ка вспомнит… — Он принялся стучать указательным пальцем по виску. — Волков, кажется?

— Зверев.

— Ну да, точно, Зверев. Из пропавшей группы Чебака и Гребня?

— Да. — Сталкер кивнул.

— Бывают же в зоне чудеса… — Сидорович всплеснул руками. — А я тебя давно схоронил. Веришь — я плакал. Честное слово, как узнал, не удержался, и…

— Молчать! — Прервал его реплику Зверь. — Сядь!

Бледный как полотно торговец сел в стоящее у двери кресло. Он не смел шевельнуться, понимая, зачем пришел странный человек.

— Один восточный мудрец сказал, что вырвет противнику сердце. — Прошептал Макс, делая шаг вперёд.

— Это Данко, чтоли?

Ответа не последовало.

— Мы можем всё уладить. Скажи, какая цена?

— Цена? — Зверев остановился.

Теперь лампа была справа от него, и свет едва заметно вырисовывал на фоне непроглядной тьмы черты его лица.

— Цена? — Повторил сталкер с горечью. — Ты думаешь, что я могу назвать тебе цену девяти жизней? Думаешь, я могу назвать тебе цену собственной свободы?

Торговец сжался в кресле.

— Думаешь, я пришел мстить?

— А разве нет?

Зверев выдернул из-за пояса ПМ, покрутил его в руках, потом отбросил в сторону.

— Для тебя это слишком легко. Думаешь, я пришел пристрелить тебя? Ничего подобного. Я вырву тебе сердце! — Зверев шагнул к собеседнику, и в этот момент Сидорович закричал.

Скуля, словно напуганная «плоть», барыга рухнул на четвереньки и пополз к решетчатой двери. Зверев шел следом. Он знал, что жертва никуда не денется, и тем слаще представлялась ему месть.

— Ты будешь просить о смерти… — Прошипел Зверь, наступая на спину ползущему человеку.

Прижатый к полу, Сидорович завопил вновь, и на этот раз его услышали. На лестничной клетке загрохотали тяжелые сапоги, и в комнату вбежал тот самый широкоплечий охранник, который не так давно выходил из бункера вместе с Сидоровичем.

Разбираться в чём дело, громила не стал. Заметив Макса, он выхватил из кобуры странного вида пистолет и выстрелил.

Такое оружие Макс не раз видел у доктора и прочих альтруистов. Снабженный дротиками со снотворным, такой пистолет мог вырубить на пару часов даже псевдогиганта, не говоря уже про обычного человека. Обычного?

Зверев вскочил, превозмогая тяжесть во всем теле…

Охранник выстрелил вновь…

Черная бездна приняла сталкера в свои объятья, и он потерял сознание….

— И что с ним делать? — Буркнул охранник, и его голос последним отзвуком зазвенел в засыпающем мозге Зверя…

— Вытащи на улицу и пристрели. — Торговец покосился на распластавшегося посреди кабинета Макса. — И отнеси тело подальше.

— А военные?

— Да, незадача. — Сидорович почесал подбородок. — Эти ребята вряд ли будут с нами сотрудничать после того, как мы на их глазах застрелим сталкера. Ты знаешь как поступи — возьми автомат с глушителем и отведи нашего друга в лесок.

— Понял.

— Ну, вот и здорово. — Сидорович напоследок пнул Зверя ногой в живот и скрылся в подсобке.

Теперь они оставались наедине — обездвиженный хищник и его противник, посмевший прервать ритуал мести.

— Давай прогуляемся. — Просипел здоровяк, и, взвалив Зверя на плечо, направился к лестнице. — Тяжелый, зараза.

Уже светало, и когда телохранитель Сидоровича остановился в лесном массиве, непроглядную темень ночи сменил робкий рассвет.

Опустив тело обездвиженного противника на траву, охранник снял с плеча автомат с интегрированным глушителем, и глубоко вдохнул.

Терпкий воздух ельника, словно наждачная бумага, заскрёб по гортани, оставляя горьковатый привкус.

— Слышишь меня, парень? — Здоровяк ткнул Зверева в плечо. — Беги, давай. Мне так стрелять не интересно. Встал и побежа…

Договорить он не успел. Пленник вскочил на ноги прежде, чем губы стражника прошептали последнюю фразу. Ладонь легла на лицо охранника, и Макс резко дернул руку. Хрустнули ломающиеся позвонки, и телохранитель Сидоровича покатился с холма.

Зверев несколько секунд смотрел, как тело мертвеца подпрыгивает на кочках, после чего развернулся в сторону деревни. Уходить он не собирался. Он жаждал мести…

Словно руша все его планы, невдалеке заурчал мотор КАМАЗа, зашуршали по палой листве десятки ног, и Зверев понял — его заметили.

Офицер, продававший Сидоровичу оружие, и трое его бойцов показались за деревьями несколько секунд спустя. Зная нечеловеческое чутьё Сидоровича, нетрудно было предположить, что торговец понял, какую глупость совершил, отправив своего бойца с Максом Зверевым. Потом он принял верное решение и попросил военных помочь. А военные? Да за милую душу…

Несколько автоматов загрохотали разом, и над головой Зверева начали свистеть пули. Вот теперь инстинкты взяли верх.

Поняв, что теперь месть откладывается на неопределённый период, Макс спрыгнул с холма, и побежал, петляя между соснами. Несколько раз в паре сантиметров от него разлетались в щепки гнилые деревья, дважды ухали аномалии, принимая на себя свинцовые подарки солдат, но Зверев не останавливался. Он знал, что стоит ему замереть, сбить дыхание, и пуля настигнет, непременно настигнет, как настигает она загнанного на флажки волка.

Хищники охотятся на хищников…

Вот если бы он успел схватить автомат убитого охранника… И что тогда? Перестрелял бы солдат? Нет, на такое даже Макс не был способен.

Вскоре рокот автоматов смолк, и Зверь позволил себе остановиться.

Всё рассчитано — двадцать секунд на восстановление дыхание, десять минут на путь до АТП…

Макс запрокинул голову и глубоко вдохнул. Воздух больше не был терпким и горьковатым. Месть откладывалась.

Он так долго шел к этому дню, что сейчас был не просто разочарован — он был раздавлен. Всё, что он планировал как человек, провалилось. Быть может, стоило просто ворваться в бункер и разорвать всех на куски? Такая тактика точно бы сработала.

А что теперь? Головная боль от странного препарата, нестерпимый озноб и жажда свежей крови.

Кровь…

Последняя мысль задержалась в сознании, и Зверь, уже «на автомате» присел и втянул носом прохладный утренний воздух. Мозг проанализировал каждый аромат, и через несколько секунд Макс уже засёк свою цель — человека, бредущего через Кордон. Человека, в котором было много горячей крови.

Сейчас ему нужно было восстановить силы, и звериное естество брало верх. Зверев снова убивал последние чувства и эмоции. Он начинал охоту…

Человек был одет в экзоскелет. Обычно Зверев не нападал днем, и уж точно никогда не охотился на людей в хорошей броне. Именно поэтому он протянул так долго. Но что-то гнало его сейчас следом за этим странным сталкером. Голод? Жажда убийства, или что-то ещё более потаённое и ужасное? На этот вопрос мог ответить лишь сам Зверь, но и он сейчас не знал ответа. Неведенье рождало страх, могильный холод, от которого спасала лишь горячая кровь…

Как понял Зверь, его завтрак направлялся на Свалку, двигаясь вдоль дороги. Не очень разумно, если учесть, что вот-вот будет блокпост, через который вояки пропускают лишь своих и сталкеров-шаманов. Минута, две, и вот уже видны здания старой фермы, разрушенный железнодорожный мост, пост военных сталкеров.

— Стой, кто идёт! — Долетел до Макса крик одного из часовых.

Вот и всё. Сейчас Свободовцу не дадут пройти, и сталкер решит перебраться через железнодорожную насыпь вдалеке от поста, там, где никогда не бывает людей. Именно там, справа от моста, Зверь и подкараулит свою жертву.

— Свои. Анархия — мать порядка. — Выпалил Свободовец требуемый пароль.

— Хаос — отец порядка. — В тон ему отозвался охранник. — Проходи.

Что? Его пропустили? Макс не переставал удивляться своей жертве. Видимо, Свободовец был не последним человеком в своём клане и в зоне вообще.

Жаль, под маской лица не разглядеть…

Зверю стоило бросить это самоубийственное занятие, отказаться от охоты на важного сталкера, прежде чем по его душу явятся Охотники, но отступить дважды за один день он не мог. Не позволяло упрямство, вполне человеческое упрямство…

Правда, была ещё одна проблема — от жертвы хищника отделяли пятеро вооруженных бойцов подразделения «ВС», а мимо них не пройти. Можно, правда, в обход, но тогда цель

уйдёт. Надо было действовать быстро.

Зверев глубоко вздохнул, перекрестился, как делал это до пленения членами клана Грех, и вышел на тропу.

— Стой, кто идёт?! — Вновь прокричал часовой.

— Я шаман. Иду к Болотному доктору. Пропустите.

— Шаман? — Солдат оглядел незнакомца.

С виду Зверев идеально подходил под описание сталкера-шамана, которые обычно одевались в чёрные балахоны с глубокими капюшонами.

— Товарищ капитан, тут человек. Говорит, что шаман.

— Шаман? — К мосту вышел седовласый мужчина лет пятидесяти.

Макс готов был поклясться, что когда-то этот вояка имел хорошее звание и работал в Москве или Киеве, а потом был разжалован и сослан в Зону.

— Лицо покажи, шаман. — Капитан усмехнулся. — Много вас таких здесь ходит. Все под шаманов косят…

Зверев знал, о чём говорит капитан. Сталкеров-шаманов так и прозвали потому, что они никогда не носили с собой оружия и тяжелой брони, помогли всем без исключения — и военные и сталкерам. Именно поэтому шаманов пропускали везде, и поэтому им так доверяли и сталкеры и бойцы «ВС».

Медленно, словно боясь сдвинуться с места, Макс скинул с головы капюшон, и все обитатели блокпоста увидели ссадины, оставшиеся на правой скуле после падения на бетонный пол в бункере Сидоровича.

— Где отвесили? — Командир блокпоста внимательно поглядел на собеседника.

— Ваши. — Зверев махнул в сторону деревни, стараясь, чтобы голос звучал как можно более тихо. — Колонна ваша у деревни встретилась. Видите ли, дорогу я не там переходил…

— Эти могли. — Капитан развел руки, показывая, чтобы сталкер продемонстрировал, что он носит под балахоном. Никакой тяжелой брони, конечно, обнаружено не было.

— Шемшук, пропусти убогого. — Наконец смилостивился капитан.

Боец кивнул, и указал Звереву под мост. Охота продолжалась…

Семь минут он бежал параллельно дороге, стараясь нагнать Свободовца, а когда засёк — не поверил своим глазам. По другую сторону асфальтового полотна медленно двигался кровосос — ещё один претендент на его добычу.

Нет, ему Макс отдавать свой завтрак не собирался. Не для этого он шел на блокпост, куда командир колонны вполне мог

сообщить о потасовке в лесу. Это было дело принципа…

Кровосос не спешил атаковать. Как и Зверев, он ждал подходящего случая.

Случай представился, когда Свободовец остановился перед распростёртой посреди дороги аномалий. Выбор у него был невелик — свернуть вправо, и обойти «жарку», или повторить подобный манёвр, повернув влево.

Зверь и кровосос напряглись. Теперь и мутант заметил человека. Злобно сверкая глазами, они ждали, какое действие предпримет человек в экзоскелете…

Свободовец шагнул вправо, и тут же в спину ему вцепились мощные лапы мутанта. Чудовище швырнуло жертву на траву, но вдруг остановилось.

— Эй, братишка! — Окрик Зверя заставил мутанта обернуться.

Существо в балахоне стояло сейчас перед ним, без страха глядя нависающие до земли щупальца. Это не был человек. Кровосос понял это, как только заметил странного хищника.

Мутант несколько секунд смотрел на Зверя, а Зверь смотрел на мутанта — глаза в глаза.

Два хищника встретились, и каждый хотел забрать добычу себе. Кровосос оскалился, обнажая кривые, желтые зубы. Оскалился и Зверев, убрав с головы капюшон.

Вновь тяжелый, испепеляющий взгляд — глаза в глаза. Один из них должен был сдаться, понять, что слабее и уйти. Первым сдался кровосос. Он взревел, ударил человека в экзоскелете и перешел в режим «стелс». Испугался. Запаниковал. Чисто человеческие чувств проявились в этом существе. Невидимый человеческому глазу, кровосос бежал прочь, а Зверь неотрывно следил за ним, пока мутант не скрылся из виду.

— Спасибо тебе, сталкер. — Свободовец вскочил на ноги, словно только что не ощутил сильнейший удар. — Меня зовут Батрак, а тебя?

— Макс. — Отозвался Зверев.

— Макс. Прямо как одного парня из нашего клана. Того тоже зовут Макс… — Сталкер стянул с головы шлем.

Только теперь Зверев увидел его лицо — широкое, загорелое, с трехдневной щетиной и маленькими, серыми глазками. Макс не знал этого сталкера, никогда раньше его не видел, но что-то во взгляде жертвы напоминало Звереву его самого, когда адепты греха спасли ему жизнь…

Свободовец сейчас думает, что его спасли, и не подозревает, какая участь ему уготована, прямо как Макс год тому назад… Нет, этого человека он есть не станет. Просто не сможет оборвать

уже данную ему надежду. Просто… Просто в Звереве ещё не умер человек, способный сострадать…

Он найдёт другую жертву, другого бедолагу, который отдаст жизнь, чтобы напоить своей кровью его холодеющее тело.

Макс пригляделся, и увидел идущего вдоль насыпи одиночку — стакера в камуфлированной куртке, с обрезом двустволки в руках. Вот кто был его ужином.

— Мне пора. — Прохрипел Макс, глядя на удаляющегося одиночку. — Завтрак стынет.

— В бар? — Батрак воодушевился. — Так я как раз туда иду. Можем через Милитари рвануть. Там тебя примут как родного.

— Я же сказал, завтрак стынет. — Зверев развернулся, и пошел вслед за новой жертвой.

Сегодня он планировал устроить себе маленький праздник…

Макс сам не понимал, почему пожалел этого странного Свободовца, когда была возможность убить его. Инстинкты? Может быть он на уровне звериного чутья понял, что лучше пойти за новичком, чем сцепиться с опытным ходоком? Зверев сам хотел бы в это верить…

Кусок мяса, называемый человеком, оказался проворным. Новичок передвигался на редкость быстро, и Макс даже подумывал отказаться от преследования, но когда парень остановился на привал, решил, что время пришло.

Редко, очень редко человек решается признать свои ошибки, но сейчас была как раз та ситуация. Зверев ошибся. Не прислушался, не принюхался, а просто кинулся на сидящего у костра человека. Кинулся, и рухнул на траву, получив прикладом «М16» в лицо. Только теперь он понял, что и одиночка, так легко выслеженный им, и этот костёр — всё было сделано специально. Охотники устроили ему ловушку, и он попался. Попался, как будто раньше не обходил такие засады. Но теперь уже было не важно, почему он попался. Важно было выбраться.

— Стой, сука, убью! — Охотник, ударивший Макса, вскинул винтовку и выстрелил.

Фонтанчик земли взвился у ног Зверева.

— Я говорил, что это мутант. — Сидевший у костра сталкер встал за спиной хищника с обрезом наизготовку.

Очень грамотно. Охотники расположились так, чтобы в случае чего не попасть друг к другу на линию огня. Очень грамотно…

— Излом! — Охотник шагнул к костру. — Ты излом?

— Я человек.

— Снимай с себя тряпьё!

— Я шаман. — Попытался образумить охотников Зверев, но

всё было бесполезно.

Как чиновник, попавшийся на взятке, он понимал, что теперь мало что зависит от сказанного. Слова больше не играли роли. Не важно, что он говорил. Важно, как было истолковано его поведение.

— Скидывай тряпьё! — Стоящий за спиной Зверя охотник ткнул ему между лопаток дулом обреза.

Напрасно. Всё они делали как по нотам, но вот то, что произошло сейчас, было их роковой ошибкой. Если бы ни этот тычок под ребра, приведший к смещению траектории ствола, всё было бы по прежнему. Макс немного согнул ноги в коленях, и подпрыгнул, делая сальто назад. Рявкнул выстрел, но явно позже. Уйдя с линии огня, он гарантированно подставлял под жекан сталкера со штурмовой винтовкой.

Так и случилось. Ещё до того, как Зверев приземлился на землю за спиной охотника с обрезом, второй рухнул как подкошенный. Сразивший напарника сталкер охнул, попытался обернуться, но Макс отработанным движением крутанул его шею вправо.

Всё было кончено через минуту после начала. Если сюда направлялись другие охотники, то они, скорее всего сочли своих соратников победителями. Пусть думают так и дальше.

Зверь не собирался выяснять, сколько ещё охотников устроили на него облаву, и придут к месту боя. Он бежал, параллельно основной дороге, чувствуя, как приближаются преследователи. А затем лес закончился. Макс оказался перед разрушенным домом, в котором когда-то обитал легендарный Лис…

* * *

Родился он ещё в те замечательные годы, когда все жители восточной Европ звались советскими гражданами. Тогда его отца вместе с семьёй отправили из закрытого городка в не менее засекреченный Чернобыль. Здесь отец Романа Костюкова и работал до первой катастрофы. А потом была эвакуация, и тот, кого сейчас зовут Батрак, оказался в центральной России. Родителей он больше не видел. Кто-то говорил, что и отец и мать погибли на станции в первые секунды после выброса радиации, а кто-то, что уже потом, в больнице. Он же всегда верил, что они живы. Эта детская, наивная надежда была для него всем. Он учился, работал, и знал, что однажды вернётся.

В двухтысячном он получил-таки Украинское гражданство,

поселился недалеко от зоны и занялся изучением так называемого Рыжего, или же Ржавого леса. Потом была вторая катастрофа, и Роман Костюков стал Батраком…

Все эти моменты его жизни промелькнули в один миг, когда Батрак понял, что уже не один. Он ощутил чужое присутствие всем телом, как чувствует человек взгляд другого, не глядя на него. Костюков чувствовал, как в затылок ему глядит кто-то или что-то, но напасть не решается.

Сталкер обернулся, сдернул с плеча винтовку и осмотрелся.

Ничего.

Всё так же парили бабочки над редкими цветками, всё так же устилал землю утренний туман. Всё было по-прежнему.

Почудилось? Может быть, просто от переутомления или из-за недавней схватки с кровососом? А может и впрямь нечто страшное затаилось поблизости.

Чтобы раз и навсегда развеять все сомнения, Свободовец принял вправо, и занял позицию около разрушенного дома, напротив старой фермы. Когда-то в этом доме прятался от своих врагов его друг — сталкер по прозвищу Лис, но теперь от надежного убежища остались лишь две стены, пол и часть крыши. Возникшая полтора года назад, и исчезнувшее почти сразу же аномалия погребла под обломками крыши и Лиса и всех его союзников. Ирония судьбы…

Десять минут сталкер не сводил глаз с лугов и леса, протянувшихся вдоль асфальтовой змейки дороги, но ничего видно не было. Может быть и впрямь почудилось?

Батрак усмехнулся, поднялся на ноги, и в этот момент услышал позади себя скрип гнилого пола. Ошибиться он не мог — кто-то стоял за спиной. Делая вид, что не услышал скрипа, Свободовец потянулся к винтовке, и в этот момент две крепкие конечности схватили его за плечи…

Батрак попытался выпутаться из цепких лап существа, но тщетно. Тогда он уперся ногами о стену дома, и оттолкнулся, что было сил. Оба они — он и его противник, влетели в полуразрушенную хибару.

Только теперь сталкер понял, с кем ему предстоит драться. Противником оказался тот саамы кровосос, который меньше часа назад напал на него, и от которого Свободовца спасла лишь своевременная помощь некоего Макса. Батрак пожалел, что не смог уговорить своего спасителя вместе продолжить путь. А что если бы уговорил? Что тогда? Спаслись бы они и в этом случае, или погибли оба?…

Они схлестнулись на середине комнаты — закованный в броню человек и свирепый мутант. Если бы на Батраке не был

одет экзоскелет, многократно увеличивающий силу, то кровосос переломал бы ему все кости. Воспользовавшись своим единственным преимуществом, сталкер прижал мутанта к полу.

Из последних сил он дотянулся до рукояти ножа, но лапы существа уже сомкнулись на его шее, стаскивая с головы шлем. Нет, этого никак нельзя было допустить. Лишившись шлема, Батрак сразу бы попал под прямой удар кровососа, и получив черепно-мозговую травму, отправился бы в мир иной.

Прижав мутанта к полу левой рукой, сталкер вновь запустил правую за ремень, и занес нож над противником. Несколько мгновений шла борьба за острое лезвие, словно в Лермонтовском Мцыри, но даже в экзоскелете человек не мог ничего противопоставить силе чудовища. Хрустели, сгибаясь, стальные прутья, держащие каркас костюма, а кровосос всё ещё не отступал. Два противника, оба под стать друг другу, катались по полу разрушенного дома, и никто не хотел отступать.

Наконец кровосос изловчился, ударил сталкера ногами, или как там называются задние лапы кровососа, в живот, и перекинул Свободовца через себя.

Замерев на мгновение, Батрак ударил противника в плечо, но кровосос парировал удар.

Сталкер понял свою ошибку, и второй удар нанёс чуть ниже, по диагонали. Снова промах. Матёрый кровосос перехватил инициативу, и бой пошел по совсем другим правилам. Теперь уклонялся Батрак. Он несколько раз ушел от мощных лап кровососа, но так не могло продолжаться вечно. Во время одного из захватов, он нарвался на сильнейший удар, и отлетел к дальней стене, выронив нож.

Всё было кончено. Осознание этого пришло, когда Батрак открыл глаза. Он сразу заметил, что стекла очков потрескались, и в случае очередного удара противник просто снесёт ему голову. А потом случилось совершенно невообразимое — на поляне, за спиной кровососа, показался человек в балахоне…

— Макс! — Что было сил, выкрикнул Батрак.

Стоящий на опушке леса человек принялся крутить головой, ища источник шума, наконец заметил Свободовца.

Батрак ожидал от своего спасителя всего. Он представлял, как Макс достанет из-под плаща шотган или автомат, как он бросит в мутанта ножом, но вместо этого человек в балахоне побежал прямо на кровососа.

Мутант обернулся, широко разведя передние лапы. Теперь уже другой сталкер схлестнулся с ним.

Батрак с изумлением смотрел на разворачивающуюся схватку. Поражала скорость, с которой двигался Макс, прямо-таки

звериная ловкость. Раз за разом попутчик уходил от ударов кровососа, а потом бил сам, да так сильно, что мутант уже после трёх ударов начал тяжело дышать. Видно было, как у Макса из рукава плаща хлещет кровь. Визжал кровосос, хрипел сталкер. А потом хрустнули ломающиеся кости, и все звуки разом стихли.

Несколько мгновений над домом висела гнетущая тишина, а потом прозвучали первые слова:

— Ты в норме?

— Я? Да, я в норме. — Батрак сорвал с головы шлем, и принялся жадно хватать ртом зараженный воздух зоны.

Как же он любил жизнь. Сталкер не мг надышаться. Потом, когда до него наконец дошел смысл происходящего, Батрак начал хохотать, и в довершении всего зарыдал.

Плач то и дело прерывался истерическим смехом.

— Мне пора идти. — Прохрипел Макс.

Батрак поглядел на него и ужаснулся: Лицо сталкера пересекал кровоточащий разрез, со лба катились крупные капли пота, подрагивал нерв под правым глазом.

— Спасибо тебе, брат! — Выкрикнул сталкер, и шагнул вслед за Зверем. — Идём вместе.

Каннибал несколько секунд безучастно взирал на приближающегося человека, после чего выставил перед собой правую руку, и прохрипел:

— Не ходи за мной. Забудь, что видел меня.

— Ладно. — Растерянный Батрак покосился на изодранную когтями мутанта руку собеседника. — На вот, бинт хоть возьми.

Он вытащил из рюкзака упакованный в пластиковый контейнер бинт, и бросил его Зверю.

Сталкер поймал контейнер, распечатал, и дважды обмотнул предплечье.

— Давай, я помогу… — Батрак было двинулся вперёд, но заметив на себе нечеловечески злобный взгляд Зверя, остался на месте.

— Уходи. — Повторил Макс уже спокойнее. — Это для твоей же безопасности.

— Ну, ты, это… — Батрак замялся. — Ты если что, забегай на Милитари. Там тебе всегда рады будут. Друг, ты не представляешь, как я тебе благодарен. Вот на таких людях земля и держится. Человечище!..

Владислав Семеренко
СХОДИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

Наверное, это была глупость. Потому что храбростью назвать это было нельзя. Нельзя было это назвать и особенно умным поступком. Отправиться в Зону одному. Новичком. Первый раз.

Я не был матерым сталкером, не был ветераном походов в Зону, не имел опыта и был плохо подготовлен. Но ведь опыт не получишь в кабаке за разговорами с бывалыми сталкерами. Он не продается у скупщика хабара или барыги, толкающего ворованное снаряжение. Древняя мудрость гласит: мудрый учится на чужих ошибках, умный — на своих, а дурак… дурак он вообще не учится.

В Зоне тот, кто не учится, умирает. Зона не любит дураков. В этом мы с ней похожи.

Считая себя умным человеком с намеком на некоторую мудрость, я наслушался всего, что смог услышать, начитался всего, что смог прочитать и сделал все выводы, которые смог сделать. Теоретическая подготовка закончилась. Дальше меня ожидал мой первый выход в Зону.

Многие новички, как я, поначалу стараются прибиваться к опытным сталкерам. Те, дескать, научат, подскажут, помогут и защитят. Может быть, где-то еще и остались подобные рыцари. Однако, кажется мне, этот вид давно вымер. К чему помогать новичку да еще и подставляя собственную шкуру под клыки псевдособак?

Как мне кажется, чаще всего новички использовались как отмычки или носители вспомогательного снаряжения. Сгинет такой бедолага — так невелика потеря. Свою часть работы он выполнит.

Поэтому я решил все делать сам. Да и натура у меня такая — уж лучше сам попробую, чем буду унижаться и просить мне помочь. Гордый слишком. Что дураков Зона не любит, это я уже понял, а вот любит ли она гордых? Чтобы узнать это, есть один выход. Пойти и спросить у самой Зоны.

Почему Зона? Откуда этот уголовный сленг? Когда Чернобыль бабахнул второй раз, на месте радиоактивного заражения образовалась территория, обладающая множеством неизученных аномальных свойств. Все по Стругацким, только без инопланетного вмешательства. И куда опасней. Мутанты, аномалии и люди — хорошенький коктейльчик. А если к нему добавить вишенку бесценных артефактов, то мы получим

бесспорный хит всех «баров». Тайна, круто замешанная на опасности, деньгах и крови, всегда манила искателей приключений всех времен и народов. Что ж, пришла пора и мне пополнить их ряды.

Подготовка к выходу не заняла много времени. Банально по той причине, что я имел минимум снаряжения. Еще здорово повезло достать через одноклассника-военного старый АК-74 из армейского тира. И целых сорок восемь патронов к нему. Какой там детектор аномалий! Стоит бешеные деньги. Куда там до бронежилета или защитного костюма! Во-первых, все-равно новичка бы облапошили и всучили втридорога какую-то ерунду, а во-вторых — опять же бешеные деньги.

Рюкзак с припасами, веревкой, аптечкой и плащ-палаткой, флектарный камуфляж и респиратор составляли все снаряжение юного сталкера. Из вооружения на поясе висел охотничий нож с отличной пилкой, а за спиной болтался ворованный калаш. Оставшиеся после снаряжения магазина патроны закинул в нагрудный карман, надеясь, что возможность дозарядить магазин у меня еще будет. Долго думал, брать ли бинокль. Потом оставил дома. Все-равно не зная особенностей Зоны издалека ты ничего не разберешь. А если вовремя не среагируешь на опасность вблизи, то бинокль уже не поможет. А так лишняя тяжесть и неудобство.

Для проникновения в Зону было три варианта. Первый самый просто и самый опасный попросту незаметно пролезть через периметр, миновать патрули военных и перебраться через минные поля. Опасно, зато бесплатно и все зависит от тебя самого.

Вторым способом пользовались или ленивые, или богатые сталкеры. Дать на лапу охране блокпоста и с комфортом войти или въехать в Зону. Опасность для новичков заключалась в том, что малоизвестных сталкеров военные могли попросту взять под белы рученьки и сдать властям. У них ведь тоже был план по поимке сталкеров. Премии и отпуска никогда и никому лишними не были.

Ну а третьим вариантом пользовались ученые и военные сталкеры. Полностью легализированным доступом в Зону в любое время суток.

Я не был ученым или военным и у меня не было достаточно денег и связей на блокпостах. Поэтому из всего многообразия вариантов у меня оставался самый первый и самый опасный.

Чем отличается игра от реальной жизни? Здесь трудность идет не по нарастающей, а по нисходящей. Чем опытней и богаче

сталкер, тем проще ему в Зоне.

Далеко забираться в Зону я не планировал. Сделать кружок в пять-шесть километров и за сутки вернуться назад. Ни к чему сразу лезть в центр Зоны и пытаться собрать все самые ценные артефакты. Достаточно будет, если я просто вернусь без приключений никого и ничего не встретив.

Не особо оригинальничая, я решил изображать из себя диверсанта ночью. Приготовил кусачки для колючей проволоки и стальной щуп для минного поля. Кусачки обошлись в десять гривен, а щуп попросту нашел в гараже, заточив один из валяющихся там электродов от сварки.

Когда я вышел из дома, погода была типично осенняя. Хмурые низкие тучи медленно ползли по небу, освещаемые заходящим где-то за ними солнцем, все норовили искупать в потоках ливня неосторожных прохожих. Я накинул на голову капюшон куртки, подтянул на ней шнурки и подогнал ремни рюкзака, чтобы тот не болтался за спиной. Автомат до поры до времени покоился под курткой. В сгущающихся сумерках подобной маскировки вполне хватало. Тем более что мне нужно было пройти всего минут десять до того, места, где уже можно было не прятать оружие.

Под берцами хлюпали лужи, ветер шевелил опавшую листву, и я зябко поежился, вжимая голову в плечи. Теплый дедовский свитер хорошо спасал от холода, а в рюкзаке покоилась бутылка водки, которая приятно согревала мысли, но психологически погода действовала удручающе. В очередной раз обозвав себя самонадеянный глупцом, я, тем не менее, продолжил свой путь в сторону периметра.

Вскоре я оставил за спиной село и зашагал через бывшее поле подсолнечников. Гнилые соцветия вминались берцами в мокрую почву, а сухие стебли шелестели при каждом шаге. Темная кромка леса неуклонно приближалась. Вот уже окончательно стемнело, и я постоял с закрытыми глазами, медленно считая до тридцати. Когда я вновь открыл глаза, окружающая местность стала видна куда лучше.

Я вытащил из-под куртки автомат и повесил его на плечо. Снимать с предохранителя пока не стал, так как не считал себя достаточно опытным в обращении с оружием и слегка его побаивался. Тяжесть оружия придала уверенности, и вскоре я углубился в лес. До периметра оставалось метров двести. Место было глухое. Лес тянулся на десятки километров, а вырубить достаточно широкую просеку для создания полосы отчуждения военные еще не успели. Или что вероятнее — поленились.

Поэтому они просто поставили на старой лесничской просеке столбы с «колючкой» и заминировали подходы. Заминировали весьма скверно. Как и многое, что делалось в нашей стране.

По просеке ходили военные патрули, но делалось это нечасто и нерегулярно. Поэтому попасться можно было разве что случайно. Я внимательно изучил видимое пространство и минут десять напряженно вслушивался в шумы ночного леса. Стояла тишина. Даже ветер стих к ночи.

Наконец, решив, что я достаточно выждал и убедился в безопасности, я осторожно вышел на просеку. Колючая проволока была обильно увешена табличками в стиле «Стой, проход закрыт», «Запретная зона», «Мины!», «Стрельба без предупреждения», «Военные — козлы». Последняя табличка говорила о том, что военные сюда давно забирались.

Сгорбившись около столба, я принялся осторожно перекусывать кусачками обматывающую его проволоку. Через пять минут проволока провисла в воздухе. Осторожно подставив под нее заранее приготовленную рогатину, я открыл себе проход на ту сторону. Выбрасывать палку я не стал. Тут начиналось минное поле и можно было устроить неосторожный взрыв. Поэтому оставил ее на земле, прикрыв павшей листвой.

Дальше пришлось встать на четвереньки и медленно ползти вперед, тщательно изучая щупом землю перед собой. Пару раз прут натыкался на что-то твердое в земле и приходилось осторожно огибать опасное место. Кроме этого, нужно было внимательно следить, чтобы не попасть в растяжку.

Через три часа ползаний по земле я продвинулся на двести метров. На коленях налипло по килограмму грязи, руки устали протыкать довольно плотную землю, а голова звенела от напряжения. Вообще-то, минное поле должно было закончиться куда раньше. Но я на всякий случай решил сделать запас. Слабо светящиеся часы показывали половину двенадцатого ночи. Я устало привалился спиной к дереву и вытянул гудящие ноги. Я был в Зоне. Странно, но вокруг ничего не изменилось. Тот же лес, те же звуки. Да, это была самая окраина. Но это была окраине Зоны. Места, куда ходили лишь сталкеры, ученые и военные. И я был тут. Несмотря на усталость, я улыбнулся. Впереди было самое тяжелое, но мне почему-то стало легче. Сделать первый шаг всегда трудно.

Я подтянул автомат на колени и все-таки щелкнул переключателем огня. Мало ли что.

Так я просидел около часа. Наконец, ноги перестали ныть, в руки вернулась сила, а сердце замедлилось до равномерного ритма. Хоть я и знал, куда мне идти, я все же достал компас и

сверился с ним. Взял автомат наперевес и двинулся вглубь Зоны.

Утро нового дня встретило меня на месте старого лесничества. Добрался я до него часа за три медленного и осторожного пробирания по ночной Зоне. Уже когда увидел лесничество на опушке, я вдруг вспомнил, что все это время забыл проверять путь перед собой на предмет аномалий. Запросто мог попасть в какой-нибудь «выверт» или «мухобойку». Тогда бы история нового сталкера закончилась едва начавшись. Однако меня спасло мое везение, а еще больше — очень малое количество аномалий в этой районе. Ну и давнее время последнего выброса.

Поэтому, когда я настороженно кидал болты во двор лесничества, я чувствовал себя слегка смущенным. Словно за мной все время наблюдали невидимые зрители, и теперь они смеялись от всей души, мол, вовремя вспомнил новичок про то, как дышать надо.

Двор оказался чистым и безопасным, поэтому я спокойно примостился под навесом покосившегося сарая и постарался отдохнуть перед дальнейшим путешествием.

Проснулся я через три часа от утреннего холода. Ноги затекли, а автомат неудобно натирал магазином колено. Где-то вдалеке послышался вой. Вспомнив свою теоретическую подготовку, я предположил, что это слепые псы встречают рассвет. Бывшие дворняжки поддались мутациям, ослепли и одичали, получив вместо зрения острый слух и тончайший нюх. Эти бестии были способны выследить что-угодно. Как и большинство диких собак, в малом количестве они не представляли опасности для вооруженного и уверенного в себе человека. Но когда псы собирались в стаи, они были способны разорвать даже группу хорошо вооруженных людей.

Поэтому я прислушался к собачьему вою, пытаясь определить сколько там псов и как далеко они от меня. Ветер устойчиво дул от псов, поэтому пока мне можно было не беспокоиться, что меня выследят по запаху.

Итак, нужно было двигаться дальше. Я хотел пройти от лесничества к остаткам свинофермы, а затем вернуться тем же путем назад. Сталкеры в баре говорили, что возде фермы иногда находили артефакты, которые с некоторой периодичностью продолжали там появляться.

Я достал флягу и промочил горло парой глотков воды. Затем открыл бутылку водки и негромко произнес тост:

— С добрым утром.

Хлебнул грамм сорок-пятдесят для согревания и спрятал

бутылку назад в рюкзак.

Ферма находилась в паре километров от лесничества, поэтому этот путь мог занять несколько часов. В зависимости от степени опасности по дороге.

Я двинулся в путь, внимательно изучая местность вокруг себя. В подозрительные места я обязательно бросал болт или гайку. Большинство из них спокойно пролетали и падали там, куда я их бросил. Однако два раза они уберегли меня от аномалий. Первый раз это была гравиловушка, которая выстрелила болт в небо, словно из миномета, а второй раз «жарка» расплавила болт в огненном смерче.

Теперь я наглядно убедился в необходимости тщательно проверять свой путь. Вокруг было относительно тихо и пустынно. Я прошел уже около километра, когда кусты метрах в десяти от меня вдруг зашелестели. Я замер, направив на них ствол своего автомата. Это мог быть кто угодно. От бандита и мародера, до мутанта и другого сталкера. Поэтому, не спуская глаз с кустов, я начал понемногу пятится. Через минуту заросли раздвинулись, и на открытое пространство вышел слепой пес.

Моя спина моментально покрылась холодным потом. С детства я не любил и побаивался собак, а тут я имел дело не просто с дворняжкой, но с мутантом. Пес потянул носом воздух и оскалил пасть. Мой палец задрожал на курке. Меня останавливала только мысль о том, что выстрел неминуемо создаст много шума и лишит последней надежды мирно разойтись.

Поэтому я ждал, когда пес первым выкажет признаки агрессии. Это был крупный зверь с серой отметиной на спине. Он покрутил слепой головой, постоял десяток секунд и резво потрусил в сторону от меня.

Я со вздохом опустил оружие. Зона посмотрела на меня слепыми глазами пса и на первый раз отпустила.

Наконец, через полтора часа, когда солнце стояло в зените, я приблизился к цели моего путешествия. Два сарая и небольшой дом фермы слеповато таращились во все стороны темными провалами окон. Строения были окружены остатками бетонного забора и обильно заросли травой.

Я занял позицию за раздвоенной сосной, прикрытый ее колючими ветвями. В этот момент я пожалел, что не взял с собой бинокля. Было бы неплохо понаблюдать за фермой и окружающей местностью. Я мысленно чертыхнулся и поставил галочку на будущее.

До рези в глазах я рассматривал каждый метр фермы,

пытаясь отыскать малейший намек на опасность. Но ничего особенного я, как ни старался, так и не смог заметить. Ветер исправно шелестел травой, нигде не дрожал разогретый «жаркой» воздух, не взлетали в небо камешки. Присутствия людей или мутантов я тоже не заметил. Словно это была обычная брошенная ферма, коих много осталось в стране со времен СССР.

Наконец, я не выдержал и решил двигаться дальше. Меня подстегивала мысль об обратном пути. Я хотел засветло вернуться к лесничеству, переждать там закат с тем, чтобы ночью снова пересечь периметр и утром уже быть дома.

Поэтому я выставил вперед автомат и двинулся к забору. Ремень автомата был намотан на левую руку, которая держала его за цевье. Поэтому даже когда я отпускал автомат правой рукой, чтобы достать и бросить вперед очередной болт, оружие исправно оставалось готовым к стрельбе. Я присел возле разрушенных ворот и принялся осматривать внутренний двор. Справа я все-таки заметил «жарку». Воздух там колебался, словно земля источала тепло. В остальном же ничего аномального я не заметил. Я решил осмотреть все три здания и только после этого отправляться в обратный путь.

Ближе всего ко мне находился главный сарай. Длинное и приземистое здание, каких во множестве стояло по странам СНГ. Двери, сорванные с петель, валялись рядом уже порядком заросшие травой и присыпанные палой листвой.

Бросая болты, я дошел до входа и, включив фонарик, вошел внутрь. В нос ударил запах сырого камня и влажного затхлого воздуха. Ничего, успокоил я себя, в Зоне это еще не самый неприятный аромат. Всего лишь обычный запах давно брошенного строения.

Через разбитые окна внутрь проникал свет, но все-таки еще оставалось множество темных закоулков, которые я внимательно оглядывал. Зачем я это делал? Наверное, мне просто было интересно. Вскоре я убедился, что ничего особенного в здании нет. Я прошел уже половину его длины, как вдруг очередной болт рвануло вверх, он гулко ударился о крышу и срикошетил в сторону. Прямо посредине прохода между свиными загонами приютилась гравиловушка. Обойти ее по проходу не представлялось возможным, поэтому я взобрался на парапет и медленно двинулся дальше. Луч фонарика скользил по брошенным загонам пока, наконец, в его луче не появилось нечто, заслуживающее внимания. Это было не похоже ни на камень, ни на доску, ни на нечто природного происхождения. Больше всего это нечто смахивало на обломок камня, но с закругленными гранями, словно он долго пролежал в море, и вода сгладила все

острые края.

Я спрыгнул в загон и присел рядом с находкой. При ближайшем осмотре я увидел, что структура артефакта неоднородна. Здесь виднелась земля, камень, какие-то растения и вроде даже кости. Все это перемешалось и плотно слепилось вместе, образуя причудливую форму красноватого оттенка.

Сталкеры называли этот артефакт Кровь камня. Я слышал, что среди них бытовало поверье о том, что в этом артефакте заключены души или энергия людей, погибших в гравиловушке. Артефакт обладал свойствами ускорения заживления ран. Сколько он мог стоить я не знал, но догадывался, что немного. Уж больно часто упоминался он в информационных выпусках и чаще других встречался вне Зоны. Немного относительно других артефактов, естественно.

Но для меня это была настоящая удача. Первый найденный артефакт. В первом самостоятельном выходе в Зону. Я как-то забыл, что он был радиоактивен. Несильно, конечно, но при длительном облучении был способен выдать приличную дозу. Все это я помнил на фоне сознания. Сейчас же меня захлестнула радость находки. Я бережно поднял слегка подрагивающий артефакт и принялся его рассматривать. Он был теплым на ощупь и даже через перчатки грел руки. Я достал из рюкзака обычный полиэтиленовый пакет и завернул в него свою находку. При этом я нервно хихикал — кто бы подумал, что артефакты с аномальными свойствами переносятся завернутыми в обычный пакет, словно буханка хлеба!

Я снова взобрался на перепет и принялся еще раз внимательно обыскивать сарай. Вдруг здесь были еще какие-то артефакты. Однако скоро мне пришлось разочароваться — ничего нового я так и не нашел. Я вышел на дневной свет и таким же образом обследовал второй сарай поменьше.

Аномалий там было куда больше. Поэтому я осторожно побросал гайки, понаблюдал за их рикошетами, да и убрался оттуда подобру-поздорову. Рюкзак грел спину. Еще бы! Там лежал целый артефакт, которого никто и никогда не видел из обычных людей!

Я уже был готов возвращаться, посчитав свою задачу выполненной, но для очистки совести все же решил проверить и дом.

Когда под моими берцами заскрипели рассохшиеся половицы, из глубины дома вдруг раздался голос:

— Пацаааан! Помоги, браааат!

Я удивленно застыл на месте. Голос принадлежал усталому или раненному нестарому мужчине. Сделав еще несколько шагов,

я заглянул в одну из комнат. Привалившись спиной к стене, там сидел молодой парень. На вид ему было двадцать-двадцать пять лет. Кожаная куртка, спортивные штаны с тремя белыми полосками по бокам и неизменные кроссовки красноречиво рассказывали о своем владельце. Не хватало кепки в стиле «уточка» для завершения формы одежды «гопника обыкновенного».

— Пацаааан! — протянул парень, увидев меня с автоматом наперевес. — Не стреляй, брат! Помоги!

В голосе слышались жалобные нотки. Он был ранен. Я посмотрел на его ногу и заметил, что штанина была распорота и кое-как перемотана какой-то тряпкой явно найденной в этом доме.

— Ты кто? — спросил я больше для того, чтобы сказать хоть что-то, чем для того, чтобы реально что-либо узнать.

— Да мы тут с пацанами… понимаешь… — начал гопник. — Были тут… типа… короч, тема мутная.

Я недоуменно пожал плечами. Оружия при нем я не заметил. Также как и какого-то снаряжения или рюкзака. Он явно был брошен здесь своими дружками, которые не захотели тащить его на себе.

— Ну я это… — продолжал тем временем парень. — Короч, типа не свезло мне. Цепануло меня арматуриной и трындец. Помоги, брат, будь пацаном!

Этот неудачник даже поранился не в аномалии или при встрече с монстром. Банально зацепился за торчащую арматурину. Я мысленно усмехнулся, продолжая сохранять хмурое выражение лица.

— И че теперь?

— Ну, я эта… помоги, а. Будь пацаном!

Мне ой как не хотелось помогать этому идиоту. Он и его дружки явно охотились здесь на таких, как я, неопытных новичков. Которых можно пошмонать, отобрать находки, снаряжение, а если жертва сопротивляется, то и прирезать списав труп на монстров. Однако где-то в глубине души мне уже было стыдно за то, если бы я его бросил просто так. Словно опять кто-то невидимый уже увидел мой поступок и теперь оценивал его. Мне же не хотелось разочаровывать этого невидимого наблюдателя в своем благородстве.

— Ладно. Хрен с тобой. Вытащу тебя отсюда, — наконец произнес я, наблюдая, как лицо гопника расплывается в неприятной улыбке обнажающей щербатые зубы.

Я помог ему подняться и, переложив автомат в левую руку, поддерживая, вывел на улицу. Раненный хромал и подпрыгивал

на одной ноге вполне резво для того, чтобы мы не провозились с обратной дорогой до следующего утра.

Мы двинулись по уже пройденной мною дороге почти с той же скоростью, с которой я пришел сюда.

— Как тебя звать-то? — спросил я.

— Валик Корявый, — отозвался мой подопечный. — А тя, брат?

Он упорно продолжал меня называть братом или пацаном. Знал я эту породу. Пока они находятся в уязвимом положении ты для них кум, брат, сват и вообще реальный пацан. Но стоит им почуять собственную силу, как ты тут же становишься лошарой, терпилой или просто «васей». Пока что мне было нечего волноваться. Я был ему нужен, и он был готов лизать мне подметки ботинок, лишь бы я вытащил его отсюда. Поэтому я произнес:

— Свят. Святослав, — уточнил я.

— Крута, Свят. Рад, типа… э-э-э… знакомству, — тут же отозвался Корявый.

Так как, моя правая рука была занята, я дал ему болты и приказал бросать их по моему слову в указанное место. Так мы прошли метров восемьсот. Ферма скрылась за деревьями и скоро мы должны были увидеть остатки лесничества. Гопник попытался начать травить анекдоты, но мне пришлось невежливо заткнуть ему рот.

— Та лана, ха-ха-ха, прикольна! — попытался отшутиться он, но заметив мой мрачный взгляд, осекся.

Меня всегда бесил их смех и сейчас я уже был готов отдать лежавший в рюкзаке артефакт за то, лишь бы никогда не встречаться с Корявым. Однако приходилось мириться с тем, что я имел, поэтому я продолжал двигаться к намеченной цели.

Собака бросилась на нас совершенно неожиданно. Она явно давно поджидала нас и атаковала сзади абсолютно бесшумно. Когти полоснули по куртке и сбили меня с ног. Я упал, подставив плечо и перекатился на спину. Корявый с истошным воплем рухнул рядом схватившись за ногу. Слепой пес отскочил на пару метров и приготовился ко второму прыжку. Во время падения, у меня с плеча слетел автомат, поэтому я лихорадочно ощупывал пространство рядом с собой никак не находя приятного холодного металла. Собака шевелила ушами и принюхивалась, определяя наиболее опасного противника. Вопящий воняющий кровью и страхом гопник показался ей меньше угрозой, чем я. С рычанием, собака прыгнула, метя в горло. Инстинктивно я выставил перед собой локоть, и зубы сомкнулись на плотной

материи. Одетый под куртку плотный дедовский свитер смягчил укус и на какое-то время защитил руку от серьезной раны.

Собака оказалась тяжелой и придавила меня к земле своей тушей. Она рычала и рвала на мне куртку, я же не мог пошевелиться и мне оставалось только пассивно сопротивляться, не подпуская ее к горлу. Страх не успел проникнуть в душу, так быстро все произошло.

— Помоги! — прохрипел я. — Падла, помоги!

Но Корявый испуганно вскочил на ноги, моментально забыв про свою рану. Он даже не посмотрел на автомат, лежавший не так далеко от него. С криком «бляяяяя» он нырнул в ближайшие кусты и припустил словно заяц.

— Суууука! — крикнул я в бессильной ярости. — Стой, гнида!

Ярость придала мне силы. Правой рукой я удачно огрел собаку кулаком по носу. Она взвизгнула и на пару секунд отпустила захват. Этого мне хватило для того, чтобы выхватить из чехла свой нож. Псина снова навалилась на меня тушей не давая вздохнуть. Поднатужившись, я все же отодвинул ее на пару сантиметров высвобождая правую руку для удара.

Отличная закаленная сталь легко вошла под ребра псу. Раздался пронзительный скулеж, я же продолжал наносить удары один за другим. Сдохни, сдохни, тварь!

Наконец скулеж прекратился, а хватка ослабла. На дрожащих ногах я поднялся с земли. Хорошо видимая серая отметина спине тут же бросилась в глаза. Вот и пришлось нам встретиться снова.

Я обратил внимание на свою руку. Она начинала наливаться тупой болью. Края куртки были изорваны и на лохмотьях выступила кровь. Мне было некогда заниматься своей раной, поэтому я подобрал автомат и заковылял в сторону лесничества.

В голове клокотала ярость. Если бы не помогал этому придурку, не подставился бы так глупо. Вот тебе и брат. Слинял при первой же возможности, оставив меня умирать в зубах мутанта.

Уже начало смеркаться, когда я доковылял до лесничества. Окинул взглядом постройки и заметил на досках забора темные пятна крови. Тут кто-то был. Кто-то раненный опирался на забор хромая к остаткам дома. Раненных в ногу людей в округе я знал не так много. А точнее всего одного.

У Корявого не хватило сил снова заползти в дом. Он выдохся на ступеньках веранды. Грудь его тяжело вздымалась, а открывшаяся рана хлестала темной кровью. Увидев меня, он испуганно выдохнул.

— Пацаааан… я не хотел… сукой буду! Мне совсем херово… бля.

Э нет, вот теперь никакой жалости во мне не было. Я молча подошел к нему, с удовольствием наблюдая за увеличивающимся страхом в его серых глазах Я резко ударил каблуком ботинка по его раненной ноге. Гопник истошно взвыл, схватившись за рану. Кровь хлынула еще сильнее.

Вот теперь я был доволен. Близилась ночь, а такое количество крови никого не оставит равнодушным. Если бы это была не Зона, он умер бы от потери крови к рассвету. Вот только теперь это отребье не проживет и пары часов.

Также молча я вышел из дома и направился в сторону периметра. Метрах в двухстах от лесничества, когда я уже порядком углубился в лес, остановился под деревом и меня вырвало. Напряжение, усталость, кровь и боль сплелись в единый клубок.

Я откупорил бутылку и полил свои собачьи укусы на руке водкой, кое-как перевязал их и принял внутрь сорокаградусного лекарства. Приложился я к бутылке от всей души. Глотал недорогую водку большими глотками, почти не ощущая вкуса. Когда в голове зашумело и боль отошла на второй план, я двинулся дальше. Когда я полз по минному полю, снова прощупывая его зондом, мне уже было не страшно. Подумаешь, мины. Двести грамм быстрой смерти в пластиковой коробке. Это вам не сдохнуть с разорванной ногой, истекая кровью в пасти собачьей стаи.

Колючая проволока показалась родной и старой знакомой. Здесь ходят люди. За ней нет аномалий и мутантов. За ней есть только люди, которые пострашнее всего этого.

Я перебрался через периметр и на радостях допил остатки водки. Когда я, пошатываясь от спиртного больше, чем от усталости, вышел к поселку, стояла глубокая ночь. В голове шумело и до смерти хотелось холодного пива.

Полупьяная продавщица круглосуточного киоска не очень удивилась такой же пьяной и грязной физиономии в окошке ларька, которая протянула мятую пятерку и попросила две бутылки «львовского похолодней». Сев на лавочку, я откупорил первую бутылку и залпом отпил половину. Затем достал из рюкзака свою добычу и расплылся в довольной улыбке.

Зона отпустила с подарком. А значит, она ждет меня снова.

Камент: написано хорошо, четко, но атмосфера Зоны отсутствует напрочь.

Виталий Тримайлов («PANZER»)
ПОСМОТРИМ, КТО КОГО!

Я вообще-то человек не агрессивный, меня не тронь и я никого не трону, хожу по своим делам, топчу Зону, где артефакт добуду, где поручение чьё-то выполню, так и живу, деваться-то куда? Впереди ЧАЭС, позади кордоны Объединенных войск, с блокпостами и патрулями. Назад ходу нет, никак! Вперед и самому особо лезть не охота, хватает Темной долины, армейских складов, да «Ростка» с Агропромом, даже на Янтарь стараюсь лишний раз не лезть. Зачем? Хабар там может и можно хороший добыть, только, как бы этот хабар жизни не стоил или того хуже! Зачем хабар мертвецу или зомби? Правильно — незачем! Вот и болтаюсь по близлежащей от бара «100 рентген» территории, я ж не жадный, много мне не нужно, так, пожевать бы чего, «прозрачного» накатить, в профилактических целях, да экипировочку подлатать, да патронов для своего «калаша» прикупить, куда же без этого-то?! И все было хорошо, до поры до времени, но ума не приложу, с чего вдруг все изменилось…

Возвращался я с «Агропрома», шел через Свалку, патроны были на исходе, почти все потратил, отбиваясь от бандитов, вот у Резака и хотел разжиться боекомплектом, чего-чего, а этого добра у него хоть отбавляй, он на месте сидя себе хабар добывает, паскуд мародеров отстреливая. Артефактов у него не много, но оружия и патронов, этого завсегда в избытке.

Вот, значит, вышел я к Свалке. Миновал опоры, крюком обогнул холм, тот, что весь в аномалиях, местность более-менее известная, выбросов давно не было, значит, и аномалий новых не должно было появиться, потому шел вполне уверенно, ходко. Где-то в отдалении, в направлении дороги на Агропром залились чьи-то автоматы, по звуку «калаши», наверное, мародеры кого подловили в засаде, а может и сами от кого отбиваются. Ребята из «Долга» иногда делают вылазки, гоняют босяков, пачками ложат, да все без толку, хрен его знает, откуда они берутся, но меньше их в Зоне не становится, такое впечатление складывается, что и они порождения Зоны, хотя, может так оно и есть, вряд ли, конечно, скорее причина не уменьшающегося ихнего поголовья, это слепая человеческая жажда наживы! И трусость! Самим-то стремно лезть в глубь зоны, вот и ошиваются на периферии, у кордонов да на Свалке, подлавливают измотанных ходками сталкеров и мочат их, а бывает же, что порой и порожняком идешь, так не за понюшку табака и жизни лишают… Суки!

Самому тяжко в Зоне. Я то и сам редко в одиночку хожу, но в этот раз, так получилось — напарник мой в «мясорубку» угодил, молодой совсем был, и в Зоне без году неделя. Жаль парня. Но видать судьбина такая у него. Не нужно было в этот раз со мной идти. Повелся на то, что с ветераном пойдет, думал от этого безопаснее будет. Хренушки там! И ветераны Зоне не указ, раз решила кого прибрать, так обязательно приберет! Она тут хозяйка, а мы все под Зоной ходим.

Так вот, дошел я до Резака. Все чин-чинарем, я ему бабки, он мне разгрузку патронами забил, о новостях свежих поведал. Что да как тут, на границе. Хотя, что тут может произойти? Тишь да гладь! Ну, постреливают изредка, мародеры подлянки строят, а так-то все спокойно. Перекурил я у них, у костра посидел, дал ногам отдохнуть, съел тушенки банку, но не век же сидеть. Пошел себе дальше. Путь не близок, не далек, а короче от сидения не становится.

Заморосил мелкий дождик. Оно и к лучшему, аномалии лучше видны будут, хотя какие тут аномалии, баловство одно, да и те все на своих местах, разве что указатели не стоят.

Вечерело, и я прибавил шагу, не очень хотелось и эту ночь под открытым небом ночевать, хоть до поста «Долга» добраться, а там можно было без опаски в вагончике отоспаться, благо и кровати там имеются, даже с матрацами!

Все бы ничего, да только удача моя видимо кончилась в этот вечер.

Прошел я депо, осталось в принципе лишь одно место стремное, на повороте в Темную долину, его бы проскочить тишком, и все, ты в дружеских объятиях «долговцев».

Прижавшись как можно ближе к холму, так что ДА трещал не умолкая, прокрался мимо развалин и, уже прибавив шагу, почти до баррикады из панелей добрался, как с блокпоста грянул выстрел!

Что за черт!

Я рухнул в бурьян, как подкошенный.

С какого это переляку «долговцы» по честному сталкеру палят?!

Очень хотелось это узнать, но желательно при жизни.

Не привлекая внимания, я стал отползать назад.

А за баррикадой какая-то суета поднялась. Никак готовилась поисковая партия. Эта мысль добавила мне прыти. Уже через пару минут, я, под прикрытием «КамАЗа», пригнувшись, уходил в сторону Темной долины.

Почему туда? Да потому что туда на ночь глядя, ни один нормальный человек не пойдет. Значит и меня там искать не

будут!

Фонило страшно, но почти по наитию, я обходил аномалии, и вскоре был уже довольно далеко от блокпоста «Долга». К сожалению, это отнюдь не значило, что я в безопасности. Местность между Свалкой и Темной долиной буквально кишела всяким мелким зверьем, тушканчиками да слепыми собаками, они хоть и были мелкими, но в стае были страшнее кровососа! Следовало где-то укрыться, и как можно скорее, ночь не для людей в Зоне. Ночь в Зоне смертельно опасна!

Выбор был не велик — либо устроится на каком-то дереве, либо забраться на одну из смотровых вышек, коих в этой местности изрядное количество. Деревьев было, конечно же, больше, но на вышке было, определенно, удобнее, тем более что одна была, сравнительно недалеко, и можно было рискнуть добраться до нее.

Уже было действительно темно, и риск не заметить аномалию возрос в несколько раз.

Но вскоре я уже устраивался за баррикадой из мешков, на одной из вышек. На ступеньках, на пролет ниже я разложил пустые жестянки от патронов, которые нашел тут же, эта, своего рода, сигнализация, обезопасит меня от нежданных гостей. Собаки и тушканчики не имеют привычки залазить на вышки, но у зомби и кровососов на это ума вполне может хватить.

Теперь, устроившись в относительной безопасности, можно было подумать и о том, что же произошло у блокпоста «Долга».

Первым делом, следовало заглянуть в ПДА. До этого он был просто выключен, как и должно быть в Зоне, лишний раздражитель тут может стоить жизни. Это новички, в первый раз увидав наладонник, носятся с ним как дурень с писанкой, пока не поймут, что он не решает их проблем, а только добавляет их.

Лучше б я его не включал. Приятного я там узнал немного, а если конкретнее, то вообще ничего хорошего я из новостей, пришедших на ПДА, не узнал, по крайней мере, для себя…

Уж не знаю, с каких таких радостей, но «долговцы» вдруг решили, что я замочил кого-то из них. Абсурд! Я пока в своем уме, а ссорится с одной из мощнейших группировок Зоны равносильно самоубийству! Даже хуже!

Абсурд абсурдом, но если мне не удастся их переубедить, я больше не жилец! Ребята в «Долге» крепкие, и если кого из них убили, остальные будут землю рыть, но убийцу найдут, дабы его шкуру натянуть на свои боевые барабаны!

Хорошая идея! Просто отличная! Осталось только придумать, как ее воплотить в жизнь…

Варианта было два. Первый, пойти к «долговцам» и объяснить

им, что если кто и убил кого-то из них, то это был не я! Собственно, ничего сложного, за исключением того, что, завидев меня, они откроют огонь на поражение, мало интересуясь тем, что я хочу им сказать. Вариант второй, был менее самоубийственен — следовало найти того, кто убил «долговца», и предоставить его на суд общественности. Осталось самая малость, на площади Зоны, совсем не маленькой, напичканной аномалиями, жаждущими моей крови «долговцами», не менее кровожадными «монолитовцами», «свободовцами», мародерами и монстрами, найти того, кто прикрылся моим именем и совершил такое роковое для меня убийство! Н-да, задачка не из легких…

С такими невнятными мыслями я и уснул…

Как и обычно, проснулся рано, с первыми лучами восходящего солнца. Дождь ночью прекратился, тучи рассеялись, лишь в вышине тут и там висели легкие перистые облака.

Особо не высовываясь, осмотрел местность в бинокль. Было довольно пустынно, лишь вдалеке пробежала небольшая стая слепых собак. Ни зомби, ни крупных хищников-мутантов видно не было. Кровососы днем обычно сидели по подвалам, а химеры тут не водились. Так же тут редки были кабаны и псевдогиганты, те в основном почему-то обитали в районе армейских складов, и дальше, по дороге к Припяти, реже на Агропроме.

Когда с разведкой было покончено пришло время завтраку. Нужно было что-то срочно «кинуть в топку», потому как, скорее всего, отсюда вскорости придется сваливать и достаточно проворно.

Расправившись с банкой тушенки, я, наконец, решил выйти на связь. Скорее всего, после разговора мне придется спешно отсюда убираться. Вполне возможно, что «долговцы» смогут запеленговать мой ПДА, для этого у них достаточно технических возможностей. А рисковать и недооценивать противника я не привык. Поговорить решил с барменом из бара «100 рентген», уж он-то точно в курсе дела, да и база «Долга» находится рядом, так что возможно он владеет информацией из первых рук.

Бармена все звали — Бармен. Вообще имена тут редко фигурировали, да и мало кому были интересны. Все мы тут временно, вне зависимости от поставленных перед собой целей, потому и не интересовали друг друга, в Зоне более чем где-либо жизнь человеческая стоила не больше копейки, что собственно можно было наблюдать на моем примере.

Я вызвал Бармена в приватный чат.

«Привет», — набрал я на клавиатуре ПДА.

«Ну, привет, Зига», — тут же оттарабанил Бармен, словно

только и ждал моего приветствия.

«Ты в курсе?»

«Еще бы, тут вся база на ушах…»

«Конкретнее…»

«Тебя ищут! Ты зачем Бугая завалил?»

«Я его в глаза ни разу не видел!»

«Тебя видел Хмурый. Он все и рассказал тут…»

Хмурый. Его я знал, как и он меня. Когда-то, когда он не был еще «долговцем» мы сделали несколько ходок на пару. Уж меня-то он, наверное, спутать ни с кем не мог. Что же это за хрень такая происходит?!

«Что он сказал?»

«Что видал, как ты застрелил Бугая».

«Я его не убивал!»

«Мне похер!» — Честно признался Бармен. В принципе, его не за что было осуждать, он просто обязан был соблюдать нейтралитет. Так или иначе, ему приходилось общаться с разными людьми, от мародеров до научников и военных. Его никто не трогал. Но и ему все были, если не безразличны, то, по крайней мере, малозначимы.

«Я его не убивал…» — повторил я.

«„Долговцы“ думают иначе… Им нет резона не верить Хмурому…»

«Это понятно… Где это хоть произошло?»

«Хмурый говорит, в районе Радара».

«Так я же был на Агропроме! Это же совершенно в другой стороне!»

«При встрече расскажешь это Хмурому…» — шутник, мать его… — «Кто тебя там видел?»

«Васек, парниша, что со мной ходил…» — я понимал, как все глупо складывается…

«Где он?»

«Попал в „мясорубку“…»

«Тады — „ой“!» — фразой из старого анекдота ответил Бармен, и мне трудно было с ним не согласиться. Получалось что на данный момент ситуация такая: мое слово, против слова Хмурого. А ему и я бы поверил — мужик начисто лишен воображения! Закавыка только в том, что меня там не было! И Бугая я не убивал! Осталось совсем немного — убедить в этом ребят из «Долга»…

«Ладно, я побежал…»

«Удачи, она тебе пригодится… Даже я уже знаю, что ты где-то в Темной долине. Жди гостей…»

Черт! Не думал, что так скоро меня вычислят! Нужно было

уходить!

Я выключил ПДА. Еще раз осмотрелся с высоты вышки. Местность была безлюдна, что радовало, не видно было и монстров. Хоть в чем-то везло.

Спуск на грешную землю много времени не занял. А вот путь к Радару был не близок — дня два придется топать, но выбора не оставалось. Нужно было идти. Не хотелось соваться в глубь Зоны, но мне просто не оставляли выбора! Более того идти нужно будет по не самым удобным местам. Утешало одно, что и «долговцам» будет не сладко, им-то придется вторгнуться на территорию «Свободы», а у них война! Впрочем и я там не был желанным гостем… Как бы наши тайные тропинки не пересеклись раньше, чем я смогу доказать свою невиновность…

Путь был долгий, но осилит дорогу идущий! Я конечно делал большой крюк, но иначе не получалось, проторенные тропы были потенциально опасны! Хоть и стало известно мое местоположение, тем не менее, не весь же «Долг» за мной пойдет, а «долговцы» не только на базе отсиживаются, имеют они такую дурацкую привычку по Зоне шляться по своим делам «долговским» как ни как, а мир от Зоны стерегут, воюют, против нее, значит! Идеалисты, мать их… Тут же, на тропах нехоженых, случайно встретить «долговцев» маловероятно, посему я их и выбрал.

Погода особой ясностью не радовала — было По-обыкновению пасмурно, время от времени мелкой моросью с неба сыпало, в общем, обычная погода, редко в Зоне она бывает лучше, ну, и на том спасибо, бывало и хуже.

Шел я, экономя силы, не торопясь, торопливость в Зоне редко к добру приводит, но и особо не задерживаясь. Зверье меня не беспокоило, хоть и попадалось на пути, вдалеке, правда, то стая собак слепых, то семейство кабанов с выводком, а так-то спокойно все. От покинутых сел держался я в стороне, все больше заросшими бурьяном полями шел да разросшимися посадками, даже, тут и там, попадающиеся фермы и станы обходил стороной, кто его знает, что или кого я там мог встретить, если не засаду «долговскую», так просто сталкера, оно-то может и безопасно, но стоит кому-то на глаза попасться и слух пойдет, а оно мне надо?

Так и продвигался вглубь Зоны. С каждым километром идти становилось все опаснее. Если на периферии, в районе той же Свалки, последствия выбросов не так заметны, то тут, на Милитари и ближе к Радару, всяческая аномальная активность была и выше и непредсказуемой. И так-то на карте были обозначены не все аномалии, так и достоверностью эти данные

отнюдь не отличались. Активность порождений Зоны как живой, так и неживой здесь была значительнее выше. Аномалии носили временный характер, то проявляясь после выброса, то пропадая со временем, редкие из них были на одном и том же месте дольше двух выбросов. И мутантов здесь было не в пример больше, чем на границе, и все, твари, одна другой хуже! Оно конечно, мне было не привыкать, но и радости особой как-то не приносило, и без того забот полон рот, но, ничего не попишешь — мне просто необходимо было пробраться на Радар!

Уже смеркалось, когда я вышел к северной границе района Милитари. В бинокль даже базу «Свободы» видно было, но, понятное дело, ближе подходить я к ней не стал. «Свободовцы» народ чудной, чтобы не сказать больше, и сталкеров вольных недолюбливают, палить начинают и имени не спрося. Так что я посчитал за лучшее держаться от них вдалеке, нашел «КамАЗ»-будку, забрался в него, дверь за собой закрыл, да на ночлег там и пристроился — ночью спать нужно!

День завтра обещал быть суматошный. Я уже был недалеко от Радара, и, возможно, близок был и к разгадке убийства, в котором меня обвиняли.

Мелкая морось дождя шелестела по ветхой крыше фургона, убаюкивала. Завернувшись в спальник, я смотрел в борт будки, невольно задумавшись о своей столь невеселой судьбине… Казалось, я всю жизнь прожил тут, в Зоне, среди монстров, аномалий и других, таких же, как я бродяг, но ведь это было не так! У меня же была жизнь до Зоны! Были родители, было жилье, была работа, были друзья и подруги… Все это было — я точно знаю! А вот помню уже смутно, хотя, сколько я тут, не долго ведь, года три-четыре, наверное… Трудно сказать точнее, здесь и лето-то от зимы не очень отличается, трудно ориентироваться, порою день как год тянется, а порой неделя мигом пролетает, словно и не было ее… и не аномалии это временные, как некоторые утверждают, нет, это просто жизнь здесь такая! В Зоне каждый день последним быть может, вот и тянется, словно сама жизнь, а на Кордоне, в относительной безопасности, скукотища, отсыпаешься там, за все ночи недоспанные, за всю нервотрепку, за всю усталость… Отсыпаешься и ешь! Ешь от пуза, до «невмоготу»! Пока есть такая возможность! Ведь завтра, в Зоне, и вяленому собачьему хвосту рад будешь, так порой прижмет, да и хвост не всегда в рюкзаке есть… Хотя, если разобраться, ну кому это все нужно?! Ежедневный смертельный риск, в погоне за чем?! За артефактами? Так и хватает выручки за них только чтобы боезапас пополнить, одежку подлатать, да на Кордоне

расслабиться… и все! Все! Никаких сказочных богатств! Никакого Исполнителя желаний! Никакого просвета! Нету тут этого! Нету, и не будет никогда!

Я вздохнул. Как часто меня, да что меня, всех тут в Зоне, посещают вот такие же мысли? И что? Что с этого? А ничего! Как ходили в Зону, так и продолжают ходить! Как попадали в аномалии, так и продолжают попадать! Как тащили хабар ради патронов и пропоя, так и тащат! Как было все, так и есть! И так и будет! Ничего ведь не меняется… Люди только меняются… Одни гибнут, приходят новые, но и это ничего не меняет, Зона остается Зоной, кто бы в нее не пришел! Приходят с надеждой, живут в надежде, погибают безнадежно…

Где-то на просторе Зоны и моя смерть меня ждет, совсем не вдруг подумалось мне. Я точно знаю! Не знаю какая, то ли скорая пуля «долговца», то ли незамеченная «электра», то ли уродливая морда кровососа… кто ее знает, какая она? Сейчас никто, но придет время, и я узнаю!

На душе стало паскудно так, что хоть волком вой! Я сильнее зажмурил глаза и еще плотнее закутался в спальник. Спать! Нужно спать! Смерть всех нас ждет, но в наших руках отсрочить ее как можно на дольше!

С такими мыслями, да под шелест дождя я и заснул…

В Зоне утро редко радует солнцем, здесь словно бы воцарилась вечная осень. Даже трава и листва на деревьях, кажется, растет и опадает круглогодично. Очень редко солнечно и тепло или снежно и действительно морозно. Чаще пасмурно, ветрено и неуютно.

Это утро было приятным исключением.

Проснулся я довольно поздно. Обычно еще засветло я уже на ногах, но не сегодня. Открыв глаза, я так и застыл, словно завороженный. Сквозь узкую щель между прикрытыми створками дверей фургона пробивался яркий солнечный луч. Он светил мне прямо в глаза, я невольно зажмурился, но не отвернулся. Я лежал завернутый во влажный спальник и, прищурившись, смотрел, как в солнечном луче плывут пылинки. Этот луч, словно заворожил меня, обездвижил, парализовал! Я словно бы вернулся в детство! Когда-то, давно, словно бы в другой жизни, я, пацаном еще, так же лежал в родительском доме, и смотрел на плывущие в солнечном луче пылинки…

Где-то далеко, возвращая меня к действительности, застрекотала автоматная очередь. Одна, потом другая, потом третья… Они слились в какую-то какофоничную симфонию и вдруг резко оборвались.

— Отбились… — Прокомментировал я далекие стихшие очереди.

Я вновь был в Зоне. А примерно километрах в четырех-пяти были люди, и вряд ли они питали ко мне дружеские чувства, как, впрочем, и вся Зона. Нужно было подниматься и идти дальше. Где-то позади, приближаясь с каждым шагом, за мною следовала погоня, а впереди поджидала, возможно, разгадка несовершенного «мною» убийства.

Упаковав спальник и наскоро перекусив колбасой и хлебом, и запив импровизированный завтрак водой из фляги, я, наконец, был готов к дальнейшему пути. Выглянув, осторожно, из едва приоткрытой двери фургона, я осмотрел окружающий меня пейзаж. Солнце, выбравшись из-за холма, уже спряталось за тучу, растеряв весь свой блеск и великолепие, и местность вновь погрузилось в предгрозовую тень. Воздух пах озоном. Да, несомненно, быть грозе! Путь мне это навряд ли облегчит, но и преследователям легче от этого не будет.

Не обнаружив опасности, я распахнул заскрипевшую дверь фургона и, перехватив удобнее АКМ, спрыгнул на растрескавшийся асфальт дороги, тут же переместившись за колесо «КамАЗа», уходя с возможной линии огня. Все было тихо, только вороны, кем-то потревоженные, шумели в той стороне, откуда я вчера пришел. Еще раз огляделся. В пределах видимости не видно было никакого движения, только за спиной трещали «электры» разряжаясь в наэлектризованном предгрозовом воздухе. Это было хорошим знаком, не разрядка «электр», хотя это тоже, а то, что никого не было видно, ни людей ни животных. Зона во многом парадоксальна, в частности и в том, что местная фауна, словно бы уверенная в своем превосходстве, бродила, совершенно не скрываясь, ну, может за исключением кровососа, который по природе своей мимикрировал под окружающую среду, что зачастую принимали за невидимость. А рядовые обитатели Зоны вели себя совершенно открыто, что было на руку и сталкерам и другим обитателям аномальной территории, которые, столь же открыто, охотились на себе подобных.

Бочком-бочком, а потом и вовсе не скрываясь, я зашагал по дороге в сторону Радара. Пока не начался дождь, нужно было уйти как можно дальше, тем более что в последующем, мне опять придется углубиться в холмы и поля, это было чревато получением дозы облучения, но все равно лучше, чем прорываться через блокпост «Свободы» и встревать в их междоусобицу с бойцами «Монолита», мне и своих проблем хватало, чтобы еще и чужие на себя взваливать.

Уже перебираясь через колючку, позади себя я услышал

крики и отчаянную автоматную стрельбу, на слух различались сухой, словно простуженный кашель натовских штурмовых винтовок, которыми почти поголовно были вооружены бойцы «Свободы» и сочный, заливистый лай отечественных автоматов. Судя по интенсивности перестрелки, на бойцов «Свободы» нарвалась идущая по моим следам поисковая партия «Долга». Пару раз ухнули гранаты, на минуту все стихло, но уже в следующее мгновение, перестрелка возобновилась.

Я не стал выяснять, кто в ней одержал верх. Преодолев ограждение из колючей проволоки, я углубился в зараженные, полные неожиданных аномалий поля. За спиной, постепенно затихая, все еще слышался бой. Над головой, среди громоздящихся туч блеснуло ярко-белым. Над головой раскатисто загромыхал гром. С неба, на так и не высохшую почву, упали первые крупные капли дождя.

Дождь лил, не переставая уже почти пол дня. Я, конечно же, вымок до нитки, на ботинках налипло грязи, но я упорно продвигался к намеченной цели. Дорогу я выбрал не самую безопасную, обходя пикеты «монолитовцев», вдоль Рыжего леса, напрямую к бывшей радиолокационной военной базе, которая теперь именовалась просто — Радар! Однажды наткнулся на пару кабанов, хорошо, что вовремя их заметил и успел застрелить их до того как они добрались до меня. В другом месте подстрелил псевдогиганта, этот птенец-переросток явно хотел мною закусить, но я оказался и быстрее и ловчее, да и вооружен серьезно, правда, потратил я на него целый рожок, но тут уж не до жиру, быть бы живу. А так особых коллизий по пути не случилось. Главное, что не наткнулся на самых опасных хищников Зоны, на людей. «Монолитовцы», эти пришибленные на всю голову сектанты, уже на подходах к Радару устраивали засады, не подпуская к Припяти и ЧАЭС ни вольных сталкеров, ни представителей других группировок.

Рыжей лес остался за спиной. Впереди поляна с рухнувшим когда-то на нее вертолетом. Ограничивал поляну, как я знал по слухам, сетчатый забор, перебраться через который будет не трудно. Дождь ограничивал видимость, но даже с такого расстояния и невооруженным взглядом было видно движение людей на перекрестке, от которого дорога шла уже к Припяти. Но туда мне и не нужно было, мне нужно было налево, к Радару.

Подбираться ближе не осмотревшись, было опасно, «монолитовцы» вопросов не задают, для них каждый чужак — потенциальный враг. Я достал бинокль. Определенно активность была повышена. «Монолитовцы» в боевых тройках так и шныряли

в поле зрения, и это не считая дальнего блокпоста на дороге к Припяти.

«Конечно, а чего же я ждал, на Радаре погиб „долговец“! И ежу понятно, что „Долг“ не применёт воспользоваться этим поводом, чтобы атаковать базу „Монолита“, и совсем не важно, кто на самом деле убил Бугая!»

Внезапно в голове, словно что-то щелкнуло, весь мир вдруг потерял четкость, а потом, когда четкость предметов вернулась, они были уже монохроматичными, словно мое зрение внезапно сделалось черно-белым.

Означало это лишь одно, я практически был на территории Радара, так себя проявляет, время от времени спонтанно запускающийся, «выжигатель» — установка из лаборатории, которая и находится на заброшенной армейской радарной станции. Зачем она была создана, так и осталось неизвестным, наряду и с другими загадками Зоны. Однажды сталкер по прозвищу Меченный отключил ее, и на какое-то время открылась дорога на Припять и к ЧАЭС, но после очередного Выброса она опять заработала, только уже менее интенсивно и неустойчиво. С чем это связано, тоже осталось неизвестным, как и то, откуда она теперь черпает энергию, ведь пульт установки так и остался отключенным. Но, на то это и Зона, что вопросов всегда больше, чем ответов.

Излучение «выжигателя» хоть и ослабло, но все равно все еще оставалось опасным. После каждого очередного включения установки, зомбированных сталкеров в Зоне прибавлялось, и, казалось, им не просто выжигало мозг, а загружалась какая-то программа — зомби двигались из глубины Зоны, к ее окраинам нападая на все живое.

Я решил переждать опасное время, мне совсем не улыбалось стать еще одной жертвой «выжигателя»! Попятившись, я забрался в кустарник. Передышка была к месту, и, достав из рюкзака саморазогревающуюся банку тушенки, я перекусил.

Смеркалось. Дождь наконец-то закончился. Я сидел среди пожухлой листвы кустарника, наблюдал в бинокль за перекрестком и размышлял.

По сути, я уже на Радаре, не на самой базе, но на территории, ее окружающую, так принято ее называть. Бугая, кто-то похожий на меня, убил на Радаре, но это еще не значит, что все произошло именно на территории радарной станции, вероятнее всего, как раз-то, что случилось вне ее, там, где концентрация бойцов «Монолита» не столь велика, ведь даже тут, на перекрестки их изрядное количество. Из всего этого следовало, что проникать на

базу «Монолита» мне, скорее всего, не придется, это приносило некоторое облегчение, но невольно вставал вопрос — где же произошло убийство?

Что же мне оставалось делать? Выбор был невелик — либо искать место убийства самостоятельно, и на месте разбираться уже во всем, либо спросить у людей сведущих, где именно все произошло, для этого и нужно-то, только ПДА включить и спросить в приватном чате, единственно подвергшись опасности быть запеленгованным бойцами «Долга», которые, несомненно, уже где-то поблизости.

Дилемма, однако… И самое противное то, что оба варианта одинаково небезопасны, как, впрочем, и вся моя затея.

Приняв решение, я достал из кармана ПДА. Включил. В ящике лежало три сообщения, все от приятелей с предупреждением о намереньях «Долга». Приятно было, что кому-то моя судьба не безразлична, но в плане пользы, сообщения были совершенно на данный момент бесполезные. Обзор новостей тоже ничего не прояснил, в принципе повторялось все одно и то же, о конкретном месте происшествия, толком ничего не говорилось, просто упоминалась территория Радара. Выбора не было, я вошел в чат.

Вызвать вновь решил Бармена, если и знает кто подробности, то, скорее всего, это тот, кто находится в центре событий, а бармен бара «100 рентген» именно там и находился.

«Привет». — Начал я.

«И тебе не кашлять». — Тут же откликнулся Бармен.

«Ничем не порадуешь?» — Надежда, на то что «Долг» разберется сам, все еще теплилась.

«Нет, Зига, „долговцы“ по-прежнему хотят натянуть твою шкуру на прочность…» — Развеял мои надежды Бармен, что, впрочем, нисколько меня не удивило.

«Печально:(… Может прояснишь мне один вопрос?» — Подобрался я к интересующей меня теме.

«Давай, спрашивай, если смогу подсоблю. Сдается мне, что ты таки не виноват…»

«Хм… Ладно… Не подскажешь, где именно Бугая завалили?»

«Ну, если верить Хмурому, то это где-то в километре от того места, где ты сейчас находишься…» — Опа! Оказывается, меня уже вычислили, нужно было срочно заканчивать разговор и делать отсюда ноги!

«В каком хоть направлении?»

«В сторону Милитари, только не возле леса, а где-то на дороге».

Ситуация прояснилось, хоть стало понятно куда идти.

«Спасибо, Бармен, с меня магар!»

«Угу. Если выкрутишься… Давай, удачи!»

Я отрубил ПДА и тут же двинулся на восток, моя цель была где-то в той стороне.

Километр в условиях Зоны это не то, что километр вне ее. На этом километре тебя может подстерегать куча неожиданностей, и потому, шляться по Зоне ночью, настоятельно не рекомендуется. Но я пошел, меня подгонял страх быть застигнутым бойцами «Долга», которые без сомнения тоже уже знали, где я нахожусь. Прибора ночного виденья у меня не было, а фонарем пользоваться было крайне небезопасно, потому шел я исключительно осторожно, уповая только на везенье.

В идеале желательно бы где-то укрыться и дождаться утра, но единственным близким укрытием поблизости был разбитый вертолет. Уж очень явное убежище, которое погоня проверит обязательно! Выбора не оставалось, и я продолжал двигаться дальше, навострив не только уши, но и все остальные органы восприятия, казалось, что я даже кожей чувствовал вибрации от аномалий, ну, или, по крайней мере, мне так казалось.

Погони я за собой не слышал. Не то чтобы это было очень странно, но несколько смущало. Скорее всего «долговцы» решили где-то переждать ночь, а уже утром меня и накрыть. Мне же отсидеться где-либо не светило — меня окружала враждебная и опасная Зона, а укрытия видно не было. Посматривая время от времени на компас, я продолжал идти. Впереди было что-то несколько серее, чем окружающая меня ночь. Я остановился. Объект оставался неподвижен, присмотревшись, я обнаружил, что он имеет правильные формы, то ли постройка какая-то, то ли строительные блоки сложенные. Еще немного выждав, я все-таки решился приблизиться.

Мне повезло. Объект оказался действительно постройкой, узкая железная дверь заклиненная ржавчиной в полуоткрытом положении позволила мне протиснуться внутрь. Места было не много, но оно было защищено железобетонными стенами и перекрытием, что выгодно отличало его от оставшегося снаружи простора.

Я перевел дух. Определенно тут можно было переждать ночь. Я, набравшись решимости, осторожно включил фонарь, прикрывая его рукой. Но даже такого света мне хватило, чтобы рассмотреть кучу листьев в дальнем от двери углу. Сделав шаг, я осторожно поворошил их ногой. Ничего не произошло, просто шорох пожухлой листвы. Я потушил фонарь. Поставив рюкзак к стене, я опустился на листья, облегченно вытянув уставшие за

день ноги. На ощупь достал из рюкзака галеты и запаянную в пластик колбасу. Ни о каком костре не могло быть и речи, потому, я разорвал зубами полиэтилен, освобождая колбасу из вакуумного заточения. Сухие галеты и сочная жирная колбаса, что еще нужно, чтобы скоротать вечер в Зоне. Не плохо было бы и пива выпить, но такой роскоши в моем рюкзаке не было, поэтому трапезу я запивал водой из фляги, что тоже было очень не плохо, случалось так, что и воды не было, что уж за пиво говорить.

Перекусив и сыто рыгнув, я, удобнее устроившись в своем углу, уснул.

Обычно в Зоне сны не снятся. Мозг, уставший за день от напряжения, просто погружается в темноту забытья, не беспокоя себя сновиденьями. Иногда сны могут присниться на базах, к примеру, возле того же бара «100 рентген», где в принципе ты более всего защищен от опасностей Зоны кордонами «Долга».

Но в эту ночь сон мне приснился, но сон очень необычный и, если быть откровенным, похожий больше на видение, чем на сон.

Я словно бы по-прежнему спал, и окружала меня темнота ночи, но тут, словно бы дохнуло на меня чем-то. Стало светлее, только не так, как обычно становится утром, нет, совсем по-другому, так, словно бы отступала тьма, а не появлялся свет, даже не знаю, как это описать. Света не прибавлялось, просто я начал различать предметы. Сперва те, что ближе — свои ноги, измазанные болотом ботинки, потом из темноты проступили стены, потом, они словно бы стали прозрачными. Я стал различать окружавшие мое укрытие кустарники, причем не только те, что передо мной, а просто я видел все, что меня окружает. С каждым мгновением радиус обзора увеличивался, и все окружающее виделось все отчетливее. Потом я увидел слепых собак. Они шли плотной стаей метрах в пятидесяти от моего укрытия, и шли вполне целенаправленно, как раз туда, куда и я направлялся совсем недавно. Следом за псами неуверенно ковыляли с десяток зомби и старых, в уже ветхих лохмотьях, и совсем свежих, некоторые даже с оружием. И они шли плотной группой, и чувствовалось, что действия их слаженны, как между собой, так и с собаками. Означать это могло только одно — где-то рядом контролер! И я был не далек от истины, вскоре я увидел и его — тощая, почти чахлая фигура, с безвольно болтающимися вдоль тела плетями рук, с большой лысой головой, на которой выделялись выпуклые большие глаза.

Это был контролер! Я знал точно, потому что мне доводилось их видеть в достаточной близи.

Было это давно. В отличие от бытующего мнения, контролеры

не могут управлять людьми, только существами с низким уровнем интеллекта слепыми псами, к примеру, или зомби, даже кабаны или псевдоплоти, уже не поддаются телепатическому управлению. Максимально, что может сделать контролер существам с достаточно развитой нервной системой, так это выжечь мозг, что он зачастую и проделывает. Мне в тот раз повезло. Попал я в переделку, еле ноги унес от мародеров и укрылся в заброшенной деревне, даже не в деревне, так хутор, несколько домов с проваленными крышами, да сараи в еще худшем состоянии. И вот, значит, спрятался я, выглядываю на всякий случай, не вычислили ли они меня, но все чисто. Я и расслабился. Но тут чувствую, какое-то головокружение. Сперва, на усталость и голод списал, но мне становилось все хуже, и в голове гул какой-то появился. Тут-то я неладное и заподозрил. Достал бинокль, осмотрелся. Раз, другой. Чисто вроде бы. И только на третий раз движение какое-то подозрительное заметил. Ну, я, не будь дураком, с подствольника туда и саданул! И в голове враз прояснилось.

Подошел я к кустам тем развороченным, а там контролер, да не один, с выродком своим. Старший-то наповал, а младший, видать сын его, или что, раза в два меньше ростом, так тот жив еще был. Лежал осколками весь посеченный, только глазами на меня зыркал, совсем плох был… Не поднялась рука, добить. Потом пожалел. Я позже там был. Кости большие, от старшего валялись, а вот от меньшего я так и не нашел, как там не искал. Видать выжил. Живучие они все-таки твари.

Но это давно было, а тут сон. И прошел, вроде бы, контролер мимо меня, даже в сторону мою не посмотрел, и вслед за своей свитой. А картинка тут же гаснуть начала. Сначала поле зрения меньше становилось, потом потускнела, а потом и вовсе погасло все, и вновь меня окутала тьма.

Вот такой мне сон приснился. А утром я от стрельбы проснулся.

Стреляли сравнительно недалеко. Я, даже не позавтракав, выбрался из своего укрытия, забросил рюкзак на спину и пошел на звуки боя, потому как был он как раз там, куда и я шел.

Еще издали я заметил блокпост «монолитовцев». Несколько бойцов, укрывшись за железобетонными баррикадами, отбивались от наседавших на них слепых псов и зомби. Я, когда их увидел, так сразу и сон вспомнил. Хотя понял я, что никакой это не сон был! Это я все наяву видел! Просто мой отключившийся мозг подпал под влияние контролера, и я стал еще одной частью его сети, его организма, его роя. Но ненадолго,

он словно бы и не заметил меня, или его просто не заинтересовало пустое неподвижное сознание. Не знаю.

Но знал я одно — зомби и псы, это цветочки, а вот спрятавшийся контролер, это куда серьезнее!

Я затаился, и, достав бинокль, принялся осматривать местность возле блокпоста. Контролер должен быть где-то рядом. Зомби и псы — это лишь отвлекающий маневр, чтобы хозяин смог подобраться поближе и нанести ментальный удар!

Потратил я несколько минут, прежде чем увидел крадущуюся вдоль отвесной стены оврага фигуру. Желтая кожа контролера идеально сливалась с глиняной, испещренной трещинами поверхностью.

Расстояние для точного выстрела было слишком велико. Мой «калаш» хорош был для боя на средней дистанции, но для точного выстрела не подходил. Только внимание бы привлек. Следовало подобраться поближе.

Стараясь не привлекать к себе внимание, я поднялся и двинулся вниз по пологому склону. Тут-то пуля меня и настигла.

Увлекшись выслеживанием контролера, я совершенно забыл о нависшей надо мной опасности. «Долговцы», видимо, шли по моему следу, пользуясь тем, что я передвигался достаточно медленно, а о существовании контролера они и не догадывались, расценив нападение на блокпост «монолитовцев» как рутинное, им самим приходилось такие отбивать, и не раз!

Не знаю, куда была нацелена пуля, но попала она мне в левое плечо, развернув и бросив меня на землю. Я покатился по склону, а следом за мной бежала очередь из фонтанчиков земли, взбитых пулями моих преследователей. Я изо всех сил вцепился в автомат — не хватало еще остаться в такой ситуации безоружным, когда с одной стороны охотники за моим скальпом, а с другой голодный контролер. Скатывание мое, закончилось падением в небольшую промоину. Высота была невелика, но основной удар пришелся на левое плечо, что мне принесло мало радости. В глазах потемнело, дыхание перехватило, а слух поймал свист пролетевших над головой пуль. Сверху, со стороны преследователей, меня теперь видно не было, невысокий овражек прикрывал надежно. Зато теперь я намного приблизился к контролеру, правда, вышло это совсем не скрытно.

Плечо болело, но я старался отрешиться от этой боли. Встав на одно колено, я вскинул автомат к плечу и замер. На месте контролера теперь стоял человек — видавший виды сталкерский комбинезон, высокие ботинки, черная бандана и… лицо знакомое! В голове зашумело, и я узнал это лицо! Это было мое лицо! Такое, каким оно было пару лет назад! Я опешил и

задержал палец на спусковом крючке. Этого просто не могло быть! Мысли стали путаться. Думать становилось все тяжелее, но, собирая обрывки мыслей в кучу, я все-таки сообразил — никакой это не человек, это контролер! Он лишь проецирует мой образ мне же в мозг, заменяя действительную картинку! Он так маскируется!

Палец, казалось, сам собой потянул за спуск. В плечо ударила отдача. Автомат загрохотал непрерывной очередью, опорожняя магазин. Пули били не прицельно, впиваясь в отвесную стену обрыва, обваливали пласты глины.

Сверху тоже затараторили сухие выстрелы, заглушенные ПБСами, это открыли огонь вооруженные «Валами» «долговцы», ведь и они, скорее всего, увидели то, что и я, а именно «меня», «дичь», за которой они и охотились.

Я бессильно привалился к рыхлой стене овражка, заменяя пустой магазин, снаряженным. А сам напряженно думал, что же дальше делать? За спиной погоня «Долга», впереди контролер со своей сворой, а дальше блокпост «Монолита». И хоть загадка вроде бы и разгадана, вряд ли я успею кому-нибудь ее поведать.

Давление на мозг ослабло. Я взглянул в сторону, где еще недавно видел своего двойника. В бурой траве лежало желтое тело контролера, все еще вздрагивающее то ли в агонии, то ли от попадающих в него пуль. Перекрестный огонь «долговцев» и «монолитовцев» выкашивал поголовье зомби и слепых псов. Лишившись руководства, монстры стали менее опасны и вскоре все лежали на земле без признаков жизни.

Я, держа автомат наготове, затаившись, ждал в своем укрытии. Чего ждал? Сказать было сложно… Сбежать я уже не мог, а в спасение верилось с трудом.

— Зига! — Послышалось сверху. — Ты там живой?

Голос был незнакомый, впрочем, какая теперь-то разница.

— Не дождетесь! — Самонадеянно отозвался я.

Наверху сдержанно рассмеялись.

— Оптимист!

На некоторое время переговоры со мной прекратились, но сверху слышны были голоса, «долговцы» что-то обсуждали. Наконец тот же голос продолжил.

— Зига!

— Чего?

— А что это было?

— А ты что, сам не видел? Это контролер был! Под меня косил! — У меня невольно вновь родилась надежда.

— Чет я такого никогда раньше не слышал… — В голосе собеседника чувствовалось сомнение.

— И я не слышал… А много ты чего про контролеров знаешь? — Это было резонно, до сих пор о контролерах было не много информации, мало кто выживал после встречи с ними, а кто и выживал, зачастую самого контролера и не видели.

— Не много…

— Я тоже…

— А почему ты? В смысле, почему он в тебя превращался?

— Так пойди у него и спроси, чего ж ты у меня-то спрашиваешь?!

Одно предположение у меня, конечно же, было, но это всего лишь догадки и не более.

— И что же нам теперь делать? — Задал резонный вопрос «долговец».

Хороший вопрос. Я даже знал на него несколько ответов, в разной степени подходящих для меня, ну, и совсем для меня не подходящих.

— Тебе голова тоже дадена. Видел ты то же, что и я. Когда Бугая завалили, я был на Агропроме, так что Хмурый не меня тогда углядел, а нашего покойного друга. Ну, я так думаю… Да и какой резон мне было Бугая валить? Я его и не знал даже…

«Долговцы» опять о чем-то зашептались между собой. Пауза затягивалась.

— Зига! — Опять подал голос тот же «долговец».

— Чего вам еще?

— Воронин снял с тебя обвинения, мы ему все объяснили. Выходи. Только без шуточек!

Ну, слава Богу! Я облегченно перевел дыхание и ослабил пальцы на оружии.

— С вами шутить — себе дороже… — Уже беззлобно пробормотал себе под нос я.

Когда нервное напряжение отпустило, сразу же стала заметнее боль в простреленном плече.

Приподнявшись, я посмотрел в сторону блокпоста «Монолита». Оттуда прокричали:

— Уходите, мы вас не тронем!

— Еще бы, — услышал я голос кого-то из бойцов «Долга» — мы сами кого хош тронем…

Опираясь на автомат, я выбрался из овражка и поковылял к «долговцам» засевшим в кустарнике. Их было пятеро, хорошо экипированных, хорошо вооруженных крепких бойцов.

— Ну, привет «проблема»! — поздоровался за всех со мной невысокий крепыш, судя по голосу, с ним я и общался.

— Привет и вам, охотнички. — Злости на них не было. В Зоне всякое бывает, а они просто приказ выполняли, да за товарища

своего отомстить хотели, их можно понять.

Следовало уходить. Подкрепление «монолитовцев» столь щепетильным не будет, а нас только шестеро, то, что я с «долговцами» обратно пойду, и ежу было понятно, с превышающими силами, да на их территории нам не справиться! Бойцы быстро обработали мне рану, и собрались в дорогу, но я не смог удержаться и все-таки сходил взглянуть на труп контролера.

Да, он был именно таким, каким я его видел в видении — худым, с длинными руками, с покатой головой, на которой уже подернулись матовой пленкой пересыхающие большие глаза… И еще, все его тело было в застарелых шрамах, словно посеченное осколками. Все-таки выжил он тогда, надо же… И меня запомнил. Крепко я ему в память запал видать.

Я бросил на него последний взгляд и, развернувшись, трусцой побежал к ожидавшим меня «долговцам».

Нас ждал долгий и опасный путь, в конце которого, если повезет, получится и отдохнуть…

02.03.2009 г.

Федор Вениславский
ДЕЛО ПРИНЦИПА

0-1.

Довольно потрепанный «Уазик» издав скрипящий звук остановился у деревянного забора. Трезубец на сине-желтом фоне изображенный на дверце, выглядел тускло, и уже наполовину стерся. Две двери открылись и тяжелые берцовые сапоги ступили наземь. Легенько моросил дождик.

Щелкнул затвор автомата, и военный, с погонами капитана, уверенно направился к входной двери. Еще двое солдат последовали за ним, а один остался возле машины. Внутрь зашли трое. Блеснула молния, и дождь усилился. Раскат грома, прозвучавший подобно дикому рыку неизвестного животного, заставил передернуться военного у машины. Тучи застилали весь горизонт.

Внутри дома разговаривали на повышенных тонах. Потом была тишина, как-будто всё успокоилось, лишь молнии сверкали раз за разом. А потом внезапно раздалось предупреждающее восклицание, и, спустя мгновение, последовал выстрел. Дверь отворилась и военные, неся на себе мешки, верхом набитые всякой всяченой, направились к машине. Погрузив мешки, они обменялись короткими фразами, сели в джип. Лишь капитан, на мгновение задержавшись, бросил взгляд на дом.

— Идиоты, люди, — проговорил он одними губами, после чего направился в машину.

«Уаз», кашлянув клубом дыма, тронулся, и, выехав за пределы деревни, поехал на восток.

В доме был слышен плач.

Дождь усиливался.

1-2.

День не задался с самого утра.

Эксперимент, суть которого заключалась в возвращении слепому псу его первичной структуры ДНК, с треском провалилась. Под излучением, которым его подвергали, от лекарств, которыми его пичкали, и от пилюлей которые ему

подсовывали в еду, пес-мутант, как бы странно это ни звучало, мутировал. Из слепого пса в неизвестный доселе вид, более сильный, злобный, опасный. Ночью он разгрыз стальные прутья клетки, и, проскользнув мимо охранника, сбежал.

«Надеюсь, тваре попадется особо везучий стакер, который на радостях высадит в пса рожок автомата», — думал Щедрин, молодой ученый специалист в области изучения мутировавших существ. «В принципе волноваться не о чем, даже если эта собака и представляет собой повышенный источник опасности, то не надо бояться. Зона — велика, и вероятность встретится с этим мутантом ничтожно мала».

После этого настроение до конца испортил тот факт, что автономное электрообеспечение полетело ко всем чертям, и перспектива провести ближайшее время без света отнюдь не радовала. Поверхностный ремонт, к сожалению, не дал никаких результатов. Судя по всему, придется ждать прибытия техников из Центра, так как на помощь военных надеяться было глупо. Остаток дня ученый провел в раздумьях, исписывая черновики заметками о слепых псах, сгорбившись сидя у керосиновой лампы. Наверное, он так и задремал в своем кабинете.

Лаборатория оживилась после того, как прозвенел звонок, свидетельствующий, об окончании смены. Ученые, геологи, медики, собирали немногочисленные вещи и выходили на улицу, где автобус, привезший новую «партию» работников на ближайшие несколько дней, теперь терпеливо ждал отработавших свое, чтобы увести их домой. Щедрин, усевшись в кресло старого автобуса, улыбнулся уголками губ, в предчувствии скоро отдыха. Дома его ждала теплая постель, а на ужин он пойдет к соседям — пожилой паре, которая всегда была рада его обществу.

Дорога, ровной линией, не спеша семенила позади, по бокам поднимались клубы пыли, потревоженной тяжелыми колесами. Вид из окна был однообразным и скучным — длинные посадки были на протяжении всего пути, лишь иногда сменяясь густым кустарником. Единственным событием на всем пути, был проезд через пропускной пункт, — выезд из Зоны, как и въезд в неё. Тогда, как и каждый раз, человек в военной форме заходил в автобус и проверял документы каждого пассажира, и после этого, как и всегда говорил:

— Извините за беспокойство, это вынужденные меры.

После выезда с территории Зоны становилось как-то сразу легче на душе, как будто тяжелый груз, все это время давивший на плечи, наконец, спадал.

Скоро автобус остановился у небольшого перекрестка. Щедрин, перекинув сумку на плечо, вышел. Дверь за ним

закрылась, и автобус, тронувшись, поехал дальше.

Ученый не спеша, направился по заросшей травой дорожке. «Лукачёво 4.5 км» надпись на указательном столбике давало знать случайному путнику куда его занесло. Но Щедрин не был проходимцем. Он возвращался домой.

* * *

К тому времени, как ворота поселка показались вдали, солнце уже скрылось за горизонтом, отправившись освещать далекие страны. А тут приходилось довольствоваться лишь призрачным светом луны. Но и его с лихвой хватало. Поселок встретил ученого тишиной. Щедрина сильно удивил тот факт, что в деревне практически не горели окна, что было довольно странно. Не то чтобы жители всю ночь напролет бодрствовали и развлекались, но все же еще не было столь поздно для сна. Домик ученного, представляющий из себя маленькую избушку, стоял на самом откосе деревни. После минутной возни с замком (он всегда открывался с трудом), хозяин вошел в дом. Скинув вещи и переодевшись, Щедрин решил заглянуть к соседям, в окнах которых горел свет.

Постучавшись в дверь, он долго ждал ответа. Решив уже, что ему так и не откроют, он собрался было уходить, но тут дверь приотворилась. Из неё выглянула баба Даша. У ученого екнуло сердце. Промелькнула мысль «Что-то произошло». Лицо бабушки было заплаканным, на нем повисла гримаса горя.

— Алёшенька, — тоскливо протянула старуха, впуская гостя в дом.

— Что случилось, бабушка? Где Александр Михайлович? — обычно он открывал дверь, а не его престарелая жена.

По щекам женщины потекли слезы, заикаясь, она проговорила:

— Снова приходили. *всхлип*, забрали… а он стал противиться, — дальше голос сорвался, и плач сотряс все тело старой.

— Кто приходил? Кого забрали? Ну же, что случилось?

— Дедушку убили, — тоскливо протянуло она, после чего снова заплакала.

Щедрина словно молнией ударило. Он покачнулся и едва не упал. Всё поехала кругом, и он осел прислонившись к стене.

— Как это убили, — тихо проговорил он, ни к кому не обращаясь, а просто произнося свои мысли вслух.

— Военные. Снова. Приходили, — каждое слово давалось

бабе Даше с трудом, но, превозмогая плач, она говорила, — Забрали. Все. Что. Было.

«Военные» — это слово громом прозвучало у ученого в голове.

— Выносили всё из дома, — сделав большую паузу, она шморкнула носом, — а он не захотел отдавать. Капитан отвернулся, а дед за топор. Замахнулся — а солдат, что у двери стоял, вскинул автомат, — еще одна пауза и следующее слово она произносит очень тихо, — и выстрелил.

2-3.

Это был не первый раз. В прошлом месяце дважды подъезжал потрепанный «Уазик» и люди в военной форме заставляли жителей отдавать им свои припасы.

«На нужды армии» — с ухмылкой говорили они селянам, у которых конфисковывали имущество. Людям, которые со слезами на глазах наблюдали, как удалялась машина, увозя все, нажитое непосильным трудом.

Никто не смел возразить военным.

А старый дед посмел. Все называли его Михалыч. Провожать его в последний путь собралась вся деревня.

Громко, возводя глаза к небесам, читал молитву проповедник. Тихо плакали бабушки, к себе прижимали детей женщины.

Щедрин стоял в стороне. Глаза сверкали стальным блеском, костяшки пальцев побелели от сжатия кулаков.

— Виновные должны заплатить, — тихо проговорил он тоном, в котором слышалась ледяная решимость.

3-4.

— Убийство военнослужащего так просто с рук не сходит, — мрачно предостерег Ювелир.

Щедрин угрюмо молчал.

— Впрочем, если мы провернем это очень аккуратно и осторожно, то есть все шансы остаться незамеченными, а вследствие этого и безнаказанными.

— Так и будем делать, другие варианты неприемлемы.

— Ладно. План действий попозже сложим. Для начала давай обговорим все условности. Я думаю, ты понимаешь, что таскать к вам в лабораторию полуживых мутантов-псов это одна цена. А

охотится на целую группу военных — совсем другое дело.

Щедрин предполагал, что сталкер сразу же заведет речь о плате, таков уж он был по натуре, и ученый заранее сообразил что такого предложить Ювелиру, дабы он согласился на дело. Выдержав тактичную паузу, Щедрин заговорил:

— У меня есть кое-что, что сумеет заинтересовать тебя.

— Отлично. Надеюсь, это действительно стоящая вещь, — сталкер улыбнулся.

— Шлем UK-800d. Сверхлегкий, прочная защита от пуль, автономное воздухообеспечение на полторы минуты. И самое главное — пси-защита третьего уровня. Сможешь достать хабар в таких местах, где мало кто бывал до этого, — завершил Щедрин, наблюдая за реакцией сталкера.

Конечно, напоминание о границах применения новейших разработок было лишним для любого охотника за артефактами Зоны. Каждый стремился выполнить для ученных эдакую работу, чтобы в завершение получить в качестве поощрения что-нибудь из «новинок» экипировки.

Разумеется, такой шлем стоил немаленьких денег, и будь у Щедрина возможность платы наличными, он так бы и поступил. Но, к сожалению, у ученого денег не было, поэтому приходилось жертвовать изобретением команды физиков, которые отдали шлем на его распоряжение. Вон он и наступил. Момент.

— Ага, и я получу его… — Ювелир замолчал, недвусмысленно глядя на ученого, ожидая чтобы тот продолжил его мысль.

— Сразу как выполним работу, — завершил Щедрин.

— Договорились.

Ученый поднялся и пожал руку сталкеру, после чего направился к двери. У самого выхода он, обернувшись, сказал:

— Подходи после полночи к моему дому.

Ювелир кивнул.

— И еще, — продолжил Щедрин, — никому не попадайся на глаза.

* * *

В оконную форточку кто-то тихо постучал. Щедрин, выглянув в окно, увидел знакомое лицо сталкера. Вышедши на улицу, ученый запер дверь. Подошел Ювелир, они пожали друг другу руки.

— Ну что приступим? — обратился сталкер к Щедрину.

— Да, конечно. Пройдем сюда. Это было здесь.

Они остановились у дома, в который два дня назад вторгались военные, попутно лишив жизни хозяина самого дома. Щедрин огляделся по сторонам, — вроде никого. Лишние глаза им сейчас были не нужны.

— Ладно, — проговорил Ювелир, — приблизительно во сколько они были здесь?

— Где-то часов в семь вечера.

Сталкер кивнул:

— Теперь стой тихо, и не отвлекай, мне нужно сосредоточится.

Ученый отступил на пару метров, предоставляя сталкеру «рабочее пространство». Ювелир, в это время, уселся на корточки, и достал у себя из заплечной сумки небольшой странный предмет неправильной формы. Он издавал легкое серебряное свечение, что придавало предмету немного загадочности.

Щедрин не знал, был ли этот артефакт по настоящему уникален, или где-то у кого-то были еще образцы. В любом случае, он никогда не слышал, чтобы находили такой артефакт. Вообще немногие знали, что такой артефакт существовал в природе, возможно только один Щедрин. До сегодняшнего дня он лишь знал о нем понаслышке из уст Ювелира, теперь он видел его своими глазами.

Сталкер взял артефакт обоими руками и закрыл глаза. Так прошло около пяти минут. Когда ученому это уже порядком надоело, артефакт поменял свой свет на кроваво-красный. Земля перед ними начала издавать легкое свечение. Неизвестно откуда появился призрачный туман. Щедрин смотрел на происходящее широко раскрыв глаза: возможно, когда-нибудь он напишет научное исследование свойств артефактов. Но это потом…

Туман начал приобретать нечеткие контуры. Прямые углы образовывали прямоугольники, а внизу было что-то вроде овалов. Туман стал сгущаться, появилось кое-какая четкость в изображении. Свет был достаточно ярким для того, чтобы разбудить кого-нибудь из соседей, но Щедрин надеялся, что сегодня у всех был крепкий сон. По прошествии минуты, ученый не мог поверить своим глазам. Перед ним стоял призрачный внедорожник. Немного погодя, можно было с уверенностью сказать, что это «УАЗ». Щедрин достал из кармана заранее припасенные ручку и бумагу и, дождавшись пока номер машины станет различимым, записал его на листок.

Машина стала потихоньку терять свои очертания, пока снова не превратилась в бесплотный туман. А тот, в свою очередь, незамедлительно рассеялся. Артефакт приобрел свой старый цвет.

Ювелир широко распахнул глаза и обессиленно повалился на землю. По его лицу стекал пот.

— Ты как, нормально, — спросил Щедрин, понимая, что вопрос звучит немного «по-идиотски».

— Сейчас, — сталкер вдохнул воздух полной грудью, — так всегда бывает, — выдох, — после его использования.

В голосе слышалась хрипота, и ученый начал беспокоится, как бы не случилось ничего со сталкером. Но тот оказался прав. Не прошло и пары минут, а Ювелир уже поднялся на ноги. Вытерев пот с лица рукавом своей куртки, он спросил:

— Ну что, записал номер?

Ученый кивнул.

— Если надо, то немного позже можем провести такой же сеанс, и узнать рожу того, кто стрелял.

Щедрин ненадолго задумался и ответил:

— Нет, не надо. Надо чтобы они все заплатили, это дело принципа.

— Ну и ладно. Давай сюда бумажку с номером, я спрошу ребят, они разузнают. Я с тобой свяжусь.

Передав листок бумаги Ювелиру, Щедрин пошел домой. Сталкер, наверно, тоже пошел домой. Но его дом был немного дальше.

4-5.

Двух дней оказалось достаточно. За это время сталкер умудрился раздобыть информацию об интересующем их объекте. Судя по полученным данным, всего было шесть человек. Все военные, они имели в своем распоряжении одну машину, и два «убежища» где проводили большую часть своего времени. Одно совсем недалеко от границы «Зоны» и второе более отдаленное.

Также у сталкера появилась карта местности с отмеченными «лагерями» и путями, по которым можно было туда добраться.

— В открытом бою нам против них не выстоять, разве что убирать по одиночке, что мало вероятно, либо устроить в удобном местечке засаду, и тогда уже атаковать. Тогда мы будем иметь преимущество неожиданности, что даст нам больше шансов, — говорил сталкер, склонившись над картой, — Во всяком случае, надо быть готовыми действовать по обстановке, так как тщательно разработанные планы, порой на практике летят к чертям.

Щедрину оставалось лишь кивать в ответ.

— Теперь определимся со снарягой, — с этими словами

ювелир окинул ученого оценивающим взглядом, — тебе оружие держать в руках приходилось?

Щедрин кивнул:

— Я убил человека год назад. Тогда была смена рабочих в лаборатории и я ехал в автобусе домой… И тогда на нас напали мародеры, — он поморщился, воспоминания явно не приносили ему радости, — возле меня оказался труп охранника, которого подстрелил один из мародеров. Была перестрелка… Я достал у него из кобуры пистолет и, — он немного помолчал, и, не вдаваясь в подробности, закончил, — я пришил одного бандита.

Ювелир полез под стол и достал небольшой чемоданчик. Раскрыв его, он предоставил взгляду ученого два лежащих там пистолета.

— Вот, держи, — сталкер протянул ученому увесистый пистолет, — хорошая вещь. А вот и две запасные обоймы к нему, на всякий случай если будет продолжительная перестрелка. Себе возьму вот этот, — он достал из чемоданчика второй, который был не такой внушительный и более компактный.

Затем он встал и подошел к шкафу. Наклонившись сталкер достал из-под него длинный предмет замотанный в черный пакет.

— Тем более, я возьму с собой вот это, — Ювелир продемонстрировал огромный карабин.

Щедрину оставалось лишь улыбнуться краешком губ.

5-6.

Первой целью они выбрали «штаб», который находился ближе к границе. Их расчет оказался верным, или просто немного «подфортило», но у двухэтажного домика был припаркован «Уазик», такой самый как Сталкер воспроизвел с помощью своего артефакта.

Засев на довольно большом расстоянии от дома, Ювелир обратился к ученому:

— Жди меня тут, я пойду разведаю, что к чему, сколько их тут и что мы можем сделать.

Не дожидаясь ответа, сталкер удалился.

Щедрин, вздохнув, сел на небольшой пенек, предварительно взяв в руки пистолет, и принялся ждать. Ждать пришлось довольно долго, в голову уже начали подкрадываться жутковатые мысли, что сталкера все же обнаружили и сейчас его или пытают, или просто выпустили его душу из тела. Ни один из вариантов развития событий Щедрина не обнадежил и он начал тревожно оглядывать по сторонам — не подкрадывается ли к нему какой-

нибудь солдафон с ножом наперевес. Когда из кустов вынырнул сталкер, то Щедрин едва не выстрелил в него от неожиданности.

— Ты чего, совсем больной? — осведомился сталкер, и сразу же перешел к делу, — можно сказать, что нам повезло, а может — и нет. Тут их пятеро человек, разбиты на две компании. В одной два человека, которые сидят в доме, в другой три, что вышли на улицу и решили прочесать местность на востоке, по одним им известной причине. Нападать легче на них, как по мне, так они менее опасны.

— Как ты себе представляешь убрать их так тихо, чтобы оставшиеся не услышали?

— Это не обязательно. Перестреляем их из укрытия, и будет минуты полторы — две, пока не подойдут другие. Ну, всё, пошли.

Они старались идти как можно тише. Обойдя домик по широкой дуге, они засели в зарослях возле обширной поляны. Ювелир оказался прав — вскоре на поляне появились трое солдат.

Ювелир тихо произнес Щедрину на ухо:

— Я незаметно проберусь шагов на двадцать влево. Стреляй, когда они пройдут мимо вон того деревца, — он указал пальцем на чахлую березку, — тот, что в кепке — твой. Я сниму левого. Третьего забьем по готовности.

Сказав это, сталкер припав к земле, скрылся в зарослях. Ученый перевел взгляд на цель.

На поляне медленно и неспешно шли трое солдат и о чем-то толковали. У каждого на плече висел автомат, а кобура с пистолетом виднелась на поясе у всех троих. Неожиданно военный в кепке остановился, при этом смачно чертыхнувшись. Приподняв свою ногу и взглянув на подошву, он выругался еще раз, а двое других дружно заржали.

— Ну что за дерьмо! — воскликнул он, — чертовой собаке что, негде больше в туалет сходить?

После этого он стал тщательно вытирать ногу об траву.

— Раз собака мутант, облученный радиацией, — еле сдерживая смех стал говорить высокий солдат без нашивок на куртке, — то тогда и оно тоже облученное. Не удивлюсь, если оно разъест тебе подошву в один прекрасный день, — договорив это, он присел на поваленное деревце. Остальные последовали его примеру.

Щедрин прикинул расстояние в двадцать шагов и посмотрел в ту сторону, где по его расчетам должен был засесть сталкер. Нашев Ювелира глазами, он подождал, пока тот глянет в его сторону. Ученый вопросительно поднял голову. Сталкер кивнул и показал четыре пальца.

Раз…

— У тебя с собой курева нету? — спросил военнослужащий у товарища. Тот кивнул.

Два…

Солдат в кепке достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

Три…

Протянув её товарищам, он потянулся в кармашек за зажигалкой.

Четыре…

Щедрин выстрелил. Солдат резко дернулся, и кепка слетела у него с головы, а сам он схватился руками за тело в области груди. Издав жутко неприятный хрип, он стал заваливаться набок. Одновременно с ученым стрелял и Ювелир. Крайний справа военный полетел назад с бревна — тяжелая пуля попала прямо в голову. Оставшийся в живых вскочил на ноги, на ходу хватая автомат. Щедрин прицелившись, выстрелил, но пуля просвистела рядом с плечом врага. Сталкер в этом деле был более удачлив и точен: после его выстрела солдат покачнувшись, выронил оружие из рук. Прогремел второй выстрел, и пуля, выпущенная из сталкеровского карабина, откинула военного наземь.

Ученый перевел дух. Эти короткие мгновения боя длились для него целую вечность. Прилив адреналина к крови был необычайно высок, и сердце билось, будто пытаясь вырваться наружу.

Видно сталкеру было не привыкать к сражениям, и к убийствам в частности. Он, покинув свое укрытие, направился на поляну к трупам. Положив карабин, он наклонился к бренным человеческим останкам, чтобы секундой спустя, приняться обшаривать их карманы.

— Брось, у нас мало времени, давай убираться отсюда, — сказал Щедрин сталкеру, не выходя из зарослей.

— Да ну, военные прибудут только минуты через две, успеем скрыться, — огласил Ювелир не прекращая своего занятия, — тем более у них всегда с собой есть что-нибудь полезное. Вот, например, смотри — у этого с собой…

Договорить он так и не сумел. Справа позади, прозвучал мощный звук выстрела. Сталкер, не успев ничего предпринять, отлетел на пару метров вперед и, упав, не подавал никаких признаков жизни. Стреляли явно не из автомата.

«Откуда, как» — пронеслось в мозгу ученого. Хотелось броситься из-за всех сил наутек. Жить хотелось страшно. Тряхнув головой, прогнав на кое-какое время панику, куда подальше, он стал пятиться назад, стараясь не издавать ни звука. Когда Щедрин развернулся назад, он весьма удивился летящему навстречу

кулаку в кожаной перчатке. Висок ожгла дикая боль, а дальше была темнота…

6-7.

Щедрин блуждал в странном мире. Его блуждания были лишены всякого смысла, как и все что его окружало. Он просто бродил по темноте. Бездумно, без всяких чувств. Возможно, там был еще кто-то. Неизвестно. Щедрин не обращал на это внимания. Его вообще ничего совершенно не волновало. Кто он? Где он? А какая разница…

7-8.

Он открыл глаза. Свет ослепил зрение, к тому же голова отдалась болью. То, что он постоянно качался, не придавало приятных ощущений.

Руки связаны, но ноги свободны. Хотя, что это ему, простому ученому, который за свою жизнь отправил на тот свет двоих людей, давало? Ровным счетом ничего. Скулы болели — не удивительно, во рту был кляп. К тому же рядом сидел человек внушающий чувство собственного бессилия. С рожей матерого уголовника, — вот он, настоящая гордость армии, явный головорез, что за жизнь людей погубил больше чем.… Ну, уж точно больше чем следовало бы.

Ну да. Ученый понял, что его везут в кузове «Уазика», да к тому же «Уазика» с открытым верхом.

Повернув голову, он увидел лишь водителя, пассажиров больше не было.

— А, урод, очнулся. Ну не знаю что было бы для тебя лучше… Сейчас мы привезем тебя к Первому, и тогда ты точно пожалеешь, что на свет родился, — проговорив это военный, как бы в подтверждение своих слов, оскалился.

— Это ж надо такое. Троих ребят погубили, — протянул водитель, — Макс, Степка и Ярик.

Щедрина передернуло при мысли о том, что его ждет. Он слышал много историй от сталкеров о том, ЧТО делают с попавшимися сталкерами и мародерами военнослужащие. Уж что-что, а испытывать на своей шкуре правда это или нет, никак не хотелось.

Ситуация явно вышла из-под контроля. Действовать быстро и тихо, к глубочайшему сожалению, не получилось. Щедрин

совершенно не знал, что его ждет дальше. В большем счете, от него ничего и не зависело. Вызволиться он не мог, заговорить солдатам глаза и убедить отпустить незадачливого мстителя, была настолько глупой идеей, что в другой обстановке вызвала бы у ученого смех. Но не здесь. И не сейчас. Приходилось положиться на волю случая, что, увы, совсем не прельщало.

И как бы странно это ни было, но именно Его Величество Случай решил нагло вмешаться в происходящее.

Дорога была прямая, «Уазик» ехал вперед, и ничего, что могло бы изменить эту ситуацию, не предвиделось. До тех пор, пока внезапно, метров за двести впереди, на дорогу, из леса, ни вышли пять фигур. Став на середину дороги, один из них поднял руку вверх, то ли приветствуя, то ли желая остановить машину. В любом случае, своего он добился: машина стала сбавлять скорость.

Водитель выругался и бросил назад, судя по всему, обращаясь к Щедрину:

— Лежи тихо и не рыпайся, а не то на месте прирежем.

Угроза звучала весьма заманчиво, с учетом того, что его ждало по приезду в логово военных. Он предпочел бы быструю смерть прямо сейчас, но, к сожалению, его желанию препятствовала небольшая надежда, теплившаяся внутри, что «мол, всё образумится».

Машина остановилась. Щедрин, к сожалению, не мог увидеть подошедших, поскольку лежал на полу, к тому же борты кузова были довольно высокими. Хоть способность слышать происходящее он еще не утратил, чем активно и воспользовался, внимательно слушая происходящее.

— Рядовой Ищенко, — представился кто-то, стоящий спереди машины, — нахожусь при исполнении. Есть приказ проверять всех. Преступников много, вынуждают нас на такие меры, — добавил он после небольшой паузы.

Раздались шаги совсем рядом, кто-то приблизился к задней части «Уаза».

— А это что за голубчик? — поинтересовался подошедший.

— Мародера выловили, — быстро, даже слишком быстро ответил громила, сидевший возле пленника.

— Так зачем же его ловить, — усмехнулся солдат, — кончили бы на месте, нечего всякое быдло на машинах развозить.

Спереди раздался голос того, кто говорил первым:

— Так что покажите, пожалуйста, ваше воинское удостоверение.

Голос был доброжелательный, дружелюбный, но все же в нем можно было расслышать напряженные нотки. Водитель ответил:

— Я лейтенант Левченко. У нас срочное поручение насчет доставки этого преступника в штаб.

— Мы не станем вас задерживать, товарищ лейтенант, только покажите документы, — все так же вежливо, но твердо произнес рядовой.

Водитель переключил коробку передач и повторил:

— У нас нет на это времени. С дороги, это приказ, рядовой.

На несколько секунд воцарилось полное молчание, только мотор машины тихо работал.

— Пожалуйста, выйдите из машины, — в подтверждение слов щелкнул затвор автомата.

Не став дожидаться кульминации событий, военный за рулем вдавил педаль газа в пол, под внизу запищали колеса, и в следующее мгновение машина рванула вперед.

— Это бандюги, парни! — крикнул кто-то позади.

Затрещали очереди автоматных выстрелов и вдогонку «Уазу» полетели пули.

Водитель дернул руль влево, джипик накренился в сторону, но с траектории обстрела на несколько мгновений машина ушла. Снова руль вправо, и зад внедорожника, ведомый инерцией, немного занесло в сторону. Но все же, несмотря на эти попытки обезопасить себя от выстрелов, один особо удачливый стрелок добился своей цели. Пуля, пролетев добрых три сотни метров, не растеряв свою убойную силу, с чавкающим звуком впилась в головореза, сидящего возле ученого. Он вскрикнул.

Машина набирала скорость.

— Эй, Костян, ты как? — обеспокоенно спросил водила.

В ответ раздался жутко неприятный хрип.

Щедрин глянул на раненного, который, судя по всему, скоро перейдет из тяжело состояния, в мертвое.

«Уаз» летел по дороге на полном ходу еще минут семь. После этого, он начал сбавлять ход и, наконец, свернул с дороги. Как оказалось, на этом их путешествие не завершилось, и по бокам замелькали деревья. Стало гораздо темнее — тяжелые ветви сомкнулись над головой, не давая дорогу солнечным лучам. Машина остановилась. Грюкнула передняя дверца, и тот, кто несколько минут назад был обычным военным, в глазах у ученого, а теперь оказался самым обычным мародером, направился открывать кузов.

8-9.

— Урод, из-за тебя, всех наших положили, — прям таки по-

звериному зарычал оставшийся в живых мародер. Какое отношение он имел к последней смерти, Щедрин не представлял, что впрочем, не стал доказывать мародеру, а тому, по всей видимости, было ровным счетом все равно.

Грубо сдернув ученого с кузова машины, да так, что он чуть не задел ногами убитого пулей «Костяна», водитель развернул его к себе спиной, после чего достал из-за пояса внушающих размеров нож. Щедрин и не рассчитывал на столь легкую смерть, в чем, собственно, он и оказался прав. Особенно не заботясь об ощущениях пленника, ложный лейтенант перерезал веревку на запястьях ученого.

Не успев Щедрин насладится полученной свободой, как тут же был сбит ударом ногой в спину.

— А сейчас ты, быдло, будешь страдать, — тихо, почти ласково, пообещал мародер.

На удивление, Щедрин ему поверил. В недостатке фантазии Алексей никогда не мог пожаловаться, поэтому, лежа на мягкой подстилке из травы и опавшей листвы, он красноречиво представил, что его ждет. Настроение это явно не прибавляло.

Потенциальный убийца навис над ним во весь свой немалый рост. В правой руке он держал нож, а правой, нагнувшись вперед, развернул ученого на спину, после чего вынул у Щедрина кляп из-за рта.

— Хочу слышать, как ты будешь кричать, — обнадеживающее пояснил он свои действия.

Челюсть заболела, но это не было его основной заботой. Главная проблема нависла над ученым, взглядом настоящего специалиста, прикидывая, куда лучше нанести удар.

Дальше последовал удар ногой под ребра. Воздух вылетел из легких, и ученый захрипел. Мародер одобрительно кивнул.

То ли он сильно увлекся процессом избиения, то ли пёс был необычайно бесшумен, но факт остается фактом. Мародер удивленно поднял голову лишь тогда, как спереди хрустнула ветка.

— Вот чёрт, — это было все, что он успел проговорить.

Черная тень огромных размеров пролетела над Щедрином, и врезалась в стоящего напротив бандита. Судорожный крик был оборван сразу же, послушался звук разрываемой плоти, и во все стороны брызнула кровь.

Пёс действительно подрос со времени побега из лаборатории. Наверно стал вдвое больше, шкура потемнела сильнее, мускулы на лапах тоже не отставали в росте. Все глубже и глубже мутант вгрызался в плоть жертвы, поедая её.

Щедрин лежал не в силах пошевелится. Умом он понимал, что надо подскакивать, и как можно быстрее добежать до машины, в надежде что ключи остались там, но тело не хотело слушаться. Ученый был в шоковом состоянии, а прямо перед ним, мутант, по сравнению с которым все псы Зоны могли показаться милыми собачками, разрывал тело мародера, который казался непобедимым бойцом всего лишь десять секунд назад.

Чудовище подняло голову, и медленно повернув её, посмотрело на Щедрина. Прямо в глаза. На мгновение, ему показалось, что он заглянул в саму Бездну, — столько злости, ярости было в этих глазах. С морды капала еще горячая кровь, а позади, Щедрин увидел то, что отдаленно напоминало человека. Тут то он и сорвался с места. Собака повернула голову назад, смотря на растерзанную жертву, потом еще раз глянула на подскочившего ученого и, зарычав, бросилась следом. В это время он уже подбежал к открыток дверце и просто запрыгнул внутрь, в полете ударившись обо что-то ногой. Мародер ключи не доставал. Славу Богу. Повернув их, он так же лежа на седушках, протянул руки к педалям чтобы выдавить сцепление и после этого нажал на газ. Собака запрыгнула на капот, оскалившись. Машину дернуло вперед и она, не удержавшись, заскользила к лобовому стеклу. Машина, пронеслась с десяток метров и врезалась в дерево, тут же заглохши. Собака тут же слетела назад. От удара Щедрина спасло лишь то, что он лежал на сиденьях. Сзади послышался рык, и у Щедрина от страха сердце упало куда-то к уровню пяток. Поднявшись, он снова повернул ключ вбок и машина, надо отдать ей должное, завелась с первого раза. Усевшись на место водителя, ученый сдал назад. Собака со всего ходу залетела в кузов. Судорожно переключив передачу, Щедрин повел машину рывком вперед. Труп подстреленного мародера в кузове, полетел наружу, зацепив мутанта, и увлекая его за собой.

Наверное, в этой переделке Щедрин приобрел не одну седую волосину на голове.

Крутя руль, укорачиваясь от деревьев, ученый разворачивался, чтобы выехать на дорогу, поскольку вести машину в лесу не представлялось возможным. Чудище, подорвавшись с земли, издав зычный рёв, бросилось наперерез. Щедрин увеличил скорость, из-за чего еле увернул машину от следующего дерева, которое, впрочем, сбило «Уазику» боковое стекло. Джип вылетел на лесную дорогу. Кочки и неровности подбрасывали и кидали машину из стороны в сторону, а сзади, набирая скорость, мчалась Тварь. Если бы не брать в учет то, что это было адски страшное чудище, то можно было бы сказать, что оно мчится красиво. Подобно гепарду, оно летело вперед,

могучими прыжками сокращая расстояние между собой и пытающейся удрать жертве. Но в данный момент ученому было не до раздумий о грациозности бега чудища, он, выпучив глаза, пытался удержать машину, то и дело грозящую выкинуть какой нибудь трюк, на дороге. Вдали показалась трасса. Спидометр показывает стрелкой на 90 километров в час, машину грозит разнести на запчасти от такой езды. Совсем немного осталось. Тварь уже дышит в спину, приготовившись к последнему, завершающему прыжку. До дороги осталось рукой подать. Мутант, напрягши все тело, прыгнул в гигантском прыжке в вдогонку за автомобилем. Время для Щедрина как-будто остановилось. Вот черная, как сама ночь собака летит за машиной. Когти, выпушенные, словно у тигра, касаются боковых дуг кузова, еще мгновение и монстр будет здесь… Ученый крутанул руль, что было сил в сторону. Машина, срезая путь меж двух деревьев вылетает на шоссе, после чего, на двух колесах, едва не слетает на другую сторону дороги. Навалившись всем телом на поднявшуюся часть машины, Щедрин едва не потерял управление, но свое дело сделал — машина стала на четыре колеса, и понеслась вперед.

Мутант, пролетевший мимо, в прыжке, во время маневра остался позади, так и стоящий посреди дороги, подобно демону, который вынырнул из леса в наш, человеческий мир. Потрепанный «Уазик» все быстрее и быстрее набирал ход.

Остановится он решил только через минут сорок. Долго ему еще будет являться в ночных кошмарах эта тварь, которую он сам же с другими учеными и породил в лаборатории, в надежде сделать слепого пса нормальным. Как говорится — «Хотелось как лучше, а получилось — как всегда».

Заглушив мотор, он вышел наружу. Густой лес сменился редкой посадкой, тянувшейся по обочинам на протяжении всей дороги, до самого горизонта. За деревьями были поля, когда-то бережливо ухаживаемые, а теперь давно покинутые и заросшие густой травой. Вдалеке виднелось громадное здание, что, вероятно, было заброшенным заводом.

Щедрин восстановил в голове образ карты, которую ему показывал сталкер. Судя-по всему, мародеры везли его в свое второе убежище. Мародёры… Теперь всё складывалось в единую картину. Вовсе не военные, а обычные бандиты убили старика. Где-то раздобыв военную форму и армейскую машину, они разъезжали по селам и, под видом солдат, грабили людей. Забирали всё: еду, пожитки, драгоценности и остальные вещи, что представляли собой хоть какую-нибудь ценность. Он не убивал

солдат. Он очищал мир от грязи, которая не достойна была просто существовать. Пятеро уже были мертвы. Остался только один, тот, который носил форму с нашивками капитана.

Щедрин еще раз огляделся. Завод сбоку, судя-по всему был старой швейной фабрикой, значит, отсюда было ещё около полу часа езды до поворота, который по лесным дорогам должен был привести ученого к конечной цели.

Машина была не без увечий. Бампер погнут вследствие столкновения, фары выбиты, капот теперь не закрывался, а вмятина красовалась на радиаторной решетке. Колеса, к счастью, были целы, что все же удивительно после такого заезда по лесу. После осмотра передней части, Щедрин направился к кузову. По нему была размазана кровь, и еще можно было заметить глубокие борозды, от когтей монстра. Ученого передернуло — он представил, что эти когти сделали бы с ним. После встречи с этим исчадием, сражение с людьми казалось почти дружественной встречей.

Сев в машину, Щедрин открыл бардачёк. Там лежал обычный пистолет девятого калибра. Достав обойму, он убедился, что она полна.

Хорошо.

Осталось совсем чуть-чуть.

9-10.

Стрелка упала в самый низ, тем самым, давая водителю знать, что в баке практически не осталось топлива. Ну, ничего, он почти что приехал к нужному месту. Широколистый лес шумел своей листвой. Шуршали листья, соприкасаясь друг с другом, под сильными порывами ветра. На верхушках деревьев, удобно рассевшись, щебетали птицы. Где-то неподалеку стучал дятел, видимо, ищя себе что-нибудь перекусить. Солнце дарило приятный мягкий свет.

День явно был не для тех целей, с которыми его использовали. Слишком много смертей было на сегодня.

Впереди показалось строение. Это был одноэтажный деревянный дом. Щедрин, сначала было, хотел заглушить мотор, но, после недолгих раздумий, передумал.

Взяв в руку пистолет, он снял его с предохранителя, после чего взвёл курок, медленно подъезжая к входу в дом.

За дверью кто-то стукнул, и на пороге появился мужчина средних лет в камуфляжных штанах и матросской футболке.

— Ну что такое, наконец-то, сколько можно вас ждать, —

проговорил он, выходя из дома, но запнулся на пол слове, увидев машину и её водителя. Пистолет ученого был повернут в сторону мародера.

— Что за… — начал было он, но был прерван звуком выстрела. Пуля, за долю секунды пролетев расстояние меж ними, впилась ему в бедро, повалив на пол. Он начал вползать внутрь.

Щедрин выключил мотор и вышел из машины. Неспешным шагом он направился за бандитом. Тот, вползая обратно в дом, преодолевая боль, сделал попытку встать. Ученый хладнокровно нажал на спусковой кючок, и очередная пуля пробила раненному ногу. Тот застонал. Но не прекратил попытки сопротивляться.

Мародер потянулся рукой к пистолету, который был незаметно припрятан в кобуре на голени. Щедрин наступил ему ногой на руку. Бандит взвыл. Ученый, наклонившись, плавным движением руки достал оружие у преступника. Поняв, что противник больше не намерен противится, он мельком прошелся глазами по помещению. Да, конечно чего-чего, а награбленного добра тут было — хоть отбавляй.

«Капитан» проследил за взглядом ученого и выплюнул с ненавистью:

— Ты что, такой охочий до чужого хабара?

В ответ Щедрин навел пистолет на голову разбойника и произнес тоном, от которого у мародера пошли мурашки по коже:

— Нет, это просто дело принципа.

И выстрелил.

Евгений Гущин
СТРЕЛОК

Дождь. Крупные капли оросили грешную землю Зоны. Забарабанили по листьям деревьев, по крышам домов, вспузырилась вода в лужах на асфальте. На ветке сидит, нахохлившись ворона, настороженно оглядывая окрестности.

Всё как обычно.

Но вот вода прорыла себе канал в песке и небольшая лужа хлынула вниз. Прямо в чёрный зев норы. Через минуту послышался шорох, и наружу вылезла промокшая, грязная дворняга со спутавшейся шерстью. Задрала голову, половила носом воздушные потоки, тонущие в дожде. И обвела взглядом пространство впереди. Как будто. Может, просто повела мордой. Ведь видеть псине нечем. Чёрные, вздувшиеся и вспухшие рудименты глаз, не могли видеть. Слепой пёс снова принюхался и жалобно заскулил. Пахло переменами. Зона предчувствовала их.

Сталкер лежал на спине и ловил ртом тугие струи падающей с неба воды. Боли почти не чувствовалось. Ноги больше не горели адским огнём, лихорадка отпустила. Не осталось ни мыслей, ни чувств, ни надежд. Всё съела Зона. Съела в первую же ходку. Боже, как глупо умирать вот так! Как хочется жить!

Молодой сталкер поморщился от неприятного холода. Вода скопилась вокруг и от неловкого движения головы залилась за воротник. Ну да ладно, пусть она остудит жар его тела.

Сталкер продолжил начатое движение и чуть приподнялся на локтях. Глянул на свои ноги. И обессилено рухнул на землю. Лучше бы не смотрел. Они были изогнуты под прямым углом, а штанины пропитаны кровью. Ему точно не выбраться. Он посреди десятков аномалий. В рюкзаке артефакт, который может спасти его, но одна лишь мысли о движении приносит боль. А ведь именно этот артефакт — причина тому, что новичок оказался здесь. Он поднял его, положил в рюкзак и расслабленно ступил назад. В гравиконцентрат. Тот и переломал ему ноги. Странная игра судьбы…

Да, теперь уж точно не выползти. Каждую минуту сталкер чувствовал, как убывают его силы. А когда-то казалось что этих сил так много…

В ладони сталкер сжимал ПМ. Сжимал ребристую рукоять до боли в руке, чтобы отвлечься от боли в ногах. Что ж, он может прекратить все эти мучения. И довольно быстро. Нужно только поднести руку к виску.

Сантиметр за сантиметром рука начала подниматься. Каждый сдвиг отзывался дикой болью в позвоночнике. Сталкер почувствовал, как начинает возвращаться жар. Силы покидают его, и перед глазами встаёт всё то же видение. Ему конец?

Клык возвращался из Зоны. День пасмурный и дождливый, однако повод для радости у Клыка есть — отличный хабар. Такого не бывало со времён последнего большого выброса. А это здорово.

Вот впереди видно небольшое аномальное поле. Его лучше обойти стороной — незачем туда соваться.

Вдруг сквозь дождь донёсся слабый звук выстрела. Затем слабый стон. Клык насторожился. Мало ли в Зоне стреляют, но сейчас звук доносился с аномального поля. Сплюнув, парень снял с пояса бинокль и вперил взгляд в искажённый воздух. Слабые очертания фигуры сталкера. Вроде труп… Да, вот и ноги переломаны в аномалии. Но вдруг шевеление и слабый выстрел в воздух. Тот сталкер был ещё жив!

Клык замер в раздумье. Кажется, надо спасать раненного. Зона не простит крысятничество. Клык обречённо вздохнул, снял с плеч рюкзак и двинулся к аномалиям. Он прошёл уже половину пути, как вдруг услышал позади сдавленный смех. Обернулся — и чуть не заплакал от злобы. Над рюкзаком с ценнейшим хабаром склонился бандит-новичок. Осмотрел, поднял за лямку, посмеялся над Клыком-неудачником и скрылся.

Боль. Клык сейчас смог бы догнать и убить этого ублюдка. Но…

Взгляд на раненого…

Хабар или сталкер? Деньги или человек?

А у сталкера перед глазами стояло одно видение. Он стреляет в мишень, видимую им только в своём воображении. Шепчет губами со спёкшейся коркой крови только одно слово. Вдруг сильным порывом подхватывает пистолет и приставляет к виску. Страшная боль скрутила разум. Сейчас… Сейчас он переждёт… Он должен ещё подумать…

Курок мягко подался под пальцем, как вдруг пистолет кто-то вышиб у него из руки. Сталкер открыл глаза и увидел перед собой красное лицо незнакомого человека. Тот что-то вколол ему и попытался расшевелить.

Новый приступ боли и новое видение. Точнее, видение всё то же.

— Как звать? — грубо спросил Клык.

Раненный витал в мире больных грёз. Его видение.

Солнце. Тепло. Шум и весёлые крики людей. Пахнет

сладостями и недавно прошедшим дождём. Они в парке с отчимом. Гуляют. Маленький сталкер держит в руке шарик. И вот впереди тир.

— Дядя Коля, дай пострелять, — капризно надувает губки будущий сталкер.

— Ты ещё маленький, — мягко ответил отчим.

— Родители мне тоже не разрешали, — сказал ребёнок и тень пробежала по лицу. — Они правда больше никогда не появятся?

— Да, сынок, правда, — вздохнул отчим. — Знаешь, давай-ка постреляем.

И вот отчим держит на руках ребёнка, а тот пневматический пистолет, выписывающий восьмёрки в нетвёрдых детских ручонках. Выстрел… Цель из трёх поставленных друг на друга банок с грохотом падает вниз.

Ребёнок смеётся.

— Ах ты мой маленький стрелок, — удивлённо треплёт его по голове отчим. — Молодчина!

— Стрелок, — шепчет сталкер в ответ. А затем неожиданно громко. — Меня зовут Стрелок.

Дождь прекратился. Солнце зашло. Ушёл ещё один день. Но он не был обычным. Сегодня произошло то, что вскоре изменит Зону навсегда. Сегодня чувство победило деньги. Сегодня Клык спас Стрелка.

Ольга Крамер
ГЛАЗАМИ ЗОНЫ

— Какая же ты тварь, какая же ты сволочь, Зона.

Пусть каждое слово давалось с трудом, каждый вдох я отвоевывал у смерти, но я не переставал это произносить. Перед глазами начинало все плыть, я понимал, что теряю сознание, умираю. В животе отдавало яростной болью, я попытался поудобней сесть, облокотиться к огромному камню за моей спиной, но накрыло очередной волной боли.

Как человек способен такое выдерживать? Какая же ты, Зона, тварь! Ты даже не даешь умереть спокойно, нет чтобы добить сразу — ты дала мне мучаться эти несколько минут или часов. Сейчас время бесконечно. Я провел по земле рукой, еще влажной от дождя, и наткнулся на свою «беретту». Влажная и прохладная рукоятка привычно легла в ладонь, и я приложил всю волю и силы, чтобы снова взять оружие в руки. Последний рывок — и пистолет оказался у виска, нажать на курок, последний раз и все закончится, все мучения…

— Не дождешься, тварь!

Вырывались уже не слова, а невнятный хрип.

— Ты только этого и хочешь, много чести слишком будет…

Я сделал глубокий вдох, и очередной приступ боли, я бессильно заплакал. Еще одна искалеченная судьба, еще одна смерть. А сколько таких, как я? Сотни? Тысячи? И всех ты губишь.

— Как человек способен ошибаться.

Голос прозвучал совсем рядом, но я не смог поднять голову, чтобы увидеть собеседника. Речь была прямая, немного тихая, практически без интонаций. Меня привело в шок оттого, что я так и не смог определить пол этого человека. Что ответить на выдвинутое утверждение, я попросту не знал, да и какая мне, собственно, разница? Спорить о высоком, за пару мгновений до смерти? О помощи я даже и не думал и не надеялся, никто не станет помогать зазря без пяти минут трупу.

Я молчал, а собеседник или собеседница ровным тоном продолжала:

— Не я вас убиваю, вы сами себя калечите. Как я могу сломать твою судьбу? Ты человек, ты сам ее строишь, я ниже этого, это не в моих силах.

— Да кто ты? Что тебе вообще надо, вали отсюда, дай

подохнуть хоть по-человечески!

Я начинал злиться, боль стала сильней, глаза от слез уже ничего не видели. Как я надеялся упасть в эту черную бездну и ничего не видеть и не чувствовать, забыть о всем!

— Я — та, кого ты проклинаешь. Зона.

— Неужели я брежу, и у меня начались галлюцинации? Или я уже в Аду? В Раю бы я тебя точно не встретил. Чего тебе от меня надо? Мало того, что сделала?!

От гнева находились в себе силы говорить, как бы я хотел посмотреть Ей в глаза.

— Я ничего не делала, вы сами себя губите. Подумай, разве пуля это моих рук дело? Разве я прострелила тебя? Да, вы сами себя, люди, губите! Не знаете, чего хотите от жизни. Вы готовы рвать глотку друг другу ради денег, власти и территорий. Подумай, ты ранен от руки собрата, а не от моей.

— А ведь ты могла исправить все, провести меня по другой тропке!

— Я не спасаю от человеческой глупости. Вы от жиру беситесь, не знаете чего хотите. Тут происходит естественный отбор. И отбираю не я, а вы сами, каждый раз выясняете кто тут прав, при помощи оружия.

Я не понимал элементарных вещей, и правда насколько глуп бывает человек.

— Я могу видеть Зону вашими глазами, и поверь, единицы погибают, попав в аномалию или в пасти мутантов. Добрая половина погибает от свинца. Ты понял это, я ведь чувствую, но посмотри на все это не своими глазами, а моими.

Что за чушь, если это галлюцинации, они не могут быть таким реальными и так долго длиться. И тут меня озарила новая вспышка боли, только в этот раз начала раскалываться голова. Мне казалась она сейчас взорвется, просто не выдержит. Шум, крики, выстрелы все чувства все эмоции нахлынули сразу. Это было невозможно терпеть, это сводило с ума. Через мгновение я смог ощутить уже отдельные звуки, я стал отличать выстрелы от шума, боль уже так не сводила с ума. Еще через мгновение я стал все легко отделять. Смерть ощущалась особенно сильно. Самое главное — я смог ощутить, кто и как погибает. Вскрики… на Свалке погибло трое сталкеров в перестрелке. Еще сдавленный вопль. Еще двое сталкеров из «Долга» и «Свободы» погибли, не поделив широкую дорогу. Теперь им нечего делить.

Шум в голове затих, наступила полная тишина, но она казалась объемной, странной.

Я, наконец, смог увидеть силуэт собеседницы. Я был готов увидеть там что угодно. Двухголового мутанта, с длинным

хвостом и рогами. Но это был не человек и даже не мутант. Эта была простая тень, очертания походили на смазанную кляксу.

— Спасибо, — прохрипел я.

И расплылся в улыбке, самой настоящей, искренней. Как это выглядело со стороны, я плакал и искренне улыбался. А улыбался я, потому что понял, насколько человек туп — не глуп, а именно туп, а удалось это понять только в последние минуты.

Я снова посмотрел туда, где находилась тень, но там было пусто.

Потом перевел взгляд к небу, улыбнулся ему, и перед глазами все потемнело. Я сделал вдох… последний в моей жизни, но самый сладкий.

Роман Куликов
ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

— Коля Ворчун… — протянул дознаватель — молодой лейтенант, гладко выбритый, подтянутый, суровый. Он постукивал по столу кончиком карандаша и с легким презрением смотрел на пленного. — За что такое прозвище получил? Наверное, на жизнь любишь жаловаться, как вся ваша сталкерская братия.

Николай исподлобья взглянул на лейтенанта.

— Это не прозвище, — сказал он негромко. — Фамилия у меня такая.

Дознаватель усмехнулся, потом сразу стал серьезным.

— Ну вот что Коля… хм… Ворчун, чтобы не тратить зря время, перейдем к сути нашей беседы. Мне нужно знать, когда и где найти сталкера, который называет себя Смелый. За этим я здесь, и по этой же причине ты находишься в этой комнате.

Лейтенант кивнул кому-то за спиной Ворчуна. Сталкер понял, что сейчас произойдет и инстинктивно сжался, насколько позволили скованные за спиной руки. От сильного удара по затылку на несколько секунд потемнело в глазах.

Коля потряс головой, прогоняя муть, застившую взгляд, потом повернул голову в сторону ударившего его солдата и произнес через плечо:

— Спасибо, братан, уважил.

За ухом у сталкера занемело и вниз по шее начала стекать струйка крови.

— Это, чтобы стало понятно, — снова заговорил дознаватель, — я шутить не собираюсь.

— Да какие уж тут шутки, — Николай посмотрел на него. — Над шутками обычно смеются, а мне что-то не очень сейчас этого хочется.

Лейтенант откинулся на стуле в расслабленной позе, сцепив пальцы.

— Вижу, ты парень сообразительный. Давай сделаем так: я скажу, что известно мне, а потом ты расскажешь то, что хочу узнать я, — он несколько секунд смотрел на Ворчуна, ожидая ответа, и, приняв молчание сталкера за согласие, продолжил: — Итак, мне известно, что ты и Смелый несколько раз вместе ходили в рейды, что само по себе, является интересным фактом, учитывая, что твой дружок закоренелый одиночка, и крайне редко берет себе помощников. В том, что именно ты был у него

помощником, а не наоборот, сомневаться не приходится, иначе сейчас я бы допрашивал его, а не тебя. Также есть информация, что не обошлась без вашего участия и так называемая «война группировок», и что именно вы двое уничтожили банду Сутулого и прибрали к рукам награбленный ими хабар. Но мне нет дела до мародеров и до ваших сталкерских заморочек. И так было вплоть до прошлой недели, пока вы, ублюдки, не совершили нападение на блокпост, перестреляв пятерых молодых ребят…

Лейтенант не смог сдержаться и его лицо исказила гримаса гнева.

Сталкер опустил взгляд и пробурчал:

— Я им автоматы в руки не давал и в Зону не тащил.

— Заткни пасть! — прорычал дознаватель и хлопнул ладонью по столу. — Ты не тащил и я не тащил! Они сами пришли, чтобы оградить остальной мир от всей этой грязи, в которой вы копошитесь, как жуки! Вы стервятники, только и знаете, что убиваете друг друга и карманы набиваете ….

Лейтенант резко замолчал, словно устыдившись, что дал волю эмоциям, быстро взял себя в руки, снова откинулся на стуле и с прежним спокойствием продолжил:

— Теперь твой черед. Ну… я слушаю.

— Слушать ты, конечно, можешь, — грустно усмехнулся Ворчун, — только вот сказать мне нечего. Не знаю я ни хрена.

— Угу, — произнес дознаватель. Помолчал некоторое время, потом кивнул, словно в ответ на какие-то свои мысли, и произнес: — Значит по-плохому. Ну, что же…

Он поднял взгляд на солдата, стоявшего за спиной сталкера, и знаком приказал приступать.

* * *

Странно, но сегодня я не застал Ворчуна на привычном месте. Последние три раза, когда я посещал Зону, мы постоянно встречались с ним, и всегда на этом самом месте. Но сегодня сталкера не было.

На всякий случай я обошел полуразвалившуюся хижину. Мало ли! Может, лежит сейчас его бренное тело за углом, растерзанное слепыми псами или еще какими мутантами. Он мне конечно не друг, но пару ходок вместе сделали, да и на блокпосту он мне неплохо помог в прошлый раз. Торговец, правда, так и не сказал, что за прибор мы тогда у вояк забрали. Молча взял чемодан, отсчитал деньги, вместо «спасибо» велел сваливать и некоторое время у него не показываться.

Но я не в обиде — рейд хороший вышел, я и деньжат срубил, и «калашом» с оптикой разжился. Жалко, что сегодня Ворчуна нет, неплохо он прикрывал….

Ну, да ладно. Не горевать же!

Так, чем сегодня заняться? Помнится Бурый говорил, что у него задание найдется, как раз для меня. Неплохо будет подзаработать, а то приглядел я у Торговца костюмчик один, армированный, с системой рециркуляции воздуха, но цена уж больно кусачая. А Бурый обещал неплохо заплатить….

Перекинув автомат через плечо, я достал бинокль, нащупал в кармане болты, поправил вещмешок и взял направление к логову Бурого.

* * *

Холодная земля студила тело, даже через плотную ткань комбеза. Но лейтенант не обращал на такие мелочи внимания.

«Не соврал Коля Ворчун… идет сволочь, идет…» — распластавшись на вершине холма, военный разглядывал сталкера в мощный бинокль с антибликовым покрытием. — «Ну все, конец, тебе, падла!»

Он повернулся к расположившемуся рядом сержанту.

— Приготовиться! И скажи ребятам, чтобы не геройствовали, давай накроем его, пока за деревья не ушел…

Внезапно со стороны, где шагал Смелый, раздались выстрелы. Лейтенант тут же снова прильнул к биноклю.

— …твою за ногу! — не сдержался он.

Сверху отлично было видно, как на сталкера напала стая диких собак. Двух животных Смелый положил из «Макарова», остальные рассыпались в стороны, скрывшись в высокой траве. Потом собаки развернулись и снова бросились в атаку.

Действия сталкера вызвали у лейтенанта невольное восхищение: четкие скупые движения, меткие выстрелы. Смелый, медленно отступая и стараясь не допустить, чтобы к нему зашли в спину, эффективно разрядил «ПМ» в ближайших хищников, полосонул ножом прыгнувшую на него собаку, тут же вскинул к плечу «Калашников», остановился и короткими очередями свалил еще нескольких животных.

— Красиво работает, — пробормотал сержант, вместе с лейтенантом наблюдавший за происходившим.

— Красиво?! Так же «красиво» он наших ребят убивал! — прорычал офицер. — Начинай операцию!

— Есть, — ответил сержант и медленно спустился вниз, где

его ждал отряд бойцов.

Лейтенант снова посмотрел на сталкера, и опять выругался — Смелый бежал в сторону деревьев, пока отступившая стая не решилась на новую атаку.

* * *

Вот денек начался! На стаю нарвался! Этих тварей, в траве плохо видно, быстро-то и не поймешь сколько собак вокруг тебя скулит и лает. Надо было сразу бежать, а я думал: шлепну парочку для острастки — остальные разбегутся. Ага! Как бы не так! Первых двух пристрелил, так остальные чуть не разорвали. Еле ноги унес!

Адреналин схватки все еще жег вены, но как ни странно, настроение было хорошее… Хотя, почему странно?.. Ведь жив остался — можно сказать вышел победителем из этой драки.

Надо, кстати, оружие перезарядить, а то «ПМ» пустой, и в «калаше» меньше половины магазина, а до Бурого еще топать и топать.

Я прислушался: стая решила не преследовать. Это хорошо!

Сбавив темп, я восстановил дыхание. Обходя деревья и перешагивая через коряги, я не спеша сменил обойму пистолета и привычно добил магазин автомата патронами.

* * *

Преследование затягивалось, и это раздражало лейтенанта. Смелый медленно, но верно уходил от них.

Нет! Нельзя позволить ему скрыться! Иначе придется заново выслеживать и ждать, когда он соизволит в Зоне появиться.

— Быстрее, парни, быстрее! — торопил он своих людей.

Яркая молния прорезала небо. Спустя несколько секунд над головами солдат прокатились гулкие раскаты грома. Тяжелые капли зашлепали по земле, заставили склониться вниз высокую траву, и постепенно разошедшийся дождь создал серую завесу, скрывая сталкера от преследователей.

«Только бы не упустить, только не упустить…» — бормотал про себя лейтенант.

Но удача сопутствовала им: обогнув очередной холм, военные вышли к окраине заброшенной деревеньки. От большинства домов остались лишь гнилые обломки, серо-черными зубцами торчащие посреди поглощающей их

растительности. И только несколько хижин более-менее сохранились. Возле одной из них, идущий впереди лейтенант заметил людей и сразу приказал бойцам затаиться.

Сержант подобрался к нему и прошептал:

— Ну что?

— Восемь человек…

— Ну, а этот… там?

Лейтенант, еще первый раз разглядывая сталкера в бинокль, отметил про себя его непримечательную внешность. Он практически ничем не отличался от других сталкеров — похожие куртка и рюкзак за спиной, накинутый на голову капюшон, стандартная амуниция… но и спутать его ни с кем нельзя — что-то в движениях, повадках, манере держаться, выделяло Смелого среди остальных.

— Там. Третий слева, говорит с высоким.

— Вижу. Берем?

Но лейтенант ответил не сразу, он снова ругался про себя:

«Вот ведь, чтоб тебя! Упустили хороший момент! А теперь этот гад уже не один! Присоединился к какой-то банде. О чем-то договариваются, что-то планируют… Если напролом переть, то и на пулю нарваться можно».

— Сержант, есть у тебя в группе меткий стрелок?

— Найдется.

— Видишь, вон тот дом, где полкрыши обвалилось? Направь его туда.

— Не очень удобная позиция, — оценивающе прикинул сержант. — Деревья помешают. Да и расстояние большое — у нас же не СВД.

— Самое главное — пусть не высовывается. Его цель — Смелый. На остальных внимания не обращать. А мы пока выманим его.

— Понял, — кивнул сержант и отполз назад отдать распоряжения.

Время тянулось, как расплавленная карамель, лейтенанта охватила дрожь нетерпения, но он ждал сигнала от снайпера.

Наконец, из рации прозвучали долгожданные слова: «На позиции».

В бинокль, офицер увидел, как встрепенулся Смелый. Стал оглядываться по сторонам, схватился за автомат, вместе с ним встревожились и другие сталкеры.

«Они слушают нашу волну!» — догадался лейтенант.

— Давай, сержант, начали, начали! — он вскинул автомат и выстрелил по противнику.

* * *

«На позиции».

До меня не сразу дошло, что это выдала моя рация.

Я вопросительно посмотрел на Бурого, тот ответил таким же удивленным взглядом.

— Вояки! — сообразил я, оглядываясь по сторонам.

Ребята тоже начали озираться, и тут из-за домов в конце деревни по нам открыли огонь.

Я бросился в укрытие. Доски забора за моей спиной, разлетелись в щепки. Пригнувшись, я забежал в дом следом за Бурым и притаился у окна. Пули свистели и повизгивали, пробивая доски, разбивая оконные рамы, разваливая остатки мебели….

Приложив автомат к плечу, я начал выискивать цели.

Солдаты атаковали из зарослей запущенной живой изгороди, и определить их местоположение можно было только по вспышкам выстрелов. Я навел прицел чуть в сторону — туда, где предположительно мог находиться один из стрелков, и дал короткую очередь. Потом еще одну.

С того места выстрелов больше не было, зато на окно, служившее мне своеобразной амбразурой, обрушился град пуль. Я, не вставая, перебрался к другому окну и снова приник к прицелу. Нашел очередного стрелка и только собрался нажать на спуск, как чья-то спина закрыла мне линию огня.

Ребята Бурого решили не отсиживаться, а перейти в наступление.

Плохая тактика!

— Куда вы лезете! Вот идиоты! — заорал я.

Бой перешел на ближнюю дистанцию. Сталкерские обрезы громыхали несколько раз, пока не замолчали.

Их перестреляли одного за другим, остался только сам Бурый, которому хватило ума не лезть в пекло. Где он таких придурков нашел?! Молососы, только попавшие в Зону и теперь навсегда в ней оставшиеся!

Я осторожно выглянул.

Солдаты, рассредоточившись и прижимаясь к заборам, продвигались по деревне в нашу сторону.

Я насчитал пятерых во главе с каким-то офицером.

Дождь этот еще некстати! Совсем почти ничего не видно.

Вояки держались правой стороны, где их закрывали деревья. Надо сменить диспозицию. В голове я уже прокручивал план действий: выберусь из дома, спрячусь за забором, завалю парочку, вернусь в дом, выйду с другой стороны, снова найду где укрыться

и аккуратно перестреляю их по одному. Это как игра в догонялки — главное вовремя убежать.

Дальше ждать не имело смысла. Пригнувшись и стараясь не шуметь, я выбрался из дома. В этот момент Бурый сыграл мне на руку. Сталкер спрятался в кустах одичавшей малины и открыл пальбу, отвлекая тем самым на себя внимание. Отлично!

Я выглянул в щель между досками — двое военных оказались открыты. Приложив «Калашников» к плечу, я прицелился в офицера. Сквозь оптику можно было разглядеть звездочки лейтенанта на его погонах. Центр перекрестия оказался точно над его переносицей.

«Сейчас ты, голубчик, словишь у меня „маслину“…»

Вражеская пуля прилетела откуда-то справа. Тупой удар сбил меня в сторону, боли не было, только ощущение попадания.

Палец нажал на курок, но стрелял я уже не по цели, а вверх.

«Вот тварь! С фланга обошел!» — мелькнула мысль. В тот же миг, следом за первой еще две пули нашли меня.

Я растянулся на земле, чувствуя, как быстро уходит жизнь. Перед глазами все поплыло, тени стали глубже, небо окрасилось багровым…

* * *

— Цель уничтожена, — раздался из рации голос снайпера.

— Молодец! — лейтенант искренне восхищался его работой. — Сержант, разберись уже с этим сталкером. Смелого нет, можно не так осторожничать.

— Понял. Сейчас закончим.

Офицер подождал пока стихнет стрельба, и сержант доложит о завершении операции. Потом распрямился и направился туда, где лежал Смелый. Лейтенант не был трусом, но подходил с осторожностью — мало ли, вдруг сталкер только ранен, лишний риск ни к чему.

Но Смелый был мертв. Он лежал на спине, раскинув руки и устремив застывший взгляд в серое небо.

И тут произошло то, от чего у лейтенанта волосы зашевелились на затылке, а в горле застрял истошный крик, в котором смешалось сразу несколько чувств: недоверие и злость, страх и обида.

Тело Смелого прямо на глазах начало исчезать….

* * *

Esc.
«Выход».

Я откинулся на спинку кресла и вздохнул. Да-а-а, сегодня явно не мой день.

Взглянул на часы — ноль-ноль двадцать пять. Вот это да! Как время незаметно пролетело!

Надо, наверное, спать сейчас лечь, а встать пораньше и еще разок попробовать. Благо завтра… точнее уже сегодня, воскресение. Выходной в моем распоряжении, возьмусь за задание со свежими силами. И уж в этот раз не дам обойти себя с фланга, а тому лейтенанту точно не жить! От Димки Смелова еще никто не уходил… Так, все! Спать!

Alt+F4.
«Завершение работы».

Ок.